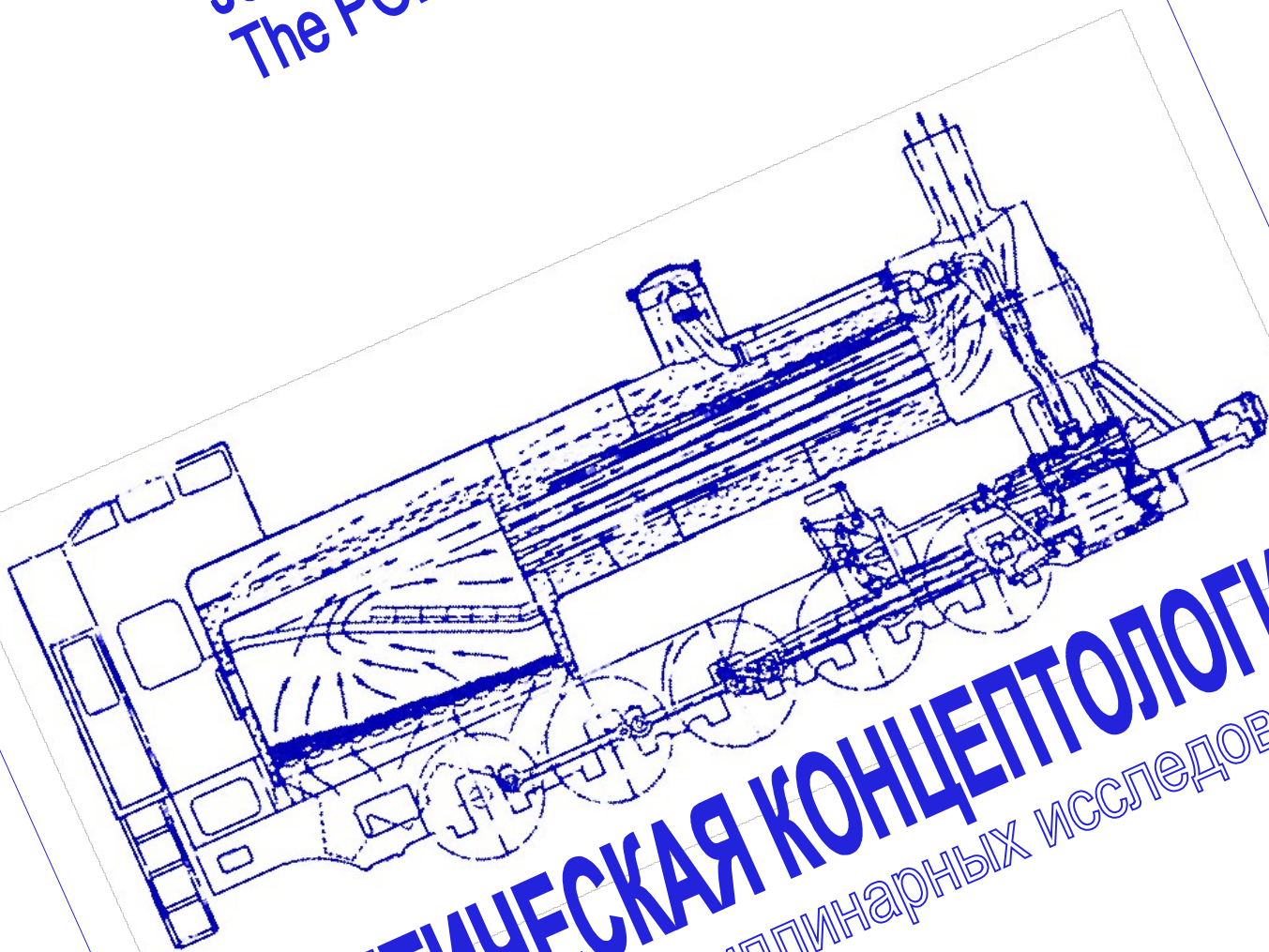

ЮЖНЫЙ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Journal of metadisciplinary research
The POLITICAL CONCEPTOLOGY

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ:
журнал метадисциплинарных исследований

Ростов-на-Дону

2013 г. № 2

ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПТОЛОГИИ
Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем
ФАКУЛЬТЕТ СОЦИОЛОГИИ И ПОЛИТОЛОГИИ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПТОЛОГИЯ:

журнал междисциплинарных исследований

2013. № 2

(апрель-июнь)

Научный журнал
Издается с 2009 года

Политическая концептология:
журнал междисциплинарных исследований

Научно-аналитическое издание

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации средства массовой информации: Эл № ФС77-32422 от 09 июня 2008 г.

ISSN 2218-5518

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»

Редакционная коллегия:

Главный редактор: *В.П. Макаренко*, доктор политических и философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, академик Академии педагогических наук Украины

Заместитель главного редактора: *С.П. Поцелуев*, доктор политических наук, доцент

Ответственный секретарь: *М.С. Константинов*, кандидат политических наук

Редакционный совет:

Председатель – доктор философских наук, кандидат исторических наук, профессор
А.В. Лубский (Ростов-на-Дону)

Доктор политических наук, доцент *А.И. Бардаков* (Волгоград)

Доктор экономических наук, профессор *В.В. Вольчик* (Ростов-на-Дону)

Доктор политических наук, профессор *И.И. Глебова* (Москва)

Профессор ординарный, доктор габилитованы *Анджей Захариаш* (Жешов, Польша)

Доктор политических наук, профессор *В.С. Малахов* (Москва)

Доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
О.Ю. Мамедов (Ростов-на-Дону)

Доктор юридических наук, профессор *А.В. Оболонский* (Москва)

Доктор экономических наук, профессор *А.Н. Олейник* (Москва, Ньюфаундленд, Канада)

Доктор политических наук, профессор, действительный член РАН *Ю.С. Пивоваров* (Москва)

Доктор философских наук, профессор *Н.С. Розов* (Новосибирск)

Доктор философских наук, профессор *В.В. Савчук* (Санкт-Петербург)

Доктор исторических наук, профессор *В.Н. Ткаченко* (Киев, Украина)

Доктор философских наук, профессор *С.Г. Чукин* (Санкт-Петербург)

Доктор философских наук, кандидат психологических наук *В.А. Шкуратов* (Ростов-на-Дону)

Доктор исторических наук, профессор *В.А. Шнирельман* (Москва)

Электронная версия журнала: <http://politconcept.sfedu.ru>

Компьютерная обработка: *И.В. Николаев* (polit.conc@gmail.com) (технический редактор)

Адрес учредителя:

344006, г. Ростов-на-Дону
ул. Б. Садовая, 105
тел.: (863) 263 3158 263 8498
факс: (863) 264 5255
e-mail: rectorat@sfedu.ru

Адрес редакции:

344006, г. Ростов-на-Дону
ул. Пушкинская, 160, к. 112
тел. (863) 264-02-64
факс: (863) 264-52-55
e-mail: politconcept@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА

Макаренко В.П.

Производство свинины и господство над структурами..... 6

Тема номера

ВНУТРЕННЯЯ КОЛОНИЗАЦИЯ РОССИИ:

Вокруг книги «Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей» / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012

От редакции..... 31

Эткинд А.М., Уффельманн Д., Кукулин И.В.

Внутренняя колонизация России: между практикой и воображением..... 31

Уффельманн Д.

Подводные камни внутренней (де)колонизации России..... 57

Ходарковский М.

В чём Россия «опережала» Европу, или Россия как колониальная империя..... 85

Смирнов И.П.

Сталкинг как национальная идентичность..... 92

Платт К.М.Ф.

Оккупация против колонизации: как история постсоветской Латвии помогает провинциализировать Европу..... 100

Артемяева Т.В.

«Особливая часть света»: формирование государственной идентичности России в XVIII веке..... 114

Майофис М.Л.

Ранняя рецепция индоевропейской теории в России..... 132

Кукулин И.В.

«Внутренняя постколонизация»: формирование постколониального сознания в русской литературе 1970-2000 годов..... 149

НАВСТРЕЧУ 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.К. ПЕТРОВА

Макаренко В.П.

Малоизученные аспекты творчества М.К. Петрова: заметки студента и читателя (статья вторая)..... 186

УЛЫБКИ И ГРИМАСЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Денисов С.А.

Служилая интеллигенция в российском административном обществе..... 206

<i>Кузнецов А.М.</i>	
Человек в международных отношениях: дань времени или необходимая трансформация парадигмы?.....	218
<i>Поляков Е.М.</i>	
Насилие и политический терроризм в современном мире.....	230
Наши авторы.....	247
Summaries and keywords.....	248
Contents.....	252
К сведению авторов.....	254

Слово редактора

ПРОИЗВОДСТВО СВИНИНЫ И ГОСПОДСТВО НАД СТРУКТУРАМИ

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: Автор на основе анализа основных элитологических концепций современной России обосновывает необходимость когнитивного сопротивления интеллектуально-политическим модам. Существующим теориям политической элиты России противопоставляется пространственно-магистический подход, позволяющий использовать концепты стаи и животных в анализе проблем элиты.

Ключевые слова: когнитивное сопротивление, интеллектуально-политические моды, элита, клика, пространственно-магистический подход.

Цель статьи — свести воедино несколько направлений моей читательской и исследовательской практики для дальнейшей аргументации концепта когнитивного сопротивления интеллектуально-политическим модам. В предыдущих статьях было показано, что теория модернизации, культурно-цивилизационный подход, историософия и глобалистика являются результатом воздействия на научное сообщество экстранаучных интересов и институтов, для которых истина не является главной ценностью. Теория элит в СССР тоже считалась выдуманной буржуазного обществоведения. В нынешней России распространены два убеждения: элиты в стране есть; члены государственного аппарата относятся к элите. Но с этим согласны не все.

Тройка несогласномыслящих

Д. Эпштейн считает, что нынешних правителей страны можно считать элитой, если методологией решения вопроса взять брошюру «Совхоз „Элита“ — высокорентабельное хозяйство», изданную в 1958 году¹. Вывод Д. Эпштейна таков: отборные свиньи и нынешние рос-

---

¹Этот совхоз снабжал свинойной Омскую область и выставлял экспонаты на ВДНХ: «Кропотливая работа над имиджем элитных экспонатов начиналась задолго до их вывоза в столицу. Особый контингент „Элиты“ уже с раннего детства отделялся от основного свинопоголовья. Воспитанники содержались в особом хлеву улучшенного типа с отдельным выгульным двориком. Богатейшая спецкормокухня готова была круглые сутки удовлетворять непрерывно возрастающие потребности спецконтингента. „Режим неограниченного кормления“ — вот как называлось ноу-хау „Элиты“. А после ударного откорма — долгая счастливая жизнь в монументальном павильоне „Свиноводство“. Его парадный подъезд по обеим сторонам украшен барельефными портретами представителей элиты — дородных, вальяжных, даже величественных. С таким пиететом в советские времена изоб-

сийские элиты — одно и то же.

В исследовании Левада-Центра на основе применения всех социологических методик (включая интервью с представителями власти) доказано: профессиональные элиты в России были всегда, но политических элит не было в СССР и нет в современной России; были и есть квазиэлиты, которые негативно влияют на все сферы социальной, экономической, политической и культурной жизни России [Гудков, Дубин, Левада 2007].

По мнению Ж.Т. Тощенко, квалификация современного руководства России как «элиты» есть очередная мода. Обычно в состав так называемых «российских элит» включают три группы: бывшую партгосноменклатуру; теневиков; искателей богатства и славы. Ни одну из этих групп нельзя назвать элитой. Ж.Т. Тощенко полагает, что элита — это не обладание властью, а служение национальным интересам в международном и внутреннем смысле; патриотизм и гражданственность; высокий интеллектуальный уровень; преемственность. Ни одного из этих качеств у современной власти нет. Отсюда Ж.Т. Тощенко делает вывод: элит в СССР/России не было и нет; страной правят клики [Тощенко 1999: 123-133].

Приятно, что коллеги развивают идеи, которые я сформулировал «на заре» отечественного бума на элитологию. Принадлежность к правительству и аппарату управления не может быть критерием элиты, а влечет за собой персональный (групповой) эквивалент социального паразитизма и политического отчуждения. Для обозначения вершины и остальных уровней властных аппаратов я предлагаю использовать социологический смысл термина *клика* [Макаренко 1992].

Клика — это малая группа в рамках больших социальных групп. Она возникает стихийно, принадлежит к неформальным связям, которые существуют в рамках социальных и институциональных структур. Клики стремятся с помощью явных и скрытых действий так сформировать структуры, чтобы занять в них господствующее положение и получить наибольшую материальную пользу. Цель клики — полное господство над структурой без ее изменения.

Во властно-управленческих аппаратах существуют несколько типов клик:

Симбиотическая клика с вертикальной структурой базируется на принципе равенства услуг. Она организуется лицом, занимающим высшее положение в иерархии. Путем взаимных поддержек и протекций (начальник потакает слабостям отдельных подчиненных, а последние шпионят в его пользу, информируют об опасностях, организуют систему интриг вместо общественного мнения, поддерживают при выборах на руководящий пост и т. п.) он привязывает к себе лиц, занимающих средние и низшие посты в аппарате.

Паразитическая клика с вертикальной структурой аналогична предшествующей, но отличается от нее неравенством услуг. В ней только некоторые подчиненные становятся «фаворитами» начальства. Оно покупает их преданность и с их помощью подчиняет остальных. Вокруг привилегированных холуев создается ореол особых возможностей и влияния. Такая клика действует по древнему принципу «Разделяй и властвуй».

Защитная клика с горизонтальной структурой возникает в периоды смены политического курса и социальных и политических реформ. В этом случае члены аппарата объединяют свои силы для солидарного противостояния изменениям при помощи саботажа, кадровых перемещений, формальной и символической деятельности и пр.

Агрессивная клика с горизонтальной структурой возникает в результате перекрещивания разных интересов. Она нацелена на изменение существующего уклада социальных и политических сил, а не на сохранение статус-кво. Ее члены занимают равное положение в со-

циальной и организационной структуре и имеют общие интересы. Для их достижения они поддерживают друг друга в борьбе за власть, материальные и прочие ценности.

Случайная клика возникает на основе знакомств и вытекающих отсюда обоюдных услуг, связанных с удовлетворением желаний, вкусов и потребностей.

Вместо разговоров о политических элитах СССР/России я предлагал изучать симбиотические, паразитические, защитные, агрессивные и случайные типы клик в государственном аппарате СССР/России, на вершине иерархии и на местах, в главных и второстепенных государственных ведомствах. Эта работа уже проделана. С.В. Патрушев определяет российский социум как кликократию [Патрушев 2011]. Я думаю, под таким углом зрения можно написать историю Российской империи/СССР/Российской Федерации как историю своего хутора. Хутора потому, что мне неизвестны работы, в которых бы доказывалось: политическая история СССР/России свободна от всех перечисленных типов клик и связанных с ними отношений.

Для аналитических целей я предлагал разделить коллектив и клику по следующим критериям: коллектив реализует цели на основе норм морали и права; клика движима своекорыстием и властолюбием, но избегает явных нарушений уголовного кодекса; клика объединена на основе господства-подчинения как мнимо-объективной связи, которая на самом деле направлена на достижение целей клики; члены коллектива связаны социальной, моральной, политической или идейной солидарностью; клика имеет иерархическую структуру, хотя она не всегда заметна и обычно переплетена со способом возникновения и принципами данной организации; коллективы обладают публичной структурой, которая вытекает из организационных схем.

В другой работе я уже обращал внимание на то, что не только аппарат КПСС (как считалось во время перестройки), но и главные государственные ведомства (обороны, МВД-КГБ, иностранных дел), а также их возрастные когорты (так называемые «ветераны» — т. е. пенсионеры всех перечисленных ведомств) являются предпосылкой авторитарно-бюрократических тенденций революций и реформ [Макаренко 1990]. Это предвидение целиком подтвердилось: современный режим в России является авторитарно-бюрократическим, в котором силовые структуры играют первую скрипку [Гудков 2009].

Итак, у читателя возник выбор: примкнуть к большинству и полагать, что политические элиты в России есть; или считать их свиньями, квазиэлитами, кликами. Если читатель реализует первый вариант, ему придется промусолить 2310000 сайтов, которые висят в данный момент в Рунете на тему политических элит России. На худой конец прочесть книгу одного из членов советской элиты, которого кремлевские жители назвали «примкнувшим», а он сам себя определил наоборот [Шепилов 2001]. Если же читатель заинтересуется мнением несогласномыслящих, я приглашаю его вместе со мной прочесть пару-тройку книг, чтобы вникнуть в проблему.

Важность проблемы уже осознана. Бывший выпускник Ростовского университета, спичрайтер Л.И. Брежнева и сотрудник ЦК КПСС А. Бовин пишет: «Я не был палачом и не был жертвой. Но я был неотъемлемой частью того большинства, молчание которого сделало возможным появление палачей и жертв... Как ни ужасна правда, которая открыта нам, правда, которая еще не открыта, вернее, открыта не полностью, наверное, во сто крат ужаснее» [Бовин 2003: 118]. Что же это за скрытая ужасная правда? Этот вопрос не в моей компетенции. Я руководствуюсь парафразой, извлеченной из книги И.С. Кона: как научиться работать над темами, которые не могут быть использованы государственным аппаратом для укрепления своей власти [Кон 2008: 136]?

Проблематизация

Оттолкнусь от статьи Б.Г. Юдина. Он отмечает, что сегодня под влиянием успехов биологии в массовом сознании преобладает взгляд: генетические, а не социальные детерминанты играют ключевую роль при объяснении природы и поведения человека. Происходит массовое «обращение в генетическую веру». На этой почве место социальных утопий заняли утопии индивидуальные. Объектом индивидуальных утопий является будущее самого утопающего, его детей и близких: «Вожделения направляются на такие объекты, как крепкое здоровье, способность добиваться высших достижений в тех или иных областях деятельности, комфортная, счастливая, активная (в пределе — бесконечная) жизнь... Неисчерпаемым источником, питающим утопическое мышление наших дней, являются биологические науки, и прежде всего — генетика» [Юдин 2004: 263-264].

В этом контексте Б.Г. Юдин обсуждает идеи книги Ф. Фукуяма «Наше постгуманистическое будущее: последствия биотехнологической революции»². Одним из вариантов этой революции становится конструирование человека³. Общественное мнение некритически воспринимает обещания пропагандистов генно-инженерных технологий. Этот факт является результатом социально-психологической обработки. В публичном восприятии генетики снова распространяется механистический подход. СМИ почти каждую неделю сообщают об открытии нового гена, «ответственного» за ту или иную болезнь, привычку или черту поведения.

Б.Г. Юдин констатирует: существуют принципиальные различия между прежними и нынешними проектами конструирования человека: прежние основывались на концепциях, описывающих реальность в терминах детерминации (генетическая конституция или законы истории), современные — на конструировании и ре-конструировании человеческого существования; прежние акцентировали внимание на сущность индивида, современные обращают внимание на детали и технологию, оставляя в стороне или игнорируя более глубокие уровни человеческой жизни и существования [Юдин 2004: 276-280].

Возникает вопрос: существует ли связь между верой большинства в существование элит и массовым обращением в генетическую веру?

---

² Ф. Фукуяма описал четыре биотехнологических пути к постчеловеческому будущему: расширение знаний о мозге и биологических основах человеческого поведения; нейрофармакология и манипулирование эмоциями и поведением; продление жизни; генетическая инженерия. Все эти пути ведут к возрождению евгеники на индивидуальном уровне. Распространение психотропных препаратов в США демонстрирует три мощных тенденции: желание людей как можно больше медикализировать свое поведение с тем, чтобы снизить ответственность за свои действия; давление экономических интересов; расширение сферы терапевтических воздействий: «Никто, никакая тоталитарная власть, не загоняет людей в этот новый мир. Он будет (если будет) построен путем свободных решений, множества актов свободного и добровольного выбора, осуществляемых самими людьми» [Юдин 2004: 272].

³ «Некоторое время назад, — пишет Б.Г. Юдин, — мне стало известно о таком факте, имевшем место в Москве. Группа достаточно состоятельных родителей обратилась к психологам с предложением подготовить специальную образовательную программу для школьников. Родители обеспокоены тем, что существующая в России система образования воспроизводит детей с определенным набором личностных черт, таких как сильная зависимость собственных взглядов и установок от ближайшего окружения, стремление не выделяться на фоне других, способность легко подчиняться тем, кто наделен властью, отсутствие склонности и навыков лидерства. По мнению этих родителей, дети с такими чертами личности будут недостаточно приспособленными и успешными в будущей самостоятельной жизни, где необходимо проявлять противоположные свойства... Таким образом, и здесь мы сталкиваемся с проектом создания молодых людей с заранее заданными личностными свойствами. Только в этом случае речь идет не о биологическом или генетическом, а о психологическом и социально-психологическом конструировании» [Юдин 2004: 275-276].

**Культурный коктейль
или проблема классификации стайных животных**

Ответить на этот вопрос помогают свежие книги. В.Ю. Михайлин разработал пространственно-магистический подход для анализа детерминированности культурных практик территорией, на которой находится индивид или группа. При этом термин «территория» (или «зона») понимается в культурно-антропологическом, а не пространственном смысле⁴. В.Ю. Михайлин считает, что внутри современного городского человека плещется «культурный коктейль», в котором соединяется архаика и современность [Михайлин 2005: 11-14].

Для доказательства этого ключевого концепта В.Михайлин анализирует русский мат как общепринятый советский код. Ключевая формула русского мата известна «от Москвы до самых до окраин». Ее магический смысл означает; мать оппонента была осквернена псом; не существует разницы между воином и собакой. Оппонент становится нечистым, проклятым и фактически мертвым сразу по трем позициям: 1. Его отец не является человеком, а сын хтонического существа сам есть существо хтоническое. 2. Мать оппонента актом коитуса с собакой теряет право называться женщиной и становится сукой. Оппонент приобретает имя сукин сын. 3. Пространство, на котором состоялся такой коитус, не может быть «нормальным» для зачатия человеческого ребенка. Оно является Диким полем — маргинальным, хтоническим пространством, противоположным «правильному» домашнему прокреативному пространству.

На этой основе в разных культурах сформировался корпус эпических песен. Они были «стайным» делом, исполнялись носителем коллективного знания. Эти песни адресовались мужскому собранию в походе или на празднике.

По мере перехода от военной власти к жреческой власти военный вождь терял власть над центром. Его харизма становилась маргинальной. Овладение колесом и техникой верховой езды лишила волчью зону естественных внешних границ. Весь мир становился Диким полем, за исключением центральной культурной части. Рост мобильности волчьих стай вел к практике набегов на соседние области с целью добычи (вначале стад и отар). Пребывание в маргинальном статусе становилось нормой существования, поскольку давало возможность быстрого достижения высокого социального и экономического статуса. Набеги за добычей превращались в территориальные захваты. Хозяевами на новых территориях становились лидеры стай. Новая жизнь организовалась по законам Дикого поля, в котором война есть основное занятие, а агрессивность поведения — культурная норма.

«Стая» и милитаризованные общества изначально расположены к единобожию и монотеизму. Начиная с древнего Рима армия была основным рассадником монотеизма, поскольку монотеизм — потенциальный союзник вожаков стай. Отсюда вытекает понятие воинствующей церкви (от газавата в исламе до крестовых походов в христианстве). Духовные воинские ордена — частный случай альянса между военной аристократией и церковной иерархией

На этой основе возникает тенденция неизбежного скатывания революций к империи. Эта тенденция означает восстановление большинства структур старого режима (полицейско-карательных учреждений, тайного сыска, бюрократического аппарата, подчиненной власти

⁴ В.Ю. Михайлин опирается на теорию Оуэна Лавджоя, который описал факторы, породившие человека как биологический вид. Определяющим в этом процессе было изобретение «детского сада», в котором несколько женщин присматривают за всеми детьми племени. Тогда у большинства племени развязываются руки для иных способов «потребления территории» и снятия «ограничителя рождаемости». Возникают три зоны: центральная соответствует территории проживания всей группы; срединная соответствует женской пищевой территории; окраинная пищевая территория принадлежит самцам. Каждая культурно маркированная территория автоматически включает адекватные ей формы поведения и исключает все остальные. Магистика — это власть кода над человеком.

церковной иерархии), которые на первом этапе революции пытаются разрушить. Маргинальные волчьи клики постепенно вырастают в специфическую государственность. Она сочетает в себе признаки Дикого поля с гипертрофированной тягой к сакрализации центра и вождя и выстраиванию жестких центростремительных структур. Волчья стайность входит в сочетание с высокой моралью и нравственностью, которые поддерживаются всеми доступными средствами.

В. Михайлин считает, что все перечисленные явления и тенденции образуют основание советского героического дискурса [Михайлин 2001: 278-320]. Каждая культура создает своего героя и героическую эпоху. Линейная организация времени предполагает исходную точку, от которой ведет историю любое человеческое сообщество. В мифомагистическом мышлении идеи центра и периферии переплетены с понятиями сакрального и профанного. Любое нециклическое движение центростремительно или центробежно. Обычно героическая эпоха помещается в начало времен, соединяется с космо- и теогонией или в эпоху освоения новой территории. Основанием для героизации событий является их расположение на временной прямой между героической эпохой и современностью.

Основным содержанием эпического текста (преданий и песен) является героическая смерть. Герой изначально мыслится как магический мертвец. В этом качестве он совершает подвиги и принимает смерть. Любой человек, вышедший за пределы окраинной хозяйственной зоны, обретает звериный, волчий статус и является магически мертвым: «Его возвращение равносильно воскрешению из мертвых» [Михайлин 2001: 281]. Боевое бешенство — главная характеристика провидческих способностей героя, атрибутивными животными которого являются волк и ворон. Умиравший или мертвый воин ближе всего к героическому воплощению. Одержимость, боевое бешенство — инвариант смерти. Интимные отношения со смертью играют могучую психотерапевтическую роль на социальном и индивидуальном уровне. Основные мифические сюжеты связаны с сезонными изменениями воинских ролей волка и собаки. Эти роли представляют две ипостаси единого образа. Во всех регионах воинские мужские союзы демонстрируют зависимость своего поведения от этого образа. Одновременно есть различие между псом и волком: связанность/несвязанность (наличие у пса ошейника и цепи); ориентированность агрессии в пространстве (у пса изнутри вовне, у волка извне вовнутрь).

Изначально мужские воинские союзы соответствовали волчьей сезонности — с мая по ноябрь они проводили в поле, а зиму в культурной человеческой зоне, оставляя Дикое поле настоящим волкам. С этим связана привычка собирать волосы так, чтобы образовать волчий хвост для обретения грозного вида и вселения страха во врагов. Рабы не имели права на такую прическу.

Магическая речевая дуэль перед боем — это аналог собачьего лая, задача которого — повысить свой и понизить воинский статус оппонента. Понижение восходит к общему источнику с ключевой формулой русского мата. Смысл инвектив таков: волки обвиняют псов за рабство, привязанность к домашнему хозяйству, бабью природу, постоянную связь с женщинами, когда настоящие воины воюют; но при встрече с волками псы подвергаются насилию и сами становятся бабами; псы обвиняют волков в дикости (пожирании падали, братоубийстве), неспособности к продолжению рода.

Деление членов воинского мужского союза на волков и псов связано с дихотомиями: привязанность/непривязанность к «центру» (земле, семье, собственности, дому, храму, государству); способность/неспособность к продолжению рода. При этом женщина выполняла две роли: показателя одомашненности волка/пса, символа его собачьей ипостаси; провокатора, валькирии, воспитателя и символа воинской удачи бойца, его боевой подруги. Во второй роли главными являются следующие свойства женщины: а) девственность как соци-

ально-магический статус, связанный с недоделенностью/невозможностью брака и правильного рождения детей; б) агонистический характер — активность и агрессивность, провоцирующий героя на сюжет.

Жрец в мифе выполняет опосредующую функцию между волком и собакой. Он воплощается в образе свиньи (вепря) и существует в двух ипостасях: домашней (пса) и дикой (волка). Будучи травоядным, может выступать и хищником, опасным для человека. Желуди и буковые орехи в древнегерманской культуре употреблялись в пищу людьми и свиньями, домашними и дикими. Все священные рощи были дубовыми или буковыми.

В эпоху ранних варварских королевств (V-VI вв.) произошла трансформация волчьего-собачьего комплекса. Римские провинции были пищевыми территориями, на которых уничтожались все очаги вооруженного сопротивления и которые старательно оберегались от постороннего «харчевания». Отношения варягов и славян были аналогичны.

Профессионализация армии ведет к окончательной утрате ее связи с почвой, со столицей как сакральным центром. Чем дальше от него отстоит армия, тем меньше она отличается от варварских дружин разбойников, и постепенно ими заменяется (казачество). Облик полководца, императора, цезаря начинает сливаться с обликом предводителя стаи. Он использует любую территорию (как варварскую, так и свою) для снабжения пищей; с точки зрения местного населения не существует никакого различия между профессиональной армией и стаями разбойников; с этими стаями связаны национально-освободительные движения; профессиональная армия подрывает у населения навык самообороны.

Вождь имеет право распоряжаться территорией по своему произволу, при условии соблюдения пищевых интересов стаи. С этим связана быстрая институционализация завоеванных земель, одержимость законодательным творчеством. Наведение порядка и законодательная база есть институционализация структуры пользования пищевой территорией. Раньше в Диком поле сезонные волчьи стаи бегали за добычей. В государстве территория становится добычей (может раздариваться и пр.) и местом постоянного проживания одновременно.

Государство держится на волчьего-собачьем принципе «все в дом», хотя волчий центробежный принцип (потребление на месте) постепенно взял свое. В результате волки превращаются в псов за одно-два поколения. Так появляется право наследования и издание громадного числа законов, которые регулируют нормы потребления территории. Цвет европейского рыцарства рекрутируется по стайному принципу близости и сопричастности к вожаку. Критерии свободы относятся к воину-дружиннику, а не к вольному землепашцу. Связь с почвой — т. е. собачья привязанность к земле — сакрализуется и становится неразрывной.

Сакрализация центральной власти опирается на принятие христианства исключительно сверху. При этом суть христианской доктрины никогда не интересовала вожаков стай, зато они были всегда готовы нести ее в свой народ любыми средствами, вплоть до огня и меча (это типично для всех религий). Основным рассадником монотеизма всегда была армия — вне зависимости от содержания доктрины. Любая жесткая структурированная вера была потенциальным союзником власти.

«Крестовые походы получают высшую санкцию «священной войны», джихада-газавата против язычников и неверных. Статус «государева пса» или «пса господня» становится одной из наиболее привлекательных ролей. Происходит также взаимопроникновение героического и агиографического жанров — собака и жрец идут рука об руку и объединяются в одном сюжете и лице» [Михайлин 2001: 309].

Все сформулированные констатации В. Михайлин применяет для описания антропологической истории СССР. Установление советской власти началось с Дикого поля Российской империи — огромного по пространству и населению. Оно соответствовало территории,

подконтрольной Западной Римской империи. Отсюда вытекает базовое сходство механизмов формирования и функционирования европейского и советского героического дискурса, поскольку там и здесь на любом уровне присутствует насилие⁵.

Приставка «квази...»

Теперь детальнее рассмотрим положение о том, что профессиональные элиты в России есть, а политических нет или они являются квази-элитами. Военные традиционно считают себя профессионалами, а после проигранного сражения или войны обычно обвиняют политиков. С. Минаков проанализировал военную элиту СССР 1920-30-х гг. на материале впервые вводимых в оборот архивных источников. Отмечу важные моменты его исследования.

М. Тухачевский был убежден в существовании связки «еврей-христианство-социализм». Считал ее сущностью западной цивилизации. По его мнению, эта связь разрушала «коренные» ценности России, концентрировавшиеся в самодержавии. Тухачевский разделял славянофильское убеждение в том, что западная цивилизация базируется на деньгах и капитале. Суть противоречий между Россией и Западом — различие фундаментальных цивилизационно-культурных основ. Такой основой для России является дух, язычески воплощавшийся миллионами религиозно заряженных волей в харизматической личности — «земном Боге», «человеко-боге», «Сверхчеловеке» (по Ницше), «Антихристе» (по христианскому канону). Основа западной цивилизации — материальные ценности, капитал, и носители этой идеи — евреи, западные христиане и социалисты. Большевиком М. Тухачевский социалистами не считал [Минаков 2004: 142].

Он полагал, что России нужна новая религия: «Под знаменем марксизма мы скорее, чем с нашим крестом, войдем в Византию и вновь освятим Святую Софию... Революционная Россия, проповедница борьбы классов, распространяет свои границы далеко за пределы, очерченные договорами» [Минаков 2004: 144]. Его отношение к марксизму как религии было двойственным: он считал марксизм ценным как религию «нового язычества»; но иронично относился к фанатикам марксизма. Мироощущение Тухачевского определялось Апокалипсисом «мирового пожара» и «священной войны»: «Мы встряхнем Россию, как грязный ковер, а затем мы встряхнем весь мир... Мы войдем в хаос и выйдем из него, только полностью разрушим цивилизацию» [Минаков 2004: 145].

⁵ В. Михайлин описывает следующие процессы указанного сходства. Скорость институционализации подконтрольного новой власти пространства и сакрализация новых институтов. Суть большевистской партии — стайный принцип. Но статус стаи изменился, поскольку она сумела захватить огромную населенную территорию. Возникла задача осмысления новой роли и новой системы потребления территории. Вначале кормление власти происходило по нормальным волчьим законам (продразверстка, экспроприации, реквизиции). Затем произошла маргинализация большей части неподконтрольного власти вооруженного населения, которое успело распробовать вкус «крови и свободы». Эта часть не признавала права власти на землепользование. Как только истинная природа новой власти была осознана населением, оно начало борьбу с нею ее же методами — гражданской войны. Реформирование волчьей стаи в собачью произошло за два-три года (лихорадка декретов, административное строительство, сакрализация режима с помощью новой религии). Возникла задача выживания новой власти любыми средствами, а затем ее приращение по мере сил соседних территорий. Сформировалась мифологизированная нормативная эпоха. Основой официальной стайной риторики стало противопоставление «красных героев» и «гидры контрреволюции». Обмундирование с варяжскими шлемами снабдило «красных героев» былинными конотациями. Лишь после компрометации этой формы (в период поражений первых лет войны) следует структурно равнозначный имиджмейкерский ход — в армии вводятся ненавистные погоны. Красные песни связаны с героикой блатного романа. Лозунги свободы, равенства и братства обладают волчьими корнями. Образы женщин эпохи гражданской войны (в творчестве Фадеева, Фурманова, Островского) обладают всеми признаками публичной женщины. Любовь подается как искушение, через которое герою надо пройти на пути становления. У Фурманова «собака» (комиссар) одерживает победу над «волком» (Чапаевым), который умирает героической смертью. Создается агиография — от Чапаева до Штирлица

Л. Троцкий считал военную элиту профессионалами (ремесленниками) на службе политиков. М. Тухачевский полагал, что военная элита в революционной войне обязательно связана с политикой: быть стратегом и не быть политиком невозможно: «Концепция Тухачевского создавала предпосылки для широко распространенного мнения, что командир вообще и выдающийся военачальник в частности, это не хороший ремесленник, а одаренный природой „герой“, „военный вождь“, „демон войны“» [Минаков 2004: 162-163]. На этой почве формировалась идея о харизматических свойствах вождей Красной Армии (Л. Троцкий, М. Тухачевский, С. Буденный, В. Примаков, Г. Гай, Г. Котовский и др.). Но фактически 77,8% красных генералов попали в элиту благодаря связям с ведущими политическими деятелями [Минаков 2004: 172].

Показательна общая характеристика военной элиты Западного фронта в 1922-24 гг. Ее национально-этнический состав был следующим: 56% — великорусы, 23% — польско-литовско-белорусского происхождения, 9% — латыши, 8% — украинцы и кубанцы. Отсюда вытекали свойства военной элиты: большинство бывших «золотопогонников» (командиры корпусов, дивизий, полков, батальонов) были носителями социокультурной атмосферы Российской империи; они хотели выслужиться в новых условиях; отличались крестьянской ненавистью к богачам и интеллигенции; в этой группе была притуплена острота красно-белого противостояния; культивировалось полное политическое равнодушие; возрождались дореволюционные военно-бытовые привычки и традиции (дуэли); были распространены антисемитизм, пьянство, амурные подвиги (независимо от классовой принадлежности объекта уходаживания)⁶, взяточничество, воровство казенного имущества.

Структура белой и красной военных элит воспроизводила дружинный принцип формирования. Успех на полях сражений был результатом способностей, умения и боевого счастья героев-командиров. Авторитет командира дивизии определялся его связью с комсоставом и держался до тех пор, пока его признавали своим вождем снизу. Репутация вождя была обусловлена числом его командиров-выдвиженцев. Они несли в военную массу стихийную легенду вождя и способствовали преобразованию ее в официальную. Личная преданность командиру и бонапартистское подсознание были нормой. После ликвидации Врангеля главной опасностью для советской власти стала Красная армия (особенно армия Буденного, Червонное казачество, Богунская, Тарашанская бригады). Задача власти состояла в том, чтобы оторвать популярных командиров от войск, раскассировать спаянные общей боевой судьбой и пролитой кровью части. На этой основе самостийный принцип формирования военной элиты заменялся номенклатурным.

Уже в июле 1919 г. ВЧК обнаружила заговор в Полевом штабе Реввоенсовета Республики. То был самый ранний случай политической нелояльности и антиправительственной конспиративной деятельности военных. Заговорщики хотели подчинить властные политические структуры Генштабу, определяя оборону и армию как приоритетные направления государственного строительства. Затем они начали группироваться вокруг Тухачевского, настроения которого опирались на национализм и антисемитизм. В 1923 г. ОГПУ ликвидировало «Орден русских фашистов» среди командиров Западного фронта. Однако ОГПУ прикрывало аресты военнослужащих по причине политической нелояльности обвинением их в «шпионаже» и «утечке секретной информации». Впервые после революции возник конфликт

---

⁶Здесь они следовали за М. Тухачевским. Вот характерная реакция полковой парторганизации: «В 1924 г. ячейка одного кавполка вынесла следующее постановление: «Заслушав доклад о коммунистической этике и классовой морали, постановили считать необходимым для каждого коммуниста жениться исключительно на коммунистке, все остальные связи признать неэтичными... Воздержаться всем членам ячейки от половых сношений в течение двух лет для того, чтобы показать пример не на словах, а на деле беспартийным массам» [Минаков 2004: 198].

между военными и чекистами. Но власть держалась не на институтах власти, а на личностях лидеров. Поэтому в обстановке «политической прострации» страны удельный вес советской военной элиты повышался.

Отсюда вытекает главное свойство военной элиты — политическая неблагонадежность армии в стране с преобладающим крестьянским населением. Она была расколота на множество группировок вокруг конкретных лиц (троцкисты, тухачевцы, фрунзенцы и пр.). «Буденовцы» в 1930-е гг. отличались тщеславием, позой, стремлением быть на виду, завистью к молодежи.

Становление советской военной элиты было переплетено с дискуссией между геостратегическими концепциями, которая шла в 1924-28 гг. В рядах Рабоче-Крестьянского Красного Флота остались представители русского морского Генштаба (М. Петров, Б. Жерве, Н. Игнатъев, Н. Власьев, А. Тошаков). Они разработали концепцию «владения морем». В этой концепции предполагалось, что СССР есть морская держава, а ее главным противником выступает Англия. В отличие от моряков пехотинец М. Тухачевский поддерживал «континентальную» концепцию, согласно которой судьба СССР будет решена на суше, а главные противники — «лимитрофы» (Польша, Румыния, страны Балтии, Финляндия), затем более серьезные противники, обеспечивающие поддержку «лимитрофам» (Великобритания и Франция). Потенциальными друзьями он считал Германию, Италию, Венгрию.

А. Свечин и другие русские предтечи современной геополитики считали: Версальская система нестабильна и создана в интересах Франции, всегда стремившейся к созданию неустойчивых образований на своих границах и в целом в Европе. Тухачевский выдвинул идею «революции извне». Поддержка китайской гоминьдановской революции военными советниками во главе с В. Блюхером была реализацией этой идеи.

Для розыгрыша «национально-патриотической карты» Тухачевский в декабре 1927 г. встречался с А. Кутеповым. Встреча была подготовлена ОГПУ. Именно тогда появилась формула А. Деникина о двойной задаче Красной армии: она сначала разгромит внешнего врага, затем свергнет Советскую власть и установит «национальную» военную диктатуру. На деле советские организаторы встречи достигли тройной цели: внесли раскол в руководство РОВС и нейтрализовали боевую решимость белого военного зарубежья; создали почву для оперативной игры ОГПУ с легендой о заговоре Тухачевского; создали условия для отставки Тухачевского и радикальной чистки советской военной элиты.

«Германская модель» И. Уборевича была совершенствованием внутри старой системы, основанной на опыте Первой мировой войны, и представляла консервативную модель модернизации Красной Армии. Она предполагала тесные отношения с Рейхсвером. Но Рейхсвер первым выступил против контактов — германские военные предприятия в СССР пожирали много денег [Минаков 2004: 372-378]. Программа Тухачевского была иной. В русле концепции «революции извне» он постулировал, что «грандиозные войны, пока большая часть света не станет социалистической, являются неизбежными», и поэтому считал, что «задачей компартии является настойчивая, повседневная пропаганда борьбы против пацифизма»... В этом контексте прежняя стратегия сокрушения и революция извне соединялась с технической модернизацией Вооруженных Сил... После того, как нацисты в 1932 г. стали первой по величине парламентской фракцией, «следовало нейтрализовать их антисоветизм информацией о наличии в СССР родственной им по политическим и идеологическим настроениям тайной силы, которая вот-вот захватит власть». В феврале 1936 г. Тухачевский тайно встретился с представителями РОВС, «рассчитывая использовать их связи для установления контактов с германским политическим и военным руководством» [Минаков 2004: 378-380, 387, 426].

Все перечисленные факторы становления связи между военными и политиками в СССР приобретают особый смысл с учетом следующего факта: лидер Союза младороссов А. Ка-

зем-Бек уже в октябре 1933 г. усматривал на советских верхах две тенденции и две партии: полицейско-интернационалистическую и военно-националистическую. Первая была выражена в старой гвардии коммунизма, партаппарате, инородческих и семитских элементах, которые группировались вокруг ГПУ — полиции режима. Военно-националистическая (патриотическая) тенденция представлена в первую очередь армией. По его мнению, в борьбе военной и полицейской партии решится судьба Русской революции [Минаков 2004: 442-443].

Альтернатива «омоложение или смерть»

Прежде чем обсуждать судьбу русской революции, учтем не менее важный сюжет. Как показал М.К. Петров, в XX веке государство стало носителем научно-технической контрреволюции, в которой главную роль играли закордонные и советские «техно-якобинцы» (представители научно-технической интеллигенции), а также гуманитарии и командиры науки и техники [Макаренко 2011]. В современной России теория элит пропагандируется очередными акынами государства⁷. Этот факт можно считать частным случаем российской модели взаимосвязи науки и власти. Данная модель определяется свойствами российского научного сообщества: наука есть государева служба, т.е. знание под руководством и охраной власти; ученые обслуживают процессы усиления и централизации государства; должны постоянно доказывать отсутствие связи между развитием науки и смутами. На основе указанных свойств в России возник и существует до сих пор разрыв гражданского и профессионального статуса ученых — признание науки источником экономического и военного могущества одновременно усиливало подозрение к ней. Поэтому российская профессура еще до 1917 года вышла на передний край политической борьбы с самодержавием, но одновременно состояла в высших слоях бюрократии [Колчинский 2003: 335-344]. В СССР вторая тенденция многократно усилилась, поскольку власть физически уничтожила и морально развратила большинство ученых. Проблема сводится к дистанцированию от указанной тенденции.

Эту попутную проблему позволяет осознать книга О. Шишкина. После смерти Ленина в Кремле возникла паника. Но вожди большевиков были к ней уже готовы. Они решили: ключи бессмертия могут дать врачи и ученые. Для этого власть поставила перед ними несколько задач: добиться омоложения, вечной молодости, обосновать интеллектуальную исключительность правящих. Весь этот «джентльменский набор» был вынут из средневекового сундука. Но он стал списком научных интересов власти, которая «...решила, что в среде ученых всегда найдутся те, кто с радостью пойдет ей навстречу. И действительно, такие люди вскоре нашлись и предложили свои услуги» [Шишкин 2003: 33]. После смерти Ленина возникло состояние мистики, стихийной массовой истерии, коллективного мифа, в которое впало большинство отечественных и зарубежных политиков и интеллектуалов⁸. При вскры-

⁷Особенно примечательна здесь позиция Г.К. Ашина, который в советское время отвергал буржуазную теорию элит, а потом пропагандировал ее на всех углах. Ему вторит Р.А. Медведев, написавший кучу книг о советских вождях и их сообщниках, а также о нынешних российских «замечательных людях».

⁸Материалист Бухарин отмечал у Ленина экстраординарные качества: «По случайному разговору с деревенской старухой он угадывал биение пульса в крестьянке»... Бухарин указал на наличие у вождя не головы, а «мощного головного аппарата»... Отсюда возникала уже и рабочая гипотеза для научного поиска: возможно, бесконтрольный рост этой головы в последние годы и стал причиной трагического финала? А может быть, перед нами еще неизвестный науке антропологический тип человека? Вопросов было много, и все их следовало адресовать компетентным ученым». [Шишкин 2003: 37]. Авторы траурных статей заявляли: Ленин — совершенное существо с необычными качествами (не характерными для Homo sapiens), и называли его сверхчеловеком. Приват-доцент 2-го МГУ Н.Ш. Мелик-Пашаев в статье 1928 г. пророчествовал о массовом появлении в ближайшем будущем в СССР «грядущего сверхчеловека, для которого гениальность поистине станет ordinарным явлением». Г. Уэллс подчеркивал нечеловеческую волю, ум и способность Ленина к мышлению.

тии тела Ленина были извлечены мозг⁹, сердце, пуля и часть других органов. Все они были разложены по особым сосудам и являлись святынями. Среди большевиков не нашлось человека, который подписал бы приказ об уничтожении дорогих каждому сердцу кишечника, печени, почек. С мозга были сделаны слепки, которые прилагались к анатомическому материалу и входили в коллекцию советских мощей.

Для изучения ленинского мозга Клара Цеткин рекомендовала пригласить немецкого невропатолога, профессора Оскара Фогта — «человека с мировым именем и коммуниста по убеждениям». Этот коммунист по убеждениям с 1919 г. руководил Институтом исследования мозга в Обществе содействия наукам имени кайзера Вильгельма, был директором Нейробиологического института Берлинского университета¹⁰. Фогт занимался генетикой и евгеникой, изучая мозг и генетические механизмы выдающихся людей. На этой основе он создавал теорию элит, к которым (по его мнению) принадлежат высшие расы, успешные нации, закрытые властные группы — вроде кремлевской знати. Он хотел обнаружить в генетическом аппарате клетки механизма, способного дать ключ к созданию идеального человека. Его подруга Клара Цеткин считала Ленина одним из идеальных людей.

В феврале 1925 г. Фогт прибыл в Москву. Его пригласили на заседание светил советской медицины в Институт В.И. Ленина. Среди них был помощник директора Института В.И. Ленина и по совместительству заведующий Секретным отделом ЦК ВКП(б) И. Товстуха — око Сталина. Уже на первом заседании все светила высказались положительно на вопрос председателя: может ли цитоархитектоническое исследование дать указание на материальное обоснование гениальности В.И. Ленина?

Но Фогт просил отправить мозг Ленина в Берлин в свой институт, где есть сотрудники, уникальная аппаратура и «единственный в мире специалист по данному вопросу проф. Фогт». Советские вожди запретили перевозку серого вещества и предложили изучать мозг Владимира Ильича в России. Решение Кремля стало началом создания при московском Институте мозга сверхсекретной лаборатории расовой биологии. Фогт считал ее перспективной наукой.

Первый Расовый биологический институт был открыт в Упсале (Швеция). Его директор Герман Лундборг опубликовал в 1924 г. на страницах русского евгенического журнала статью, которая заканчивалась пассажем: «Значение народа не измерить числом его внешних военных сил, но его пригодностью в расовом отношении и его культурными вкладами. Для всех народов важно не только следовать за развитием, но, по возможности, идти во главе его» [Анненков 2005: 48]. В научной среде СССР тоже были сторонники теорий неравенства рас и «отсталых народов»¹¹. В СССР развивалась евгеника — наука об улучшении природы

⁹Ю. Анненков сообщает такой факт: «Приехав в Москву недели через три (после смерти Ленина, — В.М.), я был немедленно вызван в Высший военный редакционный совет, где мне предложили отправиться в основанный в Москве Институт В.И. Ленина для ознакомления с фотографической документацией ввиду предполагавшихся иллюстраций для книг, посвященных Ленину. „Ознакомление с документацией“ продолжалось около двух недель. В облупившемся снаружи и неотопливаемом внутри Институте В.И. Ленина ... меня прежде всего поразила стеклянная банка, в которой лежал заспиртованный ленинский мозг, извлеченный из черепа по время бальзамирования трупа: одно полушарие было здоровым и полновесным, с отчетливыми извилинами; другое, как бы подвешенное к первому на тесемочке, — сморщено, скомкано, смято и величиной не более грецкого ореха. Через несколько дней эта страшная банка исчезла из Института и, надо думать, навсегда. Мне говорили в Кремле, что банка была изъята по просьбе Крупской, что более чем понятно. Впрочем, я слышал несколько лет спустя, будто бы ленинский мозг был перевезен для медицинского исследования куда-то в Берлин» [Анненков 2005: 616].

¹⁰ Впоследствии Институт исследования мозга вступил в связь с гестапо, которое поставляло ему человеческий экспериментальный материал.

¹¹ Многие русские и советские ученые (включая «гуманиста» и иммунолога, Нобелевского лауреата И.И. Мечникова) разделяли взгляды Гобино и Чемберлена о неравенстве рас. Даже убежденный атеист, профес-

людей: «Евгеника — религия будущего, и она ждет своих пророков», — провозглашал Кольцов на страницах своего журнала. Кольцов и был таким пророком. А богом этой религии он видел искусственного генетика, творящего с помощью микроскопа расу будущих суперменов» [Анненков 2005: 50].

Всю эту ученую публику О. Шишкин называет «интеллигентные лакеи Кремля»¹². Работа германо-советского института развивалась в общих интересах советской и нацистской диктатур¹³. 27 мая 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) получило от института доклад «Изучение мозга Ленина». Мощность мозга Ленина приравнивалась к мощности десяти полушарий «средних людей» и превышала мощность головы Куйбышева, Луначарского, Менжинского, Богданова, Мичурина, Маяковского, акад. Павлова, Клары Цеткин, Циолковского. У Ленина обнаружили «самый высокий процент борозд лобной доли в мозгу». Кремлевские вожди хотели получить от науки доказательство, что в канун смерти Ленин не был идиотом, а переходил «в другое интеллектуальное измерение. И догадливая наука услужливо поддакивала Кремлю» [Анненков 2005: 61].

Так возникла альтернатива — омоложение или смерть. Сказки об эликсире бессмертия и вечной молодости существуют давно. После смерти Ленина 31 января 1924 г. К. Ворошилов выступил на пленуме с докладом «Об охране здоровья партверхушки». Вожди СССР сформулировали лозунг «беречь старую гвардию», выделить особого товарища для наблюдения за здоровьем и условиями работы партверхушки. Психиатры Осипов и А. Залкинд пугали партию опасностью преждевременного старения.

Обезьяночеловек и сотрудницы особого назначения. Итак, в СССР произошло переплетение религии, политики, зоологии. Для этого уже были предпосылки. В 1910-1920-х гг. в Париже русский хирург С.А. Воронов занимался пересадкой человеку половых желез обезьяны. Победы над старостью вскружили ему голову. Он стал делать операции мужчинам и женщинам. У дверей его кабинета образовалась очередь богачей. Их цена не пугала. Они считали, что любая плата за обретение утраченного полового влечения и молодости будет незначительной. Воронов стал известным как кинозвезда. Он пророчествовал: «Недалеко то время, когда пересадка эндокринных желез обезьян, сделавшаяся доступной каждому хирургу, отметит собой значительный прогресс человеческой терапии» [Анненков 2005: 74].

Советские вожди ухватились за эксперименты Воронова. Поставили перед учеными задачу преодолеть старение. Для борьбы со старостью Институт органопрепаратов в 1925 г. был реорганизован в Институт экспериментальной эндокринологии. Начались эксперименты по омолаживанию. Трансплантатором назначили зав.хирургическим отделением Боткинской больницы В.В. Розанова. Для вождей СССР «...уверенность в хирургах не каприз, а часть государственной безопасности» [Анненков 2005: 76]. Розанову как активному «борцу за здоровье трудящихся» дали диплом «Герой труда». Но он, его родственники и друзья находились под наблюдением ОГПУ и могли ответить головой за неудачную операцию. Авторитет Розанова был помножен на особую близость к верхушке Кремля, включая Г. Ягода. Розанов стал также главным консультантом больницы ОГПУ.

сор Никольский писал, что у европейцев средний объем мозга около 1400 куб. см, а у низших пород современного человека редко спускается до 1000 куб. см.

¹² Один из них — Мелик-Пашаев — писал: мозг Ленина — прототип мозга грядущего сверх-человека. Фогт считал Ленина «ассоциативным атлетом», поскольку в третьем слое коры головного мозга обнаружил фантастическое количество больших пирамидальных клеток. Но профессор Шпильрейн в «Энциклопедии душевных болезней» указал: такие же пирамиды есть у идиотов.

¹³ «Нацизм и коммунизм волновали близкие темы: родословные, генетические и мозговые проблемы чистокровного homo nordicus и уникального super homo. Наука с энтузиазмом обслуживала интересы государственных мизантропий» [Анненков 2005: 59].

Вся номенклатура находилась в поле зрения Лечебной комиссии и Сталина, который через секретариат ставился в известность о пациентах. После смерти Фрунзе (лечебная комиссия настаивала на его операции) «в кремлевских коридорах почувствовали, что врачи могут быть не только спасителями, но и тихими палачами» [Анненков 2005: 83]. Через два месяца после операции (29 декабря 1925 г.) Розанов отправил в Институт экспериментальной эндокринологии депешу: Боткинской больнице в год нужно до 50 штук обезьян для трансплантации желез внутренней секреции людей.

Профессор И.И. Иванов занимался искусственным оплодотворением животных. В 1908 г. при поддержке акад. Павлова он организовал физиологическое отделение Лаборатории ветеринарного управления в Санкт-Петербурге. Возглавил Ветеринарную лабораторию МВД, которое нуждалось в увеличении поголовья породистых лошадей. После работы в Аскании-Нова Иванов занялся созданием биологических драконов, сочетающих качества разных животных. Он использовал метод искусственного осеменения млекопитающих для постановки опытов гибридизации между различными видами обезьян и между последними и человеком. Русский Франкенштейн мечтал создать идеальную обезьяну — искусственное существо, способное занять на лестнице дарвиновской эволюции промежуток между человеком и обезьяной. Он считал свой труд общечеловеческой миссией.

Сторонниками его эксперимента были математик Шмидт (авторитет в большевистских кругах), ученый секретарь научно-технической секции Государственного ученого совета (ГУС) и сексот ОГПУ, а также французские бактериологи Эмиль Ру и Альбер Кальметт — директор и заместитель Института Пастера. В 1923 г. Кальметт создал в колониальной Гвинее лабораторию. На обезьянах ставились опыты, отрабатывалось действие сывороток против человеческих инфекций (туберкулеза, проказы, рака). Иванов написал Луначарскому письмо, в котором предстоящий эксперимент обрамлялся марксистскими лозунгами и ссылками на то, что они поддержаны Институтом Пастера.

В письме Иванов жаловался, что во времена царизма его опыты напоролись на инквизиторов Святейшего синода. Он считал, что Советское правительство могло бы использовать выведенное живое существо в интересах науки и пропаганды естественно-исторического мировоззрения. Просил 15000 долл. Но сразу добиться поддержки правительства не удалось. Тогда Иванов написал А.И. Рыкову. Увещевал Предсовнаркома в необходимости создания нового животного или нового человека. Затем письмо легло на стол начальника управления делами Совнаркома СССР Н. Горбунова. Бывший секретарь Ленина имел авторитет в большевистской среде, был председателем комиссии по содействию работам АН и выполнял конфиденциальные поручения ОГПУ. Он стал ангелом-хранителем Иванова и энергично включился в работу по созданию невиданного существа.

Его поддержал также директор Института экспериментальной эндокринологии Шервинский, который с энтузиазмом отнесся к идее гибридизации¹⁴. Физико-математическое отделение АН предложило ему сделать доклад о проекте экспедиции в Западную Африку, после чего деньги дали. Иванов понимал, что индустрия омоложения потребует десятки и сотни обезьян для вождей СССР, их родственников и руководителей крупных парторганизаций в провинции. Поэтому он выдвинул идею — создать на юге СССР питомник, где будут содержаться обезьяны, будущие гибриды и их человеческие родители в особых условиях. Иванов мечтал создать обезьяноводство как новую отрасль животноводства¹⁵.

¹⁴ Мелик-Пашаев писал, что существа, родившиеся от такого оплодотворения, будут служить источником материала для замены органов и омоложения.

¹⁵ Ч. Дарвин давно зафиксировал родство между идиотами-микроцефалами и обезьянами: те и другие волосаты; обнюхивают каждый кусок пищи перед едой; сильны и деятельны; чешутся, резвятся, прыгают, гримасничают; на четвереньках взбираются по лестницам, мебели и на деревья. Сподвижник Дарвина А. Уоллес счи-

Судьбу обезьян пытались предопределить не только зоологи и трансплантологи, но и Штаб РККА. Начальник Военно-химического управления Яков Фишман весной 1925 г. был в Германии в секретной командировке в качестве неофициального военного атташе в рамках программы сотрудничества с рейхсвером. В 1925 г. боевые отравляющие вещества (ОВ) были запрещены. 48 стран подписали «Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых и других подобных газов и бактериологических средств». Но втайне все страны развернули гонку по увеличению числа ОВ. Химическая пропаганда в СССР была связана с подготовкой химических войск в Красной армии. Она облегчалась секретными соглашениями с рейхсвером о совместной постройке в России завода по производству иприта. В лабораториях Военно-химического управления велись эксперименты на собаках, кошках и людях: «Газовой проверке должны были подвергнуться представители всех слоев советского общества, кроме обитателей кремлевского холма. Драгоценные сверхчеловеческие жизни требовали другой терапии» [Анненков 2005: 132]. Публикации в зарубежной научной прессе спровоцировали опыты на людях. Риск и здоровье экспериментаторов компенсировались денежными вознаграждениями (начсоставу), усиленным питанием (красноармейцам), увеличением отдыха и ежегодным курортом для лиц, подвергавшихся экспериментам.

Руководителем Лаборатории научно-испытательного химического полигона был физико-химик Давид Львович Талмуд. В 1934 г. он стал членом-корреспондентом АН СССР и «перебрался из одной живодерской лаборатории в другую, находившуюся в ведении ОГПУ-НКВД» [Анненков 2005: 137]. Показательный факт: среди лиц, участвовавших в советских опытах в качестве «субъектов» или «объектов», не было директоров крупных химических предприятий, партийных боссов, ветеранов ВКП(б), военных из руководства РККА. Единственным нововведением в систему опытов, проходивших в лаборатории №1 Отдела оперативной техники НКВД СССР стала замена устаревших терминов субъект и объект термином «птички» [Анненков 2005: 137-138].

Обезьяньи проблемы заинтересовали химотдел РККА. Здесь готовились купить партию обезьян для газовых экспериментов. Обезьянам суждено было первыми пройти ад газовых камер. Как считали стратеги в Кремле и в Берлине, «ошибиться в дозах боевых отравляющих веществ здесь было нельзя, так как за приматами должны были последовать и люди» [Анненков 2005: 142].

Инициативу по созданию обезьяньего питомника одобрил сам акад. Павлов. Но от Иванова она перешла к официальному учреждению — Институту экспериментальной эндокринологии: «Это было логично, ответственность должна была нести не личность, а организация. Она смогла бы аккумулировать государственные деньги и развернуть подготовительную работу» [Анненков 2005: 143].

Для выполнения задачи Иванов съездил в Германию и Францию. Европейские профессора поддержали его начинание, посоветовали ехать в Африку для проведения операции, предлагая сперму взять у негра. В СССР взамен расовой проповедовалась социальная гигиена. А. Залкинд рассматривал революции как важный эвгенический механизм в истории человечества: «Великая французская революция, — писал он, — как массовая лечебная мера

тал: ныне существующие первобытные народы — родственники шимпанзе. Первая версия истории любви обезьяны и девушки вышла на экраны мира в 1933 г. и стала фетишем поп-культуры. За шесть лет до этого советский ученый разработал план совоплощения человека и обезьяны.

Построения Дарвина стали руководством к действию для вождей Третьего рейха и советских дарвинистов-практиков. Последние опирались не только на наследие Дарвина, но прежде всего на марксизм. Исследования 1980-х гг. подтвердили гипотезу Дарвина об общем предке гориллы, шимпанзе и человека. И доказали моменты сходства обезьяны и человека: наличие речи (язык глухонемых), подобие религии, общие болезни (сифилис) и привычки (потребление алкоголя).

была полезнее для здоровья человечества, чем миллионы бань, водопроводов и тысячи новых химических веществ» [Анненков 2005: 153].

Все это происходило на фоне обезьяньих процессов в США. Во вторую поездку Иванов взял с собой молодого сына. Русский эмигрант журналист Ткачев подозревал, что сын будет непосредственно оплодотворять шимпанзе. Однако обстоятельства ловли обезьян были неудачными. Африканские негры — мужчины и женщины — отказывались вступать в половые контакты с обезьянами. А охота на обезьян превратилась в кровавое сафари.

Вся затея находилась под присмотром ОГПУ-НКВД. Руководство питомника смотрело на Иванова как на поставщика будущего сырья и соблюдало свои личные интересы. Кремлю обезьяны были нужны для трансплантации желез внутренней секреции. Иванов был одержимым и не понимал последовательности приоритетов экспедиции: сначала омоложение, потом гибридизация, а не наоборот. Поэтому доверие Кремля к профессору пошатнулось. Но Иванов по-прежнему выдвигал идею создания обезьяноводства как специальной отрасли животноводства: «Эту перспективную отрасль сельского хозяйства правильнее было бы назвать «экспериментальным человеководством». А продукт ее — «ценным гибридом», незаменимым в кремлевской медицине и газовых камерах РККА» [Анненков 2005: 245].

Институт экспериментальной эндокринологии выступал посредником между обезьянником и Кремлевской больницей. Сотрудники Института ждали материала для трансплантации¹⁶. О.Шишкин называет их «инженерами человеческих тел» (в отличие от писателей — «инженеров человеческих душ»). 1929 г. начался для Страны Советов с научных достижений¹⁷. Главными фанатиками улучшения человеческой природы были С.Г. Левит и А.С. Серебровский. Первый закончил Институт красной профессуры, получил от США Рокфеллеровскую стипендию для изучения евгеники. По его мнению, искусственный отбор цивилизованного общества, гарантированный современной медициной, вел к накоплению в генетическом аппарате негативных черт и отягощению разных наследственных недугов с каждым новым поколением. Поэтому С. Левит считал развитие человека невыносимым без революционных методов селекции и размножения. А.С. Серебровский предлагал отделить любовь от де-

¹⁶ «... Им не терпелось побыстрее осуществить омоложение кремлевских старцев и таким образом повысить и свой научный статус. Их не волновали проблемы эволюции обезьян, их беспокоила своя собственная эволюция в коридорах Советской власти... Чтобы еще больше убедить будущих высоких пациентов в необходимости и элементарности будущих операций по омоложению, эндокринологи стали устраивать различные конференции с сообщениями об успехах геронтологии во всем мире. Директор Института экспериментальной эндокринологии Шервинский в начале 1928 года огорошил своих подчиненных рассказом о новой победе над старостью итальянских медиков... Выступление Шервинского было озаглавлено как «Новые опыты омоложения женщин». В нем он сообщал «о поразительном случае омоложения 67-летней старухи» (Я: это выступление сразу опубликовано в «Красной газете»). Оказывается, не только дедушкам, но и бабушкам хирурги-эндокринологи могут вернуть утраченное половое влечение. А сколько старых большевичек, с нерастраченным потенциалом, могли бы приобрести давно забытое сексуальное влечение, если бы в СССР наладилось дело с обезьянами?» [Анненков 2005: 246-247].

¹⁷ Январский номер журнала «Наши достижения» сообщил: доктора С.С. Брюханенко и С.И. Чечулин получили фантастический результат: отрезали у одной собаки голову и начали пропускать через кровеносные сосуды головы с помощью насоса кровь другого пса. И голова жила. 10 января 1929 г. в Ленинграде открылся Первый Всесоюзный съезд по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству. «Он напоминал штаб опьяненной победами армии, рассчитывающей на законное мародерство. Пропагандистская шумиха ... рисовала образ торжествующей чудо-науки, готовой сделать для новой власти все что угодно» [Анненков 2005: 263]. 19 апреля 1929 г. было проведено совещание, на котором выступал И.И. Иванов по вопросу: «О возможности постановки в Сухумском питомнике опытов гибридизации путем искусственного осеменения между антропоморфными обезьянами, а также между последними и человеком». В это же время профессор Г.М. Попова выводила исчезнувшие сорта пшеницы, академик ВАСХНИЛ М.М. Завадовский превращал петухов в куриц, куриц в петухов, готовился изучать семенную жидкость у гомосексуалистов, хотя гомосексуализм в СССР преследовался как уголовное преступление.

торождения, искусственно осеменять женщин рекомендованной спермой, а вовсе не обязательно от «любимого мужчины». Моральные ценности и семья должны отмереть. По его мнению, отказ женщин от искусственного осеменения должен квалифицироваться как поступок антиобщественный, аморальный, недостойный члена социалистического общества. Он считал, что от одного выдающегося мужчины-производителя можно будет получить от 1000 до 10000 детей. Фанатик евгеники применял ее принципы и к своей семье. У него имелось многочисленное потомство. В целом утопия Левита-Серебровского — это «государство будущего, находящееся под тотальным контролем генетиков» [Анненков 2005: 272].

Физико-математическое отделение АН СССР приняло еще 30 сентября 1925 г. постановление о большом научном интересе работ И.И. Иванова. Секция естественных и точных наук Комакадемии выделила средства на генетические исследования Левита-Серебровского. 19 апреля 1929 года на заседании Совнаркома решилась судьба опытов по скрещиванию человека с обезьяной¹⁸. Советская власть «...подталкивала профессора к сенсации, осуществление которой откроет дорогу к дальнейшим экспериментам на людях и их гибридах, а впоследствии и путь к другой цивилизации. Цивилизации еще неизвестных нам существ» [Анненков 2005: 279-280]. Генетика соединит человеческий ум с несокрушимой силой обезьяньих мускулов.

Для создания Сухумского обезьяньего питомника были учреждены секретные финансовые счета. Абхазия стала зоной особого доверия вождей. Они постоянно интересовались, как идут дела с обезьянником. Газета «Советская Абхазия» регулярно сообщала о поступлении в Сухумский питомник новых спасителей советской власти¹⁹. (Я: для развития использовать козлотура Ф. Искандера). В мае 1929 г. «Советская Абхазия» сообщила, что в здании местной психушки будет создан естественнонаучный музей, экспонаты которого будут доказывать родство человека с обезьяной. Ч. Дарвин считал идиотов возвращением в животное состояние. А в столице Абхазии «...два мира — мир антропоидов и сумасшедших — стали вглядываться друг в друга» [Анненков 2005: 283]. Экскурсанты посещали то и другое для научного назидания и зримого примера. Об обезьяннике писали газеты, приехала кинобригада. Партия поставила задачу снять фильм «Обезьяны и человек» как иллюстрацию к труду Ф. Энгельса «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека». Но обилие туристов превратило питомник в зоопарк. Обезьяны нервничали. Иванов считал, что проведение экспериментов невозможно.

Однако власть ждала гениталий. Здесь она отражала определенные тренды в общественном мнении: по сравнению с негритянками европейские женщины были более согласны вступить в половой контакт с обезьянами; в Советской России оказалось еще проще найти желающих принять участие в историческом эксперименте. Не пигмеи и банту, а русские бабы и мужики готовы были пойти на жертвы. В ответ на публикации в газетах в обезьянник добровольно обратились мужчины и женщины с просьбой использовать их в опытах бесплатно, «исключительно ради науки и просвещения подверженных религиозному невежеству сограждан» [Анненков 2005: 295]. Возле вольер с обезьянами поселились девицы — «сотрудницы особого назначения». Самые любопытные бляди просили зрителя позна-

¹⁸ Научная секция Совнаркома вынесла вердикт: продолжить опыты межвидовой гибридизации в Сухумском питомнике между отдельными видами обезьян и между обезьянами и человеком; женщины должны давать расписку о согласии подвергнуться искусственному осеменению спермой антропоида; опыты должны протекать в условиях изоляции женщин, исключающей возможность естественного осеменения; должны быть поставлены на возможно большем числе женщин (не менее 5); в распоряжение Иванова предоставить врача; выделить специальную сумму на подопытных женщин и помощников.

¹⁹ 19 сентября 1928 года газета сообщила: «На днях в сухумский обезьяний питомник прибывает из-за границы новая партия обезьян в количестве 46 штук. В числе прибывающих имеются 4 орангутана, 8 шимпанзе, 25 гамадрилов и 8-10 разных видов павианов» [Анненков 2005: 255].

комить их с шимпанзе — будущим сексуальным партнером. Это чуть не стоило жизни одной из них.

Секретные исследования

Но тут перед Ивановым возникло неожиданное препятствие. Жизнь советских институтов — это интриги, связанные с борьбой за власть и финансирование научных проектов. Заместитель директора Института экспериментальной эндокринологии по обезьянам Тоболкин многих раздражал, поскольку держал и распределял кредиты²⁰. Руководство института знало о проведении летом опытов по скрещиванию человека с обезьяной. И обвинило Тоболкина в том, что он саботирует передачу животных для трансплантации половых органов деятелям партии и Советского правительства. 10 января 1930 г. на заседании правления института Сухумский обезьянник был выделен из состава института в самостоятельное учреждение Наркомздрава. Тоболкин выставлялся за порог научного учреждения, зато освобождалась ставка. Эта акция должна была осветить вождям роль Тоболкина в подготовке операций по омоложению партийных кадров, что могло вызвать гнев Кремля, привести к крушению статуса питомника и Тоболкина.

Тоболкин решил упредить дальнейшие шаги врагов: 6 февраля 1930 г. он направил в Комитет по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР разъяснение, суть которого — передать питомник в ведение самого Комитета. Из ЦИКа направили запрос в Наркомздрав. Тот ответил, что питомник должен находиться в его ведении. Тоболкину отказали. Наркомздрав направил в питомник комиссию для проверки финансовой деятельности. «Это было началом платы за независимость и своеобразие, следствием которого стал отказ Тоболкина поставлять обезьян для донорских операций с гениталиями» [Анненков 2005: 291]. Кремль и Наркомздрав вначале не знали, как себя вести с взбунтовавшимся начальником обезьянника. Затем делом занялась РКИ, которая под маской проверки Эндокринологического института фактически была направлена на проверку действий Тоболкина в Сухуме. В итоге Тоболкина перевели зав. питомником и его научным руководителем.

Отвечать за все был вынужден Иванов. Его арестовали 13 декабря 1930 года. Обвинили в помощи международной буржуазии, враждебной деятельности против СССР и шпионаже. Иванов признал все свои преступные замыслы и был выслан на 5 лет в Казахстан. Сухумский питомник передали в Управление научных институтов Наркомздрава. В июне 1931 г. Иванов поселился в Алма-Ате, а 1 февраля 1932 г. постановлением Коллегии ОГПУ его освободили от стражи. Но 20 марта накануне отъезда в Москву он помер.

Жизнь обезьянника вновь оживилась после его передачи Всесоюзному институту экспериментальной медицины под руководством И.П. Павлова. Операции по омоложению с помощью пересадки семенных желез обезьян были признаны неэффективными. Сталин принял еще одну попытку решить проблему старости — перевел павловский институт (как будущий бастион бессмертия) из Ленинграда в Москву. Союзником вождя в борьбе со старостью выступил М. Горький — после чтения книги Б. Рассела «Научное предвидение». Тот писал о том, что медицинская наука должна перейти к эксперименту с человеком. Практическое осуществление этой идеи невозможно в консервативной Европе, зато по силам СССР. В планах научных работ института на 1935 г. тема «Старение» занимает десятое место, а остальные направления содержат секретные «оборонные темы» по заказам НКО и НКВД.

²⁰ «Опираясь на помощь кремлевских иерархов, он фактически создал собственное независимое даже в финансовом смысле учреждение, что не устраивало руководство его родного Эндокринологического института» [Анненков 2005: 285-286].

В секретном институте вместо науки омоложения детально разрабатывается наука умерщвления. Объектами исследования становятся люди. Организуется токсикологическая лаборатория с во главе с Г.М. Майрановским. В 1938 г. НКВД доверило ему испытания ядов и отравляющих газов на приговоренных к смерти. В июле 1940 г. на закрытом заседании Ученого совета ВИЭМ он защитил диссертацию на соискание степени доктора биологических наук. Оппонентами выступали корифеи советской науки — Н.И. Гаврилов, директор Государственного Союзного научно-исследовательского института органической химии и технологии (п/я 702). В опытах принимали участие добровольцы, которым на кожу наносили отравляющие вещества. Приехавшие из деревни молодые люди хотели устроиться в Москве. Здесь им предлагали работу, общежитие, питание и за дополнительную плату — участие в научных опытах.

Спустя некоторое время Сталин охладел к ВИЭМ: «Много занимаются теорией, мало дают в практику и не занимаются проблемой продления жизни». Такой вывод Сталина был равносильен смертному приговору. Неудача с омоложением, другие просчеты ВИЭМ и Лечсанупра Кремля (неудачи в лечении Горького, Жданова и самого Сталина) подсказали ему простую мысль: «Ученые и врачи составляют в СССР большую организацию дипломированных аферистов и убийц. Вначале они выкачивают из государства деньги, а потом уже и кровь из его не в меру доверчивых вождей. Репрессии разочарованного и подозрительного диктатора не заставили себя долго ждать» [Анненков 2005: 311]. В конечном счете евгеника (или зоотехния) попала в расизм.

Но вождей еще долго мучила жажда бессмертия и омоложения. Профессор А. Богомолец создал «сыворотку молодости». В 1970-е гг. глава 4-го Главного управления при Минздраве СССР академик Чазов способствовал практике американского врача Молнара, который хотел применить ткани человеческих зародышей для омоложения.

Кремлевская популяция была уверена в собственной сверхчеловечности, «явившейся плодом их жестокой политической борьбы и коварства изворотливого ума, то есть всего того, что сделало их лидерами среди других человеческих особей» [Анненков 2005: 314]. Даже в 1960-е гг. продолжались исследования ленинского мозга и поиски рецептуры для репродукции новой элиты. Книги И.М. Забелина по физической географии содержат ту же идею. 20 октября 1969 г. под грифом «Секретно» в ЦК КПСС поступила записка министра здравоохранения СССР Б. Петровского, в которой он предлагал воздержаться от публикации результатов исследования мозга Ленина, мотивируя это тем, что мозг надо сравнивать с мозгом выдающихся людей. Новые «выдающиеся люди» Суслов, Кириленко и Подгорный поставили под этим подписи.

Общий вывод О. Шишкина однозначен: люди стали объектами экспериментов потому, что «... в среде ученых всегда было достаточно разнузданных садистов и мерзавцев, одержимых желанием осчастливить человечество с помощью требуемых для науки человеческих жертв» [Анненков 2005: 316]. Так, американский генетик Джеймс Нил на деньги Комиссии по атомной энергии США в джунглях Амазонии заражал вирусом кори индейцев и хладнокровно наблюдал их гибель; русский врач Кидихин в ущельях Памира занимался опытами по регенерации: «В своей собственной тайной лаборатории он отрезал у животных и насильно удерживаемых людей конечности и другие органы, а затем пытался с помощью своих «чудодейственных» лекарств вернуть им ампутированное» [Анненков 2005: 316].

Кремлевская популяция

Теперь вернусь к судьбе русской революции. О. Гриневский описал связь военных, дипломатов, чекистов, политиков и идеологов во время холодной войны. Главный секрет хо-

лодной войны состоял в том, что СССР далеко отставал от США по ракетно-ядерным вооружениям, хотя советские руководители и СМИ все преподносили наоборот. В этих условиях министр обороны Д.Ф. Устинов развернул производство ракет и боеголовок. Производители оружия стали самыми уважаемыми и преуспевающими людьми в СССР. Но дипломатия и ВПК оказали стране роковую услугу. Малоэффективная советская экономика под гнетом гонки вооружений и силовой политики оказалась на грани краха. Непроизводительные военные расходы поглощали 15-20 процентов ВВП страны ежегодно, тогда как в США они составляли всего 6 процентов. Ноги советского колосса все больше становились глиняными [Гринеvский 2000: 7-9].

На вершине иерархии находился Л.И. Брежнев. Ему готовили 1-2 страницы всей мировой информации. Ее отбирали советники (А.М. Александров, А.И. Блатов) и референт Г. Дорошина. Первый из них был умной и коварной лисой. Генсек реагировал только на элементарные житейские ситуации. Не воспринимал и сердился на любые умные и глубокие обобщения. Каждый день поступала кипа телеграмм со всего мира (из посольств, резидентур КГБ и ГРУ). Из них отбирался десяток с краткой информацией: кто на кого напал; где случилось землетрясение или катастрофа; кто куда поехал, какой скандал с кем приключился.

Глава советской дипломатии А.А. Громыко пришел в большую политику на волне сталинских «посадок» в конце 1930-х гг. Это лишило его человеческих чувств веры, дружбы, товарищества. Друзей у него не было. Он руководствовался следующими принципами поведения: архиосторожность, стремление быть на стороне сильного, избегал принимать решения, в острых ситуациях ничего не делал — плыл по течению. И в таком направлении учил молодых советских дипломатов. За ничегонеделание в худшем случае пожурят, за ошибку голову оторвут.

Проблема революции решалась в контексте отношения между МИД, КГБ и идеологами. С 1950-х гг. МИД конфликтовал с международным отделом ЦК КПСС по причине личной неприязни между А. Громыко и Б. Пономаревым. С шефом КГБ Андроповым Громыко дружил.

В главе с названием «Три революции — и все плохие» О. Гринеvский обсуждает революции в Иране, Ираке, Афганистане. При ответе на вопрос: как относиться к Иранской революции? оказалось, что МИД, КГБ и международный отдел ЦК КПСС пытались ответить на него так: «Сколь бы радужно ни выглядела перспектива антиамериканской революции в Иране, Советский Союз не имеет к ней никакого отношения и не обладает реальными рычагами воздействия на ситуацию в стране» [Гринеvский 2000: 171]. Американцы на основе анализа иранской революции первыми зафиксировали альтернативу ближневосточных стран: военная диктатура или власть религиозных фанатиков. Отсюда вытекала необходимость вмешательства во внутренние дела. В ответ СССР решил припугнуть американцев. По разным каналам была запущена дезинформация о серьезных военных приготовлениях на иранской границе. Вашингтон клюнул: с конца сентября 1978 г. американские разведочники стали рисовать страшные картины подготовки массового советского вторжения в Иран. Например, в Специальной оценке национальной безопасности в августе 1980 г. указывалось, что наступление готовится по трем направлениям: из Закавказья, Туркмении и Афганистана. Даже количество войск указывалось — 12 дивизий Закавказского военного округа, 3-4 дивизии Туркестанского военного округа и части 40-й армии из Афганистана. На деле в 1978-1979 годах в этих округах проводились рутинные военно-штабные учения, а не военные приготовления.

Новый резидент КГБ в Иране наладил контакты со всеми группами, которые имели реальные шансы влиять на политику. Первым делом вышел на контакт с окружением Хомейни. Оказалось, что Хомейни очень осторожно относится к любым делам, касающимся Советского Союза. Когда в Иране взяли американских заложников, а американцы начали готовиться

их освобождать, СССР официально заявлял решительный протест против вмешательства во внутренние дела Ирана, а на деле одобрял эти действия. В Кремле стали созревать собственные планы вторжения в Афганистан. Американская акция в Иране могла служить оправданием — ввели войска, чтобы поставить предел американской экспансии. Такую позицию занимал Устинов.

Затем лидеры Ирана открыто взяли курс на экспорт исламской революции: призвали иракских шиитов восстать против «атеистических палачей в Багдаде», а мусульман Персидского залива — свергнуть прогнившие королевские режимы, которые живут по законам «неверного Запада».

Саддам Хусейн нанес первый визит в Москву 11 декабря 1978 г., будучи вторым человеком при дряхлеющем президенте Басре. Незадолго до поездки он обезглавил местную компартию (казнил 21 руководителя, многих арестовал по обвинению в проникновении в вооруженные силы). Международный отдел ЦК предлагал отменить его визит. Но МИД (Громыко) выступил в поддержку визита, мотивировав тем, что «Саддам Хусейн едет в Москву отчитаться о проделанной работе по сплочению арабов в борьбе против капитулянтской политики Садата» [Гриневский 2000: 181-182].

На заседаниях Совета революционного командования Саддам Хусейн стрелял в тех, кто пытался ему перечить, а потом как ни в чем не было продолжал вести заседание. Затем сделал переворот: 22 иракских руководителя были приговорены к смерти, 33 посадили в тюрьму на срок до 15 лет. По его указанию высшие руководители партии и государства лично приняли участие в расстрелах своих бывших товарищей. Так Саддам Хусейн стал президентом Ирака. Во время ирано-иракской войны международный отдел ЦК выступал за Иран, МО — за Ирак, МИД и КГБ заняли среднюю позицию: военная победа любой из сторон может привести к кардинальным изменениям в регионе, которые будут отнюдь не в интересах Советского Союза.

По линии КГБ докладывалось о возможности свержения Дауда в Афганистане. Но этой информации ходу не давали — она не вписывалась в общую картину представлений об Афганистане. Международный отдел ЦК (Пономарев, Ульяновский) и КГБ (Андропов, Крючков) единодушно полагали: Афганистан — это отсталая, неразвитая страна, где господствуют средневековые племенные отношения, а весь образ жизни определяется исламом. Поэтому социалистической революции в Афганистане быть не может — она преждевременна с точки зрения объективного уровня социально-политического развития афганского общества и государства.

Апрельская революция в Афганистане тоже застала Москву врасплох. Громыко занял выжидательную позицию, Устинов молчал, зато проявили активность Андропов и Пономарев. Они доказывали: Афганистан не созрел для социалистической революции; создание однородного коммунистического правительства приведет к сплочению правой оппозиции, вызовет беспорядки, которые неминуемо повлекут за собой иностранное вмешательство; надо создать коалиционное правительство, в которое должны войти коммунисты наряду с другими партиями, но оставить за собой ключевые позиции — армию, полицию, госбезопасность.

Проблема фундаментализма

После иранской революции Москва впервые столкнулась с исламским фундаментализмом и встала в тупик: что это такое и как к нему относиться? Громыко не сомневался: «Фундаментализм — это крайне реакционная религия... Мракобесие». Примерно так же оценивало фундаментализм руководство международного отдела ЦК. Пономарев, его заместители

Ульяновский и Брутенц в один голос говорили, что это *клерикальная революция* и даже в некотором смысле контрреволюция» [Гриневский 2000: 207].

МИД решил разобраться, поскольку все страны Ближнего и Среднего Востока были более-менее охвачены идеями исламского возрождения. Но в Москве не оказалось специалистов. Позвали ученого из Баку. Тот прочитал апологетические лекции о прообразе «исламского общества», которое восходит к Мухаммеду и имаму Али. Путь к обществу исламской справедливости пролегал через внедрение ислама во все поры жизни. Исламская революция призвала не только свергнуть шаха, но и освободиться от разлагающего влияния Запада, запретить потребление спиртных напитков, женщинам носить чадру. Азербайджанский ученый считал это правильным.

Но отцы-основатели фундаментализма учили, что угроза для истинных мусульман исходит не только от «материалистического Запада», но и от «атеистического Востока». «А в борьбе против одной сверхдержавы не следует опираться на поддержку другой. Надо идти собственным мусульманским путем. Имам Хомейни так и говорил: — Америка хуже Англии, Англия хуже Америки, а Россия хуже их обоих» [Гриневский 2000: 209].

МИД считал: фундаментализм — это возвращение к древним национальным ценностям, которые обеспечат мир, благополучие и процветание; фундаментализм — отряд национально-освободительного движения. И решил установить деловой контакт с фундаменталистами, использовать их для вытеснения США и других западных держав с Ближнего Востока [Гриневский 2000: 209]. А поскольку ислам впитался в повседневную жизнь и мировоззрение людей на Востоке глубже, чем христианство на Западе, бороться с ним бесполезно. Но оставались опасения относительно советских мусульман (Центральная Азия, Кавказ, Татария, Башкирия). Проблема не была разрешена. Поскольку ясности не было, Громыко и Андропов решили ничего не делать, будучи заражены совчанством, которое они проявляли вслед за Хрущевым: «Хрущев искренне сердился, когда ему говорили, что наша Солнечная система находится на окраине Вселенной. Он видел в этом подвох: как он, руководитель великого Советского Союза, может находиться на задворках?» [Гриневский 2000: 212]. Громыко тоже считал, что в СССР все передовое — наука, культура, даже история. Афганскую авантюру с самого начала пробивали Сулов и Пономарев, желая присоединить Афганистан к социалистическому лагерю. Начальник Генштаба Н.В. Огарков возражал против ввода войск, поскольку регулярная армия не может справиться в горских партизанами. Но Устинов привел к тому, что армия была вынуждена поддерживать акции КГБ. Так хвост начал крутить собакой [Гриневский 2000: 298, 299, 309].

О. Гриневский формулирует резюме: уроков из афганской трагедии не сделано, поскольку за Афганистаном последовала Чечня. Брежнев не отвечает за случившееся, поскольку он мало понимал. Политбюро прикрывалось немощным Генсеком и превратилось в большое боярское гнездо, где каждый владел и управлял своей вотчиной. Согласие строилось на круговой поруке: ты не лезешь в мои дела — я не лезу в твои. На этой основе принимались главные политические решения. В этом боярском синклите никто друг другу не доверял, между собой не общались, но следили, чтобы никто не посягнул на их вотчинные владения. Лишь Андропов, Устинов, Громыко держались вместе, определяли военно-политический курс государства и никого к этому не подпускали.

Политические взгляды этой «тройки» были таковы: Устинов занимал левый радикальный фланг, уповая только на силу, а разговоры о разоружении, политических и дипломатических средствах укрепления безопасности считал пустой болтовней для научных симпозиумов; Громыко занимал правый либеральный фланг, не оспаривал значение военной силы, но считал, что безопасность должна строиться на сочетании военных и политических акций; Андропов находился между ними, в центре. Практически это выглядело так: Громыко высту-

пал генератором идей достижения компромисса с Западом, но при выработке конкретных позиций никогда не шел на конфликт с военными, особенно если видел, что Андропов на их стороне. В то же время поощрял заместителей на бескомпромиссность в отношениях с МО и КГБ. Если не удавалось выработать совместную позицию, он соглашался с военными, полагая, что на них лежит главная ответственность за оборону страны. А Брежнев их слушался.

В конце книги О. Гриневский ссылается на беседу с маршалом Огарковым, который говорил: «Бога надо благодарить, что при таком боярском правлении случился только Афганистан. А еще ведь могли быть и Польша, и Ближний Восток или даже... страшно подумать — ядерная война... И такое обсуждалось» [Гриневский 2000: 334].

Голубая кровь

А. Бовин на основе анализа коллектива российского посольства в Израиле дает характеристику советских (российских) дипломатов и разведчиков.

Свойства дипломатов как социальной группы таковы: крайняя скупость, не выписывают никаких журналов и газет (за пять лет никто ни на что не подписался), не ходят в театры и концерты, если надо покупать билеты; крайняя грубость, особенно в консульских отделах; крайне низкая общая культура, не знают литературы, искусства, философии, современной мировой общественной мысли; не умеют смотреть на себя со стороны, с долей иронии; в МИДе их заедает чиновничья текучка, за границей хотят приборохлиться; усердие подменяют суетой и холуйством — перед визитом начальства появляется блеск в глазах; крайняя бюрократизация, коррумпированность и скаредность; распустили профсоюз, поскольку надо платить 1% зарплаты в качестве членских взносов; даже доллары на шекели меняют не в своей бухгалтерии, а у знакомого менялы на рынке; уклоняются от выполнения служебных обязанностей, пьянствуют, перепродают на местных рынках закупленные с дипскидкой товары [Бовин 2003: 143, 468, 41, 73, 108, 160, 182, 339]. За претензиями на голубую дипломатическую кровь скрывается комплекс неполноценности.

25% дипломатов посольства в Тель-Авиве — работники спецслужб. За пять лет работы, — пишет А. Бовин, — я не столкнулся ни с одной государственной тайной. Вместо этого — беспредел чиновничьего произвола, облеченного в форму инструкций. Свойства дипломатов переплетаются с качествами сотрудников КГБ и ГРУ как института и социальной группы. Советская разведка всегда перебарщивала по части массовости, вербуя в свои ряды шоферов, врачей, уборщиц; «товарищи из органов» выступали при послах как комиссары и полиция нравов, хотя их собственные нравы не отличались строгостью; большинство разведчиков — малоквалифицированные люди, которых слали за рубеж по знакомству и которые вели себя там как хозяева; отличаются безделием и кляузничеством; собирают сведения о встречах наших девушек с израильскими гражданами; отличаются допотопным мышлением — имеют склонность сводить крупные политические проблемы к козням, интригам, проискам сионизма; стремятся восстановить позиции, которые они занимали в штатных расписаниях посольств и которые в начале 1990-х гг. были сужены; для этого муссируют идею повышения бдительности и безопасности; так происходит «возврат к тем временам, когда всех иностранцев считали потенциальными шпионами, а всех «совграждан» потенциальными предателями. Если согласиться с предлагаемым порядком, то «загранучреждения» превращаются в подсобный цех разведки» [Бовин 2003: 70-71, 258-259, 292-293, 387, 528].

Выводы

Обзор нескольких книг позволяет зафиксировать подпочву нынешних элитологических

штудий, а также деклараций о том, что в России все же есть политические элиты. Пространственно-магистический подход позволяет использовать концепты стаи и животных (волка, собаки, свиньи) для анализа проблемы элиты. Образ свиньи — элемент мифо-магистического мышления. В этом типе мышления жрец (т. е. член духовного сословия) выполняет опосредующую функцию между волком и собакой. Член духовного сословия воплощается в образе свиньи и существует в двух ипостасях — домашней (собаки) и дикой (волка). Будучи травоядным, свинья может выступать также опасным для человека хищником. При этом важно отметить, что наведение порядка и законодательная база советской власти — это институционализация структуры пользования пищевой территорией. Государство держится на волчье-собачьем принципе «все в дом», хотя волчий центробежный принцип (потребление на месте) постепенно взял свое. Сакрализация центральной власти опирается на принятие христианства исключительно сверху. Основным рассадником монотеизма всегда была армия — вне зависимости от содержания доктрины. В 1930-е гг. в СССР произошло усиление жречески-собачьей охранительной имперской идеологии, открывшей притягательность исторической преемственности.

Результаты исследования О. Шишкина надо поставить в контекст российской модели отношения между властью и наукой. Русская власть навязывает ученым способ поведения, они вынуждены приспосабливаться к ее интересам. При таком подходе с власти снимается ответственность. Видимо, та же схема лежит в основании представлений об элите. Эта теория не может рассматриваться как элемент при построении независимых социогуманитарных наук. Тогда как общие модели взаимодействия науки и власти могут быть исходным пунктом для анализа политико-гносеологической почвы, на котором растет элитология [Макаренко 2005]. В СССР религия и политика переплелись с зоологией. Конкретным результатом этого переплетения была секретность научных исследований и участие в них советских спецслужб — от секретных отделов партии до НКВД-КГБ.

Стереотипы мышления, поведения и действия так называемых «политических элит» связаны с убеждением в «особом пути России». При этом самодержавие (авторитаризм) рассматриваются как главная ценность. С ним связываются преобразование марксизма из научной идеологии в язычество как новую религию, в которую входит древняя идея «священной войны». Роль военных, чекистов и идеологов определяется их связью с политическими деятелями. При этом всегда существует явный или скрытый конфликт между военными, чекистами и идеологами. Он выражается в различных позициях по поводу определенных политических ситуаций. Эти позиции обычно связаны с житейским и политическим оппортунизмом всех участников политического процесса. Он влияет на движение знания и информации. Интеллектуально-политические моды скрывают влияние дипломатических, военных и разведывательных агентств на реальную политику, процессы производства идей и гуманитарного знания в целом. В этом контексте формируется политика в области гуманитарного знания в России. Нынешнее отрицательное отношение к революциям и интерес к фундаментализму — следствие ошибок политического руководства СССР/России. Проблема сводится к анализу механизмов воспроизводства таких ошибок. К ним относится бездумное следование большинства научного сообщества к тому, что им вдувает в уши пропаганда. В.В. Маяковский предупреждал: «Дыра в ушах не у всех сквозная — иному может запасть». Каждый читатель может определить. Хотя бы в отношении собственных ушей и дальнейших размышлений...

- Бовин А. 2003. *5 лет среди евреев и мидовцев, или Израиль из окна российского посольства (из дневника)*. — М.: Захаров.
- Гриневский О. 2000. *Тайны советской дипломатии*. — М.: Вагриус.
- Гудков Л. 2009. *Природа путинизма. Доклад на V Ходорковских чтениях, 8 декабря 2009 г.* — Доступно: <http://www.memo.ru/2009/12/12/gudkov.htm> — Проверено: 24.05.2013.
- Гудков Л., Дубин Б., Левада Ю. 2007. *Проблема «элиты» в современной России*. — М. Колчинский Э.И. (ред.) 2003. *Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки*. — СПб.: Дмитрий Буланин.
- Кон И. 2008. *80 лет одиночества*. — М.: Время.
- Макаренко В.П. 1990. *Революция и власть: размышления политолога*. — Ростов-на-Дону: Ростиздат.
- Макаренко В.П. 1992. *Социальная структура: явные и скрытые элементы*. — Ростов-на-Дону: Логос.
- Макаренко В.П. 2005. *Наука и власть: контекст социальной истории науки*. — Логос. — № 6.
- Макаренко В.П. 2011. *Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли*. Ростов-на-Дону, Ростиздат. — Доступно: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Region/Rostov/Tehno-qkobincy_na_podhvate.pdf <http://politconcept.sfedu.ru/2010.2/04.pdf> — Проверено: 24.05.2013.
- Минаков С. 2004. *Военная элита 20-30-х годов XX века*. — М.: Русское слово.
- Михайлин В. 2001. *Между волком и собакой: героический дискурс в раннесредневековой и советской культурной традициях*. — *Новое литературное обозрение*. — № 1/47.
- Михайлин В. 2005. *Тропа звериных слов. Пространственно ориентированные коды в индоевропейской традиции*. — М.: НЛО.
- Патрушев С.В. 2011. *Кликократический порядок как институциональная ловушка российской модернизации*. — *Полис*. — № 6.
- Тощенко Ж.Т. 1999. *Элита? Клань? Касты? Клики? Как назвать тех, кто правил нами?* — *Социс*. — № 11.
- Шепилов Д.Т. 2001. *Непримкнувший*. — М.: Вагриус.
- Шишкин О. 2003. *Красный Франкентейн. Секретные эксперименты Кремля*. — М.: Ультра.Культура.
- Эпштейн Д. 2005. *Совхоз «Элита»*. — *Отечественные записки*. — № 5.
- Юдин Б.Г. 2004. *От утопии к науке: конструирование человека*. — *Вызов познанию: стратегии развития науки в современном мире*. Отв. ред. Удумян Н.К. — М.: Наука.

Внутренняя колонизация России:

Вокруг книги «Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей» / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012.

От редакции

Тема внутренней колонизации уже обсуждалась в нашем журнале [см.: Политическая концептология. — 2012. — № 1-2]. В декабре 2012 г. издательство «Новое литературное обозрение» опубликовало сборник статей «Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России». Это издание — первый международный и междисциплинарный опыт исследования внутренней колонизации. Александр Эткинд, Дирк Уффельманн и Илья Кукулин определяют внутреннюю колонизацию как применение практик колониального управления внутри государства. Речь идет об особом типе отношений между государством и подданными, при котором государство относится к населению страны как к покоренному в ходе завоевания, а к территории как к захваченной и потому требующей заселения из одного центра. Такой тип господства использовался многими империями, но особенно характерен для России. Изучение данного феномена позволяет увидеть в новом свете главные особенности российской политики и общественной жизни.

Часть материалов сборника публикуем в нашем журнале по любезному разрешению издательства «Новое литературное обозрение» и авторов.

ВНУТРЕННЯЯ КОЛОНИЗАЦИЯ РОССИИ: МЕЖДУ ПРАКТИКОЙ И ВООБРАЖЕНИЕМ¹

А.М. Эткинд

Кембриджский университет (Великобритания)

Д. Уффельманн

Университет Пассау (Германия)

И.В. Кукулин

Национальный исследовательский университет —

Высшая школа экономики

Аннотация: *В статье обоснована продуктивность применения термина «внутренняя колонизация» и концепции внутренней колонизации к материалу истории российской*

¹Благодарим Марию Майофис и Михаила Долбилова за консультации и Андрэ Шмидта — за содействие при уточнении библиографии.

культуры и российского общества. Проанализирована история, методологический смысл и различные традиции использования концепции внутренней колонизации в работах историков, экономистов и теоретиков культуры, изучающих различные страны и регионы.

Ключевые слова: империя, внутренняя колонизация, колониальное управление, колониальный тип господства, история русской культуры, история России.

1

Божиею поспешествующею милостию, Мы, NN, Император и Самодержец Всероссийский, Московский, Киевский, Владимирский, Новгородский; Царь Казанский, Царь Астраханский, Царь Польский, Царь Сибирский, Царь Херсониса Таврического, Царь Грузинский; Государь Псковский и Великий Князь Смоленский, Литовский, Волынский, Подольский и Финляндский; Князь Эстляндский, Лифляндский, Курляндский и Семигальский, Самогитский, Белостокский, Корельский, Тверский, Югорский, Пермский, Вятский, Болгарский и иных; Государь и Великий Князь Новгорода низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полотский, Ростовский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондийский, Витебский, Мстиславский, и всея северные страны Повелитель; и Государь Иверские, Карталинские и Кабардинские земли и области Арменские; Черкасских и Горских Князей и иных Наследный Государь и Обладатель; Государь Туркестанский; Наследник Норвежский, Герцог Шлезвиг-Голстинский, Стормарнский, Дитмарсенский и Ольденбургский, и прочая, и прочая, и прочая [Свод Законов 1912: 1, 4-5].

Достигнув этой финальной формы в начале XX века, титул российского императора входил в Свод законов Российской империи (статья 59) и изучался в гимназиях. На каком языке, однако, надо его читать — юридическом или историческом? В каком смысле смоленская вотчина названа великой, а эстляндское владение — нет? Почему лифляндское владение попало в тот же разряд, что и тверское? По каким причинам Туркестан был приравнен к Рязани? Почему владение Польшей приравнено в этом титуле к владению Сибирью, и Польша, частично присоединенная к России в XVIII веке, названа в титуле раньше, чем Сибирь, чья территория вошла в состав Московского царства в XVI-м? Чем оба этих права отличаются от владения Киевом, Рязанью или Арменией? И о каком праве здесь идет речь — международном или внутреннем?

Суверенитет российского императора в равной степени — безо всяких качественных или количественных, исторических или юридических различий — распространялся в его официальном титуле как на старинные земли, из которых росла и развивалась империя, так и на земли, захваченные исторически недавно или даже вовсе не приобретенные. В один и тот же разряд попадали территории, колониальное освоение которых было разделено многими столетиями. Географически далекие, культурно чуждые, иногда политически нестабильные земли перечислялись в одном списке с владениями древними, близкими, столичными. Имперский суверенитет над такими разными пространствами описывался как один и тот же — единый и неделимый².

Тогдашние юристы и историки не могли бы объяснить логики этой структуры, хотя юристы и комментировали титул в книгах по государственному праву [см., например: Казанский 1913: 558-624], а историки — в сочинениях по геральдике [Лакиер 1855: 245-251; см.

²Если не считать таких юридически сложных вопросов, как владение Финляндией, которая формально имела очень широкую автономию (а с 1878 года — даже «собственную» армию), граничившую с личной унией [подробнее см.: Пыжиков 2003], и владение Польшей, которая между 1815 (создание Царства Польского) и 1832 годами (издание Органического статута Царства Польского, упразднившего сейм и провозгласившего Польшу неотъемлемой частью Российской империи) имела довольно широкую автономию.

также: Лакиер 1847]. Знание исторической последовательности территориальных приобретений империи не решает загадку императорского титула. Александр Филюшкин, специально исследовавший эволюцию самообозначения российских монархов, констатировал, что принципы включения земель в императорский титул неясны или произвольны [Филюшкин 2006: 203-210].

Любопытно, что эта историко-правовая конструкция, дефинитивная для российского суверенитета, почти не подвергалась обсуждению или критике в русской общественной мысли. Потому ли так случилось, что она воспринималась как очевидная и неоспоримая, или потому, что она казалась «заумной» и не подлежавшей рациональному анализу? Возможно, российский императорский титул казался сходным с титулами других европейских монархов. Но при таком сравнении легко увидеть, что страны и территории, перечисленные в официальном наименовании российского царя, более разнообразны и контрастны³, чем в других аналогичных титулах. При чтении российского титула бросаются в глаза географическая удаленность, культурная гетерогенность и экзотичность названий многих имперских владений. Перед нами текст, барочный по своей поэтике. Те, кто писал и переписывал этот юридический опус в течение двух столетий, не ставили перед собой задачи разбить имперские владения на категории, выстроить из них некую иерархию, удалить самые выдающиеся несуразности, придать титулу риторическую стройность и всем этим облегчить задачу гимназистам, которые обязаны были учить его наизусть. Усилия имперских юристов были направлены на иные цели. В восприятии составителей и обладателей императорского титула многочисленные детали и несообразные реалии не только не исказили его барочную поэтику, но усиливали желаемый эффект, в природе которого нам предстоит разобраться.

Андрей Белый начал свой роман о закате империи с пародии на титул российского суверена:

Что есть Русская Империя наша? Русская Империя наша есть географическое единство, что значит: часть известной планеты. И Русская Империя заключает: во-первых — великую, малую, белую и червонную Русь; во-вторых — грузинское, польское, казанское и астраханское царство; в-третьих, она заключает... Но — прочая, прочая, прочая. <...> Град первопрестольный — Москва; и мать градов русских есть Киев. Петербург... подлинно принадлежит Российской Империи. А Царьград... (<...> Константинополь) принадлежит по праву наследия. И о нем распространяться не будем [Белый 1981: 9].

Как и сам титул с его норвежским владением, Белый включил в свою ироническую версию как старо- и новоприобретенные земли, так и территорию, которая, несмотря на постоянно высказываемые стремления, захвачена Россией так и не была, — Константинополь-Царь-

³Британский монарх по Акту 1927 года (Royal and Parliamentary Titles Act) назывался королем (или королевой) «Великобритании, Ирландии и британских заморских доминионов». Император Австро-Венгрии после произошедшей в 1866 году потери Венеции назывался так «Император Австрии, апостолический король Венгрии, король Богемии, Далмации, Хорватии, Словении, Пшиции, Лодомерии и Иллирии, король Иерусалима и прочая, эрцгерцог Австрии, великий герцог Тосканы и Кракова, герцог Лотарингии, Зальцбурга, Штирии, Каринтии, Крайны и Буковины <...> Великий воевода Воеводства Сербского и Гроссмейстер Ордена Золотого руна». Нынешний титул короля Испании по Конституции 1978 года включает в себя указание на множество земель, сегодня Испании не принадлежащих, и все же менее гетерогенен, чем титул российских монархов, так как в нем последовательно перечисляются владения или территориальные притязания разных династий — дома Трастамара, властвовавшего в XV веке, Габсбургов, правивших страной в XV-XVI веках, и Бурбонов, правящих сегодня: «Его Католическое Величество король Испании, король Кастилии, Леона, Арагона, Двух Сицилий, Иерусалима, Наварры, Гранады, Севильи, Толедо, Валенсии, Галиции, Сардинии, Кордовы, Корсики, Мурсии <...> Западных и Восточных Индий, островов и срединных земель Моря-Океана, эрцгерцог Австрии, герцог Бургундии, Брабанта, Милана, Афин и Неопатрии...» и т. д.

град⁴. Испытывая *стилистические разногласия* с давно устаревшей поэтикой имперского титула, Белый редуцировал историческую гетерогенность имперского суверенитета, переведя его из категорий права в сказовую стилистику, с политико-юридического языка — в чистый фольклор. Эта трансформация показательна. Белый остро чувствовал, что динамическая неопределенность границ между российскими метрополиями и колониями, трудности в различении между внешним и внутренним, своим и чужим, зависимым и независимым не снимают проблемы российского суверенитета, но, напротив, конституируют ее.

Как писал Карамзин, возражая против идеи Александра I восстановить польскую государственность на том основании, что Польша некогда была независимой: на этом основании «мы должны были восстановить и Казанское, Астраханское царства, Новгородскую республику, Великое княжество Рязанское и так далее» [Карамзин 2002: 437]. Казалось бы, Карамзин должен был хорошо понимать странность такого аргумента: ведь *третий* раздел *Речи Посполитой*, ликвидировавший ее самостоятельность, произошел на тот момент совсем недавно, когда писатель и историк был уже взрослым человеком — в отличие от присоединения Казани и Астрахани, совершенных, как известно, при Иване Грозном. О том сопротивление, которое вызвал этот раздел, корреспондент императора помнил, вероятно, тоже хорошо. Но Карамзин использовал не историческую, а юридическую логику, предполагавшую формальное «равенство» всех земель, включенных в российское государство⁵. И тем не менее в этом письме отзывается реально существовавшая двусмысленность российского государственного устройства, как оно было представлено в императорском титуле: трудность различения «внешних» и «внутренних» земель, неопределенность границ⁶, изменчивость критериев и были особенностями, которые отличали Российскую империю от ее друзей и врагов, с которыми она себя постоянно сравнивала, опыт которых перенимала, стараясь превзойти и опровергнуть.

Россия вышла на международную арену одновременно с Португальской и Испанской империями. Она росла в соревновании с сухопутными империями прошлого (Монгольской)⁷ и настоящего (Османской, Прусской, Габсбургской, с Речью Посполитой). Она созрела в конкурентной борьбе с великими морскими империями (особенно Британской). И пережила большинство из них. В некоторые исторические периоды Британская империя превосходила Российскую по площади своих владений, но последняя была намного более долговечной. Расчеты, принимающие во внимание и количество квадратных километров, которые контролировали различные империи, и длительность этого контроля, показали, что Российская империя была самой протяженной в пространстве и самой долговечной из всех империй, заставших начало Нового времени [Таагерга 1988: 1-8].

Где границы российской метрополии, откуда начинаются российские колонии и как их различать? Понятно, что ответы зависят от временной точки отсчета; но их трудно давать даже и в синхронных срезах. Например, на рубеже XVIII-XIX веков границы метрополии шли по Кавказскому хребту, реке Амур и Берингову проливу. Но, пользуясь более содержательным критерием однородности гражданских прав (кодифицированным в тогдашнем рос-

⁴Аналог Иерусалима, на обладание которым претендовали Габсбурги и который сейчас входит, как уже сказано, в титулатуру наследующих им королей Испании.

⁵Подробнее об имперско-колониалистской логике Карамзина применительно к Польше см.: Кручковский, Хиллота 2011.

⁶Ср. у А. Филюшкина: «Для отбора земель в титул [в XVI веке] были важны как раз рубежи и новые приобретения: в него попадали крайние пограничные территории на севере-юге-востоке-западе, правда, не всегда расположенные по „русскую“ сторону границы» [Филюшкин 2006: 210].

⁷О влиянии самоназвания монгольских ханов на титул русских государей см.: Успенский 2000: 49-52, 96-97. По Успенскому, первоначально «царь» в составе титула ассоциировался со словом «хан» и лишь позже стал все больше и больше восприниматься как русский эквивалент византийского «басилевса».

сийском праве в понятии «природного подданства» [Гессен 1909; см. также: Лор 2012]), может быть, правильнее проводить границу метрополии по черте еврейской оседлости, с 1791 года определявшей одну из самых беспокойных колоний этой империи?

Когда началась российская колонизация — при оккупации этнически чуждой Казани или этнически близкого Новгорода? Где были русские колонии — в чудских землях, на Урале и в Сибири⁸, где шел классический процесс смешения мигрантов и туземцев, или в Малороссии, где все было наоборот, и население, близкое по языку, а часто и по религии⁹ жившим в метрополии великороссам, культивировало культурно-политические различия, которые были необходимы для осознания украинцами себя как самостоятельного этноса?

Сам статус колонии при определении отношений тех или иных владений России с центральной властью теряет определенность, требует уточнений и оговорок. «Классической», в европейском смысле, и в целом вполне «заморской»¹⁰ колонией России легко признать Аляску и Алеутские острова. Имперские чиновники контролировали эти земли не непосредственно, а через Российско-Американскую компанию, подобно тому, как управлялись колонии Британии, Голландии и т. п.¹¹ Но Аляска же стала единственной колонией, от которой империя добровольно, без принуждения освободила себя. Покоренными и зависимыми территориями были Польша, Финляндия, Лифляндия, Кавказ. Не стоит, однако, применять к ним представления об экономической эксплуатации и ограничении политических прав населения колоний в сравнении с населением метрополий, которые сформированы опытом Британской и других классических империй. В одних случаях права жителей российских окраин в самом деле были жестко ограничены, но в других случаях эти колонизированные, но не знавшие крепостной зависимости люди имели большую личную свободу, чем крестьяне внутренних областей России.

В классическом колониализме культурные различия между метрополией и колонией опирались на отчетливые, по мнению колонизаторов, расовые, этнические и лингвистические признаки. Колонизуя Индию или Конго, британцы или бельгийцы придавали этим признакам политическое значение и тем самым дистанцировались от тех, кого поработщали и эксплуатировали. Конструируемые различия между двумя участниками этого процесса, субъектами и объектами колонизации, гарантировали, что даже полный его успех не приведет к нежелательной путанице. Но в России культурная дистанция между метрополией и колонией не совпадала с этнической дистанцией между ними.

Географическая протяженность российского пространства и имперское стремление к централизации перевешивали всякие иные различия — этнические, лингвистические, религиозные, — перемешивая их в общем котле. При управлении множеством этносов империи приходилось вторично колонизировать уже собственный народ, постепенно формирующий новую идентичность. Именно отсутствие «очевидных» (а на деле тоже регулируемых культурой) различий, таких как раса, создавало необходимость формирования культурных маркеров, которые бы выстраивали необходимые социальные иерархии — логически непротиворечивые, недоступные подделке, удобные в обращении. Подобно стихийному структуралисту, загоняющему в бинарные схемы самый непригодный для этого материал, сама имперская культура накладывала искусственные классификации на хаотические, мозаичные континуу-

⁸Проблемы колонизации Сибири были глубоко освещены в серии важных работ Анатолия Ремнева [Ремнев 2004; Ремнев, Дамешек 2007; Ремнев 2010 и др.]. Мы опирались, среди прочего, и на его исследования, надеялись вступить с ним в творческий диалог и скорбим о его безвременной кончине.

⁹Мы не говорим о представителях грекокатолической церкви (униатах), которые на протяжении XVIII-XIX веков и при советской власти подвергались последовательным репрессиям.

¹⁰Хотя и отделенной в месте самого близкого контакта относительно нешироким Беринговым проливом (86 км).

¹¹Подробнее см. в статье М. Ходарковского в этом номере журнала «Политическая концептология».

мы, такие как религиозные разногласия, сословные права и, наконец, географические пространства.

Поэтому политическая и административная экспансия, на которой была основана Российская империя, развивалась как сложный конгломерат теорий и практик, объединенных всего лишь одной общей чертой: управленческие и познавательные методы, которые были выработаны морскими империями в целях внешней, «заморской» колонизации, использовались в сходных и все же глубоко отличных целях внутренней колонизации¹².

Мы определяем внутреннюю колонизацию как применение практик колониального управления и знания внутри политических границ государства, и именно здесь мы сталкиваемся со своеобразием сухопутных империй. Поскольку их метрополии не были очерчены природными, морскими границами, они исторически менялись. Границы России расширялись и в доимперский, и в имперский периоды с такой скоростью, что само отличие «внешнего» от «внутреннего» было текучим и неопределенным. Оно никогда не определялось имперскими юристами, которые предпочитали отрицать само наличие колоний у России [Ремнев 2010; Сандерленд 2010]. Отношение центральной власти уравнивало и смешивало внешние колонии, такие как Кавказ, с внутренними, и прежде всего с землями и крестьянами, в XIX веке находившимися в удельном и государственном владении¹³; это порождало символические «сбои» в культурной репрезентации России для других стран¹⁴.

Вплоть до революции 1917 года, как показывает Жюльетт Кадио [Кадио 2010], в понятии «иностранцы» соединялись представления о сословии, религии и об этнической принадлежности в современном смысле слова; некоторые этносы в социально-административной номенклатуре Российской империи были в полном составе определены как особые *сословия*. Формы культурно-политического отношения к «иностранцам» в Российской империи были одновременно универсальными и локализованными. Так, вернейшим способом обращения с «дикими» народами считалось взятие заложников — и на Аляске века этих заложников российские администраторы называли аманатами, как и на Северном Кавказе в XIX веке или в Башкирии времен Пугачевского восстания, — при том что и слово, и соответствующая ему военная практика пришли на Русь во время Ордынского ига¹⁵. Но конкретные формы обращения с «туземной» культурой очень сильно варьировались. В некоторых случаях брался курс на максимально возможную ассимиляцию этносов, оказавшихся в ситуации внутренней колонизации. Так было в Поволжье с чувашами и мордвинами: вторые еще в XVI-XVII веках проникали в российские политические и религиозные элиты (мордвином был, например, патриарх Никон). Иногда имперские власти применяли военно-административное, основанное на силовых методах управление заведомо «не поддающимися» ассимиляции этносами (Северный Кавказ), которые могли быть подвергнуты репрессиям по этническому признаку. Такими репрессиями стало «выдавливание» северокавказских народов с занимаемых ими территорий во время и после окончания Кавказской войны [Бобровников 2007; Бобровников, Бабич 2007] и этнические чистки в эпоху сталинизма¹⁶. В XIX веке для управления такими территориями могли использоваться административные и политические принципы, аналогичные методам управления в колониях европейских держав [Бобровников 2010]. Бывало, впрочем, и

¹²См. об этом статью М. Майофис в этом номере журнала «Политическая концептология».

¹³См. об этом статью М. Ходарковского в этом номере журнала «Политическая концептология».

¹⁴См. об этом статью И. Шевеленко в сборнике: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012.

¹⁵Вообще же тюркское слово «аманат» чрезвычайно многозначно и означает нечто доверенное человеку (например, на хранение), «завещание» или «завет».

¹⁶Полян 2001. О преемственности и различии методов имперской и советской властей в управлении Северным Кавказом см.: Бенвенути 2011.

так, что имперские власти на протяжении многих десятилетий не могли определить цели своей политики в отношении этносов, «доставшихся» им вместе с территорией: так получилось с народами Крайнего Севера — алеутами, чукчами и т. п., как это описал Юрий Слѣзкин [Слѣзкин 2008]

Местные и петербургские военные и административные власти пытались приспособиться к новым ситуациям, как они их понимали, налаживая отношения с местными сообществами разными способами [Долбилов 2010: 18]: от экономических преференций до геноцида, в результате которого исчезли многие народы Сибири и Кавказа; от абсорбции местных элит до апартеида, каковым был режим «еврейской оседлости»; от миссионерской деятельности в отношении «иноверцев», которыми были как «инородцы», так и этнически русские «раскольники и сектанты», до погромов, депортаций, обменов населением с соседними государствами и пр. Империя терпела неудачи в своих попытках интегрировать исламское население такой географически внутренней области, как Поволжье; субсидировать (через залоговые и другие механизмы) огромные помещичьи земли, не дававшие прибыли в условиях принудительного труда; или создать жизнеспособные институты, которые бы заменили помещичий контроль в русских деревнях после освобождения крепостных крестьян¹⁷. В ряде случаев «попытки ассимиляции [этнических] меньшинств угрожали необходимостью ввести такое определение русскости, которому не могли бы удовлетворить сами русские, или возвышением инородцев над самим русским населением» [Gegeci 2001: 347].

Внутренняя колонизация великорусских областей сопровождалась *искусственным производством культурных различий*, необходимых для того, чтобы дисциплинировать и эксплуатировать подчиненные группы населения. При этом белорусы и украинцы считались не инородцами, а «русскими»: в праве считаться отдельными народами власти им отказывали, языки их считались диалектами великорусского наречия. Националистически настроенная интеллигенция украинцев и белорусов десятилетиями боролась за признание своих групп самостоятельными этносами. В этом случае управление включало в себя такой парадоксальный элемент, как инверсия культурных и социальных различий: в официальном имперском дискурсе и особенно в литературных произведениях, написанных с имперской точки зрения, этнокультурные различия между восточнославянскими народами подвергались отрицанию или минимизировались, а сословные различия между сельскими, городскими и «благородными» людьми описывались как глубинные, близкие по своему характеру к расовым¹⁸.

2

В культурном, социальном и экономическом измерениях империя развивалась снаружи внутрь. «В России центр на периферии», — писал Ключевский [Ключевский 1990: 385]. Центры располагались на географической окраине, оттуда цивилизация распространялась не только за пределы империи, но и в срединные области страны: словесная диалектика, которая соответствовала реальной политике. Главным фронтом для имперской администрации то и дело оказывался тыл.

Российское государство колонизировало не только Польшу, Сибирь или Кавказ — оно осуществляло экспансию колониальных методов в собственных внутренних областях, где раздавало латифундии и подавляло восстания. Это повлекло неожиданные культурные последствия: едва сложившись как социальная группа, российские интеллектуалы тоже стали

¹⁷О крестьянской общине как институте внутренней колонизации см.: Etkind 2011: 137-148.

¹⁸Подробнее см. в статье М. Лекке в сборнике: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельманна, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012.

воспринимать эти, казалось бы, хорошо известные им пространства как экзотические и подлежащие изучению. В отличие от романтиков Западной Европы, русские романтики-интеллектуалы, собиравшие фольклор и открывавшие для себя деревенскую общину (речь идет и о славянофилах, и о западниках), воспринимали внегородское пространство не только как «забытое свое», но и как «чужое». Они находили во внутренних областях России странные секты и привозили в столичные коллекции уродов и раритеты. Туда направлялись народники и другие русские аналоги «паломников в страну Востока». Миссионерство, этнография и экзотические путешествия, характерные феномены колониализма, в России чаще всего были обращены внутрь собственного народа.

Этот народ был своим, он говорил на «нашем» языке и был источником «нашего» благополучия — и при этом все равно был экзотическим. Россия колонизовала саму себя, осваивала собственный народ. Этот процесс называли внутренней колонизацией, самоколонизацией, вторичной колонизацией собственной территории¹⁹.

Русские писатели, не стремившиеся стать теоретиками колонизации, тем не менее много писали о колониальных территориях и анализировали сознание как их покорителей, так и подчиненного населения — «субалтернов». Литературное освоение периферийных колоний России — Украины, Крыма, Новороссии, Кавказа, Сибири, Центральной Азии — стало предметом многих исследований [см., например: Ram 2003]. Только из хрестоматийных произведений литературы можно назвать южные поэмы Пушкина, его же «Путешествие в Арзрум», «Герой нашего времени» и «Валерик» Лермонтова, «Кавказский пленник» и «Хаджи-Мурат» Толстого, «Смерть Вазир-Мухтара» Тынянова, «Джан» и «Песчаная учительница» Платонова, «Уроки Армении» Битова...

Еще в 1830-е годы русская проза второго ряда (в первую очередь сочинения, публиковавшиеся в «Библиотеке для чтения») была очень богата ориенталистско-колониальными сюжетами — «кавказскими», «калмыцкими» и т. д., популярными сюжетами в ней были любовные отношения и брак между колонизатором-мужчиной и колониальной женщиной или, наоборот, колониальным мужчиной и дочерью колонизатора. Показательно, однако, что значительная часть ориенталистики оказалась «вытеснена» из русской литературы в процессе формирования литературного канона — или не была опознана в качестве ориенталистской литературы; так случилось с «Героем нашего времени». Канон формировали критики от Белинского до Страхова (или, если включить иностранцев, до Э.-М. де Вогио с его книгой «Русский роман»), а отношения между Западом и Востоком имели существенно меньшее значение для русской критики и публицистики, чем отношения между государством и народом. Более того, в силу самореференциальности внутренней колонизации оппозиция государства и народа эффективно замещала в русской культуре оппозицию Запада и Востока²⁰.

3

Самореференциальность внутренней колонизации придавала ей характерную непоследовательность, путаность, незавершенность, которую западные наблюдатели — вполне в духе ориентализма, описанного Э. Саидом, — объясняли национальными особенностями, культурой или характером. Самым проблематичным, однако, оказываются не эти мифические категории, но само различие между внешним и внутренним, — иными словами, понятие *гра-*

¹⁹Об истории и семантических тонкостях этих дефиниций см. подробное обсуждение в статье Д. Уффельманна в этом номере журнала «Политическая концептология».

²⁰См. в статье Г. Киришбаума в сборнике: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012.

ницы. Конечно, нестабильность границ и всего, что с ними связано (например, гражданства), свойственна любым колониальным ситуациям. В одних случаях (этот метод более характерен для французской колонизации) границы «стирались» и территория подвергалась аннексии, так что права граждан метрополии в юридическом — но не в культурном — смысле распространялись и на колонии²¹. В других случаях между гражданами метрополии и колоний поддерживались юридические различия, которые неизменно становились предметом борьбы (Бельгия). В российском случае постепенное расширение территории формировало все новые различия между подданными, а власть в разные времена, как уже сказано, формировала разные стратегии для манипулирования этими различиями. Характерное нагнетание ориенталистских метафор для объяснения отношений между властью и обществом в России — не что иное, как риторические конструкции внутренней колонизации, для которых характерны сочетания дескрипции и прескрипции, уподобления по смежности и временной отсрочки.

Термин «отсрочка», взятый из философии Жака Деррида²², здесь мы понимаем как трудность или невозможность определения современниками тех практик, которые составляли внутреннюю колонизацию. Их рефлексия в публичном языке всегда словно бы откладывается в будущее. В отличие от практик внешней колонизации, которые становились предметом публичных дебатов, юридических упражнений и административных проектов, практики внутренней колонизации чаще оказывались предметом ретроспективного анализа в сочинениях мемуаристов, романистов и, наконец, историков. Однако метонимическая критика внутренней колонизации — через указание на иные практики в других странах или в самой России — постоянно присутствует в русской культуре.

Согласно классическим определениям, колонизация есть исторический процесс, а колониализм — ее идеологическое оформление и обоснование. Колониализм отличается от империализма. Колониализм «натурализует» процессы доминирования «метропольной» армии и «цивилизованных» поселенцев на колонизированной территории, а империализм — это апология господства, которое не требует массового переселения [Hobson 1902]. Теоретические определения колонизации не указывают, проходят или должны ли проходить миграции в пределах национальных границ или за их пределами, или же такие границы завоеванной территории на момент колонизации могут еще вовсе отсутствовать. Однако на практике и в интуитивно осознаваемом смысле слова колонизация, как правило, означает путешествие за границу. На этом фоне концепция внутренней колонизации ассоциируется с языковыми и регио-

²¹Разумеется, это эскизное описание, указывающее на общие тенденции, но намеренно игнорирующее детали. Тенденция французских властей административно уравнивать колониальные земли и метрополию родилась вместе с Великой французской революцией. В принятой 26 августа 1789 года Декларации прав человека и гражданина говорилось об отмене рабства в колониях и о запрещении работорговли; 4 февраля 1794 года якобинское правительство приняло декрет, подтверждавший уничтожение рабства в колониях. Конституция III года Республики (1793 год) провозгласила принцип политической ассимиляции колоний (ст. 6 и 7): «Колонии являются составными частями Республики и подчинены тем же конституционным законам. Они разделены на департаменты». Наполеон Бонапарт, однако, вновь ввел в колониях рабство и отменил его только в период Ста дней [Черкасов 1983]. Наполеон III во время посещения Алжира (незадолго до этого присоединенного к Франции) провозгласил; «Я — император арабов точно так же, как и французов» [цит. по: Черкасов 1983]. В целом можно сказать, что Франция гораздо чаще, чем Британия, практиковала в колониях прямое, а не косвенное управление. Влияние этой традиции прослеживается в политике Франции уже и в постколониальный период: в настоящее время сохранившиеся «заморские департаменты», разбросанные по всему миру, считаются частью территории Франции, избирают депутатов французского парламента и используют в качестве валюты евро.

²²Начиная с работы «La différance» («Различение») (1968) Ж. Деррида писал о том, что знак всегда существует во времени и несет в себе следы прошлых значений и предвещает будущих семантических сдвигов. В работе «La différance» Деррида характеризует этот процесс как «овременивание» («temporalisation») знака [Деррида 1999: 176]. Сам философ возводил этот термин к фрейдовскому немецкому неологизму «Denkaufschub» — «мыслительная отсрочка» [Деррида 2000].

нальными параметрами господства внутри национальных границ, фактических или воображаемых.

Применительно к России термин «внутренняя колонизация» был впервые употреблен Августом фон Гакстгаузенем — прусским консервативным публицистом и политическим деятелем, автором нескольких семантических конструкций, оказавших влияние на последующее развитие русской исторической мысли²³. Ведущие российские историки XIX века — Сергей Соловьев, Афанасий Щапов и Василий Ключевский — много и охотно писали о российской колонизации и самоколонизации. Применительно к допетровским временам Сергей Соловьев ввел ключевую для этой темы формулу: «...древняя русская история есть история страны, которая колонизируется» [Соловьев 1993: 3: 723; Bassin 1993]. Повторив ее в начале XX века, Ключевский перенес ее из средневековой истории в новую и новейшую. Он специально оговаривал, что, например, переселение крестьян по Транссибирской железной дороге есть продолжение того же процесса колонизации, который начался в Средние века за Дунаем [Ключевский 1987].

Из его учеников эту тему продолжил Матвей Любавский, бывший до 1917 года ректором Московского Императорского Университета. Сосланный по «делу Платонова-Тарле» в Башкирию, Любавский писал там, в одной из прежде колонизированных Россией земель, фундаментальный труд по истории российской колонизации вплоть до своей смерти в 1936 году — его книга была издана только 60 лет спустя [Любавский 1996].

Во второй половине XIX столетия прусские, а потом и германские политики начали амбициозную программу внутренней колонизации в Восточной Европе, которая востребовала разные виды знания, фальшивого и реального [Sering 1893; Tonnies 2000; Лор 2010]. Под влиянием германских историков Владимир Ленин в своей книге «Развитие капитализма в России» (1896-1899) активно использовал понятие внутренней колонизации применительно к самым разным областям империи — от Сибири и Кавказа до его родного Поволжья [Ленин 1967б: 560-566, 592-596]; за работами одного из исследователей внутренней колонизации Пруссии М. Зеринга Ленин следил достаточно внимательно — и полемицировал с его «теорией убывающего плодородия почв»²⁴.

После революции в России и с началом процесса деколонизации стран третьего мира понятие внутренней колонизации на некоторое время вышло из моды. В 1951 году, однако, Ханна Арендт ввела понятие «эффекта бумеранга», с помощью которого имперские державы переносили свои практики принуждения из своих колоний обратно в метрополии [Arendt 1994: 155 и др.]. За год до этого, в 1950-м, Эме Сезер [Cesaire 2000: 36] сформулировал подобную концепцию — «обратный удар империализма»: подобно Арендт, он видел в Холокосте применение колониального насилия к одному из европейских народов²⁵.

В начале 1960-х мексиканский социолог и общественный деятель Пабло Гонсалес Казанова — по-видимому, с учетом новейшего на тот момент исторического опыта распада колониальных империй — обратился к понятию внутренней колонизации для объяснения отношений между испано-американцами и индейцами в истории Мексики. По мнению Казановы, после того как эта страна в 1821 году провозгласила независимость, индейцы под властью креолов и метисов оказались в еще более бесправном положении, чем во времена правления

²³См.: Naxthausen 1847, II: 332-334; о нем см.: Dennison, Karus 2003. О разграничении внутренней колонизации и «самоориентализации» и их причинно-следственных соотношениях подробнее см. в статье Д. Уффельманна в этом номере журнала «Политическая концептология».

²⁴В особенности — в статьях цикла «Капитализм в сельском хозяйстве» (1899) [Ленин 1967в: 125, 129]. Впервые Ленин употребляет термин «внутренняя колонизация» в статье 1897 года «К характеристике экономического романтизма. Сисмонди и наши отечественные сисмондисты» [Ленин 1967а: 220, 223].

²⁵Подробное сопоставление концепций Арендт и Сезера см.: Rothberg 2009; сопоставление концепций «колониального бумеранга» и «внутренней колонизации» см.: Etkind 2011: 23-26.

испанской короны [Casanova 1963, 1965]. В дальнейшем другие латиноамериканские социологи описали подобным же образом историю других стран этого региона [Stavenhagen 1965; Cotier 1967/1968].

После 1968 года социологи переизобрели понятие внутренней колонизации с целью применения постколониального языка к внутренним проблемам метрополии. Американский социолог Роберт Блаунер [Blauener 1969] смотрел на аспекты внутренней ситуации афроамериканцев, такие как жизнь гетто и городские бунты, как на процессы внутренней колонизации, и эта концепция получила дальнейшее распространение [Harris 1972 и др.]²⁶. Сегодня исследования американского общества с постколониальной точки зрения — активно развивающееся научное направление. В своих лекциях 1975-1976 годов французский философ Мишель Фуко использовал ту же концепцию в более широком смысле применения колониальной модели власти в Западной Европе [Фуко 2005: 116].

Интерес к внутренней колонизации усилился после книги американского исторического социолога Майкла Хечтера [Hechter 1975] о «ядре» и «периферии» Британских островов. Пересматривая классическую концепцию колонизации, Хечтер нейтрализовал географическое расстояние между колонизаторами и колонизованными, которая ранее воспринималась как определяющая особенность британского колониализма. Решающими для его исследования были этнокультурные различия между метрополией и колонией — например, между англичанами и валлийцами²⁷. Следующим шагом после Хечтера стала деконструкция этнических различий — выявление внутреннего колониализма внутри мозаичного полиэтничного поля, которое структурировано властью. В этом — «неэтническом» — значении понятие внутренней колонизации/колониализма было использовано историком Юджином Вебером [Weber 1976], социологом Элвином У. Голднером [Gouldner 1977/1978], антропологом Джеймсом Скоттом [Scott 1998], литературоведом Марком Нетцловом [Netzloff 2003] и некоторыми медиевистами [Fernandez-Armesto, Muldoon 2008]. В своей книге о французской культуре середины XX века историк Криспин Росс, возобновляя дискуссию о «бумеранге», показывает, как Франция обратилась к «форме внутреннего колониализма» в тот период, когда «рациональные административные методы, разработанные в колониях, были доставлены домой» [Ross 1995: 7]. К методологической рефлексии понятия внутренней колонизации обратился Джон Чавес [Chavez 2011], аргументирующий его продуктивность в сегодняшней интеллектуальной ситуации.

Аналитики обсуждали идею внутренней колонизации, как правило, со смешанными чувствами [Hind 1984; Liu 2000; Calvert 2001]. Процессы внутренней колонизации изучались на примере Китая, Израиля и некоторых других стран, где представители доминирующей культуры переселенцев по тем или иным причинам вступали в конфликт с «местными» [Gladney 1998; Perez 1999; Mackenthun 2000; Singh, Schmidt 2000; Krupat 2000].

На материале российской истории такие исследования только начинаются, однако именно для России они особенно важны. Постколониальные исследователи в работах общего характера обычно игнорируют историю России [о возможных причинах этого пробела см.: Эткин 2011]. При изучении русской литературы и истории, однако, понятие внутренней колонизации обсуждалось рядом авторов [Гройс 1993; Эткин 1998, 2002; Etkind 2007 и др.; Кагарлицкий 2009; Viola 1998; Condee 2009; ср. о самоколонизации: Kujundzic 2000]. Видные

²⁶Впрочем, уже за несколько лет до этого афроамериканские активисты Харолд Крузе, Стокли Кармайкл и Чарльз В. Хамилтон [Carmichael, Hamilton 1967; Cruse 1968] описывали положение темнокожего населения США в терминах «домашнего колониализма» (Крузе) или «колониальной аналогии» (Кармайкл и Хамилтон).

²⁷Приблизительно тогда же Харолд Волпи — живший в эмиграции в Британии южноафриканский экономист, член Коммунистической партии Южной Африки — опубликовал две работы о «внутренне-колониальном» характере режима апартеида [обобщающая: Wolpe 1975].

историки упоминали о том, что внутренняя политика Российской империи имела колониальный характер, но не конкретизировали этот тезис [Braudel 1967:62; Rogger 1993; Lieven 2003: 257; Snyder 2010: 391].

В 2001 году Дэвид Чайони Мур сформулировал вопрос о применимости категорий постколониальных исследований к постсоветскому контексту [Moore 2001]. Исследователи из стран Восточной Европы [например, Kelertas 2006: 3-4], откликнувшись на этот вопрос, расширили обсуждаемый в статье Мура временной промежуток включив в него и более ранний период. В ракурсе постколониальных исследований обсуждались факты и обстоятельства имперского правления в Восточной Европе, включая как царскую Россию, так и Пруссию, Габсбургскую и Османскую империи, а также Польшу и Литву, которая в некоторые периоды рассматривается как имперское пространство [Nowak 2004, 2011; Koyama 2007].

Категории постколониальных исследований для описания восточноевропейских феноменов с начала 1990-х годов все более активно используются в украинистике [Pavlyshyn 1992, 1993; Shkandrij 2001; Velychenko 2002; Simonek 2003; Chernetsky 2007; Korek 2007; Жеребкин 2007; Kratochvil 2010; Рябчук 2011 и др.²⁸], а с конца того же десятилетия — в исследованиях других постсоветских и постсоциалистических государств [примеры: Vatanabadi 1996; Горшенина 2007; Gorshenina, Abashin 2009; Абашин 2011 и др.; см. также обзор: Sproede, Lecke 2011]. В 2000-е годы можно наблюдать примеры националистического — или, во всяком случае, культурно-эссенциалистского — толкования постколониальных подходов [Best 2007]. Иногда российская государственность трактуется как неизбежно империалистическая, всегда подавляющая культуры других народов и не имеющая иной перспективы [Thompson 2000 и особенно 2005]. Российские радикальные националисты сегодня тоже используют постколониальную риторику [см., например: Крылов 2006], часто — хотя и не обязательно — интерпретируя империалистический дискурс как антиколониальную защиту «угнетаемого русского народа»²⁹.

В 2000-е годы исследование внутренней колонизации как типологического явления и внутренней колонизации России как «модельного» сюжета становится самостоятельным проблемным полем, в котором работают авторы, придерживающиеся разных методологий. Оно формируется на скрещении постимперских и постколониальных исследований и, соответственно, соединяет в себе историко-социологический (идуший от «постимперского» направления) и историко-культурный и историко-антропологический подходы (идущие от «постколониального» направления). Исследование внутренней колонизации позволяет вписать историю России и бывшего «второго мира» в масштабный пересмотр исторических парадигм, который начался в науке последних десятилетий.

4

Примечательно, что и универсалистские опыты применения категорий постколониализма к Восточной Европе и Евразии, и культурно-националистическая версия этого подхода натолкнулись в международной академической среде на протест и отторжение, вызванные разными причинами. Самыми вескими здесь можно считать сомнения историков, которые другим категориям постколониализма предпочитают термин «империя» [Ауст, Вульпиус,

²⁸Во второй половине 2000-х и в начале 2010-х крайности постколониального подхода в украинской историографии стали предметом методологически тонкой критики в работах Андрия Портнова [см., например: Портнов 2012].

²⁹Об этой форме инверсии империализма подробно пишет Н. Конди в сборнике: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Миллер 2010; о современных методологических дискуссиях см. также: Абашин 2011], а для описания таких феноменов, как внутренняя колонизация России, предлагают использовать другие понятия — например, «внутренняя периферия» [ср.: Nolte 1991]. Однако мы полагаем, что применение постколониальных методов может оказаться продуктивным при изучении культурных стратегий, которые вырабатываются имперским руководством, контрэлитами колонизированных народов и культурными элитами империи. Эти стратегии сложными и разнообразными путями взаимодействовали и переплетались в культурной жизни империй и их внутренних колоний — например, на значительной части территорий Российской империи (а также СССР и постсоветской России) и Австро-Венгрии [ср.: Feichtinger, Prutsch, Csaky 2003].

Проверяя на материале российской истории постколониальные идеи, предложенные Эдвардом В. Саидом, Хоми Бхабхой, Генри Луисом Гейтсом или Гайатри Спивак, мы сосредотачиваем внимание прежде всего на описанных ими колониальных и постколониальных формах коммуникации между людьми, общественными группами и политическими акторами и на культурном значении этих форм. Кроме того, для нас важны предложенные этими авторами методы исследования, потребовавшие новой терминологии. В различных контекстах рассмотрения внутренней колонизации России авторы собранных в этом сборнике статей используют такие понятия, как «мимикрия» (*mimicry*), «гибридность» (*hybridity*; в случае внутренней колонизации наслоение «своего» и «чужого» становится особенно парадоксальным), «перформативность культурных оппозиций», «субальтерность» (*subalternity*), «дееспособность» (*agency*).

Следует оговорить, что наш подход метафоричен, что неизбежно в культурной истории. Вопрос для нас состоит не в том, верна ли модель внутренней колонизации, а в том, может ли эта метафора принести эвристическую «добавленную стоимость» [см.: Liu 2000: 1361]. На наш взгляд, она наиболее продуктивна при интерпретации культурной и социальной истории империи, так как колонизация основана на «сверхэкономическом» производстве культурных различий — производстве, которое порождает не только экономические, но прежде всего культурные и антропологические последствия.

Критики нашего подхода уже отмечали, что любые проявления российско-имперского нарциссизма неприемлемы, поскольку заставляют забыть о жертвах российского внешнего колониализма [Chernetsky 2007; Гундорова 2011]. Мы стремились к тому, чтобы в рисуемой нами картине имперского прошлого нашлось бы место для жертв и для агентов колониализма и внешнего, и внутреннего. История — не игра с нулевой суммой, и внимание к внутренней колонизации (к примеру, крепостных крестьян) совсем не означает отсутствие внимания к внешней колонизации (к примеру, поляков). Собранные в нашем сборнике³⁰ статьи ни в коем случае не оспаривают факт одновременности и координации процессов внешней и внутренней колонизации, а, наоборот, высвечивают соотнесенность внутренней и внешней колонизации и взаимные переходы этих двух практик в истории Российской империи и сопредельных стран.

5

В теориях, анализирующих опыт «классических» европейских империй, внутренняя колонизация обычно рассматривается как феномен вторичный или второстепенный по сравнению с внешней, «заморской». Однако, например, колонизация Уэльса и Ирландии, которую анализировал Хечтер, началась раньше, чем «золотой век» британского колониализма: напо-

³⁰Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткина, Д. Уффельманна, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — 960 с.

мним, что в качестве нижней временной границы исследования Хечтера взят 1536 год. Причина такого «ухода в тень» внутренней колонизации состоит в том, что она часто рассматривается как составная часть процессов становления современных наций. В самом деле, в ряде случаев — хотя, конечно, ирландский к ним не относится — внутренняя колонизация направлена на уменьшение внутренних культурных различий и на растождествление культурных и социальных границ. В результате этого «стирания» все большее число социальных групп начинает отождествлять себя с «воображаемым сообществом», которое изначально имеет смысл только для культурных и политических элит. Образцом исследования подобного рода процессов является известная книга Юджина Вебера «Из крестьян — во французов» [Weber 1976]. Собственно, и историки национализма от Бенедикта Андерсона до Лии Гринфилд описывают становление понятия «нация» как распространение этого термина с элит на всех, кто говорит на определенном языке и/или населяет определенную территорию [Anderson 1991: 37-46; Greenfield 1992: 215-222, 247-250].

В континентальных империях было не совсем так: имперские администрации, пусть и не всегда последовательно, поддерживали культурные различия, позволявшие им управлять пестрыми по этническому составу территориями. В России было совсем не так: одной из важнейших административных практик в ее истории стало взаимное обращение социальных и культурных различий, определение этносов по аналогии с сословиями и придание сословиям черт субэтносов. С этой практикой была тесно связана внутренняя колонизация, при которой власти принципиально не желали делать различий между разными типами колоний: исторически недавно присоединенные области описывались как «исконные», а на территориях, входящих в историческое ядро России, то и дело находились экзотические, таинственные социальные группы: старообрядцы, скопцы или просто лесковские «антики» или крестьяне-«головотяпы» из «Истории одного города» Салтыкова-Щедрина. Не выносившие друг друга в жизни, Лесков и Салтыков-Щедрин сделали в своей прозе одно и то же открытие: они показали крестьян как носителей не инфантильной, а скорее альтернативной логики, не подчиняющейся «городским» правилам. Впоследствии действие подобной «запредельной» — но по-своему крайне последовательной — логики сделал предмет художественного осмысления Андрей Платонов.

Самым ярким примером неразграничения внешнего и внутреннего, «исконного» и экзотического в истории России является история управления Украиной и ее восприятия в культуре. Начиная с конца XVII века московские, а затем и петербургские власти взяли на вооружение идеологию, разработанную в «Синописе...» архимандрита Иннокентия (Гизеля)³¹, — о единстве русского и украинского народов. К концу XVIII века были ликвидированы почти все следы былой автономии Гетманщины. «И в геополитическом, и во внутривнутриполитическом отношении Малороссийское генерал-губернаторство все больше превращалось из оспариваемой окраины между Речью Посполитой, Османской империей и Россией во внутреннюю часть Российской империи, во многих отношениях даже в часть имперского ядра, откуда черпались материальные и людские ресурсы для освоения новых территорий и управления всей империей» [Миллер 2007: 59]. При этом еще в XIX и даже в начале XX века Украина предстает в художественной литературе как страна экзотическая, принципиально отлича-

³¹До начала XIX века «Синопис...» использовался в России как школьный учебник по истории; именно из этого сочинения, во многом опиравшегося на работы польского историка М. Стрыйковского, черпались такие легендарные сведения о ранних правителях России, как, например, смерть «вещего» Олега «от коня своего». Архимандрит Иннокентий был предположительным сочинителем или редактором «Синописиса...», однако некоторые историки сомневались в его авторстве [Лаппо-Данилевский 1920: 23; Пештич 1958: 285] и называли других возможных авторов — например, печатавшего эту книгу Ивана Армашенко [Формозов 2005]: его имя зашифровано в акrostихе, которым оканчивается издание 1680 года.

ющаяся от «центральной» России, населенная удивительными существами: казаками, ведьмами (от гоголевской Панночки до купринской Олеси), русалками... На политическом уровне шла гомогенизация империи, на культурном — экзотизация Украины и представление ее как пространства, где предки жителей Москвы и Петербурга исповедовали древние, ныне забытые, но таинственные и жутковатые языческие обряды³². Украина не только в русской, но во многом даже и в украинской культуре [вплоть до современности — см., например: Гнатюк 2005] стала локусом смешения и затрудненного различения «своего» и «чужого» и, таким образом, сохранила свой «пограничный» статус, которого она после ликвидации автономии Гетманщины не имела политически³³.

Именно важность «случая Украины» дает нам основания придать отношениям русской и украинской культур значение модели, на примере которой взаимопереход представлений о внешней и внутренней колонизации в культуре империи виден особенно ясно³⁴.

6

По-видимому, еще в XVI-XVII веках начинает складываться важнейшая особенность российского государственного дискурса, обусловленная российскими практиками управления. Московское царство и особенно Российская империя репрезентируются как государство русское и одновременно — всеобщее, универсальное. Монархическая власть выражала себя как национальная и наднациональная сразу, как завоевавшая Россию извне и в то же время неотделимая от ее народа и его культуры³⁵. Эта стратегия отличает Россию от других континентальных империй, в которых власть позиционировала себя как в первую очередь наднациональная (Габсбурги) или как этнически и религиозно определенная (Византия; Османская империя, несмотря на размывание этнической определенности правящих элит, происходившее благодаря рекрутированию янычар из различных покоренных народов³⁶).

Представление имперских властей о том, каким должно быть совмещение национального и наднационального, само неоднократно менялось в ходе эволюции русской монархии; об этом свидетельствуют официальные политические программы отдельных царствований [Уортман 2004] и собственно управленческие практики [Долбилов 2010]. Схематизируя, можно говорить о том, что в XVIII веке в этих представлениях доминировало «имперское», а в XIX-м, начиная с разработки доктрины «официальной народности» С.С. Уварова (начало 1830-х годов), — «национальное» начало. И все же характерны трудности, с которыми столкнулся Уваров, который стремился увязать способность быть русским с *лояльностью императору*: как показал А.Л. Зорин, Уваров в своей программе фактически определил «народность» через православие и самодержавие [Зорин 2001]. Таким образом, порожденные внутренней колонизацией представления о том, кем и как управляет имперская власть, оказали

³²Только в описаниях центра Украины, Киева, значимым компонентом оказывалось его представление как «обычного» имперского провинциального города [Булкина 2004: 98].

³³О двойственном, «амфибийном» самосознании украинских элит конца XVIII века см., например: Гундорова 2006.

³⁴В сборнике «Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей» / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012 помещены сразу несколько статей, осмысляющих этот взаимопереход именно на украинском и «казацьем» материале: это работы Г. Киришбаума, М. Рябчука, В. Киселева и Т. Васильевой.

³⁵Примеры см.: Уортман 2004 и в статье Ш. Родевальда в сборнике: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012.

³⁶Впрочем, не будем забывать, что последствия этого размывания были отчасти смягчены тем, что все янычары были обязаны исповедовать особую разновидность ислама — бекташизм.

существенное влияние на становление и развитие национализма в России — и не только национализма нерусских этносов, но и собственно русского.

Отмена крепостного права в 1861 году была актом деколонизации. Тем не менее внутренняя колонизация и после нее осталась фундаментальной составляющей российской имперской практики, хотя и сменила форму и типы репрезентации. Р. Уортман показал, как в разговорах и переписке с великим князем Александром Александровичем, будущим царем Александром III, Константин Победоносцев создал парадоксальную риторическую конструкцию: русские, как народ, склонный к лени и лжи, нуждаются в «сильной руке», в управлении жесткого, сурового государя — и в то же время абсолютистская власть может совершать чудеса, если действует в единстве с народом [Уортман 2004, II: 261]. Репрезентация монарха как завоевателя в «сценарии» царствования Александра III изменилась: теперь это покорение страны представлялось как дело, осуществляемое самими же русскими — точнее, армией, приобретшей подчеркнуто русский облик [Там же: 274]; в «инородческих» же областях империи резко усилилась русификаторская политика [Там же: 327]. Риторическое совмещение и противопоставление власти как «своего-чужого» для империи сменились в этом случае демонстрацией «принадлежности-непринадлежности» власти к обществу, понимаемому этнически.

7

Практики внутренней колонизации и их культурное представление изменились во второй половине XIX века под влиянием сразу нескольких общественных тенденций, прежде всего национализма современного типа — демократического, антиаристократического. Своеобразной формой такого национализма можно считать народничество, которое парадоксально объединяло колонизационные и антиколонизационные принципы: стремление просветить крестьян интерпретировалось многими народниками как «цивилизаторская миссия», но крестьянский «народ» в его исторически сложившихся социальных и культурных формах оставался для них высшей ценностью; Бакунин сформулировал этот антиколонизационный тезис в своем знаменитом лозунге: «Не учить народ, а учиться у народа»³⁷. Вслед за русской этнографией, движением, оказавшим существенное влияние на представления о внутренней колонизации, возникли эстетический модернизм и его составная часть, примитивизм. Европейский модернизм широко использовал эстетизированные образы наивного или архаического искусства. В России такое восприятие традиционного общества привело к оценке крестьянской культуры как экзотической и заслуживающей эстетизации, что способствовало разви-

---

³⁷Бакунин повторял этот лозунг во многих работах. См., например, характерный пассаж: «Вопрос о нашем сближении с народом, не для народа, а для нас, для всей нашей деятельности, есть вопрос о жизни и смерти. Сближение это необходимо, но оно трудно, потому что требует с нашей стороны совершенного перерождения, не только внешнего, но и внутреннего. Борода, русское платье, жесткие руки, грубая речь не составляют еще русского человека. Нужно, чтоб ум наш выучился понимать ум народа, и чтоб наши сердца приучились бить в один такт с его великим, но для нас еще темным сердцем. Мы должны видеть в нем не средство, а цель; не смотреть на него как на материал революции по нашим идеям, как на „мясо освобождения“, напротив смотреть на себя, *если он на то согласится*, как на слуг своего дела. Одним словом, мы должны полюбить его пуще себя, дабы он вас полюбил, дабы он нам свое дело поверил.

Любить страстно, отдаваться всею душою, побеждать громадные трудности и препятствия, силою любви и жертвы победить ожесточенное сердце народное — дело молодости. Вот где ее назначение! Учиться она должна у народа, а не учить. Не себя, а его возвышать и вся отдать его делу. Ну, тогда народ признает ее» [Бакунин 1920].

Как пишет Лори Манчестер в статье, помещенной в этом сборнике, своеобразие логики народников можно уточнить, если сопоставить их просветительскую и этнографическую деятельность с работой европейских христианских социалистов XIX века среди бедняков.

тию множества художественных явлений, от абрамцевской школы до неонародничества символистов и позднее, а позднее — от увлечения коми шаманизмом Василия Кандинского до книжной графики Ивана Билибина. Художественным образам внутренней колонизации в русской культуре посвящен ряд статей нашего сборника³⁸.

В советских и постсоветских изводах внутренняя колонизация приобрела заостренно политический характер. Советская версия внутренней колонизации была основана на двух важнейших социально-политических инновациях, которые не предусматривались марксизмом, но начали быстро складываться сразу после революции. Первая из них — огромное значение, которое получили при новом режиме мобилизационные и репрессивно-силовые методы решения экономических и политических проблем: продразверстка, военное подавление крестьянских восстаний, коллективизация. Однако наиболее страшным примером таких практик стала эксплуатация заключенных ГУЛАГа, которая может быть описана как экстремальная форма внутренней колонизации³⁹.

Вторая инновация, о которой мы говорим, — это совокупность пропагандистских и управленческих стратегий, которая позволила историку Терри Мартину в своей книге определить СССР как «империю „положительной деятельности“»⁴⁰. Советское государство провозглашало себя главным эмансипатором «малых» народов империи и всего мира, хотя чем дальше, тем больше подавляло любые сколь-либо «самодеятельные» национальные движения на своей территории. В риторике большевистских руководителей был очень силен антиколониаторский пафос, а в их практических действиях 1920-х годов важное место занимала позитивная дискриминация в пользу прежде «угнетавшихся» народов. Тем самым политические элиты СССР централизовали любую антиколониальную деятельность, постепенно отняв право и возможность ее вести у руководства национальных движений и вновь созданных автономий.

Сходным образом было организовано советское «освобождение» крестьян: большевистская власть начала свою работу с издания ленинского Декрета о земле⁴¹, за которым очень быстро последовало введение продразверстки и жестокое подавление многочисленных крестьянских бунтов [Кондрашин 2009], а в конце 1920-х — насильственная коллективизация сельского хозяйства, обернувшаяся катастрофическим голодом в Украине, Казахстане и южных областях Европейской России и вооруженными восстаниями на Северном Кавказе. Еще один пример подобной практики — советское «освобождение женщин», которое принесло новую, завуалированную форму их эксплуатации — почти обязательную занятость, при которой домашнее хозяйство и воспитание детей оставались по-прежнему специфически «женскими» сферами деятельности, а возможность нанять домработницу была только у семей партийной номенклатуры (несмотря на партмаксимум) и приближенных к ней технических, культурных и научных элит. Советское руководство продолжило внутреннюю колонизацию под антиколониальными лозунгами⁴².

³⁸М. Лекке, Ш. Родевальда и И. Шевеленко.

³⁹В сборнике «Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей» / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012 помещена статья Д. Хили, посвященная интерпретации ГУЛАГа как внутренней колонизации СССР.

⁴⁰Мартин 2011; точнее было бы, конечно, перевести «affirmative action empire» [Martin 2001] как «империя „положительной дискриминации“».

⁴¹Меньше чем через полгода этот декрет, фактически повторявший аграрную программу партии эсеров, был заменен более жестким по духу декретом ВЦИК от 19 февраля 1918 года за подписью В. Ульянова (Ленина) и Я. Свердлова «О социализации земли», который, в отличие от Декрета о земле, уже не содержал ссылок на будущее разрешение вопроса о земле Учредительным собранием.

⁴²Анализ этого процесса на материале «мобилизации трудящихся в литературу» предложен в сборнике «Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей» / Под ред. А. Эткинда,

Постсоветский период в истории России в значительной степени может быть описан как постколониальный по отношению к практикам внутренней колонизации. Власть так или иначе стремилась предложить или навязать гражданам подобие договора, предполагавшего участие региональных «субалтернов» в политическом процессе, но уже с середины девяностых годов постепенно устранившего граждан из политики в обмен на «стабильность» и реформы, со временем все больше откладываясь на будущее. Российские крестьяне оказались вытеснены на периферию и экономической жизни, и общественного сознания [подробнее о ситуации в постсоветской деревне см.: O'Brien, Wegren 2002; Allina-Pisano 2008].

Более того, в политической риторике и в содержании российских медиа, как много раз отмечали аналитики, в 1990-е и особенно в 2000-е годы усилились неоимперские тенденции. Форму собственно внутренней колонизации они приняли преимущественно в отношениях с Северным Кавказом⁴³, однако обращение центральной власти с другими регионами России тоже несет в себе скрытые, но узнаваемые черты привычной административной практики: «ползучее» подавление федеративной системы [Захаров 2008], отказ от выборности губернаторов, восприятие населения как аудитории телевизионной пропаганды и политтехнологического воздействия. Еще более очевидны «неоколониальные» черты в современном отношении центральных властей к Сибири. Когда эта книга была уже подготовлена к печати, российская пресса сообщила о разработке под эгидой двух российских министерств законопроекта о новой госкорпорации, которой предполагается передать управление экономикой Сибири. Задачей новой корпорации, по мнению наблюдателей, станет не развитие социальной инфраструктуры региона, а только его экономическая эксплуатация, вполне колониальная по своему типу [Ефимов 2012]. «Новая госструктура со штаб-квартирой во Владивостоке получит беспрецедентно комфортные условия работы. Разработчики законопроекта подчеркивают, что для нее и ее проектов <...> существенно упрощаются процедуры, регулирующие градостроительную деятельность и земельные отношения. <...> по решению правительства госкомпания может получить „без проведения предусмотренных действующим законодательством конкурсных процедур права пользования недрами и лесными ресурсами...“» [Мельников, Гудков, Панченко 2012]. (Впрочем, проект резко раскритиковали экономисты, и в их числе — министр финансов России Антон Силуанов, который фактически признал предполагаемую госкорпорацию вредной для развития экономики страны [Росбалт 2012].)

Такое возвращение к политике внутренней колонизации приводит к маргинализации провинции и даже к активизации сепаратистских настроений (например, в Сибири именно в начале 2010-х стали более активными организации, выступающие за отделение региона от

Д. Уффельманна, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012 в статье И. Калинина, а на материале «освобождения женщин Востока» — в статье Ю. Градсковой.

Кажется, едва ли не первым общую внутренне-колониационную логику «положительной активности» описал в одной из поздних статей Л.Д. Троцкий «Кремлевская бюрократия говорит советской женщине: так как у нас — социализм, то ты должна чувствовать себя счастливой и отказаться от абортов (под угрозой наказания). Украинцу он (sic!) говорит, так как социалистическая революция разрешила национальный вопрос, то ты обязан чувствовать себя счастливым в СССР и отказаться от мысли об отделении (под страхом расстрела)» [«Независимость Украины и сектантская путаница», 30 июля 1939 года] [Trotsky 1949. цит. по русскому оригиналу, опубликованному в Интернете: <http://magister.msk.ru/library/trotsky/trotm477.htm> (18.12.2011)].

⁴³С той оговоркой, что, как не раз отмечали политологи, патронатно-клиентские отношения центральных и северокавказских элит, предполагающие готовность «Москвы» в обмен на лояльность своих клиентов предоставлять им практически безраздельную власть на «вверенных» территориях, неожиданно напоминают очень архаические формы административной зависимости, сложившиеся задолго до формирования классических колониальных империй, прежде всего феодальный вассалитет и систему личной унии.

остальной России — как националистические, так и либеральные [Герасименко 2012]). Немудрено, что в культуре, производимой в «столицах», нарастает обратная тенденция — восприятие провинциальной России как пугающего и в то же время притягательного, существующего по иррациональным законам пространства, своего рода инсценированного, «разыгранного по ролям» общественного невроза⁴⁴.

По-другому постколониальное состояние представлено в сознании граждан других постсоветских государств — в частности, тех носителей русской культуры, которые считают себя наследниками «внутренних колонизаторов», соглашаясь с этим наследием или отторгая его. В сочетании с эмансипационными, иногда универсалистскими, иногда фундаменталистскими, иногда националистическими настроениями населения бывших «союзных республик» это приводит к завязыванию сложных полемик об имперском наследии⁴⁵. Наш сборник показывает меняющееся влияние внутренней колонизации на культурное самосознание и политическое поведение разнообразных общественных групп, взаимодействие которых составило историю Российской империи, Советского Союза и постсоветского пространства.

Абашин С. 2011. Нации и постколониализм в Центральной Азии двадцать лет спустя: переосмысливая категории анализа/практики. — *Ab Imperio*. — №. 3. — С. 193-210.

Ауст М., Вульпиус Р., Миллер А. 2010. Предисловие. Роль трансферов в формировании образа и функционировании Российской империи (1700-1917). — *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи* / Под ред. М. Ауста, Р. Вульпиус, А. Миллера. — М.: Новое литературное обозрение. — С. 5-13.

Бакунин М.А. 1920. Народное дело. — Бакунин М.А. *Избранные произведения*: В 5 т. Т. 3. — Пб.-М.: Голос труда.

Белый А. 1981. *Петербург. Роман в восьми главах с прологом и эпилогом* / Издание подготовил Л.К. Долгополов. — М.: Наука.

Бенвенути Ф. 2011. Россия, Запад и Чечня. — *Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX середина XX в.)* / Под ред. П. Поляна. — М.: РОССПЭН. — С. 15-20.

Бобровников В.О. 2007. Последние волнения и политическая ссылка. — *Северный Кавказ в составе Российской империи* / Под ред. В. Бобровникова и И. Бабич. — М.: Новое литературное обозрение. — С. 136-154.

Бобровников И.О. 2010. Русский Кавказ и Французский Алжир: случайное сходство или обмен опытом колониального строительства? — *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи* / Под ред. М. Ауста, Р. Вульпиус, А. Миллера. — М.: Новое литературное обозрение. — С. 182-209.

Бобровников В.О., Бабич И.Л. 2007. Мухаджирство и русская колонизация. — *Северный Кавказ в составе Российской империи* / Под ред. В. Бобровникова и И. Бабич. — М.: Новое литературное обозрение. — С. 155-183.

Булкина И. 2004. Киевский текст в русском романтизме: проблемы типологии. — *Лотмановский сборник. Вып. 3* / Под ред. Т.Н. Киселевой, Р.Г. Лейбова, Т.Н. Фрайман. — М.: ОГИ. — С. 93-104.

---

⁴⁴Эта тенденция исследована в статье Н. Конди, помещенной в сборнике: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012.

⁴⁵Одна из таких полемик — локальная, но очень богатая культурными смыслами — исследована в статье К.М.Ф. Платта в данном номере журнала «Политическая концептология».

- Герасименко О. 2012. «Как колонией была, так и останется». — *Коммерсантъ-Власть*. 16 апреля. — Доступно: <http://www.kommersant.ru/doc/1907724> — Проверено: 12.05.2012.
- Гессен В.М. 1909. *Подданство, его установление и прекращение*: Т. 1. — СПб.: Тип. «Правда».
- Гнатюк О. 2005. *Прощания з імперією: Українські дискусії про ідентичність* / Перекл. з польск. А Бондара та ин. Київ: — Критика, 2005.
- Горшенина С. 2007. Извечна ли маргинальность русского колониального Туркестана, или Войдет ли постсоветская Средняя Азия в область post-исследований? — *Ab Imperio*. — № 2. — С. 209-258.
- Гройс Б.Е. 1993. *Утопия и обмен*. — М.: Знак.
- Гундорова Т. 2006. «Котляревщина»: колониальний кітч. — Гундорова Т. *Кітч і література. Травестії*. — Київ: Факт. — С. 92-122.
- Гундорова Т. 2011. «Внутрішня колонізація — повторна колонізація. — *Критика*. — № 9-10. — С. 23-26.
- Деррида Ж. 1999. Различение / Пер. с фр. Н.В. Сулова. — Деррида Ж. *Голос и феномен и другие работы по теории знака Гуссерля*. — СПб.: Алетейя. — С. 169-208.
- Деррида Ж. 2000. Фрейд и сцена письма. — *Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму* / Пер. с фр., составление и вступ. ст. Г.К. Косикова. — М.: Издательская группа «Прогресс». — С. 336-378.
- Долбилов М. 2010. *Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II*. — М.: Новое литературное обозрение.
- Ефимов А. 2012. Ост-Российская компания. — *Сайт «Лента.ру»*. 24 апреля. — Доступно: <http://lenta.ru/columns/2012/04/23/colonize/> — Проверено: 12.05.2012.
- Жеребкин С. 2007. Наслаждение быть украинкой: вдохновение постколониальности в украинских гендерных исследованиях. — *Гендерные исследования (Харьков)*. — Вып. 15. — С. 272-294.
- Захаров А. 2008. *Унитарная федерация: Пять этюдов о российском федерализме*. — М.: Московская школа политических исследований.
- Зорин А.Л. 2001. *Кормя двуглавого орла... Литература и государственная идеология в России в последней трети XVIII — первой трети XIX века*. — М.: Новое литературное обозрение.
- Кагарлицкий Б.Ю. 2009. *Периферийная империя: циклы русской истории*. — М.: Эксмо.
- Кадио Ж. 2010. *Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860-1940* / Пер. с фр. Э. Кустовой. — М.: Новое литературное обозрение.
- Казанский П.Е. 1913. *Власть всероссийского императора. Очерки действующего русского права*. — Одесса: Техник.
- Карамзин Н.М. 2002. Мнение русского гражданина [17 октября 1819 г.]. — Карамзин Н.М. *О древней и новой России*. — М. — С. 436-443.
- Киршбаум Г. 2010. Конференция «Внутренняя колонизация России» (Пассау, Германия, 23—25 марта 2010 г.). — *Новое литературное обозрение*. — № 105. — С. 421-428.
- Ключевский В.О. 1987. Курс русской истории [Кн. 1]. — Ключевский В.О. *Сочинения: В 9 т.* Т. 1. — М.: Мысль.
- Ключевский В.О. 1990. Афоризмы. — Ключевский В.О. *Сочинения: В 9 т.* Т. 9. — М.: Мысль.
- Кондрашин В.В. 2009. *Крестьянство России в Гражданской войне: к вопросу об истоках сталинизма*. — М.: РОССПЭН.
- Кручковский Т.Т., Хилота В.А. 2011. «Записка о Польше» Н.М. Карамзина как определение польского вопроса в России в первой трети XIX века. — *История Польши в историо-*

графической традиции XIX — начала XX вв.: материалы Международной научной конференции. Гродно, 29-30 октября 2009 г. / Под общ. ред. Т.Т. Кручковского. — Гродно: ГрГУ. — С. 95-103.

Крылов К. 2006. Итоги Саида: жизнь и книга — Саид Э.В. *Ориентализм: Западные концепции Востока* / Пер. с англ. А.В. Говорунова. — СПб.: Русский Мир. — С. 598-635.

Лакиер А. 1847. История титула государей России. — *Журнал Министерства народного просвещения*. — № 10-11.

Лакиер А. 1855. *Русская геральдика. Кн. 1*. — СПб.: В типографии II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии.

Лаппо-Данилевский А.С. 1920. Очерк развития русской историографии — *Русский исторический журнал*. — Кн. 6.

Ленин В.И. 1967а. К характеристике экономического романтизма. Сисмонди и наши отечественные сисмондисты — Ленин В.И. *Полн. собр. соч.: В 55 т.* 5-е изд. — М.: Гос. изд-во политической литературы. — Т. 2. — С. 119-262.

Ленин В.И. 1967б. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка промышленности — Ленин В.И. *Полн. собр. соч.: В 55 т.* 5-е изд. — М.: Гос. изд-во политической литературы. — Т. 3. — С. 1-609.

Ленин В.И. 1967в. Капитализм в сельском хозяйстве — Ленин В.И. *Полн. собр. соч.: В 55 т.* 5-е изд. — М.: Гос. изд-во политической литературы. — Т. 4. — С. 92-152.

Лор Э. 2010. «Германское заимствование»: подданство и политика в области иммиграции и натурализации в Российской империи конца XIX — начала XX века / Пер. с англ. М. Лоскутовой — *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи* / Под ред. М. Ауста, Р. Вульпиус, А. Миллера. — М.: Новое литературное обозрение. — С. 330-353.

Лор Э. 2012. Гражданство и подданство. История понятий / Пер. с англ. С.С. Константиновой // *Понятия о России: К исторической семантике имперского периода: В 2 т.* — М.: Новое литературное обозрение. — С. 197-222.

Любавский М.К. 1996. *Обзор истории русской колонизации*. — М.

Мартин Т. 2011. *Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939* / Пер. с англ. О. Щёлоковой. — М.: РОССПЭН.

Мельников К., Гудков А., Панченко А. 2012. Вся власть в Сибири. Восточные регионы страны могут получить беспрецедентные права — *Коммерсантъ*. 20 апреля. — Доступно: <http://kommersant.ru/doc/1919404> — Проверено: 12.05.2012.

Миллер А.М. 2007. Малороссийское генерал-губернаторство — *Западные окраины Российской империи* / Под ред. М. Долбилова, А Миллера. — М.: Новое литературное обозрение. — С. 58-59.

Пештич С.Л. 1958. «Синописис» как историческое произведение — *Труды Отдела древнерусской литературы*. — М.-Л.: Изд-во АН СССР. — Т. XV. — С. 284-298.

Полян П. 2001. *Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР*. — М.: ОГИ.

Портнов А. 2012. Третий (не)лишний. Переосмысление наследия Польско-Литовской Речи Посполитой и Украина — *Сайт «Уроки истории. XX век»*. Блог Андрея Портнова. 23 января. — Доступно: <http://urokiistorii.ru/blogs/andrei-portnov/2871> — Проверено: 25.01.2012.

Пыжиков А.В. 2003. *Административно-территориальное устройство России. История и современность*. — М.: Olma Media Group.

Ремнев А. 2004. Вдвинуть Россию в Сибирь: Империя и русская колонизация второй половины XIX — начала XX века — *Новая имперская история постсоветского про-*

странства (Библиотека журнала «*Ab Imperio*»). — Казань: Центр исследований национализма и империи. — С. 223-242.

Ремнев А. 2010. Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: колониализм без министерства колоний — русский «*Sonderweg*»? — *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи* / Под ред. М. Ауста, Р. Вульпиус, А. Миллера. — М.: Новое литературное обозрение. — С. 150-181.

Ремнев А.В., Дамешек Л.М., Дамешек И.Л., Зиновьев В.П. и др. 2007. *Сибирь в составе Российской империи* / Под общ. ред. А.В. Ремнева и Л.М. Дамешека. — М.: Новое литературное обозрение.

Росбалт (Б.а.). 2012. Минфин раскритиковал идею госкорпорации по развитию Сибири — *Сайт информационного агентства «Росбалт»*. 2 мая. — Доступно: <http://www.rosbalt.ru/business/2012/05/02/976396.html> — Проверено: 12.05.2012.

Рябчук М. 2011. *Постколониальный синдром. Спостереження*. — Київ: К.І.С.

Сандерленд В. 2010. Министерство Азиатской России: никогда не существовавшее, но имевшее для этого все шансы колониальное ведомство / Пер. с англ. В. Макарова — *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи* / Под ред. М. Ауста, Р. Вульпиус, А. Миллера. — М.: Новое литературное обозрение. — С. 105-149.

Свод Законов Российской Империи. 1912. — СПб.: Книжное товарищество «Деятель»: В 5 кн. — Кн. 1.

Слѣзкин Ю. 2008. *Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера* / Авториз. пер. с англ. О. Леонтьевой. — М.: Новое литературное обозрение.

Соловьев С.М. 1993. История России с древнейших времен. Т. 4 — Соловьев С.М. *Соч.: В 18 кн.* Кн. 2. — М.: Голос. — С. 385-763.

Уортман Р. 2004. *Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т.* / Пер. с англ. С. Житомирской, И. Пильщикова. — М.: ОГИ.

Успенский Б.А. 2000. *Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов*. — М.: Языки русской культуры.

Филюшкин А.И. 2006. *Титулы русских государей*. — М.-СПб.: Альянс-Архео.

Формозов А.А. 2005. *Человек и наука. Из записей археолога*. — М.: Знак.

Фуко М. 2005. «Нужно защищать общество». *Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году* / Пер. с фр. ЕА Самарской. — СПб.: Наука.

Черкасов П.Л. 1983. *Судьба империи. Очерк колониальной экспансии Франции в XVI-XV вв.* — М.: Наука.

Эткинд А. 1998. *Хлыст. Секты, литература и революция*. — М.: Новое литературное обозрение.

Эткинд А. 2002. Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России — *Ab Imperio*. — № 1. — С. 265-298.

Эткинд А. 2011. Дыра в картине мира: почему колониальные авторы писали о России, а постколониальные нет — *Ab Imperio*. — № 1. — С. 99-116.

Allina-Pisano J. 2008. *The Post-Soviet Potemkin Village: Politics and Property Rights in the Black Earth*. — Cambridge; New York; Melbourne et al.: Cambridge University Press.

Anderson B. 1991. *Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism*. — London: Verso (2nd ed.).

Arendt H. 1994. *The Origins of Totalitarianism* (1951). — New York: Harcourt Brace.

Bassin M. 1993. Turner, Solov'ev, and the «Frontier Hypothesis»: The Nationalist Signification of Open Spaces — *The Journal of Modern History*. — Vol. 65. — No. 3 (September). — P. 473-511.

- Best U. 2007. Postkoloniales Polen? Polenbilder im postkolonialen Diskurs — *Geographische Revue*. — Bd. 9. — No. 1/2. — S. 59-72.
- Blauner R. 1969. Internal Colonialism and Ghetto Revolt — *Social Problems*. — Vol. 16. — No. 4 (Spring). — P. 393-408.
- Braudel F. 1967. *Capitalism and Material Life, 1400-1800* / Transl. from French by Miriam Kochan. — London: Weidenfeld.
- Calvert P. 2001. Internal Colonisation, Development and Environment — *Third World Quarterly*. — Vol. 22. — No. 1. — P. 51-63.
- Carmichael S., Hamilton C.V. 1967. *Black Power: The Politics of Liberation in America*. — New York: Random House; Vintage Books.
- Casanova P.G. 1963. Sociedad Plural, Colonialismo Interno y Desarrollo — *América Latina*. — Vol. 6. — No. 3.
- Casanova P.G. 1965. Internal Colonialism and National Development — *Studies in Comparative International Development*. — Vol. 1. — No. 4.
- Cesaire A. 2000. *Discourse on Colonialism (1950)* / Transl. by Joan Pinkham. — New York: Monthly Review' Press
- Chavez J.R. 2011. Aliens in Their Native Lands: The Persistence of Internal Colonial Theory — *Journal of World History*. — Vol. 22. — No. 4. — P. 785-809
- Chernetsky V. 2007. *Mapping Postcommunist Cultures. Russia and Ukraine in the Context of Globalization*. — Montreal; London.- McGill-Queen's University Press.
- Condee N. 2009. *The Imperial Trace: Recent Russian Cinema*. — Oxford; New York: Oxford University Press.
- Cotier J. 1967/1968. The Mechanics of Internal Domination and Social Change — *Studies in Comparative International Development*. — Vol. 3. — No. 2. — P. 407-445.
- Cruse H. 1968. *Rebellion or Revolution?* — New York: William Morrow & Co.
- Dennison T.K., Carus A.W. 2003. The Invention of the Russian Rural Commune: Haxthausen and the Evidence — *The Historical Journal*. — Vol. 46. — No. 3. — P. 561-582.
- Etkind A. 2007. Orientalism Reversed: Russian Literature in the Times of Empires — *Modern Intellectual History*. — Vol. 4. — No. 3. — P. 617-628.
- Etkind A. 2011. *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. — Cambridge: Polity Press.
- Feichtinger J., Prutsch U., Csaky M. (Hrsg.). 2003. *Habsburg postcolonial. Machtstrukturen und kollektives Gedächtnis*. — Innsbruck et al.: Studien Verlag.
- Fernandez-Armesto F., Muldoon J. (Ed.) 2008. *Internal Colonization in Medieval Europe*. — Farnham: Ashgate/Variorum.
- Geraci R. 2001. *Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*. — Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
- Gladney D.C. 1998. Internal Colonialism and the Uyghur Nationality: Chinese Nationalism and its Subaltern Subjects — *Cahiers d'Etudes sur la Méditerranée Orientale et le monde Tlirco-Iranien*. — No. 25: Les Ouïgours au vingtième siècle. — P. 47-64.
- Gorshenina S., Abashin S. (Ed.). 2009. *Le Tlirkestan russe: une colonie comme les autres?* Paris: Complexe (Collection de l'IFeAC — Cahiers d'Asie centrale. — No. 17/18).
- Gouldner A.W. 1977/78. Stalinism: A Study of Internal Colonialism — *Telos*. — Vol. 34. — P. 5-48.
- Greenfield L. 1992. *Nationalism: Five Roads to Modernity*. — Cambridge, MA Harvard University Press.
- Harris D.J. 1972. The Black Ghetto as «Internal Colony»: A Theoretical Critique and Alternative Formulation — *Review of Black Political Economy*. Summer. — No. 2. — P. 3-33.

Haxthausen A.F. von. 1847. *Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die landlichen Einrichtungen Rufilands*. Zweiter Theil. — Hannover: Hahn'sche Hofbuchhandlung.

Hechter M. 1975. *Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536-1966*. — London: Routledge & Kegan Paul.

Hind R.J. 1984. The Internal Colonial Concept — *Comparative Studies in Society and History*. — Vol. 26. — No. 3. — P. 543-568.

Hobson J.A. 1902. *Imperialism: A Study*. — New York: James Pott and Co..

Kelertas V. (Ed.). 2006. *Baltic Postcolonialism. On the Boundary of Two Worlds: Identity, Freedom, and Moral Imagination in the Baltics*. — Amsterdam; New York: Rodopi.

Korek J. (Ed.). 2007. *From Sovietology to Postcoloniality. Poland and Ukraine in the Postcolonial Perspective*. (Sodertorn Academic Studies, 32). — Stockholm: Soedertoerns hoegskola.

Koyama S. 2007. The Polish-Lithuanian Commonwealth as a Political Space: Its Unity and Complexity — *Regions in Central and Eastern Europe: Past and Present* / Ed. by Tadavuki Hayashi and Fukuda Hiroshi. — Sapporo: Hokkaido University; Slavic Research Center. — P. 137-153.

Kratochvil A. 2010. Postkoloniale Lektüre ukrainischer Gegenwartsliteratur — *Anzeiger für Slavische Philologie*. — Bd. 36. — S. 31-73.

Krupat A. 2000. Postcolonialism, Ideology, and Native American Literature — *Postcolonial Theory and the United States: Race, Ethnicity, and Literature* / Ed. by A. Singh, P. Schmidt. Jackson. — MS: University Press of Mississippi. — P. 73-94.

Kujundzic D. 2000. «After»: Russian Post-Colonial Identity — *Modern Languages Notes*. — Vol. 115. — No. 5 (December). Comparative Literanire Issue. — P. 892-908.

Lieven D. 2003. *Empire: The Russian Empire and Its Rivals*. — London: Random House.

Liu J. 2000. Towards an Understanding of the Internal Colonial Model — *Postcolonialism: Critical Concepts in Literary and Cultural Studies: In 5 Vols* / Ed. by Diana Brydon. — Vol. 4. — London: Routledge. — P. 1347-1364.

Lust K. 2008. Kiselev's Reforms of State Peasants: The Baltic Perspective — *Journal of Baltic Studies*. — Vol. 39. — No. 1. — P. 57-71.

Mackenthun G. 2000. America's Troubled Postcoloniality: Some Reflections from Abroad — *Discourse*. — Vol. 22. — No. 3. Fall. — P. 34-45.

Martin T. 2001. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939*. — Ithaca, NY: Cornell University Press.

Moore D.C. 2001. Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique — *Publications of the Modern Language Association of America*. — Vol. 116. — No. 1 (January 2001). — P. 111-128.

Netzloff M. 2003. *England's Internal Colonies: Class, Capital, and the Literature of Early Modern English Colonialism*. — New York. London: Palgrave Macmillan.

Nolte H.-H. 1991. Internal Peripheries in Europe — *Internal Peripheries In European History* / Ed. by H.-H. Nolte. — Gottingen; Zurich: Muster-Schmidt. — P. 5-28.

Nowak A. 2004. *Od imperium do imperium: Spojrzzenia na historic Europy Wschodniej*. — Krakow. Wydawnictwo ARCANA.

Nowak A. 2011. *Imperiological Studies: A Polish Perspective*. — Krakow: Societas Vistulana. (Krakow Historical Monographs, v. 2).

O'Brien D.J., Wegren S.K. (Ed.). 2002. *Rural Reform in Post-Soviet Russia*. — Washington: Woodrow Wilson Center Press and Johns Hopkins University Press.

- Pavlyshyn M. 1992. Post-Colonial Features in Contemporary Ukrainian Culture — *Australian Slavonic and East European Studies*. — Vol. 6. — No. 2. — P. 41-55.
- Pavlyshyn M. 1993. Ukrainian Literature and the Erotics of Postcolonialism: Some Modest Propositions — *Harvard Ukrainian Studies*. — Vol. 17. — P. 110-126.
- Pérez E. 1999. *The Decolonial Imaginary: Writing Chicanas into History, Theories of Representation and Difference*. — Bloomington: Indiana University Press.
- Ram H. 2003. *The Imperial Sublime: A Russian Poetics of Empire*. — Madison: University of Wisconsin Press.
- Rogger H. 1993. Reforming Jews — Reforming Russians: Gradualism and Pessimism in the Empire of the Tsars — *Hostages of Modernization. Studies on Modern Anti-Semitism 1870-1933/39* / Ed. by Herbert A. Strauss: In 4 vols. Berlin: de Gruyter. — Vol. 2. — P. 1208-1229.
- Ross K. 1995. *Fast Cars, Clean Bodies: Decolonization and the Reordering of French Culture*. — Cambridge, MA The MIT Press.
- Rothberg M. 2009. *Multidirectional Memory: Remembering the Holocaust in the Age of Decolonization*. — Stanford: Stanford University Press.
- Scott J.C. 1998. *Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed*. — New Haven: Yale University Press.
- Sering M. 1893. Die innere Kolonisation in östlichen Deutschland — *Schriften des Vereins für Socialpolitik*. — Bd. 56. — Leipzig: Duncker u. Humblot.
- Shkandrij M. 2001. *Russia and Ukraine: Literature and the Discourse of Empire from Napoleonic to Postcolonial Times*. — Quebec City: McGill-Queen's Press.
- Simonek S. 2003. Möglichkeiten und Grenzen postkolonialistischer Literaturtheorie aus slawistischer Sicht — *Habsburg postcolonial. Machtstrukturen und kollektives Gedächtnis* / Hrsg. von J. Feichtinger, U. Prutsch u. M. Csaky. — Innsbruck et al.: Studien Verlag. — S. 129-139.
- Singh A., Schmidt P. 2000. On the Borders between U.S. Studies and Postcolonial Theory — *Postcolonial Theory and the United States: Race, Ethnicity, and Literature* / Ed. by A. Singh, P. Schmidt. — University Press of Mississippi. — P. 3-71.
- Snyder T. 2010. *Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin*. — London: The Bodley Head.
- Sproede A., Lecke M. 2011. Der Weg der *postcolonial studies* nach und in Osteuropa — *Polen, Litauen, Russland. Überspringen — Überformen — Überblenden. Theorietransfer im 20. Jahrhundert* / Hrsg. v. Dietling Hüchtker u. Alfrun Kliems. — Köln et al. — S. 27-66.
- Stavenhagen R. 1965. Classes, Colonialism, and Acculturation — *Studies in Comparative International Development*. — Vol. 1. — No. 6. — P. 53-77.
- Taagepera R. 1988. An Overview of the Growth of the Russian Empire — *Russian Colonial Expansion to 1917* / Ed. by Michael Rywkin. — London; New York: Mansell. — P. 1-7.
- Thompson E. 2000. *Imperial Knowledge: Russian Literature and Colonialism*. — Westport (CT); London: Greenwood Press.
- Thompson E. 2005. Said a sprawa polska. Przeciwno kulturowej bezsilności peryferii — *Europa. Tygodnik idei*. 29.06. — No. 26 (65). — P. 11-13.
- Tönnies F. 2000. Innere Kolonisation in Preußen insbesondere der ehemaligen Provinzen Posen und Westpreußen — *Soziologische Studien und Kritiken (1923)* / Hrsg. v. D. Haselbach — *Ferdinand Tönnies Gesamtausgabe: 24 Bde.* Hrsg. v. L. Clausen, A. Deichsel u.a. — Bd. 15. — Berlin; New York, de Gruyter.
- Trotsky L. 1949. Independence of the Ukraine and Sectarian Muddleheads — *Fourth International (New York)*. — Vol. 10. — No. 11 (December). — P. 346-350.
- Vatanabadi S. 1996. Past, Present, Future, and Postcolonial Discourse in Modern Azerbaijani Literature — *World Literature Today*. — Vol. 70. — No. 3. — P. 493-497.

Velychenko S. 2002. The Issue of Russian Colonialism in Ukrainian Thought: Dependency Identity and Development — *Ab Imperio*. — No. 1. — P. 323-367.

Viola L. 1998. *Peasant Rebels Under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance*. — Oxford University Press.

Weber E. 1976. *Peasants into Frenchmen: The Modernization of Rural France*. — Stanford Stanford University Press. — P. 67-94.

Wolpe H. 1975. The Theory of Internal Colonialism: The South African Case — *Beyond the Sociology of Development: Economy and Society in Latin America and Africa* / Ed. by I. Oxaal, T. Barnett, D. Booth. — London: Routledge & Kegan Paul. — P. 229-252.

ПОДВОДНЫЕ КАМНИ ВНУТРЕННЕЙ (ДЕ)КОЛОНИЗАЦИИ РОССИИ

Д. Уффельманн
Университет Пассау (Германия)

Аннотация: В статье анализируются научные дискуссии вокруг внутренней колонизации России. Автор разграничивает понятия «внутренняя колонизация», «внешняя колонизация», «самоколонизация» и проводит анализ перформативного характера речевых актов колонизации. По мнению автора, русская культура сформировалась во время всплеска внутреннего колониального насилия, что объясняет конфликт, лежащий в её основе: с одной стороны — стремление российских политических элит сделать основой культуры представления о России как о внутренне колонизированной стране; с другой — опровержение и оспаривание прав «завоевателей» в сочинениях российских писателей, публицистов, философов, художников, композиторов.

Ключевые слова: империя, внутренняя колонизация, колониальное управление, колониальный тип господства, история русской культуры, история России.

Право, если бы я был живописцем, вот бы я какую картину написал: образованный человек стоит перед мужиком и кланяется ему низко: вылечи, мол, меня, батюшка мужичок, я пропадаю от болести: а мужик в свою очередь низко кланяется образованному человеку: научи, мол, меня, батюшка барин, я пропадаю от темноты. Ну, и, разумеется, оба ни с места.

И.С. Тургенев. «Дым»

В этой статье мы ставим двойную задачу. Первая часть статьи посвящена своего рода «инвентаризации» научных дискуссий вокруг внутренней колонизации России. Во второй части мы займемся вопросом о том, какой вклад может внести в эти дискуссии литературоведение, располагающее необходимыми инструментами для анализа речевых актов, связанных с внутренней колонизацией. При этом будет намечено пять основных акцентов:

1) В первой части, где будут рассмотрены используемые в научных дискуссиях понятия, мы постараемся разграничить отдельные оттенки метафоры, которую являет собой понятие *внутренняя колонизация*.

2) За разграничением терминов *внешняя колонизация*, *внутренняя колонизация*, *самоколонизация* последует попытка построения ступенчатой модели этих отличающихся друг от друга стратегий.

3) Затем мы коснемся проблемы временных и пространственных границ применения понятия *внутренняя колонизация* в истории русской культуры.

4) Кроме того, мы проведем анализ перформативного характера речевых актов колонизации. Здесь мы постараемся обосновать предпочтение, отдаваемое нами терминам *внутренняя колонизация* или даже *внутренняя колониализация*, отличающимся от понятия «внутренний колониализм» (*internal colonialism*), которого придерживался Хечтер¹.

5) В заключение мы предложим вариант метонимического описания внутренней колонизации в духе *перформативного поворота* (*performative turn*) и попытаемся продемонстрировать плодотворность подобного подхода на материале «Путешествия из Петербурга в Москву» А.Н. Радищева.

I

Большинство социологических макротеорий, таких как теория модернизации, дифференциации или цивилизационного процесса, являются телеологическими. Иначе говоря, эти теории рассматривают прошлое в категориях будущего, которое не могло быть известно деятелям прошлого. Они построены на аксиологическом понимании прогресса и смешивают нормативные суждения с дескриптивными. Исключением является *теория колонизации*. У Маркса, как и в историко-философских работах других авторов, колониализм (в случае Великобритании — по отношению к Индии) определяется как телеологически необходимый², однако аспект подчинения и эксплуатации все же остается на переднем плане. Если Сергей Соловьев и другие русские историки XIX века используют понятие *колонизация* в духе апологетики якобы мирного заселения «пустующих» или недостаточно «цивилизованных» территорий, то в современных дискуссиях, прошедших через школу постколониальной теории, основное смысловое ударение ставится на гегемонии и насилии [Landow 2002].

Итак, преимущество понятия *колонизация* и его метафорического употребления — это отрицательный оттенок и способность привлечь внимание к аспекту насилия, присутствующему в культурных различиях и в процессах трансформации [ср.: Yew 2002; ср. также Эткин в: Липовецкий, Эткин 2008: 195].

В случае внутренней колонизации в России речь, как известно, идет не о колониализме в «классическом» смысле «подчинения заокеанских территорий» [Osterhammel 2006: 11] и даже не о «колонизации приграничных регионов» [Там же: 10], о которых Юрген Остерхаммель говорит применительно к расположенным в Азии российским территориям [Там же: 11]. Здесь мы не имеем дела с колонией как отдельным «вновь созданным политическим образованием» [Там же: 16], и суверенные права осуществляются не «под знаком преобладания *внешних* интересов» [Там же: 21; курсив наш. — Д.У.]. Однако это колониализм в том смысле, что

...принципиальные решения касательно жизни колонизируемых принимаются и проводятся в жизнь отличающимся от них с точки зрения культуры меньшинством колонизаторов, практически не желающих приспособливаться [Там же: 21]³.

Иногда речь идет о

¹Отметим, что важные импульсы для уточнения и разграничения терминов были почерпнуты нами из дискуссий со Штефаном Родевальдом и с участниками совместного курса о внутренней колонизации России, который мы провели в Университете г. Пассау.

²«Англии предстоит выполнить в Индии двоякую миссию: разрушительную и созидательную — с одной стороны, разрушить старое азиатское общество, а с другой стороны, — заложить материальную основу западного общества в Азии» [Маркс, Энгельс 1948: 311].

³Здесь и далее, если иное не оговорено в выходных данных источника, указанного в списке литературы, перевод иноязычных цитат выполнен автором статьи.

...ситуациях, в которых зависимость «колониального» характера возникает не между «метрополией» и территориально удаленной от нее колонией, а между доминирующими «центрами» и зависимой «периферией» в рамках национальных государств или территориально единых империй [Там же: 22; курсив оригинала].

Примеров внешней колонизации заокеанских территорий в современной истории больше, чем каких-либо других. Возможно, еще и по этой причине теории внутренней колонизации начали возникать значительно позже, чем теории колонизации внешней: первый период их активного обсуждения пришелся на 60-70-е годы XX века (причем фокус тогда был направлен на Латинскую Америку [Gonzalez Casanova 2006], Великобританию [Hechter 1975] и эпоху сталинизма [Gouldner 1978]), второй — на 2000-е. По причине этого «запаздывания» научных дискуссий представление о «колониализме без колоний» [Osterhammel 2006: 22] приобретает оттенок исключительности. Сторонники сформировавшейся ранее «заокеанской» парадигмы колониальных исследований высказывают подозрения, что само понятие «внутренней колонизации» метафорично и основано на натяжке [Hind 1984: 561; Landow 2002].

Теории внутренней колонизации основываются на аналогиях. <...> Подобный подход обычно исключает традиционное понимание колонизации, которое исходит из географического разделения, а также такое ее понимание, которое отталкивается от предпосылки навязывания группой людей своей власти какой-либо экстерриториальной группе сообществ. Как правило, теории [внутренней колонизации] включают такие признаки обычного колониализма, как политическое подчинение, экономическая эксплуатация, культурное господство и расовый конфликт [Hind 1984: 552].

Насколько оправданны такие подозрения? Или наоборот: в какой мере существует «колониальная аналогия» [Hechter 1975: 33, прим. 1] между внешней и внутренней колонизацией?

Основное различие между ними заключается в том, что «при внутренней колонизации аналогом колониальной власти является элита, а не страна» [Calvert 2001: 54].

Противники подобной аналогии задают вопрос, не было ли бы более адекватным говорить о «внутренней периферизации» [Nolte 1991b: 9]. На это можно ответить: если понятие *колонизация* в качестве аналогии для описания внутренних процессов страдает якобы излишней широтой, то понятие *периферия* с полным правом можно упрекнуть в узости. При его использовании фокус смещается исключительно на региональный и экономический аспекты [ср.: Nolte 1991a: 1], в то время как теряются из виду социальная и культурная составляющие экспансии «центра» и его элит. Метафорическое употребление понятия *колонизация* может оказаться продуктивным для теории *культуры* именно в том случае, если мы не будем забывать о том, что перед нами метафора [ср.: Ruthner 2003: 119-122]; осознание метафорического характера понятий дает нам в руки действенное противоядие от объективизма самого разного толка. Так, например, рассуждения Поля Вирилио об эндоколонизации в нацистской Германии носят эксплицитно метафорический характер:

...эндоколонизация происходит в том случае, когда политическая власть обращается против собственного населения. <...> Тоталитарные общества колонизируют собственное население. Нацистскую Германию невозможно понять, не принимая во внимание того обстоятельства, что она была лишена колоний и начала программу колонизации у себя дома. <...> конечно, колонизация в Германии также следовала логике эндоколонизации: она подвергла свое собственное на-

селение той части, которой британцы — или французы — подвергли аборигенов в Австралии или чернокожих в Южной Африке, — иными словами, жестокому насилию [Virilio 2000: 50]⁴.

Сторонников тезиса о внутреннем колониализме нередко попрекали излишним «объективизмом» в понимании исторического развития, восходящим к марксистским пресуппозициям, хотя уже в 1970-е годы этот упрек — например, в адрес Хечтера — не выглядел обоснованным [Hind 1984: 552-553]. В 2000-е годы утвердилось мнение, что внутренний колониализм не связан с определенной политико-экономической системой и может проявляться за пределами территории, на которой господствует капитализм *европейского* типа [Calvert 2001: 53; первым, кто обосновал эту мысль задолго до наступления нового века, был Гоулднер — Gouldner 1977/1978: 41]. В своих работах, посвященных постколониальным исследованиям Габсбургской империи, Йоханнес Файхтингер [Feichtinger 2003: 18-19] использует понятия «внутренняя колонизация» и «самоколонизация» в том же ключе, в каком сегодня ведутся дискуссии вокруг этой темы применительно к России.

Свою ставшую хрестоматийной работу о британском внутреннем колониализме по отношению к Шотландии, Уэльсу и Ирландии Майкл Хечтер начинает с возражения против макротории, постулирующей постепенное распространение модернизации и индустриализации. Эту теорию он расценивает как излишне оптимистическую [Hechter 1975: 22-30]. Его взгляд направлен на усиление неравенства — сначала социального⁵, после — культурного⁶ и в конце концов — этнического: «Эта система расслоения, которая может быть определена как культурное разделение труда, способствует формированию отличающейся друг от друга этнической идентификации в обеих группах» [Hechter 1975: 9]⁷.

В первых размышлениях о самоколонизации или внутренней колонизации, в XIX веке высказанных в отношении России такими авторами, как Август фон Гакстгаузен, Сергей Соловьев и Василий Ключевский, аналогия между внешней и внутренней колонизацией осознавалась куда менее явно, чем у авторов XX столетия.

Направляющая идея была задана Августом фон Гакстгаузенем. Рассуждая о заселении черноморского побережья немецкими колонистами, он пишет: «На внутреннюю колонизацию Российской империи должна быть направлена вся энергия правительства» [Haxthausen 1847: 332]. Здесь понятие «внутренняя колонизация» используется не как описание исторических фактов, а как указание на «правильную» будущую политику, то есть не как дескриптивное, а как явно нормативное.

Сергей Соловьев, говоря практически обо всей истории России в целом и придавая сказанному не меньший позитивный смысл, чем Гакстгаузен, представляет освоение географического пространства как не гегемониальный процесс. Соловьев интерпретирует это освоение не как результат столкновения завоевателей и аборигенов, а как заведомо мирную инфльтрацию населения из центра на окраины:

...здесь один народ, государство не было завоевано другим народом, государством в том смысле, в каком обыкновенно принимается в истории завоевание, одним словом, и там и здесь [на севере и в Сибири] преимущественно происходило население, колонизация страны (Соловьев 1959-1966, I-II: 62).

⁴У Вирилио это словосочетание используется в качестве метафоры того, что он называет «пересадкой революции» и «эндотехнологической евгеникой» [Virilio 2000: 50-51].

⁵«Волна модернизации, неравномерно прокатывающаяся по территории государства, порождает [более] продвинутые и менее продвинутые группы» [Hechter 1975: 9].

⁶«...модель внутренней колонизации утверждает, что политические столкновения большей частью отражают значительные культурные различия между группами» [Hechter 1975: 10].

⁷При всей перспективности трехступенчатой модели Хечтера с точки зрения теории, его тезис касательно Шотландии, Уэльса, Ирландии и «внутреннего колониального господства» Великобритании над этими территориями некоторые исследователи сегодня считают опровергнутым [Calvert 2001: 52].

Таким образом. Россия у Соловьева — это «страна колонизирующаяся», и колонизирующаяся полностью [Соловьев 1959-1966, III-IV: 648].

Во второй лекции «Курса русской истории» Василий Ключевский также провозглашает колонизацию «основным фактом нашей истории» [Ключевский 1987: I: 50-51]. В ретроспективе, рассматривая историческое развитие с точки зрения результата, он, в унисон с Соловьевым, пишет: «История России есть история страны, которая колонизируется» [Ключевский 1987: I: 50]⁸.

В какой мере оправдано рассматривать возвратную конструкцию, используемую Соловьевым и Ключевским, как термин? Может быть, перед нами всего лишь безличная форма, характерная для русского канцелярско-бюрократического языка, при которой субъект действия принципиально не называется? Или Соловьев и Ключевский черпают интеллектуальное наслаждение в парадоксе «самоподчинения»? То есть: осознают ли они свои слова («...которая колонизируется») как троп? В любом случае в возвратной конструкции «колонизируется» принципиально неразличимы насильственная колонизация, агентом которой выступают армия и бюрократия, и ненасильственная, агентом которой выступают «мирно» инфильтрующиеся крестьяне.

В исследованиях западных специалистов модель внутренней колонизации при обсуждении российской истории первоначально применялась прежде всего для объяснения сталинской коллективизации. Гоулднер, например, использует понятия теории колониализма в качестве метафора для описания внешней и социальной политики:

Была создана сосредоточенная в городах властная элита, которая заняла доминирующую позицию в обществе, где большинство было представлено сельским населением, по отношению к которому она была внешней колониальной властью; это был внутренний колониализм, мобилизовавший государственную власть против колониальных данников в сельских регионах [Gouldner 1977/1978: 13].

Развенчивая официальное марксистское разделение крестьян на бедняков и кулаков как «полный провал» (total failure) [Gouldner 1977/1978: 21], социолог касается также дискурсивных аспектов, которые Саид в том же самом году назовет ориентализмом: крестьян Гоулднер определяет как «советских индейцев» («peasants as the Soviets' Indians») [Gouldner 1977/1978: 41].

В книге Линн Виолы «Peasant Rebels» («Крестьяне-повстанцы») (1996) основное внимание тоже сосредоточено на «внутренней колонизации крестьянства» [Viola 1996: 44]. Как и Хечтер, Виола высказывает несогласие с унифицирующей моделью, которой в этом случае является представление о модернизационном скачке, якобы произошедшем в сталинскую эпоху [Viola 1996: 13]. Более точным она считает описать произошедшее тогда как «оккупацию народа»: «Это была борьба за власть и контроль, попытка подчинить и колонизовать тех, кто на протяжении советской истории все больше и больше стали напоминать оккупированный народ» [Viola 1996: 14]. Насилие, пишет Виола, было направлено не против «кулаков» как социальной группы, а было скорее «войной против всего крестьянства» [Viola 1996: 15], которое «...воспринималось прежде всего как экономический ресурс, <...> в сущности, как не более чем внутренняя колония» [Viola 1996: 20].

В качестве дискурсивного фона Виола приводит описания мужиков и баб как темных, некультурных и неблагородных в своей массе [Viola 1996: 32], которые можно охарактеризовать как их враждебную ориентализацию. В результате такой ориентализации в культуре был

⁸Идея внутренней колонизации в русской историографии рассмотрена наиболее подробно в недавней книге Эткина «Internal Colonization: Russia's Imperial Experience» [Etkind 2011: 13-71].

сформирован образ крестьян как «чужеродного элемента в своей собственной стране» [Viola 1996: 38].

В отличие от Соловьева и Ключевского, выбор Бориса Гройса в 1993 году пал не на возвратный глагол («колонизуется»), а на абстрактное существительное *самоколонизация*⁹, которое позже — в английском варианте — было взято на вооружение Драганом Куюнджичем [Kujundzic 2000: 894] и Нэнси Конди [Condee 2009: 30].

В серии работ, опубликованных с 1998 по 2003 год, Александр Эткинд предпринял попытку систематизации понятия «внутренняя колонизация», выявляя ее отличия от колонизации, ведущейся далеко от границ метрополии — обычно за океаном [2002: 275-276, прим. 13]. В отличие от Хечтера, который переходит от культуры к этносу, Эткинд подчеркивает, что «...культурная дистанция между метрополией и колонией не всегда совпадает с этнической дистанцией между ними» [Эткинд 2001: 60]. Колонизирующая элита и колонизируемый народ могут, как констатирует Эткинд, принадлежать к одной и той же этнической группе. Необходимым условием, оправдывающим использование понятия *внутренняя колонизация*, он считает наличие культурной дистанции: «Нет культурной дистанции — нет колониальной ситуации» [Эткинд 2003: 111]. Говоря о «колониальной ситуации» [ср.: Balandier 1951], Эткинд предлагает терминологический знаменатель, под который можно подвести как внешнюю, так и внутреннюю колонизацию.

Эткинд не забывает об истории понятия «колониализм» и учитывает отличия, существующие в его применении к заокеанским территориям. Важно, что у него появляется критерий, с которым могут работать представители гуманитарных наук: ситуация культурной дистанции [2001: 61]. Если таковая имеет место, то, следуя Эткинду, о внутренней колонизации можно говорить в неметафорическом смысле.

Тезисы Александра Эткинда вызвали полемику, в которой использовались не только содержательные аргументы, но и этические и аксиологические оценки. Оценочная составляющая оказалась наиболее заметной в научных дискуссиях, идущих в Украине и в России, — с 2007 года она, кажется, начинает усиливаться. Впрочем, Сузи Франк еще в 2003 году писала, что в концепции внутренней колонизации Эткинда кроется опасность осознанного или неосознанного продолжения имперских тенденций: «...своей концепцией „внутренней колонизации“ он — осознанно или неосознанно — повторяет... имперский подход» [Frank 2003: 1670]. Более агрессивные ноты звучат в отзыве Виталия Чернецкого, опубликованном в 2007 году:

Парадоксальным образом <...> в своей аргументации касательно *внутренней* колонизации России <...> Эткинд ссылается на события и явления, которые происходили и имели место на украинской и белорусской территориях. Тем самым Эткинд воспроизводит элементы российской колониальной идеологии, которую он, видимо, усвоил настолько, что перестал их замечать [Chernetsky 2007: 43; курсив оригинала].

В отличие от Чернецкого, который последовательно придерживается идеи исключительно внешнего характера российского колониализма, в употреблении термина «внутренний колониализм» по отношению к неоколониальной эксплуатации некоторых территорий Российской Федерации у Бориса Родомана [Родоман 1996] и Марианны Фадеичевой [Фадеичева 2007] явственно звучит внутрirosсийская антиколониальная полемика: «Необходимо преодолеть внутренний колониализм», «необходима деколонизация», — пишет Фадеичева [2007: 54]. У нее наблюдается возвращение к нормативно-аксиологическому пониманию термина, преобладавшему у Гакстгаузена, однако с явно негативным оттенком.

⁹«Петровские реформы представляют собой своего рода уникальный акт самоколонизации русского народа <...> Санкт-Петербург и петербургская государственность являются символами этой самоколонизации...» [Гройс 1993: 358].

II

Более необходимой, чем оценка аксиологических предпосылок постколониальных исследований по российской истории, нам представляется герменевтика различения, которой до сих пор практически не уделялось внимания. При этом мы не имеем в виду затихающую и вновь оживающую дискуссию вокруг различий и метафорической дистанции между внутренней и внешней колонизацией, а четкое разграничение терминов, связанных с внутренними процессами.

В идущих сегодня дискуссиях сравнительно ясно просматривается терминологическое различие внутреннего ориентализма и внутренней колонизации. В контексте обсуждения внутреннего ориентализма почти обязательно упоминается вошедшая в современный академический канон работа Эдварда Саида [1978]. У Виолы, которая пишет о дискурсивной инфантилизации крестьян, ссылки на Саида еще нет [Viola 1996: 32], в то время как в своем описании обращения с крестьянами Янни Коцонис уже использует введенное Саидом понятие «othering» (конструирование инаковости) [Kotsonis 1999: 3]. Эткин, в свою очередь, констатирует, что «русский ориентализм был направлен не в заморские колонии, а внутрь собственного народа» [Эткин 2001: 72], и тоже ссылается на Саида.

Внутренний ориентализм следует анализировать при помощи инструментов, которые сродни саидовскому анализу колониального дискурса, в то время как в случае колонизации первенство должно отдаваться собственно историческим методам и подходам. «Ориентализация собственной культуры» у Эткина [2001: 68] с ее грамматическим значением действия приходится как раз на смысловой зазор между *ориентализмом* и *колонизацией*, что демонстрирует, что различие ориентализма и колонизации основано только на некоторой разнице акцентов.

Значительно менее четко различаются в употреблении термины «самоколонизация» и «внутренняя колонизация». Возвратный глагол «колонизоваться» у Соловьева и Ключевского в этом плане остается открытым. Эткин выстраивает целый синонимический ряд: «внутренняя колонизация, самоколонизация, вторичная колонизация» [2001: 65], а Йон Кюст использует совмещенный термин «внутренняя самоколонизация» (*internal self-colonization*) [Kyst 2003: 30].

Ответ на вопрос об адекватности кроется не в самом отглагольном существительном с приставкой «само-», а в его сопряжении с грамматическим и историческим субъектом. У Гройса и Куянджича субъект самоколонизации — коллективный: это народ в эпоху петровских реформ («самоколонизация русского народа» [Гройс 1993: 358]) или «идентичность России, непрерывная мазохистская <...> самоколонизация» [Kujundzic 2000: 898]. Отсылка к неопределенным коллективным субъектам (или тем более к неverifiedируемым «особенностям национального характера»¹⁰) вводит в заблуждение. Возможно, что через самоколонизацию прошли Петр I или Феофан Прокопович, но никак не сам «народ» и тем более не в эпоху петровских реформ. «Народ» можно описать как объект внутренней колонизации, но ни в коем случае не как субъект *самоколонизации*. Эффект внутренней колонизации в результате петровских реформ несомненно взаимосвязан с собственной, личной самоколонизацией царя. Однако эти процессы были направлены на различные объекты: самоколонизация возвратна, рефлексивна, в то время как внутренняя колонизация носит переходный, транзитивный характер.

То же самое можно сказать о самоориентализации и внутреннем ориентализме. Когда Блок или евразийцы в своих текстах отказываются считать себя частью «западной» культуры

¹⁰Формулировка Куянджича столь отрицательна («самоунижение, самоистребление» [Kujundzic 2000: 898]), что оказывается в опасной близости к одиозному тезису Ранкура-Лаферрье о «мазохизме как национальной черте русского народа» [Rancour-Laferriere 1995].

(лозунг «исхода к Востоку») или когда Владимир Жириновский всеми силами старается соответствовать стереотипу «варвара», это рефлексивное поведение можно назвать самоориентализацией [см. об этом механизме: Khalid 2000; Кобрин 2008; Uffelmann 2009]¹¹. Однако самоориентализация крайне редко относится к единичному субъекту: чаще всего широким жестом в нее включаются и другие представители собственной — в данном случае российской — культуры. Однако совсем иной процесс начинается, когда «мы» с сознанием успешной самоколонизации, превратившей «нас» из «восточного человека» в «европейца» [см.: Kissel 1999], проводим разделительную линию между собой и основной массой нашего народа, который «мы», как нам кажется, оставили далеко за собой.

Как уже было сказано выше, разные аспекты самоколонизации и внутренней колонизации, самоориентализации и внутреннего ориентализма взаимосвязаны, и дизъюнктивной четкости границ здесь — как это обычно и бывает в гуманитарных науках — не добиться. Тем не менее ее можно достигнуть, если принять в рассмотрение внешнюю колонизаторскую деятельность самой России или внешний «ориенталистский» дискурс Запада о России: оба явления имеют обратное влияние на самоориентализацию, внутренний ориентализм, самоколонизацию и внутреннюю колонизацию. Сузи Франк, например, призывает учитывать «симптоматичный для данной амбивалентности процесс внутреннего отражения в России ориентализирующего ее западноевропейского взгляда извне» [Frank 2003: 1667].

На более общем уровне о взаимосвязи между внутренней и внешней колониальной политикой напоминает Калверт: «Как внешняя колонизация была ответом на, казалось бы, исчерпавшие себя возможности внутренней колонизации, так и наоборот...» [Calvert 2001: 60]. То есть без внешнего ориентализма не должно было бы быть ни самоориентализации, ни самоколонизации, а внешняя колонизация в смысле заселения новых территорий должна предшествовать внутренней, — иначе будет не хватать пространства, которое можно моделировать как отсталое и расположенное внутри¹².

Принимая во внимание смешение акцентов, которые — мы еще раз подчеркиваем — при должных усилиях вполне поддаются разграничению, мы хотели бы предложить поэтапную модель динамики развития, протекающего в направлении «снаружи вовнутрь» [Эткинд 2001: 64]. Итак, внешняя ориентализация (ВнеОр) культуры может вызвать у отдельных ее представителей реакцию субверсивно-ироничной самоориентализации как бы нарочно, назло внешней (СамОр) или послужить толчком к самоколонизации (СамКол). В последнем случае практически неизбежно происходит отмежевание¹³ от собственной культуры и возникает внутренний ориентализм (ВнуОр) по отношению к «другим» внутри этой культуры. Этот внутренний ориентализм может оставаться на отрицательной дистанции или же принять дистанцированно-реформаторскую, то есть колонизаторскую позицию по отношению к «достойным сожаления другим», что в результате выльется во внутреннюю колонизацию (ВнуКол). Сказанное можно представить в виде следующей схемы:

ВнеОр → СамОр → СамКол → ВнуОр → ВнуКол

Подобную идеально-типическую схему в чистом виде мы представляем *cum grano salis*; к моделированию социальных процессов в духе структурализма всегда следует подходить с должной долей скепсиса. Тем не менее мы уверены, что такие схемы могут принести

¹¹Сузи Франк констатирует наличие определенной формы самоориентализации также и у российских западников [Frank 2003: 1666].

¹²См. подробнее в предисловии к этой книге о принципе «колониального бумеранга», описанного Ханной Арендт, а после нее Эме Сезером и некоторыми другими.

¹³Ср. у Конди: «Заметив свое собственное отличие от западного человека, но потом перенеся категорию отличия с себя на бородатого человека, этот сам недавно европеизированный человек <...> сделал бородатого человека по-новому доступным для понимания» [Condee 2009: 34].

эвристическую пользу, которая заключается в их деконструкции: именно ей мы и намереваемся заняться во второй части настоящей статьи.

Если верно, что всем дальнейшим этапам должен предшествовать внешний ориентализм, то самоколонизацию и внутреннюю колонизацию следует мыслить как реакцию на него, то есть как нечто вторичное — не случайно Эткинд очень верно пишет о «вторичной колонизации» [2001: 64], а Конди — о «феномене вторичного порядка» [Condee 2009: 32]. Различные теории заговора как, например, советские пропагандистские «страшилки» о подрывной деятельности и диверсиях, в принципе вполне точно демонстрировали опосредованное целым рядом этапов генетическое происхождение внутренней колонизации от внешнего ориентализма. Они просто выразили эту связь через неверное, конспирологическое по сути отождествление: «В ситуациях кризиса внутренняя колонизация репрезентируется как внешняя», — говорит Александр Эткинд в беседе с Марком Липовецким [Липовецкий, Эткинд 2008: 204].

То, что происходит в процессе намеренной самоориентализации, а также в контексте внутреннего ориентализма и внутренней колонизации, не остается незамеченным и за границей. Если внешние наблюдатели придерживаются модели распространения модернизации по всему миру, то самоколонизация и внутренняя колонизация могут рассматриваться ими как шаги в верном направлении. Именно так построен, например, механизм оценок экономических трансформаций экспертами Международного валютного фонда. Самоориентализация же, как и внутренний ориентализм, может подтверждать бытующие предрассудки — во всяком случае тогда, когда при внешнем восприятии теряется присутствующая в самоориентализации ирония. Поэтому мы в принципе согласны с Эткиндом, который пишет:

Самореференциальность внутренней колонизации придавала ей характерную непоследовательность, запуганность, незавершенность, которую западные наблюдатели по-ориенталистски объясняли национальными особенностями, культурой и характером [Эткинд 2003: 109-110].

Негативное внешнее восприятие вызывает не столько внутренняя колонизация, сколько скорее самоориентализация и внутренний ориентализм.

Как бы то ни было, круг замыкается:

ВнеОр → СамОр → СамКол → ВнуОр → ВнуКол → ВнеОр...

В какой степени цикл действительно замкнут? Должен ли он неизбежно начинаться все снова и снова — до бесконечности?

III

Таким образом, мы подошли к вопросу о временных границах и циклическом характере исторического процесса внутренней колонизации.

Относительно временных рамок внутренней колонизации России в исследовательской литературе преобладает не слишком четко сформулированное мнение о ее незавершенности. Ключевский прослеживает этот процесс, начало которого он видит в VIII веке [1987: I: 51-53], на протяжении всей истории России, вплоть до современной ему эпохи [Ключевский 1987: I: 50]. Куюнджич рискует употребить наречие, которому трудно найти фактическое подтверждение: «После вступления в историю благодаря петровской модернизации Россия *всегда* остается колонизованной» [Kujundzic 2000: 897; курсив наш. — Д. У.].

Эткинд предпочитает оставить вопрос о продолжительности внутренней колонизации открытым, за исключением тезиса о том, что сталинская коллективизация сельского хозяйства послужила началом нового цикла [Эткинд 2001: 73]. Таким образом, перед нами возникает

фигура повторения, вызывающая в памяти гегелевскую дурную бесконечность: «...внутренняя колонизация оказывается циклически повторяющимся, трудно завершимым процессом» [Эткинд 2001: 72]¹⁴.

Вооружившись риторикой незавершимости, все исследователи до сих пор могли, как нам кажется, противостоять соблазну точной датировки. Наметить как начальную точку какое-либо явное событие разрыва — например, возвращение Петра I из Великого посольства в августе 1698 года — было бы действительно рискованно. Поскольку в качестве культурного отличительного признака Эткинд принимает бороды, то их прилюдное обривание в следующий после возвращения день теоретически могло бы послужить такой «цезурой» [2002: 288]. Однако вспомним, что одним из самых часто и охотно деконструируемых мифов западного ориентализма о России является именно определение Петровской эпохи как начала поворота России лицом к Западу [ср., например: Waegemans 1993].

Сталинская коллективизация уже с 1970-х годов — например, у Гоулднера — описывалась и описывается как форма колониального насилия над крестьянами. В качестве конечной точки этой формы внутреннего колониализма можно было бы принять начало Большого (уже не целенаправленного, а тотального) террора в марте 1937 года¹⁵, если бы за ним не последовали меры, под которые — так или иначе — вновь была подведена культурная подоплека: депортация немцев Поволжья в 1941 и народов Крыма, Северного Кавказа и калмыков в 1944 году, «раскулачивание» на территориях, присоединенных к СССР перед самой войной, — Балтии и правобережной Молдавии, — начавшееся во второй половине 1940-х, и репрессивная кампания против «безродных космополитов» в конце того же десятилетия. И все же, несмотря на эти оговорки, мы считаем оправданным говорить о всплеске внутреннего колониального насилия, который пришелся на два с половиной столетия, лежащие между концом XVII и серединой XX века.

Неоспоримо, что отдельные проявления внутренней ориентализации и стратегии колониальной эксплуатации (например, в Восточной Сибири) могут быть зафиксированы и за пределами этого периода — если не до 1698, то, во всяком случае, после 1953 года¹⁶. «Внутренне-колониальный треугольник», который Эткинд в 2003 году разработал на материале литературы XIX века, Марк Липовецкий применяет к фильмам 2000-х [Липовецкий 2003; 2008: 708, 749]. Тем не менее открытым остается вопрос: могут ли отдельные проявления ориентализма считаться доказательствами наличия общего исторического процесса внутренней колонизации? Мы склонны отвечать на этот вопрос отрицательно.

Для более точного уяснения связи между «внутренней ориентализацией» и внутренней колонизацией необходимо ответить на ряд вопросов. В какой момент начатая элитой в центре реформа переходит в колонизацию, сопровождающуюся формированием культурной дистанции? Допустимо ли описывать любой вид «стратификации» как колониальное насилие [Hechter 1975: 33]? Например, экономические реформы 1990-х, которые Марк Липовецкий назвал «либеральной колонизацией» [см.: Липовецкий, Эткинд 2008: 196], хотя в них менее явно заметен решающий для нашего подхода аспект культурной дистанции? С формулой Липовецкого, которая гласит, что «*модернизация приобретает циклический и монструозный характер в тот момент, когда ее поглощает внутренняя канонизация*» [Липовецкий, Эткинд 2008: 197; курсив оригинала], теоретически можно согласиться. Но когда именно происходит такой переход?

¹⁴Кажется, первым о циклическом характере внутренней колонизации заговорил Владимир Паперный в книге «Культура Два» (работа над рукописью — 1975-1979).

¹⁵См., например: Лейбович 2009.

¹⁶См. об этом статьи Д. Хили и И. Кукулина в сборнике: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельмана, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012.

Еще более скользким с политической точки зрения является вопрос о пространственном охвате. У Эткинда мы находим уже получившую большую известность формулировку, указывающую на вектор внутренней колонизации:

Главные пути российской колонизации были направлены не вовне, но внутрь метрополии: не в Польшу и даже не в Башкирию, но в тульские, поморские, оренбургские деревни [Эткинд 2001: 65].

Сандерленд подтверждает это высказывание, ссылаясь на эмпирические данные [Sunderland 2004: 141]. При всех возможных расхождениях при описании внутренней колонизации временное и пространственное измерения явно с необходимостью коррелируют между собой. В то время как в начале царствования Петра I борьба за доступ к Балтийскому морю является составляющей внешней колонизации, позднее Петербург становится центром власти, хотя и расположенным на географической периферии. Внешние территории постепенно переходят в ведение внутренней политики — так, о XIX веке Эткинд пишет: «Колонизация Поволжья, Урала, Сибири осталась в прошлом и давно была делом внутренней политики» [Эткинд 2001: 62]¹⁷. Сахалин был описан русскими мореплавателями только в начале XIX века и провозглашен российским владением в 1806 году, но в конце того же столетия его освоение уже приобретает явные черты внутренней колонизации, о чем свидетельствуют описания в книге А.П. Чехова «Остров Сахалин». Ключевский в свое время писал о России, что «область колонизации в ней расширялась вместе с государственной... территорией» [Ключевский 1987: I: 50].

Высказывание Эткинда о том, что внешнюю колонизацию Средней Азии, Кавказа или Аляски с исторической точки зрения следует рассматривать как проигранную [Эткинд 2003: 277], демонстрирует, что происходили не только экспансия и присвоение, но и уменьшение и утрата территорий. При анализе потерь приобретенных однажды земель возникает еще один вопрос: не является ли постепенное «овнутрение» присоединенных к России территорий, как это описано у Эткинда, следствием «традиционного», внешнего колониализма? Упреки в том, что внешние колонии перестают восприниматься как таковые просто из-за того, что Россия ими успешно управляла, несомненно, оправданны применительно к имперской и советской власти. Но относятся ли эти претензии к исторической теории, утверждающей, что в России существовал *не только* внешний, *но и* внутренний колониализм?

Исторические исследования не смогут защитить себя от обвинений в неявной апологетике описываемых явлений, если они будут ссылаться только на общетеоретическую «нестабильность границ» [Эткинд 2003: 110]. Теоретики должны твердо уяснить для себя необходимость описания границ между внутренним и внешним, которые существовали именно в тот исторический момент, за анализ которого они берутся. Или наоборот: они должны привыкнуть описывать размывание границ как стратегию и составляющий элемент дискурсивной власти.

При такой постановке вопроса те особенности концепции внутренней колонизации, которые на первый взгляд могут показаться ее слабой стороной, оказываются положительным фактором, требующим более вдумчивого анализа. Искусственное разделение внешней и внутренней политики теперь может быть поставлено под сомнение:

Аналитическая ценность идеи внутреннего колониализма заключается в том, что она является шагом в направлении снятия радикального различия, которое обычно делают между так называемыми международными отношениями и внутренними социальными отношениями,

¹⁷Подробнее см. в статьях М. Ходарковского и Ш. Родевальда в сборнике: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельмана, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012.

взаимоотношениями государств и взаимоотношениями классов [Gouldner 1977/1978: 14, прим. 23].

Нестабильность границ между внешней и внутренней колонизацией исключает возможность унифицирующих подходов, практикуемых как апологетами колонизации, считающими, что Россия мирным путем принесла «инородцам» цивилизацию, так и радикальными критиками исторической России, которые убеждены, что русские всегда подвергали насилию только других.

Полезным может оказаться здесь также и определение промежуточного уровня, который уже применяется в исследованиях Габсбургской монархии: в них описывается существовавший в ней «*микрoколониализм и внутренний колониализм*» [Simonek 2003: 131; курсив оригинала], который выражался, например, в наличии разницы в уровне гегемонии между Австрией и южной Польшей, с одной стороны, и между южной Польшей и западной Украиной, с другой, или между Австрией и Венгрией, с одной стороны, и Венгрией и Словакией (называемой тогда «верхней Венгрией»), с другой. Очевидно, применительно к империи Габсбургов можно говорить о «более доминирующих», «менее доминирующих» и «подчиненных» (западная Украина, Словакия) территориях.

Можно предположить, что города русской провинции имели похожую функцию «шарниров», подобно Венгрии и южной Польше, занимавшим «промежуточный» властный уровень в Австро-Венгерской империи. Кроме того, как подчеркивает Сузи Франк, внутренний ориентализм в России не может быть до конца понят без осмысления внутренней границы между европейской и азиатской частями ее территории [Frank 2003: 1671]¹⁸.

IV

В своей терминологической герменевтике мы до сих пор черпали аргументы из реальной истории или из истории дискурсов. Но каким образом мы можем извлечь пользу именно из литературоведческих подходов, чтобы лучше разобраться в процессах, связанных с внутренней колонизацией? Во-первых, как считает Эткинд, внутриколониальные «метанарративы» [Эткинд 2003: 115] можно найти в художественной литературе. Во-вторых, — таков наш тезис — следует учитывать перформативный эффект внутреннего ориентализма. Поэтому мы зададим еще один терминологический вопрос, который до сих пор оставался без внимания, а именно: следует ли нам говорить о *колонизации* или о *колониализме*?

Дискуссии современных историков о расселении немцев в Восточной Европе, которое сегодня предпочитают называть расширением территорий (Landesausbau) [ср.: Zernack 1991; Wippermann 2007: 53], показывают, что дискурсивные феномены, сопровождающие внутреннюю колонизацию, не могут быть в достаточной мере поняты и проанализированы — во всяком случае с точки зрения культурной истории, — если их рассмотрение будет ограничиваться только процессами колонизационного заселения как таковыми¹⁹.

В свое время Сергей Соловьев еще противопоставлял друг другу колонизацию как заселение территорий и их насильственное завоевание. Владимир Ленин, назвав одну из глав своего «Развития капитализма в России» (1896-1899) «Значение внутренней колонизации» [Ленин 1946: 493], тоже сосредоточил свой взгляд именно на этом аспекте. Его интересует вектор колонизации, направленный из индустриализованных регионов центральной России в юго-восточные степи, то есть «развитие капитализма <...> вширь» [Ленин 1946: 494]. Это явление он рассматривает как «затемнение процесса индустриализации населения» [Ленин 1946: 190], а не как колонизаторское завоевание сельскохозяйственных территорий. О наблю-

¹⁸См. об этом также статью Т. Артемьевой в этом номере журнала «Политическая концептология».

¹⁹В таком ключе Хетчер рассматривает расширение французских территорий в XII веке [1975: 32-33, прим. 2].

дении Ленина, с нашей точки зрения, можно сказать то же самое, что о Нольте и его понятии «внутренней периферизации» [Nolte 1991a; Nolte 1991b]: их подходы делают слишком однозначный упор на макроэкономику и экономическую географию.

Хечтер подчеркивает, что в его концепции «внутреннего колониализма» речь как раз идет не о расширении территории и не о «заселении ранее незанятых областей внутри государственных границ» [Hechter 1975: 32, прим. 2]. Задаваясь вопросом о культурной составляющей внутренней колонизации России, и мы не должны ставить во главу угла аспект территориального прироста, хотя обустройство немецких поселенцев в Поволжье и на юге России имело оттенок колониализма по отношению к местному населению [Klaus 1887: 2, 5].

В таком случае, если мы говорим о внутрироссийской экономической экспансии, можем ли мы, следуя Хечтеру, использовать термин «внутренний колониализм» (internal colonialism)? Анатолий Ремнев уже принял его на вооружение:

Теории «внутренней колонизации» империи нередко противостоит более политически жесткая концепция «внутреннего колониализма», у которой, видимо, есть если не научное, то политическое будущее [Ремнев 2010: 151].

Оставляя за скобками возможность политической инструментализации, можно сказать, что суффикс «-изм», присутствующий в этом понятии, описывает системный характер экономической эксплуатации и искусственно созданных культурных различий. Внутреннему ориентализму как системе знания в духе Фуко и Саида такой аспект наверняка окажется полезен [ср.: Эткин 2001: 50-57, 2002: 265-270, 2003: 108].

Недостаток суффикса «-изм» заключается в том, что он отгесняет на второй план присущий колонизации характер исторического процесса, а также перформативность «ориентирующих» речевых актов. Если же смотреть с точки зрения так называемого *перформативного поворота* (performative turn) в гуманитарных науках [Fischer-Lichte 2004: 36], то предпочтение следовало бы отдать не системному понятию *колониализм*, а описывающему действие сущностительному *колонизация*.

Таким образом, перед нами стоит задача взвесить различные «за» и «против», чтобы в результате оптимизировать используемые термины. Система или перформативность? И третьего не дано?

А может быть, все-таки дано?

Может быть, следуя Хабермасу, стоит говорить о «внутренней колониализации» [Habermas 1995: 523; курсив наш. — Д.У.; впрочем, в нашем случае речь не идет о повседневной жизни (Lebenswelt)]? Пойдя по этому пути, мы привили бы процессуальному понятию «колонизация» аспект системного культурного дистанцирования и экономической эксплуатации, который несут в себе понятия «колониализм» и «колониальная власть»²⁰. Возможно, конечно, что нашей «колониализации» не позволит прижиться реакция лингвистического отторжения; наш полунеологизм может оказаться актом внешней колониализации — не России, но русского языка.

Тем не менее понятие «колониализации» могло бы заострить внимание на системной перформативности и замкнутости колониационного дискурса и тем самым подсказать ответ на вопрос, почему деколонизация (и в политическом плане, и на уровне сознания) дается с таким трудом.

Перформативный характер внутреннего ориентализма ведет, с одной стороны, к тому, что антиколониальные дискурсы все еще продолжают нести в себе колониальный «вирус». Так, Эткин обращает внимание на аффирмативность, присутствующую даже в ироническом

²⁰Поиск в Google на русском языке, произведенный 12 марта 2010 года, выдал 593 результата по понятию «колониализация» и 2 510 000 — по понятию «колонизация».

дистанцировании от имперской политики, то есть в антиколониальном по своей сути отношении поэтов:

Русские поэты с их пограничной географией, неоднозначным чувством принадлежности и смешанным этническим происхождением деконструировали образ мышления ориентализма, воспроизводя его в своей иронической практике [Etkind 2007: 625]²¹.

Настроенная на деколонизацию элита также воспроизводит колониальную дистанцию, используя определенный словарный запас и сохраняя определенную рутину коммуникации. Позитивный ориентализм²² Радищева, славянофилов, Толстого, народников и авторов сборника «Вехи», произрастающий на почве исключительно добрых побуждений, тоже основан на установленной внутренним колониализмом культурной дистанции. Более того, романтизация внутреннего объекта колонизации, то есть «народа», нацеленная как раз на деколонизацию, сохраняет эту дистанцию. Предложенную нами выше схему можно продолжить следующим образом: за внутренней колонизацией (ВнуКол) следует внутренняя романтизация (ВнуРом), а затем парадоксальная внутренняя деколонизация, которая одновременно является и колонизацией (ВнуДекол/ВнуКол):

ВнеОр → СамОр → СамКол → ВнуОр → ВнуКол → ВнуРом → ВнуДекол/ВнуКол

Однако следует ответить на вопрос о том, что происходит в конкретных речевых актах с деколонизационной интенцией. Эту задачу могло бы взять на себя литературоведение, а термин Остина *infelicities* (неудачи), который был предложен им в лекциях под общим заглавием «How to Do Things with Words» [«Как производить действия с помощью слов»; Остин 1986] применительно к перформативным речевым актам, может оказаться продуктивным при выполнении этой задачи. Мы считаем, что неудачи попыток коммуникативного преодоления разрыва, созданного внутренней колонизацией, являются самыми красноречивыми доказательствами того, что таковая действительно происходила. Дискурс нарочитой деколонизации, который сам снова приобретает колонизирующий характер, всегда уже является постколониальным [ср.: Эткин 1998: 59-60].

Поэтому, рассматривая теорию речевых актов Остина, основной интерес следует направить на безуспешные попытки, которые уже оказывались в центре внимания семиотики [Fischer-Lichte 2004: 33], на *неудачи* [Остин 1986: 31], то есть неудавшиеся перформативные речевые акты. Попытки коммуникативного преодоления социокультурных барьеров, возведенных внутренней колонизацией, всегда так или иначе связаны с актами убеждения и привлечения слушателей к определенным идеям, или — в случае более активного воздействия — с побуждением, призывом к действиям, подстегиванием к осуществлению социальных изменений — например, деколонизации. Поэтому фокус должен быть направлен не на иллокутивные [Остин 1986: 89], а на перлокутивные акты. Здесь мы говорим не о конвенциональных ситуациях, в которых осуществляются перформативные речевые акты (бракосочетание и т. п.), а о похожем случае, о котором Остин пишет, что он представляет собой «„неудачи“ еще одного типа — а они могут носить это название с полным правом — несовершенства понимания» [Остин 1986: 38].

Одна из «неудач», которые нас интересуют, — это случай, когда перлокутивный речевой акт убеждения или подстрекательства к действиям не доходит до адресата, аналогично тому, что Остин пишет по поводу иллокутивного акта обещания:

²¹Ср. однако, анализ стихотворения Тимура Кибирова в статье Э. Рутген в сборнике: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткина, Д. Уффельмана, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012.

²²Точнее, «внутренний вариант позитивного ориентализма» [Эткин 2003: 123].

В обычном случае, чтобы дать обещание, необходимо:

(А) чтобы меня кто-нибудь *услышал*, возможно, то лицо, которому я обещаю;

(В) чтобы это лицо понимало, что дается обещание [Остин 1986: 38; курсив оригинала].

Главной проверкой перлокутивного высказывания является его воздействие на адресата: «„последствия...“, которые частично могут быть „ненамеренными“» [Остин 1986: 91].

Негативный эффект от ненаступления желаемого воздействия в случае перлокутивных речевых актов более значителен, чем в случае стандартных иллокутивных актов:

...когда говорящий намеревается получить некий результат, этого тем не менее может и не произойти; <...>. Чтобы справиться со сложностью..., мы <...> обращаемся к различию между попыткой и достижением... [Остин 1986: 90-91].

Кроме ненаступления желаемого воздействия могут возникнуть побочные или даже противоположные эффекты, которые Остин называет «практическими следствиями»: «Мы должны различать действия с перлокутивной задачей (убеждать, уговаривать) от действий, которые просто вызывают некое перлокутивное практическое следствие» [Остин 1986: 97]. Так, предостережение может побудить к нарушению табу, попытка убедить может повлечь за собой сопротивление, или — если говорить об уровне физических действий — милостыня может быть воспринята как оскорбление, а эмоциональный порыв в форме поцелуя может быть понят как домогательство. Именно такие — непредвиденные, противоположные — следствия имели попытки внутренней деколонизации в России.

Поэтому, анализируя перформативные неудачи в контексте внутренней колонизации, недостаточно рассматривать колонизационный или деколонизационный дискурс только для того, чтобы проверить, есть ли в нем элементы позитивного ориентализма. Вывод о безуспешности перлокутивных речевых актов можно сделать только на основе анализа *последовавших за ними* коммуникативных актов. Однако их зачастую оказывается сложно проследить *post factum*. Например, приписываемый Николаю Чернышевскому памфлет-прокламация «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон» в своем качестве перформативного речевого акта потерпел неудачу уже потому, что попросту не достиг своих адресатов.

Куда большим объемом свидетельств и материалов может порадовать исследователей история восприятия народничества в среде его «подопечных». На ее примере можно в деталях продемонстрировать, как крестьяне, к которым обращались движимые высокими идеалами студенты, восприняли деколонизационный посыл как очередную попытку колонизации.

Изучение народничества как феномена внутренней колонизации, вероятно, потребует больших усилий по разбору историографических завалов (реакция «субалтернов» на «хождение в народ» анализировалась в работах советских историков с совершенно других точек зрения — например, как показатель «классовой отсталости» тогдашних российских крестьян). Однако вознаграждением за эту работу могли бы стать новые познания в области истории внутренней колонизации России.

К счастью, для литературоведческого анализа существуют жанры, которые, в отличие от революционных манифестов в духе послания «Барским крестьянам...», демонстрируют реакцию крестьян на «деколонизационную» риторику, или, в терминологии Остина, включают в себя последующие коммуникативные акты. Таковы пьесы или другие тексты, которые построены по диалогическому принципу: в них обыгрывается общение между представителями привилегированной группы и «субалтернами». Во второй половине XIX века таких текстов было написано много. Но все-таки один из первых в истории русской литературы текстов, в котором в беседах между представителями разных сословий обнаруживаются послед-

ствия колонизации, появился гораздо раньше — это «Путешествие из Петербурга в Москву», созданное Александром Радищевым в 80-е годы XVIII века и опубликованное в 1790-м.

V

Исследователи «Путешествия...» Радищева уделили много внимания некоторым включенным в него фрагментам, как, например, оде «Вольность», и проанализировали мозаичный характер текста²³, однако включенные в книгу диалоги рассматривались сравнительно мало²⁴. Мы считаем, что при нашей постановке вопроса о неудачах перформативных речевых актов, связанных с последствиями колонизации, именно эти фрагменты «Путешествия...» должны стать предметом подробного анализа. Однако прежде чем приступить к такому анализу, следует обратить внимание на то, какова эксплицитно высказанная в тексте позиция по отношению к колониальным процессам, и выяснить, исходит ли его автор из факта существования в России внутренней колонизации²⁵.

В «Путешествии...» мы не встретим терминологии, связанной с колонизацией. Тем не менее колониальные феномены подчинения, порабощения, эксплуатации и культурной деградации описываются в книге Радищева с ясностью, не оставляющей желать большего. На станции Новгород повествователь вспоминает о подчинении города московским князем Иваном Васильевичем, то есть царем Иваном Грозным [«хищной сосед»; Радищев 1992: 33]. Во включенной в текст (псевдо)цитате из новгородской летописи это подчинение с его внутренними последствиями для культуры тематизируется как факт колонизации; фиктивная летопись с лаконичным сарказмом изображает древнюю новгородскую культуру как полностью уничтоженную:

В Новгороде был колокол, по звону которого народ собирался на вече для рассуждения о делах общественных.

Царь Иван письмо и колокол у Новгородцев отнял. —

— Потом в 1500 году — в 1600 году — в 1700 году — году — году Новгород стоял на прежнем месте [Радищев 1992: 33²⁶].

Однако в исторической перспективе субъект и объект колонизации, видимо, вполне могут меняться ролями. Согласно трактовке заглавия текста Радищева, которую предлагает Владимир Кантор, Москва в Российской империи со столицей в Петербурге оказывается в ситуации, похожей на положение Новгорода в Московской Руси; путешествие из Петербурга в Москву являет собой не центростремительное, а центробежное движение [Кантор 2008: 121, 161]. Он считает, что Петербург подвергается у Радищева ориентализации в рисуемой им картине азиатского деспотизма [Там же: 145], в то время как Москву рассказчик представляет как противовес новой столице.

Мотив азиатского деспотизма ярко представлен в другом фрагменте «Путешествия...» — политическом манифесте «Хотилово. Проект в будущем», посвященном

²³Об истории рецепции «Путешествия...» и, в частности, о противопоставлении революционного и реформистского толкований ср.: Uffelmann 1999: 5-6.

²⁴Кан (Kahn 1997) предлагает диалогическую антропологию текста Радищева [в похожем ключе Радищева толкует также Левитт: Левитт 2003]. Убедительные подтверждения ей Кан находит на уровне нарративного монтажа, при этом оставляя практически без внимания конкретные примеры диалогов между представителями разных сословий в «Путешествии...».

²⁵Александр Эткин в 2002 году высказал предположение, что изучение произведений Радищева могло бы оказаться продуктивным с точки зрения вопроса внутренней колонизации [Эткин 2002: 283], однако основной акцент он делает на текстах, написанных уже в Сибири [Эткин 2002: 284].

²⁶Об источниках этой «летописи» см. в комментариях В.А. Западова: Радищев 1992: 653.

теме подлежащего искоренению крепостного права (напомню, что проект этот приписан одному из персонажей, «искреннему другу» рассказчика):

Идите, возлюбленные мои, идите в жилища братии вашей, возвестите о премене их жребия. <...> Оставили мы гордое различие, нас толико времени (временно. — Д.У.) от вас отделявшее, забыли мы существовавшее между нами неравенство, восторжествуем ныне о победе нашей, и сей день, в он же сокрушаются оковы сограждан нам любезных, да будет знаменитый в летописях наших [Радищев 1992: 72-73].

Чтобы поставить к позорному столбу российское проявление всеобщего зла — притеснения слабых и культурно чуждых, Радищев обращается к двум другим примерам рабства, которые, будучи включенными в «Проект», призваны, видимо, играть роль аналогий: к порабощению африканцев в Америке и к деспотиям египетских фараонов и Александра Македонского. Российские «сыны славы» оказались, как он считает, под непосредственным влиянием азиатских образцов:

...Зверской обычай порабощать себе подобного человека, возродившийся в знойных полосах Ассии <...> простерся на лице земли быстротечно, широко и далеко. И мы, сыны славы <...> восприняли обычай сей; и ко стыду нашему <...> сохранили его нерушимо даже до сего дня [Там же: 66-67].

У американского примера есть своя предыстория, о которой рассказчик тоже упоминает: прибытие европейских колонизаторов в Америку, где они сначала уничтожили коренных индейцев, чтобы затем перейти от экспансивной колонизации к долгосрочной эксплуатации других групп — к торговле рабами:

Европейцы, опустошив Америку, утучнив нивы ее кровию природных ее жителей, положили конец убийствам своим новою корыстию. <...> Заклав индейцев единовременно, злобствующие европейцы, проповедники миролюбия во имя Бога истины, учителя кротости и человеколюбия, к корени яростного убийства завоевателей прививают хладнокровное убийство порабощения приобретением невольников куплею. Сии-то несчастные жертвы знойных берегов Нигера и Сенегала... [Там же: 69-70]²⁷.

Благовидный предлог цивилизаторской миссии в обоих случаях обличается как цинизм по отношению к ее жертвам.

Насколько прямой или косвенной оказывается взаимосвязь, устанавливаемая между азиатским и американским примерами, с одной стороны, и внутренней ситуацией в России, с другой? В исторической перспективе Радищев изображает определенные города в качестве жертв гегемонического засилья других. Однако более важным, чем исторический экскурс о Новгороде или имплицитное выдвигание Москвы в качестве противовеса Петербургу как центру империи, представляется нам сословный аспект. Кантор усматривает сходство между взятым извне азиатским примером и властью российского дворянства над крестьянами: «...самое страшное, что увидел и показал Радищев: это „блестящее гордое дворянство“ ведет себя как дикие „азиатские“ владыки» [Кантор 2008: 145]. Дополняемый аналогией между российскими крестьянами и американскими чернокожими рабами [ср.: Там же: 152], взятый из внешнего контекста мотив колониальной власти предстает перед нами как метафора внутренней, межсословной ситуации внутренней колонизации²⁸. Кантор полагает, что Радищев был

²⁷Радищев 1992: 69-70. О значении американского рабовладения и не вошедших в опубликованный текст «Путешествия...» частях об Америке ср.: Thaler 1958: 23.

²⁸Похожие мысли можно найти в сочинениях членов общества «Арзамас» [Майофис 2008: 296-299], а потом и у народников [например, у Голоушева в 1874 году; см.: Итенберг 1964: 164]. Вопрос о том, в каких еще случа-

настроен — пользуясь более поздней терминологией — националистически и воспринимал дворянство в России прежде всего как чужеродный элемент [Там же: 156], но на наш взгляд, этот тезис избыточен: двух признаков (экономической эксплуатации и культурного отчуждения) вполне достаточно для того, чтобы говорить о колониальном неравенстве; необходимости присутствия *этнического* различия для этого нет [Эткинд 2001: 60].

Каким же образом дают о себе знать экономическая эксплуатация и культурное отчуждение в межсословном общении русского с русскими?

Наиболее интересными для анализа представляются нам случаи общения на максимальной социокультурной дистанции, которые можно найти в главах «Любани», «Городня», «Клин» или «Едрово».

В главе «Любани» рассказчик завязывает разговор с крестьянином, который в воскресенье работает в поле (то есть вынужденно нарушает церковную заповедь); в его труде рассказчик видит воплощение эксплуатации семей крепостных. То, что крестьянину кажется вполне обычным, потрясает рассказчика, который находит выход для обуревающих его эмоций в обращенной к крестьянину проповеди о гуманности законов: «— Друг мой, ты ошибаешься, мучить людей законы запрещают». Крестьянин отмахивается от этого совета и сохраняет дистанцию: «— Мучить? Правда; но небось, барин, не захочешь в мою кожу» [Радищев 1992: 11]. После чего собеседник рассказчика прекращает разговор, чтобы продолжить работу. Перлокутивный акт убеждения — совет обратиться к защите закона — не достигает адресата.

Нечто похожее происходит в главе «Городня», где рассказчик наблюдает попытку покупки крестьянина и также предлагает правовое просвещение, предваряя его все теми же словами: «Мой друг, ты ошибаешься, казенные крестьяне покупать не могут своей братии» [Там же: 106]. Здесь попытка городского всезнайки преподать простым деревенским крестьянам урок законности оказывается неудачной вдвойне: уполномоченные крестьянской общиной «отдатчики рекрутские» не только указывают ему на то, что он вмешивается не в свое дело, но и недвусмысленно предлагают идти своей дорогой [Там же: 107]. Кроме того, путешественника, одержимого просветительским пылом, отрезвляет пример встреченного в той же деревне еще одного будущего солдата — француза-парикмахера, который, лишившись барина-работодателя и не умея писать, не мог устроиться гувернером. Поэтому ему пришлось записаться в крестьянское сословие и напроситься в рекруты. После этого рассказчику не остается ничего другого, как пожать плечами на эту странную историю и продолжить путь, — французу, который стал рекрутом добровольно, советовать что-либо было бессмысленно [Там же: 108].

В то время как неудачи перлокутивных актов — юридических советов — в главах «Любани» и «Городня» представляют собой короткие эпизоды, после которых разговор прекращается, глава «Едрово» содержит продолжительный диалог между партнерами, которых разделяет сразу несколько социокультурных барьеров: здесь дворянин говорит с представительницей крестьянского сословия, которая к тому же значительно младше него; мужчина, имеющий опыт поездок за границу и даже учившийся там, говорит с девушкой, не видевшей на своем веку ничего, кроме домашней работы и жизни в родной деревне. Особенно важен здесь гендерный аспект внутренней колонизации: в российском дворянском обществе XVIII века носителями внутренней колонизации были в большинстве случаев мужчины. После того как женщины-дворянки получили разрешение владеть крепостными крестьянами [Marrese 2002], эта ситуация постепенно стала меняться, а когда Карамзин сделал ставку на женскую читательскую аудиторию [Карамзин 1982: 102], часть дворянок постепенно сама стала активным действующим лицом салонной культуры. Однако тот разрыв, который был порожден внутренней колонизацией, еще долгое время продолжает просматриваться особенно отчетливо

ях при обращении к крестьянам дворяне, апеллируя к идеям «внутренней деколонизации», использовали аналогии с внешней колонизацией или внутренней колонизацией в других странах, видимо, подлежит дальнейшему изучению.

именно в межсословном сопоставлении дворян мужского пола с крестьянками. Рассказчик у Радищева описывает ситуацию превосходства следующим образом:

Они [деревенские девки] в глазах дворян старых и малых суть твари, созданные на их угождение. Так они и поступают, а особливо с несчастными, подвластными их велениям [Радищев 1992: 61].

Когда рассказчик обращает внимание на крестьянских девушек, стирающих белье, сначала он мысленно сравнивает их с живущими в городе молодыми дворянками и произносит мысленную укоризненную речь, обращенную по очереди к нескольким таким женщинам, говоря о предосудительных сторонах жизни высшего сословия [Радищев 1992: 60], к которым он относит в равной степени лицемерие и употребление косметики. Рассказчик обрывает свой монолог, так как, видимо, считает что возразить на его слова невозможно:

...Но я еще с городскими боярынками. — Вот что привычка делает; отвязаться от них не хочется. И, право, с вами бы не расстался, если бы мог довести вас до того, чтобы вы лица своего и искренности не румянили. Теперь прощайте [Там же: 61].

Затем следует реальный, но лишь отчасти удавшийся диалог с крестьянской девушкой, которая реагирует на обращение путешественника, как Гретхен на домогательства Фауста, — оборонительно:

— Не трудно ли тебе нести такую тяжелую ношу, любезная моя, как назвать не знаю. — Меня зовут Анною, а ноша моя не тяжела. Хотя бы и тяжела была, я бы тебя, барин, не попросила мне пособить. — К чему такая суровость, Аннушка, душа моя, я тебе худова не желаю. — Спасибо, спасибо: часто мы видим таких шелкунов, как ты; пожалуй, проходи своею дорогою [Там же: 61].

Рассказчик, используя все свое красноречие, пытается рассеять подозрение девушки в том, что за его словами скрываются стереотипные корыстные мотивы:

— Анютушка, я, право, не таков, как я тебе кажуся, и не таков, как те, о которых ты говоришь. Те, думаю, так не начинают разговора с деревенскими девками, а всегда поцелуем... [Там же: 61].

Лишь несколькими фразами позже он опровергает свои собственные слова, награждая милостивую крестьянку поцелуем. — хотя и не эротическим, как можно было бы подумать: его причина — умиление от слов Анюты, нежно рассказывающей о недавно родившемся сыне своей подруги и желающей «самой иметь такого же паренька» [Там же: 62]. Но Анюта оказывается не в состоянии понять импульса, который побудил путешественника поцеловать ее

...он [читатель] наверняка может понять ее недоумение по поводу этих нежных чувств, с определенной неуклюжестью позаимствованных у стерновского Йорика, которые вряд ли могли быть доступны русской крестьянке [Brown 1980: 557].

Различная интерпретация поцелуя — как знака признания и сентиментального восхищения, с одной стороны, и как сексуального домогательства, с другой, — демонстрирует амбивалентность межсословной коммуникации: то, что со стороны дворянина подразумевалось как акт признания, воспринимается крестьянкой как действие совершенно иного рода, а

именно как носящее сексуальный характер. Комизм, заложенный в этом недоразумении, благоприятно сказывается на тексте²⁹.

С точки зрения просветительской поэтики воздействия, принятой на вооружение рассказчиком, этот комизм, однако, проблематичен. То обстоятельство, что его речевые акты несут в себе аспект действий, упоминалось исследователями не более чем вскользь³⁰, хотя заключенная в книге Радищева социальная интенция уже в 1790 году бросилась в глаза одной из самых первых читательниц «Путешествия...» — императрице Екатерине II. В пометках, оставленных ею на полях книги, часто встречаются следующие и подобные характеристики: «Намерение сей книги <...> приведение народа в негодование противу начальников и начальству <...> написаны в возмутительном намерении» [Бабкин 1952: 157]. Императрица не допускает ни малейшего сомнения в том, что перед ней — многократно повторяемый речевой акт подстрекательства.

Словно бы предвосхищая появление теории речевых актов, Григорий Гуковский рассматривает перлокутивную составляющую поэтики убеждения у Радищева. Ее он сначала относит на счет просветительского оптимизма писателя:

В этой изумительной по смелости и по наивности вере в силу убеждения непредвзятого человеческого слова <...> заключалось «безумие», «сумасшествие», которым Пушкин неудачно пытался объяснить решимость Радищева издать «Путешествие» [Гуковский 1936: 164].

Основу такой решимости Гуковский видит в вере Радищева в убеждающую силу литературного текста, в возможность «прямого воздействия на слушателя-читателя» [Гуковский 1936: 190]. Говоря с точки зрения теории языка, «слово стало в руках Радищева действием...» [Гуковский 1936: 183]³¹.

Перлокутивные речевые акты убеждения и подстрекательства, встречающиеся нам у Радищева, несут подспудный агрессивный потенциал, представляют собой форму вмешательства, то есть — говоря в терминах нашего подхода — имеют колонизационный характер. Проблематика деколонизационного дискурса, направленного против социальных последствий внутренней колонизации, заключается в двойной природе этой колонизации: экономическая эксплуатация сочетается в ней с риторикой цивилизаторской миссии. Даже если деколонизационный дискурс обращается против колониальной эксплуатации, он не в состоянии уйти от риторической фигуры освободительной миссии. Любая критика эксплуатации (у Радищева она направлена против крепостного права как специфической формы проявления внутренней колонизации) неизбежно приводит в действие парадокс, присущий всякой помощи в развитии: заносчивое всезнайство помогающего препятствует самостоятельному развитию нуждающегося в помощи. Выступая с деколонизаторскими намерениями, помогающий в своем альтруизме сам вновь превращается в невольного колонизатора.

В «Путешествии...» Радищева характер подобной деколонизаторско-колонизаторской миссии выявляется в тот момент, когда рассказчик-дворянин вторгается в приватную сферу встреченной им Анюты. Никак не прислушиваясь к ее протестам, он без приглашения вваливается в крестьянскую избу:

²⁹Комизм неудачной попытки преодоления сословной границы девальвирует, как считает Пушкин, сентиментальные порывы [Пушкин 1949: 36], но не касается положительного изображения народа, которое у Радищева в соответствии с его сентименталистской эстетикой имеет пасторальный оттенок [Алексеев 1977: 101].

³⁰Как, например, у Пономарева, который пишет о «Путешествии...» как о «призыве к совести и состраданию» [«appeal to conscience and compassion»: Ponomareff 1987: 48].

³¹Гуковский полагал, что это превращение умалило эстетическую сторону текста [«Радищев заботится не об изяществе языка, а о силе...»: Гуковский 1936: 191], но эту оценку мы оставляем за скобками.

— Нет, моя Анюта, я пойду с тобою... — и, не дожидаясь ее ответа, вошел в ворота и прямо пошел на лестницу в избу. Анюта мне кричала вслед: — Постой, барин, постой. — Но я ей не внимал [Радищев 1992: 63].

На уровне действия это нарушение неприкосновенности чужого жилища образует параллель к некоторым дискурсивным практикам, которые использует рассказчик, постоянно удерживая интеллектуальную дистанцию, отделяющую его от собеседников-крестьян. Путешественник смотрит на деревенских жительниц через оптику, задаваемую псевдоантичной эстетикой классицизма и рококо («моющие платье деревенские нимфы» [Там же: 61]), и применяет к увиденному дедуктивный метод.

Действующие в Российской империи законы он критикует с точки зрения естественного права, задающей для него масштаб рассмотрения: «Сие запрещают правила естественности <...>; сие запрещать долженствовал бы закон гражданский...» [Там же: 65]. Эта критика правовой практики, подкрепленная рассуждениями о теоретических основах заключения договоров [Там же: 64], нацелена на неравные браки. Просветитель критикует широко распространенную практику выдавать девушек замуж за совсем юных, иногда 10-летних мальчиков [Там же: 65]. Попытки крестьян самостоятельно защитить себя от дворянского произвола также подвергаются критике как самосуд, ведущий скорее к обратному результату. Действия крестьян, которые по примеру Пугачева отомстили деспоту-помещику за безмерное злоупотребление правом первой ночи, он считает неверными: им следовало бы обратиться к официальному правосудию [Там же: 61-62]. Реформаторско-антиреволюционный тон звучит здесь с явным оттенком колонизаторского всезнайства³².

Такой тон вполне соответствует «автоэтнографической» установке, которой следует путешественник по родным краям. Несмотря на неподдельный интерес к образу жизни, отличающемуся от его собственного (путешественник говорит Анюте, что хочет узнать, как она живет [Там же: 61]), в книге постоянно подчеркивается дистанция между наблюдателем и наблюдаемыми.

Распространенный в западноевропейской литературе XVIII века образ «благородного дикаря» в России превращается в образ «доброего крестьянина». Первым женским воплощением этого образа Кантор считает радищевскую Анюту [Кантор 2008: 150]³³. Еще до разговора с ней путешественник размышляет, довольно абстрактно противопоставляя здоровую деревенскую жизнь с ее традиционным укладом цивилизации с ее болезнями [Радищев 1992: 60]. Больные зубы горожанок и здоровые зубы крестьянок для рассказчика — наглядное выражение контраста между городом и деревней. На уровне морали физическое здоровье находит параллель в абсолютном превосходстве крестьянки, которую путешественник провозглашает выразительницей нравственных норм. Пономарев описывает такое отношение к крестьянкам как «идеализацию морально здоровой жизни на лоне природы в духе Руссо». Видя воплощение этого идеала, «„сентиментальный путешественник“» впадает в экстаз [Ponomareff 1987: 46]. В радищевском эпизоде мы можем заметить тенденцию к инверсии известной к тому времени гендерной схемы: не женщина должна учиться у мужчины благопристойности, а наоборот, «...сердце его уступит твоему впечатлению и отвернется на восприятие твоего благотворного примера» [Радищев 1992: 64]. Достойный пример для подражания в лице Анюты путешествующий дворянин находит не только для мужской части деревенского населения; сам он тоже признается, что мог бы поучиться у крестьянки, если бы встретился с

³²Напрашивающийся вывод о том, что реформизм связан с колониалистской установкой, а революционные идеи автоматически несут в себе деколонизаторский подход, далеко не всегда соответствует действительному положению вещей.

³³Следует добавить, что своим именем радищевская Анюта отсылает к одноименному прообразу доброй крестьянки из комической оперы Я.Б. Княжнина «Несчастье от кареты» (1774), остающейся, однако, в тени своего сюжетного партнера, крестьянина Лукьяна. На эту интертекстуальную связь указал нам в беседе Йоахим Клейн.

ней раньше: «...научила бы меня ходить в стезях целомудрия» [Там же: 64]. Здесь Радищев уже прямо предвосхищает идею Льва Толстого о том, что высшие сословия должны учиться у крестьян нравственности³⁴.

Таким образом, мы встречаем у Радищева симптомы, которые Александр Эткинд определяет как признаки установки на автодеколониацию, которая включает в себя романтическое возвышение народа:

В ожидании деколонизации, социальной эмансипации, политической революции приходит осознание привилегий «народа», его моральной и метафизической ценности, его чистоты, безгрешности и несправедливой угнетенности [Эткинд 1998: 59-60].

При таком толковании восторженные отзывы о моральной непогрешимости Анюты могут быть рассмотрены как дворянская самокритика. Можем ли мы тогда согласиться с Г.П. Макогоненко, который определяет итог «Путешествия...» как успешное «моральное обновление путешественника» [Макогоненко 1956: 482]? Выливается ли попытка преодоления последствий внутренней колонизации в успешный автоцивилизаторский акт — или в акт автодеколониации рассказчика? С определенностью можно утверждать, что предосудительно-му прошлому рассказчика (который наслаждался преимуществами колонизатора) текст противопоставляет его настоящее. Преобладающим приемом такого противопоставления отрезков на временной оси является «самокритика» [Klein 2008: 287] «грешника» [Кантор 2008: 137]. Без обиняков рассказчик признается в том, что раньше он тоже с вожделием смотрел на деревенских женщин: «Страсть, господствовавшая во всю жизнь надо мною, но уже угасшая, по обыкшему ее стремлению направила стопы мои к толпе сельских сих красавиц» [Радищев 1992: 59]. Несмотря на отмежевание от прошлого, оно продолжает влиять на настоящее — на поведение рассказчика или на восприятие его поведения другими [ср.: Stadtke 1969: 76]. Его новая тяга к женщинам, которую он теперь обосновывает не сексуальным влечением, а сентиментальной склонностью и эмоциональным сродством [«Я люблю женщин для того, что они соответственное имеют сложение моей нежности...»]: Радищев 1992: 61], остается непонятной для деревенской девушки.

Столичный щеголь, пусть даже бывший, возмущенно морщит нос из-за отсутствия в деревне кофе [ср.: Кантор 2008: 141], а по отношению к модникам из низших слоев демонстрирует «сословную спесь» [Fieguth 1990: 160], которая делает его кажущееся перерождение скорее «карикатурой на самого себя» [Там же: 174], чем примером успешного самовоспитания.

Сословная граница оказывается непреодолимой. Парадокс, отмеченный советскими исследователями литературы, много писавшими о «дворянских революционерах» [Жарякин, Плимак 1955: 188], остается в силе со всей своей амбивалентностью. В результате мы видим не отдельные успешные акты коммуникации, как считает Макогоненко [как, например, в «Городне»: Макогоненко 1956: 462], а постоянное напоминание о социальном барьере, который становится еще и культурным [«абсолютная чуждость крестьян дворянину»: Кантор 2008: 149]. Несмотря на все усилия, присутствие путешественника-дворянина смущает крестьян: «Приметив, что им мое присутствие было не очень приятно, я их оставил и возвратился к моей кибитке» [Радищев 1992: 63]. Здесь поэтика соприкосновения с народом деконструируется так же, как восемьдесят лет спустя будет на практике подвергнут деконструкции пафос «хождения в народ».

Дворянину не удастся убедить своих слушателей-крестьян в благом — деколониаторском — характере своих намерений. Итогом общения с народом оказываются прежде

³⁴Но даже в своем восторге перед нравственной чистотой деревенской девушки Анюта рассказчик у Радищева сохраняет за собой положение превосходства. Он предсказывает ей счастье [«Ты будешь блаженна...»]: Радищев 1992: 62], тем самым претендуя на высшую позицию, которая дает возможность выносить оценки.

всего собственные размышления рассказчика, для которых реплики «субалтернов» становятся условными поводами: «Вот, Анюта, благие мысли, тобою мне внушенные» [Там же: 65]. Социальнофилософские выкладки, на которые его якобы вдохновляет Анюта, оказывается невозможным донести до крестьян. Перлокутивный речевой акт убеждения заканчивается неудачей. Просветительская теория не подлежит переносу на уровень практики; констатация проблемы не ведет к нахождению решения [Uffelmann 1999: 7-9]. На наших глазах происходит автодеконструкция деколонизационного дискурса и обнажение его неизменно колониационной сущности.

Язык и жанровые особенности текста Радищева многократно демонстрируют и обыгрывают несовместимость теоретических целей с нарушенным общением между сословиями. За попыткой завязать диалог, описанной в главе «Едрово», следует абстрактный «Проект в будущем», образующий намеренно резкий контраст с языком и структурой предыдущей главы [см.: Uffelmann 1999: 10]. М.П. Алексеев считает, что особенность языка Радищева состоит в том, что он формулирует, «сталкивая <...> разногенетические слова» [Алексеев 1977: 109]. Грассхофф констатирует, что у Радищева более или менее комплементарно соединены два контрастных языковых уровня: разговорный язык в описаниях путешествия и «глубоко научный или деловой стиль» [Grasshoff 1969: 70] с тенденцией к ораторским интонациям в теоретических размышлениях [Кочеткова 1977: 23]³⁵.

Эффект остранения дополнительно усиливается тем, что текст передает даже не собственные мысли путешественника, а представляет его как реципиента чужих текстов, написанных явно не на российской почве. Сам коллажный принцип организации текста «Путешествия...» свидетельствует о разрыве между теоретическим (деколонизационным) дискурсом и социальной практикой: описания попыток рассказчика вступить в диалог с крестьянами составляют резкий стилистический контраст с «теоретическими» социальными декларациями, включенными в книгу.

Каковы же возможные пути преодоления этого разрыва? Традиционный советский вариант прочтения пытался разрубить завязанный Радищевым гордиев узел универсальным мечом революции. Однако, как мы убедились выше, «Путешествие...», в котором отрицается антиколониальное насилие в виде самосуда, трудно свести к однозначному революционному призыву. Возвращение к более совершенному доколониальному состоянию (к средневековому Новгороду) также представляется невозможным: «Как ни тужи, а Новгорода по-прежнему не населишь...» [Радищев 1992: 33; ср.: Uffelmann 1999: 13]. Домосковскую «новгородитюд» невозможно восстановить, как невозможно восстановить доколониальную *негритюд* в Африке.

Д.Д. Благого, который считает, что все дворянские добрые намерения в «Путешествии...» влекут за собой дурные последствия [Благой 1948: 11], можно упрекнуть в сгущении красок. Однако верно, что перлокутивные речевые акты путешественника, высказанные из хороших побуждений, не порождают никаких положительных действий. Гордые крестьяне не желают принимать подарков [Радищев 1992: 62] и чувствуют себя оскорбленными [ср.: Макогоненко 1956: 462]. Как семья Анюты отказывается принять подарок в счет ее приданого [Радищев 1992: 63], так и слепой старик в главе «Клин» отвергает милостыню [Там же: 111; о невозможном даре ср.: Uffelmann 1999: 19] и считает ее обидной для себя, что в свою очередь оскорбляет подающего. В результате обиженными оказываются оба. «Ты огорчаешь давно уже огорченное сердце естественною казнию» [Радищев 1992: 112], — говорит слепой дворянину. Шейный платок, принятый в подарок вместо денежного подаяния, помогает обоим участникам выйти из тупиковой ситуации, однако носить этот платок старику суждено всего три дня — потом он умирает. Исход истории — скорее сентиментальный, чем свидетельствующий об успешном наведении мостов между социальными стратами.

³⁵При более подробном анализе за этим схематичным дуализмом просматривается значительно более пестрый «плюрализм стилей» [Fieguth 1990: 172].

Здесь Макогоненко также признает влияние прошлого: «Опять прошлое встало на пути к народу, опять не смог он свершить поступок, равный искреннему намерению» [Макогоненко 1956: 465]. Постколониальная ситуация выглядит непреодолимой. Последствия десятилетий, столетий внутренней колонизации невозможно — как демонстрирует текст Радищева — устранить благими намерениями, убеждением и отдельными актами помощи.

Поэтому Радищев на допросе отрицал, что его книга содержит подстрекательские обращения к крестьянам:

...Если кто скажет, что я, писав сию книгу, хотел сделать возмущение, тому скажу, что ошибается, первое и потому, что народ наш книг не читает, что написана она слогом, для простаго народа не внятным, что и напечатано ее очень мало... [Бабкин 1952: 171].

Однако использование в диалогах условного языка крестьян, который позднее попытается включить в свой текст также и автор прокламации «Барским крестьянам...», свидетельствует о том, что «Путешествие...» изначально писалось не только для дворян [Семенников 1923: 79-80] или господствующей верхушки [Кантор 2008: 131]. В некоторых фрагментах текста прослеживается намерение подействовать в том числе и на потенциальных читателей в крестьянской среде. Его осуществлению препятствует вторая интенция: просветительский социофилософский дискурс. Так сталкиваются и мешают друг другу деколонизация на уровне языка и перформативное воспроизведение гегемониального дискурса³⁶.

VI

Этот коммуникативный парадокс не устранили впоследствии ни отмена крепостного права, ни крушение империи в результате октябрьского путча 1917 года; революции, громгласно заявляющие о себе как об актах «деколонизации „народа“», завершаются «новой, беспрецедентной по масштабу попыткой имперского завоевания собственного народа» [Эткинд 1998: 60]. Неудачи, аналогичные тем, что постигли радищевского рассказчика, возникали и в более поздних попытках диалога, направленных на преодоление дистанции между привилегированными группами и «субалтернами». Примеры им можно найти в истории народничества, коллективизации сельского хозяйства или в фильмах постсоветской эпохи [Липовецкий 2008: 708-719, 749-755]. Поняв обусловленные постколониальным наследием неудачи, мы должны признать, что у нас нет ответов на вопросы об исторических рамках внутренней колонизации — о ее начале и, что с практической точки зрения гораздо важнее, о ее завершении.

Алексеев А.А. 1977. Старое и новое в языке Радищева. — *XVIII век. Сб. 12. А.Н. Радищев и литература его времени.* — Л.: Наука. — С. 99-112.

Бабкин Д.С. 1952. *Процесс А.Н. Радищева.* — М.-Л.: Изд. Академии Наук СССР.

Благой Д.Д. 1948. *А.Н. Радищев. Стенограмма публичной лекции, прочитанной в Колонном зале Дома союзов в Москве.* — М.: Правда.

Гройс Б.Е. 1993. *Утопия и обмен.* — М.: Знак.

Гуковский Г.А. 1936. Радищев как писатель. — *А.Н. Радищев. Материалы и исследования.* — М.-Л.: Изд. Академии Наук СССР. — С. 141-192.

---

³⁶Трудно судить, следует ли рассматривать самоубийство Радищева как симптом этой безысходности или как мужественный логический вывод [как предполагал Лотман; Лотман 1992: I: 265; Paperno 1997: 15-16; Klein 2008: 280-282]. Анализ исследовательских дискуссий вокруг самоубийства Радищева можно найти у Кантора [Кантор 2008: 118-120].

Итенберг Б.С. (ред.). 1964. *Революционное народничество 70-х годов XIX века: Сб. документов и материалов: В 2 т.* / Под ред. С.С. Волка и др. Т. 1. 1870—1875 гг. / Предисл. и ред. Б.С. Итенберга, сост. В.Ф. Захарина. — М.: Наука.

Кантор В.К. 2008. *Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России.* — М.: РОССПЭН.

Карамзин Н.М. 1982. *Избранные статьи и письма.* — М.: Современник.

Карякин Ю.Ф., Плимак Е.Г. 1955. О двух оценках «Путешествия из Петербурга в Москву» в советской литературе. — *Вопросы философии.* — № 4. — С. 182-197.

Ключевский В.О. 1987. *Соч.: В 9 т.* — М.: Мысль.

Кобрин К. 2008. От патерналистского проекта власти к шизофрении: «ориентализм» как российская проблема (на полях Эдварда Саида). — *Неприкосновенный запас.* — № 3 (59). — Доступно: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/kk5-pr.html> — Проверено: 16.10.2011.

Кочеткова Н.Д. 1977. Радищев и проблема красноречия в теории XVIII века. — *XVIII век. Сб. 12. А.Н. Радищев и литература его времени.* — Л.: Наука. — С. 8-28.

Левитт М. 2003. Диалектика видения в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева. — *А.Н. Радищев: Русское и европейское просвещение. Материалы международного симпозиума 24 июля 2002 г.* — СПб.: Санкт-Петербургский научный центр РАН. — С. 36-47.

Лейбович О. (отв. ред.). 2009. «Включен в операцию». *Массовый террор в Прикамье в 1937-1938 гг.* 2-е изд., перераб. — М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина.

Ленин В.И. 1946. Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка промышленности (1899). — Ленин В.И. *Соч.: В 36 т.* Т. 3. — Л.: Гос. изд-во политической литературы.

Липовецкий М. 2003. В отсутствие медиатора. Сюжет внутренней колонизации. — *Искусство кино.* — № 8. — Доступно: <http://kinoart.ru/2003/n8-article15.html> — Проверено: 16.10.2011.

Липовецкий М. 2008. *Паралогии. Трансформации (постмодернистского дискурса в русской культуре 1920-2000-х годов.* — М.: Новое литературное обозрение.

Липовецкий М., Эткин А. 2008. Возвращение тритона. Советская катастрофа и постсоветский роман. — *Новое литературное обозрение.* — № 94. — С. 174-206.

Лотман Ю.М. 1992/1993. *Избранные статьи: В 3 т.* — Таллинн: Александра.

Майофис М.Л. 2008. *Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815-1818 годов.* — М.: Новое литературное обозрение.

Макогоненко Г.Л. 1956. *Радищев и его время.* — М.: Гос. изд. худож. лит-ры.

Маркс К., Энгельс Ф. 1948. Британское владычество в Индии (1853) / Пер. с англ. — Маркс К., Энгельс Ф. *Избранные произведения.* — М.: ОГИЗ. — С. 303-309.

Остин Дж.Л. 1986. Слово как действие / Пер. с англ. АА Медниковой. — *Новое в зарубежной лингвистике* / Сост. И.М. Кобозева, В.З. Демьянкова. — Вып. 17. — М.: Прогресс. — С. 22-129

Пушкин А.С. 1949. Александр Радищев (1836). — Пушкин А.С. *Полн. собр. соч.: В 17 т.* Т. 12. Критика. Автобиография. — М.: Изд. АН СССР. — С. 30-40.

Радищев А.Н. 1992. *Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность* / Издание подготовил В.А. Западов. — СПб.: Наука. (Серия «Литературные памятники»).

Ремнев А.В. 2010. Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: колониализм без министерства колоний — русский «Sonderweg»? — *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи* / Под ред. М. Ауста, Р Вульпиус, А. Миллера. — М.: Новое литературное обозрение. — С. 150-181.

Родоман Б.Б. 1996. Внутренний колониализм в современной России. — *Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства.* Сост. Т.И. Заславская. — Вып. 3. — М. — С. 94-102.

- Семенников В.П. 1923. *Радищев. Очерки и исследования*. — М.-Пг: Госуд. изд-во.
- Соловьев С.М. 1959-1966. *История России с древнейших времен: В 15 кн.* — М.: Изд-во социально-экономической литературы.
- Фадеечева М. 2007. Урал в системе «внутреннего колониализма». — *Свободная мысль*. — № 6. — С. 45-54.
- Эткинд А. 1998. *Хлыст. Секты, литература и революция*. — М.: Новое литературное обозрение.
- Эткинд А. 2001. Фуко и тезис внутренней колонизации. — *Новое литературное обозрение*. — № 49. — С. 50-73.
- Эткинд А. 2002. Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России. — *Ab Imperio*. — № 1. — С. 265-298.
- Эткинд А. 2003. Русская литература, XIX век: роман внутренней колонизации. — *Новое литературное обозрение*. — № 59. — С. 103-124.
- Balandier G. 1951. La situation coloniale: approche theorique. — *Cahiers internationaux de sociologie*. — Vol. 11. — P. 5-40.
- Brown W.E. 1980. *A History of Eighteenth-Century Russian Literature*. — Ann Arbor (MI): Ardis.
- Calvert P. 2001. Internal Colonisation, Development and Environment. — *Third World Quarterly*. — Vol. 22. — No. 1. — P. 51-63.
- Chernetsky V. 2007. *Mapping Postcommunist Cultures: Russia and Ukraine in the Context of Globalization*. — Montreal et al.: McGill-Queen's University Press.
- Condee N. 2009. *The Imperial Trace: Recent Russian Cinema*. — Oxford-New York: Oxford University Press.
- Etkind A. 2003a. Internal Colonization and Russian Cultural History. — *Ulbandus*. — Vol. 7. — P. 17-25.
- Etkind A. 2003b. Whirling with the Other: Russian Populism and Religious Sects. — *The Russian Review*. — Vol. 62. — No. 4. — P. 565-588.
- Etkind A. 2007. Orientalism Reversed: Russian Literature in the Times of Empires. — *Modern Intellectual History*. — Vol. 4. — No. 3. — P. 617-628.
- Etkind A. 2011. *Internal Colonization: Russia's Imperial Experience*. — Cambridge: Polity Press.
- Feichtinger J. 2003. Habsburg (post-)colonial. Anmerkungen zur inneren Kolonisierung in Zentraleuropa. — *Habsburg postcolonial. Machtstrukturen und kollektives Gedachtnis* / Hrsg. von Johannes Feichtinger, Ursula Prutsch u. Moritz Csaky. — Innsbruck et al.: StudienVerlag. — S. 13-31.
- Fieguth R. 1990. Zum Stil des Erzählberichts in A.N. Radiscevs «Reise». Versuch der ästhetischen Lektüre eines «langweiligen Buches». — *Semantic Analysis of Literary Texts* / Ed. by Eric de Haard, T. Langerak, W.G. Weststeijn. — Amsterdam: Elsevier. — P. 153-182.
- Fischer-Lichte E. 2004. *Ästhetik des Performativen*. — Frankfurt a.M.: Suhrkamp.
- Frank S. 2003. «Innere Kolonisation» und frontier-Mythos. Räumliche Deutungskonzepte in Rußland und den USA. — *Osteuropa*. — Bd. 53. — No. 11. — S. 1658-1675.
- Gonzalez Casanova P. 2006. *Sociologia de la explotacion*. Buenos Aires: CLASCO. [1969].
- Gouldner A.W. 1977/1978. Stalinism: A Study of Internal Colonialism. — *Telos*. — Vol. 34. — P. 5-48.
- Grasshoff Helmut 1969. Radiscevs «Reise-» und ihre Stellung innerhalb der zeitgenössischen literarischen Strömungen. — *A.N. Radiscev und Deutschland Beiträge zur russischen Literatur des ausgehenden 18. Jahrhunderts*. — Berlin: Akad.-Verl. — S. 59-71.
- Habermas J. 1995. *Theorie des kommunikativen Handelns*. 2 Bde. Bd. 2. Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft. — Frankfurt a.M. Suhrkamp. [1981].

Haxthausen A.F. von. 1847. *Studien über die innern Zustände, das Volksleben und insbesondere die ländlichen Einrichtungen Rußlands*. Zweiter Theil. — Hannover: Hahn'sche Hofbuchhandlung.

Hechter M. 1975. *Internal Colonialism: The Celtic Fringe in British National Development, 1536-1966*. — London: Routledge & Kegan Paul.

Hind R.J. 1984. The Internal Colonial Concept. — *Comparative Studies in Society and History*. — Vol. 26. — No. 3. — P. 543-568.

Kahn A. 1997. Self and Sensibility in Radishchev's «Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu»: Dialogism and the Moral Spectator. — *Oxford Slavonic Papers*. — Vol. 30. — P. 40-66.

Khalid A. 2000. Russian History and the Debate over Orientalism. — *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. — Vol. 1. — No. 4. — P. 691-699.

Klaus A. 1887. *Unsere Kolonien. Studien und Materialien zur Geschichte und Statistik der ausländischen Kolonisation in Rußland*. — Odessa: Verlag der «Odessaer Zeitung».

Klein J. 2008. *Russische Literatur im 18. Jahrhundert*. — Köln et al.: Böhlau.

Kotsonis Y. 1999. *Making Peasants Backward: Agricultural Cooperatives and the Agrarian Question in Russia, 1861-1914*. — Basingstoke: Macmillan.

Kujundzic D. 2000. 'After': Russian Post-Colonial Identity. — *Modern Language Notes*. — Vol. 115. — No. 5. — P. 892-908.

Kyst J. 2003. Russia and the Problem of Internal Colonization. — *Ulbandus*. — Vol. 7. — P. 26-31.

Landow G.P. 2002. The Metaphorical Use of Colonialism and Related Terms. — Сайт «Political Discourse — Theories of Colonialism and Postcolonialism». — Доступно: <http://www.postcolonialweb.org/poldiscourse/colony2.html> — Проверено: 16.10.2011.

Maggio J. 2007. 'Can the Subaltern Be Heard': Political Theory, Translation, Representation and Gayatri Chakravorty Spivak. — *Alternatives*. — Vol. 32. — No. 4. — P. 419-443.

Marrese M.L. 2002. *A Woman's Kingdom: Noblewoman and the Control of Property in Russia, 1700-1861*. — Ithaca-London: Cornell University Press.

Nolte H.-H. 1991a. Internal Peripheries — A Definition and a Note. — *Internal Peripheries in European History* / Ed. by H.-H. Nolte. — Gottingen-Zurich: Muster-Schmidt. — P. 1-3.

Nolte H.-H. 1991b. Internal Peripheries in Europe. — *Internal Peripheries in European History* / Ed. by H.-H. Nolte. — Gottingen-Zurich: Muster-Schmidt. — P. 5-28.

Osterhammel J. 2006. *Kolonialismus. Geschichte — Formen — Folgen*. München: C.H. Beck.

Paperno I. 1997. *Suicide as a Cultural Institution in Dostoevsky's Russia*. — Ithaca (NY): Cornell University Press.

Ponomareff C. 1987. *On the Dark Side of Russian Literature, 1709-1910* (=American University Studies. Series 12. Slavic Languages and Literature. Issue 2). — New York et al.: Lang.

Rancour-Laferriere D. 1995. *The Slave Soul of Russia: Moral Masochism and the Cult of Suffering*. — New York: New York University Press.

Ruthner C. 2003. K.u.k. Kolonialismus als Befund, Befindlichkeit und Metapher: Versuch einer weiteren Klärung. — *Habsburg postcolonial. Machtstrukturen und kollektives Gedächtnis* / Hrsg. von Johannes Feichtinger, Ursula Prutsch u. Moritz Csaky. — Innsbruck et al.: StudienVerlag. — S. 111-128.

Said E.W. 1978. *Orientalism*. — London: Routledge & Kegan Paul.

Simonek S. 2003. Möglichkeiten und Grenzen postkolonialistischer Literaturtheorie aus slawistischer Sicht. — *Habsburg postcolonial. Machtstrukturen und kollektives Gedächtnis* / Hrsg. von Johannes Feichtinger, Ursula Prutsch u. Moritz Csaky. — Innsbruck et al.: StudienVerlag. — S. 129-139.

Spivak G.C. 1988. Can the Subaltern Speak?. — *Marxism and the Interpretation of Culture* / Ed. by Cary Nelson and Lawrence Grossberg. — Basingstoke: Macmillan. — P. 271-316.

Städtke K. 1969. Zur Erzählstruktur von AN. Radiscevs «Putesestvie iz Peterburga v Moskvu». — *A.N. Radiscev und Deutschland. Beiträge zur russischen Literatur des ausgehenden 18. Jahrhunderts*. — Berlin: Akad.-Verl. — S. 73-77.

Sunderland W. 2004. *Taming the Wild Field: Colonization and Empire on the Russian Steppe*. — Ithaca (NY); London: Cornell University Press.

Thaler R.P. 1958. Introduction. — *Aleksandr N. Radishchev: A Journey from St. Petersburg to Moscow* / Transl. by Leo Wiener. — Cambridge (MA): Harvard University Press. — P. 1-37.

Uffelman D. 1999. Radiscev lesen. Zur Strategie des Widerspruchs im „Putesestvie iz Peterburga v Moskvu“. — *Wiener Slavistischer Almanach*. — Bd. 43. — S. 5-25.

Uffelman D. 2009. Selbstorientalisierung in Narrativen polnischer Migranten. — *Zeitschrift für Slavische Philologie*. — Bd. 66. — No. 1. — S. 153-180.

Viola L. 1996. *Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance*. — New York-Oxford: Oxford University Press.

Virilio P., Armitage J. 2000. From Modernism to Hypermodernism and Beyond: An Interview with Paul Virilio. — *Paul Virilio: From Modernism to Hypermodernism and Beyond* / Ed. by John Armitage. — London et al.: Sage. — P. 27-56.

Waegemans E. 1993. *Geschiedenis van de Russische literatuur: sinds de tijd van Peter de Grote*. — Antwerpen: Dedalus.

Wippermann W. 2007. *Die Deutschen und der Osten. Feindbild und Traumland*. — Darmstadt: Primus.

Yew L. 2002. Notes on Colonialism. — *Caŭm «Political Discourse — Theories of Colonialism and Postcolonialism»*. — Доступно: <http://www.postcolonialweb.org/poldiscourse/colonia-lismnotes.html> — Проверено: 16.10.2011.

Zernack K. 1991. Der hochmittelalterliche Landesausbau als Problem der Entwicklung Ostmitteleuropas. — *Preußen — Deutschland — Polen. Aufsätze zur Geschichte der deutsch-polnischen Beziehungen*. Hrsg. v. Wolfram Fischer und Michael Müller. Berlin. — S. 171-183.

В ЧЁМ РОССИЯ «ОПЕРЕЖАЛА» ЕВРОПУ, или РОССИЯ КАК КОЛОНИАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ

М. Ходарковский

Университет Лойолы (Чикаго, США)

Аннотация: *В статье показано, что развитие колониальных органов управления в Российском государстве опережало становление колониальных учреждений в большинстве западноевропейских держав. В отличие от последних, в основном руководствовавшихся коммерческими интересами, Российская империя большей частью преследовала геополитические и стратегические цели. Преобладание государственных интересов во время экспансии Российской империи привело к тому, что Россия столкнулась раньше других с проблемами управления присоединёнными народами и была вынуждена разработать новые технологии государственного управления колониями, существенно опередив в этом Европу.*

Ключевые слова: *империя, внутренняя колонизация, колониальное управление, колониальный тип господства, история русской культуры, история России.*

Трудно спорить с аксиоматическим тезисом об отсталости России по отношению к Западной Европе. Действительно, в течении столетий Россия отставала от Европы практически во всех областях: коммерческой, научной, экономической, военной, религиозной и прочих. Однако сказанное относится в первую очередь к российскому обществу. Гораздо более спорным было говорить об отсталости российского государственного аппарата от его европейских аналогов. Именно чрезвычайно большая роль государства в истории страны является, на мой взгляд, главной особенностью, отличающей Россию от других европейских империй. Наряду с Испанией Московское государство раньше остальных европейских держав предприняло экспансию на территории, заселенные народами, исповедовавшими ислам или политеистические религии. На этих территориях оно ввело систему управления, которая впоследствии, будучи применена другими европейскими государствами, стала известна как колониальная.

Главной причиной, которая, как мне кажется, объясняет возникновение гипертрофированного государства в России, его экспансионистский характер и формы управления, была та, что Московское государство, а впоследствии и Российская империя долгое время оставались классическими примерами пограничных обществ (*frontier societies*), то есть обществ с открытыми границами, которые долгое время не могли быть четко определены и эффективно защищены.

Россия как пограничное общество

Московское государство сразу начиная с XIV-XV веков, складывалось как пограничное: его южные и восточные рубежи не могли быть четко обозначены. На этих своеобразных границах с московскими землями соседствовали не государства в европейском смысле, а племенные группировки кочевых или полукочевых народов. С точки зрения Москвы, границы эти были «государевыми украинами», на которых стояли «государевы украинные остроги». Однако на практике границы Московского государства на южном и восточном направлениях последовательно укрепить не удавалось на протяжении нескольких веков. «Украины» были фактически открыты в обширные евразийские степи и лесостепные пространства Сибири. Вследствие такой географической и геополитической ситуации Московское государство не могло защититься от постоянных опустошительных набегов кочевников, а главное — от потери десятков тысяч представителей работоспособного населения: жителей Московского государства угоняли в степь и продавали на местных рабовладельческих рынках. Однако неопределенность границ имела и другую сторону: отсутствие суверенных государств на восточных и южных окраинах постоянно влекло московских царей к экспансии и к завоеванию новых земель.

Начиная со второй половины XVII века, власти Московского государства вырабатывают новый стратегический подход и вкладывают огромные капиталы в постройку укрепленных оборонительных линий в степи. Вначале эти линии были предназначены для защиты местного населения, но впоследствии их возведение стало устойчивым методом колонизации новых земель. Постройка линий вела за собой переселение на «огороженные» земли крестьян и казаков. К концу XVIII века большая часть степи от Днепра до Яика была отвоена у кочевников и новые укрепленные линии приблизились вплотную к подножью Северного Кавказа и казахским кочевьям в Центральной Азии. Кажется, можно было бы счесть, что, в отличие от «нормальных» границ империи на Западе, укрепленные линии юридически были внутренними границами, но служили *de facto* внешними. Однако в действительности ситуация была более сложной.

С самого начала отношений с народами и племенами Сибири и Степи московские власти немедленно объявляли их своими подданными и настаивали на том, чтобы местные вожди и князья «давали шерть», то есть принимали присягу на верность московскому великому государю. С точки зрения Москвы, о каком бы то ни было равенстве между сакральным монархом и безгосударственными, не имевшими суверенитета народами, речи быть не могло. Главные элементы, на которых была основана политика Московского государства по отношению к народам на южных и восточных рубежах, были заимствованы из административной практики ханов Золотой Орды — шерть (присяга на подданство), аманат (заложник), ясак (дань). Принципы управления с помощью подобных практик во многом отличались от политических концепций, употреблявшихся на западных границах.

Элиты народов, живших в азиатской части быстрорастущей империи, напротив, понимали отношения с Москвой в контексте политической культуры своих обществ, то есть как отношения между братьями — старшим (московский государь) и младшим (местный вождь). Общества крайнего юго-востока Европы и Центральной Азии отличались высокой политической дифференциацией в том смысле, что их элиты были практически независимы от вождя и предоставляли ему своих воинов (если угодно, «милицию») только тогда, когда это им было выгодно. Аналогичным образом вожди понимали свое отношение к московскому царю как военно-политический союз независимых властителей. Неудивительно, что отношения с народами «по ту сторону фронта» часто сразу оказывались основанными на конфликте.

То, что отношения между Российским государством и вошедшими в его состав малыми народами воспринимались по-разному в столице и в местах расселения этих народов, было

очевидно. Многие представители «окраинных» элит, которые предпочли служить интересам России, неоднократно пытались объяснить московским, а впоследствии и петербургским властям тонкости устройства своих обществ. Более того, некоторые русские военачальники, хорошо знакомые с традициями новоприсоединенных народов, пытались довести до сведения центрального правительства, что политика по отношению к местному населению требует иных подходов. Например, Александр Суворов в 1779 году (на тот момент — военный руководитель Крыма и Кубани) писал, что понятия о подданстве среди адыгских народов на Северном Кавказе не существует и его лучше не применять [Сокуров 1999].

Тем не менее, несмотря на многочисленные предупреждения о неприменимости российских дипломатических и политических категорий к «окраинным» условиям, российские государственные чиновники продолжали еще в XIX веке полагаться на те же принципы, считая российскими подданными в совершенно равной степени и казанских татар, чьи земли были присоединены к Московскому государству еще в XVI веке, и народы Северного Кавказа, еще практически никак не интегрированные в имперское пространство.

Начиная с XVI века, Московское государство поставило себя в роль преемника ханов Золотой Орды и во многом поддерживало характерные для Орды принципы внешних отношений и внутреннего управления. Таким образом, с самого начала своего взаимодействия с различными народами в азиатской части будущей империи Московское государство исключило себя из системы международных отношений, господствующих в Европе и построенных на принципах римского права — например, «amicitia», традиционный союзный договор Рима с неримлянами¹. Впоследствии российская имперская идеология не позволяла отклонений от устоявшихся традиций или приспособления к местным условиям, поэтому она способствовала размыванию различий между внутренними и внешними границами. В новых условиях сохранялась и тенденция риторически включать в состав империи народы, которые практически оставались вне сферы контроля российского государства².

Противоречия были налицо. По сути, Российская империя включала в себя колониальные регионы и такие, которые правительство относило к «основной части» империи, но различие между ними никак не было оформлено³. На протяжении XIX века различные государственные деятели неоднократно предлагали ввести понятие колонии в Российской империи. Так, министр финансов Егор Канкрин (Георг Людвиг фон Канкрин) в проекте управления новоприсоединенными землями в Закавказье, поданном в 1827 году в Государственный совет, предлагал считать Грузию экономической колонией и управлять ей как таковой. В 1873 году генерал-губернатор Константин фон Кауфман в своем проекте «Положения об управлении Туркестанского края» сравнивал российские владения в Центральной Азии с Британской Индией и предлагал управлять ими как колонией, на что получил жесткий отрицательный ответ от военного министра Дмитрия Милютин [Brower 2003: 37]. Такую же реакцию встречали попытки сибирских публицистов и администраторов, которые время от времени предлагали считать Сибирь колонией⁴.

Колониальная ситуация в Сибири, где русское население и российские законы преобладали, была менее очевидной, чем на южных и юго-восточных окраинах. Там, несмотря на то что недавно покоренные народы официально считались подданными России, они продолжа-

¹«Amicitia», буквально: «дружба» — в Древнем Риме отношения клиента и патрона в политической области (например, amicitia была принципом организации политических группировок). Во внешней политике — договорные отношения, при которых Рим становился как бы патроном общин, присоединенных к империи [См. об этом: Braund 1984; Кашеев 1993: 218-219, 227 и сл. — Прим. ред.].

²Подробное освещение затронутых выше тем см. в моей работе: Khodarkovsky 2002.

³Подробнее см. в статье Ш. Родевальда в сборнике: Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельмана, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — Прим. ред.

⁴В 1882 году министр внутренних дел Д.А. Толстой в ответ на предложение своего чиновника о сближении Сибири с метрополией резко заметил: «У нас нет колоний» [Ремнев 2010: 158].

ли управляться через Министерство иностранных дел. Подобный метод был для России традиционным: так, калмыки еще в конце XVII века, через несколько десятилетий после объявления их подданными⁵, управлялись через Посольский приказ. Точно так же завоеванные территории Центральной Азии управлялись в XIX веке Азиатским департаментом, который был частью Министерства иностранных дел. Такой же департамент существовал при Военном министерстве. Другими словами, отрицая наличие колоний в Российской империи, Россия, естественно, не могла иметь и колониальных учреждений, хотя по сути Азиатский департамент мало чем отличался от британского Colonial Office, французского Arab Bureau или германского Kolonialamt.

Российская империя стояла перед такими же дилеммами, что и другие европейские империи, но с самого начала применяла другой подход. Если в начале, а в Британской империи и до середины XIX века колониальное управление возлагалось на частные акционерные общества, хотя и поддерживаемые правительством — такие как голландская Объединенная Ост-Индийская компания (Vereenigde Oost-Indische Compagnie), французская Компания Ост-Индийской торговли (Compagnie française pour le commerce des Indes orientales) или британские British East India (в Ост-Индии) или The Hudson Bay Co. (в Северной Америке), — то в Москве и Петербурге предпочитали, чтобы новыми территориями непосредственно управляли государственные чиновники. Исключений было немного: жалованная грамота, которую Иван Грозный дал купцам Строгановым на покорение Сибири в 1574 году, и Российско-Американская компания на Аляске, основанная в 1799 году как одно из первых в России акционерных обществ⁶; однако характерно, что на протяжении последующих двадцати лет она была поставлена под фактический государственный контроль (участие в управлении компанией высокопоставленных морских офицеров и членов императорской семьи и тому подобные меры).

Колониальная империя

Была ли Россия колониальной империей, и если да, то как она вписывается в систему европейских колониальных держав? Не вдаваясь в подробности обширных дискуссий о том, что является колониальной империей в российском или общеевропейском контексте, скажу только, что, на мой взгляд, политика Москвы и Петербурга в азиатской части империи, несомненно, являлась одним из вариантов колониальной политики европейских государств.

Европейские колониальные империи различались своим подходом к управлению завоеванными территориями и народами. Хотя классическим примером колониальной империи считается Великобритания, ее административные методы, как и реже обсуждаемые методы Нидерландов, представляли лишь один из вариантов колониального управления. Отражая политическую структуру своих метрополий, британские и нидерландские колонии имели высокую степень политической автономии и функционировали в первую очередь как коммерческие предприятия, ориентированные на получение прибыли. Ими управляли частные компании, организованные и поддерживаемые правительствами их стран.

Совершенно другую модель колониальной империи представляли Испания, Португалия, Франция, а позднее, в XIX веке, — Германия. Политические и идеологические структуры этих метрополий не позволяли давать автономию колониям или управлять ими с помощью коммерческих структур. Колонии этих империй включались в государственные структуры, управлялись государственными чиновниками и считались государственными владениями монархов (в Германии этот период начался в 1880-х годах).

⁵Подробнее см: Khodorkovsky 1992: 74-99.

⁶Особенность Российско-Американской компании заключалась в том, что ей были фактически даны некоторые негосударственные властные полномочия на вверенной территории. Это было исключением из российских правил и напоминало западные колониальные компании.

Развертывание колониальной модели в азиатской части Российской империи мало чем отличалось от вышеупомянутой группы империй, предпочитавших прямое управление колониями. Главное различие было в том, что Россия настойчиво отрицала наличие у себя колоний: она включала новые территории и народы в состав империи и рассматривала их как неотъемлемую часть Российского государства.

С необходимостью возникает вопрос: почему, в отличие от других европейских колониальных держав, Россия отказывалась от терминологии колониальной империи? Только ли потому, что завоеванные Россией территории и народы непосредственно прилегали к территории Российской метрополии и не были отделены от нее морским пространством? Ведь, по сути дела, при своем расширении на азиатские территории будущей империи Российское государство столкнулось с колониальной ситуацией, подобной тем, с какими имели дело «традиционные» европейские колониальные державы.

Главным признаком колониализма как принципа, зародившегося в эпоху раннего Просвещения, стала асимметричность отношений между завоевателями, представлявшими, как они полагали, христианскую цивилизацию и суверенное государство, и завоеванными народами — мусульманами или политеистами. На этом основании завоеватели считали, что их роль — «цивилизаторская». Именно в такой роли и находила себя Россия, продвигаясь в течение столетий все дальше на юг и восток.

Если учесть эту особенность русского экспансионизма, то развитие колониальных органов управления в Московском государстве, а после в Российской империи *опережало* становление колониальных учреждений в большинстве западноевропейских держав, за исключением Испании. Так, со второй половины XVI века управление завоеванными территориями на востоке и юге попадает под руководство Казанского приказа, сформированного для этой цели. Этот приказ можно назвать первым колониальным учреждением Московской империи⁷.

В конце XVII и в течение XVIII века управление различными народами происходило частью, как уже сказано, через Посольский приказ, частью через учреждения, сформированные *ad hoc*, как, например, организованный в 1660-х годах для отношений с калмыками и просуществовавший недолго Калмыцкий приказ или Оренбургская пограничная комиссия, созданная в 1730-х годах для дипломатических и торговых сношений с казахами и другими народами Средней Азии. Только в 1819 году создается более постоянное учреждение по взаимодействию с народами Азии — Азиатский департамент при Министерстве иностранных дел. Его предшественницей была Азиатская (четвертая) экспедиция Секретного департамента Коллегии иностранных дел, созданная в 1802 году.

В отличие от западноевропейских колониальных держав, которые в основном руководствовались коммерческими интересами, Российская империя большей частью преследовала геополитические и стратегические цели. Отсюда и настойчивость, с которой чиновники видели в «окраинных» народах лояльных подданных, и неготовность государственного аппарата к любой децентрализации власти или местной автономизации, и ставший результатом этих особенностей отказ от предоставления статуса колоний присоединенным землям.

Именно в технологии государственного управления колониальными территориями Россия «опережала» Европу. В XVIII-XIX веках развитие европейских колониальных империй состояло в переходе управления от частных акционерных обществ или квазигосударственных структур к государственным органам. Так, например, в XIX веке французские колониальные завоевания в Северной Африке и Индокитае находились уже под полным контролем Парижа, испанские колонии в Тихом океане от Филиппин до Каролинских островов (так на-

⁷Для сравнения, первый испанский колониальный орган — Комитет Индий (Junta de Indias) был создан вскоре после смерти Христофора Колумба (1451-1506). В 1524 году комитет был переименован в Королевский и верховный совет Индий (Real y Supremo Consejo de Indias), который в XVI-XIX веках был наделен исполнительной, законодательной и судебной властью в американских и филиппинских колониях. — Прим. ред.

зываемые Испанские Ост-Индии — *Indias Orientales Espanolas*) перешли под прямое управление из Мадрида в 1821 году, британские колонии в Индии стали подчиняться непосредственно королеве после восстания сипаев 1857-1859 годов, а германские колониальные завоевания вскоре после образования объединенного государства были подчинены имперскому правительству.

Преобладание государственных интересов во время экспансии Российской империи привело к тому, что Россия столкнулась раньше других с проблемами государственного управления колониями. В то время как известный английский историк и политик Томас Бабингтон Маколей призывал в 1835 году создать в Индии правящий класс, члены которого были бы «индийцами по крови и цвету кожи, но англичанами по вкусам, моральным ценностям и интеллекту» [Macaulay 1957: 721-729.], подобный класс принявших русскую культуру посредников уже столетиями помогал России управлять присоединенными народами. Вначале это были дети этнических элит, которые были взяты в заложники и обращены в христианство. С конца XVIII века сыновья знатных представителей присоединенных народов все более последовательно направлялись на обучение в российские привилегированные школы, чтобы потом возвратиться на родину и управлять своими народами на пользу империи.

Но если Россия и опережала другие колониальные империи в области государственного управления, то ее государственные чиновники долгое время сохраняли весьма ограниченные представления о тех, кем они управляли. Несмотря на то что Россия вступила в контакт с неевропейскими народами раньше, чем ее европейские соседи, уровень знаний об их обычаях, языках и законах у представителей российского государственного аппарата оставался минимальным. В отличие от России, европейские империи уже в XVII-XVIII веках серьезно занимались изучением языков колонизированных народов, собиранием и переводом их законов и описанием обычаев; впоследствии эти описания оказались одним из истоков научной этнографии. Административный аппарат британских и французских колоний во многом состоял из чиновников, специально подготовленных к работе с неевропейскими народами и прошедших курсы по изучению местных языков и законов.

Большую роль в распространении европейских знаний в колониях и в приобретении знаний о местном населении играла миссионерская деятельность. В этой области первенство принадлежало Испанской империи, которая долгое время покровительствовала различным католическим орденам. В России миссионерская деятельность была поставлена под контроль государства, заинтересованного преимущественно в лояльности покоренного населения. Неадекватность миссионерской работы в России была настолько очевидна, что Иван Посошков в 1719 году, сравнивая ситуацию в России с деятельностью католической церкви, не мог не заметить, что народы Среднего Поволжья до сих пор не имели представления о христианстве «несмотря на то, что было бы несложно обратить их в христианство, ибо они находятся внутри империи» [Посошков 1893: 323].

Посошков обратил внимание на одно из противоречий российской системы управления: сотни тысяч «инородцев», которые формально были подданными империи, по сути оставались за ее пределами. Дело было не только в том, что большинство из них оставались некрещеными или перешли в христианство только номинально. Если народы Среднего Поволжья через сто шестьдесят лет после их покорения⁸ не были включены в социально-культурное пространство империи, что же можно было говорить в конце XIX века о более отдаленных окраинах или недавно (на тот момент) завоеванных регионах Кавказа и Центральной Азии?

Проблема, как уже сказано, состояла в том, что на азиатских пространствах имперские границы были аморфными. Для управления ими у государства не было административных возможностей. Имперские границы могли стать устойчивыми только при приближении рос-

⁸Если считать главным моментом этого покорения разгром Иваном Грозным Казанского ханства в 1552 году.

сийской экспансии к границам других суверенных государств или их колоний: Османской империи на Кавказе, Ирана и британских владений в Центральной Азии, Китая в Южной Сибири и на Дальнем Востоке.

Не менее сложным было хотя бы мысленно провести границу между метрополией и периферией. Конечно, такая граница была в основном воображаемым конструктом и постоянно продвигалась все дальше на юг и восток от центра страны. К началу XIX века Среднее Поволжье воспринималось как часть российской «метрополии», так же как к началу XX века Северо-Западный Кавказ, еще исторически недавно заселенный почти исключительно адыгейскими народами, многими считался исконно русской областью расселения кубанских казаков.

Становится очевидным, что распад СССР в 1991 году был, по сути дела, результатом деколонизации и стал национальной травмой еще и потому, что столетиями продвигавшиеся государственные границы, как географические, так и воображаемые, вдруг из внутренних превратились во внешние. И то, что считалось внутренним пространством, стало «ближним зарубежьем».

Кашеев В.И. 1993. *Эллинистический мир и Рим. Война, мир и дипломатия в 200-146 гг. до н.э.* — М.

Посошков И.Т. 1893. *Завещание отеческое* / Под ред. Е.М. Прилежаева. Изд. новое, дополн. вновь открытой второй половиной «Завещания». — СПб.: Комиссия для описания архива Святейшего правительствующего Синода.

Ремнев А. 2010. Российская власть в Сибири и на Дальнем Востоке: колониализм без министерства колоний — русский «Sonderweg»? — *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи.* — М.: Новое литературное обозрение.

Сокуров В. 1999. Институт выезда на службу у черкесов. — *Эльбрус (Пальчик)*. — № 1. — С. 116-117.

Braund D. 1984. *Rome and the Friendly Kings. The Character of the Client Kingship.* — L.

Brower D. 2003. *Turkestan and the fate of the Russian Empire.* — N.Y.: Routledge.

Khodorkovsky M. 1992. *Where two worlds met: the Russian state and the Kalmyk nomads, 1600-1771.* — Cornell University Press.

Khodarkovsky M. 2002. *Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500-1800.* — Bloomington: Indiana University Press.

Macaulay T.B. 1957. Minute of 2 February 1835 on Indian Education. — *Macaulay T.B. Prose and Poetry* / Sel. by G.M. Young. — Cambridge, MA: Harvard University Press.

СТАЛКИНГ КАК НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ

И.П. Смирнов

Университет Констанца (Германия)

Аннотация: *Ключевой чертой восточнославянской социокультуры автор считает склонность к многовластию. Парадигмообразующим моментом в развитии многовластия в России было создание Иваном IV опричнины, задачи которой автор статьи определил психолого-криминалистическим понятием «сталкинга» как особого вида нерегулярного произвольного психотеррора. Как показано в статье, «сталкинг» стал в России частью национального характера и идентичности.*

Ключевые слова: *империя, внутренняя колонизация, колониальное управление, колониальный тип господства, история русской культуры, история России.*

Склонность к многовластию всегда была свойственна восточнославянской социокультуре — неважно, какие формы принимала полиархия: княжеских усобиц в Киевской Руси; симбиоза удельного правления с инонациональным, татаро-монгольским; покушения множества самозванцев на монарший престол в период Смуты; церковной схизмы, последовавшей за реформами патриарха Никона; петербургско-московского двоецарствия при Петре Великом; запутанности престолонаследования, использованной декабристами для попытки государственного переворота; борьбы Советов и Временного правительства после Февральской революции; многостороннего соперничества президента, Думы, регионов и большого капитала в эпоху ельцинизма или, наконец, плохо замаскированных политических расхождений между Медведевым и Путиным. Было бы правомерно объяснить эту особенность русской истории, обратившись к ее раннему состоянию, о котором она была вынуждена помнить, дабы быть связной. Неавтокефальный статус восточнославянской церкви, зависящей от Византии (митрополиты назначались на Русь из Константинополя), обуславливал расподобление власти в стране на сакральную, чужую, и мирскую, собственную¹. В свой черед, светская власть дробилась, делалась парциальной, интернализуя ту неполноту, которой она отличалась в целом в качестве лишь дополняющей духовный авторитет Византии.

Именно на такое происхождение русской полиархии проницательно намекает «Сказание о Борисе и Глебе» (середина XI века). Виновник княжеских распрей, Святополк Окаян-

¹В своем отличии от церковной власти (то есть от новозаветной «благодати») княжеская наделялась в до-монгольской Руси сильными ветхозаветными созначениями (ср. их хотя бы в обращениях к князю в «Молении» Даниила Заточника, XII век).

ный, был, как подчеркивается в этом анонимном тексте, приемным сыном Владимира, рожденным от бывшей монахини, гречанки, и Ярополка, брата крестителя Руси. Святополк здесь — наследник византийской сакральности, и вместе с тем он воплощает собой результат автохтонной борьбы за верховенство (Владимир убил Ярополка, будучи еще язычником) и ее новое начало в христианском контексте.

Решающим моментом в развитии многовластия на Руси было учреждение Иваном Грозным опричнины. По предположению, она компенсировала утрату государством сразу двух властных партнеров, вызванную «размирием» с татарами, с одной стороны, и падением Константинополя, с другой. Управление земщиной было не случайно доверено касимовскому хану Симеону Бекбулатовичу (ставшему главой боярской Думы, а в 1575 году даже посаженному на московский трон): значительная часть народонаселения в Московской державе должна была тем самым словно бы заново испытать татаро-монгольское иго. Опричный же двор возрождал византийскую сакральность, имитируя монашеское братство и вбирая в себя также другие черты, называющие на то, что в данном случае мы имеем дело с *translatio impetii* в зачаточной форме². Обосновывая в Первом послании Андрею Курбскому опричные казни, Иван защищал их как превентивную меру, предохраняющую Москву от повторения судьбы Царьграда. Самодержец напомнил своему корреспонденту о том, что «безбожный Магмет» уничтожил «власть греческую, яко же ветр и буря зельна...» [Переписка Ивана Грозного... 1979: 23.]. Александровская слобода и опричный замок напротив Кремля явили собой, так сказать, спасенную в этих резиденциях Ивана Византию.

Из духовной провинции Византии и данницы Орды Русь превратилась в геополитическое пространство, искусственно, в собственном воображении подчиненное продублированному чужому господству. Введение опричнины и земщины стало началом безальтернативной автоколониализации восточнославянского региона. И светская власть (Симеона Бекбулатовича), и сакральная (самого Ивана, «от Бога данного царя» [Там же: 20], потомка «Августа кесаря» и игумена опричной обители) были конституированы как пришедшие извне, не укорененные в национальной почве.

Во второй половине XVI века полиархия осовременила, казалось бы, преодоленное (после захвата турками Константинополя) прошлое Руси и сделалась отсюда неизбываемой традицией, порождением русского самосознания³, программой для дальнейшего социокультурного становления (Иван отдавал себе в этом отчет, завещав опричнину сыновьям как «образец» [Скрынников 1975: 189]). Ситуация, которая сложилась в Киевской Руси вследствие усвоения христианской веры из Византии и которая тем самым базировалась на взаимодействии государств, получила в Московии самостийный характер, оказалась здесь производной от полностью суверенного волеизъявления⁴. Итак, Иван увековечил своими реформами многовластие, продемонстрировав, что прошлое всегда может быть восстановлено в виде симулякра, и возместив при этом игровую природу воображения тем, что использовал опричнину в качестве убийственного орудия.

Поведение Ивана можно определить термином «сталкинг», вошедшим в оборот в психокриминалистике и правоведении с середины 1980-х годов⁵. Индивид, практикующий сталкинг, навязчиво нарушает границы, в которых пребывает лицо, выступающее объектом домогательств — агрессивных или любовных (при том что последние принудительны, то есть смешивают Эрос и Танатос). Психотеррор, сопряженный с непрошеным вторжением в чужую частную сферу, нередко переходит в физическое (вплоть до убийства) насилие над

²О признаках первого и второго Рима в системе опричнины см. подробно: Смирнов 1991: 182-184.

³Ср. разительные параллели в деятельности Ивана Грозного и Петра: Панченко, Успенский 1983: 54-78.

⁴Ср. противопоставление «обычая» (принимаемого без рефлексии) и «традиции» (способной к варьированию и обновлению): Hobsbawm 2009: 1-14, особ. 2-3.

⁵Об истории термина и разных интерпретациях стоящего за ним явления см. подробно, например: Hoffmann 2006.

объектом притязаний. Лицами, на которых ведется охота, чаще прочих оказываются знаменитости и бывшие сексуальные партнеры.

В этом освещении искоренение знатных родов (автохтонной власти) и наказание изменников, составлявшие задачу опричнины, представляют собой stalking, принявший государственный масштаб, институционализовавшийся. Подобно тому, как сталкер периодически возобновляет преследование жертвы, Иван (страдавший, вообще говоря, циклотимией) то упразднял опричный террор, то вновь прибегал к нему.

По распространенному среди исследователей мнению, психику сталкера формирует травма, которую он получает в детстве, будучи лишенным контакта с кем-либо из взрослых, необходимых ему для выработки персональной идентичности (прежде всего с одним из родителей). Гипертрофия интимности («hyperintimacy»), которая отличает сталкера, с лихвой восстанавливает нехватку близости, пережитую им в раннем возрасте. Иван жаловался Курбскому на «сиротство», которое он испытывал после смерти матери с особенной остротой из-за того, что бояре бесцеремонно обходились с будущим монархом. В опричных гонениях на представителей земщины персональная травма Ивана отразилась в перемножении с национальной, вызванной той изоляцией, в которую русская социокультура впала после краха Византийской империи.

В качестве индивидуального действия stalking в высшей степени амбивалентен. Фиксированность домогателя на объекте предполагает, что субъект признаёт власть над собой этого (фетишизируемого) объекта, которую он, однако, превозмогает, ставя жертву в зависимость от себя⁶. Сталкер борется за господство над господством и, стало быть, обязан раздвигать образ власти. Недостача идентифицирующей ребенка инстанции компенсируется зрелым индивидом в акте добровольного подчинения некоему избраннику с целью захватить его в плен, устойчиво доминировать над ним.

Полиархия, установленная Иваном, возродившаяся в конкуренции Лжедмитрия с Борисом Годуновым и затем постоянно возвращавшаяся по ходу русской истории, — проявление stalking, ставшего национальным психическим комплексом. Автоколонизируя в своей пресловутой «всеотзывчивости», восточнославянский регион стремился, как то и бывает при stalking, побороть и превзойти овнутриваемую чужую власть, будь то польская — во время Смуты, западноевропейская — при Петре, ведущем войну со Швецией, или же та, что исходила от социал-демократического марксизма, который опровергала большевистская революция, развязанная не в индустриально развитой, а в аграрно-отсталой, только еще модернизирующейся стране⁷. Примеры из этой серии легко расширить, взяв в расчет их вариативность: так, Екатерина II, трон которой колебалась опять явившаяся самозванщина, приняла на себя роль, предписываемую монарху философией Просвещения, но была нетерпима к просветителям, осмелившимся действовать самостоятельно, — к Новикову и Радищеву.

Автоколонизация и ее снятие-преодоление — лишь одно из слагаемых русского stalking, пусть и важнейшее в нем. Вместе с тем он нуждался, дабы оттенять и подтверждать себя, в фоне, который он отрицал. В качестве максимума власти (преимущества над тем, кому отдается преимущество) stalking содержит такой негативный фон не в Другом, а в самом себе. В индивидуальном исполнении внушающая страх или эротически требовательная навязчивость то прерывается, то продолжается (иногда с усилением, жизненно опасным для целевой персоны). Сталкер требует от жертвы отказа от сопротивления и периодически

⁶В научной литературе stalking иногда объясняется как явление нарциссизма. Фиксация сталкера на объекте может иметь целью превратить таковой в нарциссистский автообъект, но бывает и иначе направленной, например садистски-деструктивно или вампирически-шизоидно. Основоположным при всей целевой изменчивости stalking остается сам охотничий синдром, само желание навязчивого субъекта постоянно пребывать в горизонте ожиданий жертвы-добычи.

⁷В этом плане автоколонизация в России лишь внешне, но вовсе не по своей сути сопоставима с «культом карго» — карнавальным разыгрыванием эволюционно продвинутого символического порядка, предпринимаемым носителями «примитивной» социокультуры; ср.: Броувер 1999: 49-66.

берет назад свои притязания, как бы предлагая обмен уступки на уступку. На национально-государственном уровне сталкинг также время от времени откладывается (по примеру, данному Иваном, который отменил в 1572 году первую опричнину и даже казнил ряд своих приспешников). Замирая на не слишком длительный срок, верховодящий в России сталкинг допускал и, более того, санкционировал зарождение народоправства, в какие бы формы оно ни выливалось: местного ли самоуправления, набравшего силу после реформ Александра II, ограниченного ли парламентаризма, возникшего в процессе революции 1905-1907 годов, или областнических свобод, объявленных Ельциным. Но эти зачаточные виды автохтонной власти либо были строго регламентированы и слабы в своей периферийности, подобно земским инициативам, разрешенным царизмом, либо существовали под угрозой ликвидации: Николай II распустил в июле 1906 года Думу первого созыва вскоре после того, как она приступила к работе, и точно так же большевики обошлись с Учредительным собранием, а самостоятельность, которой регионы добились на руинах советской империи, была попорана путинским авторитаризмом. Демократия и сталкинг исключают друг друга как два противоположных способа самоупражнения власти — сменной в согласии с *vox populi* в первом случае и мнимо отступающей во втором со своей позиции, чтобы тут же заглушить дарованный было народу глас.

Сталкинг, возведенный в России в ранг национального характера, имеет множество разноликих манифестаций, в которые здесь не место вдаваться и которые подлежат разбору в рамках специальных психо- и социоисторических исследований. В данной работе, не выходящей за пределы предварительной постановки вопроса, мне бы хотелось только наметить путь, позволяющий конкретизировать общее представление о русском сталкинге. Главным при этом кажется учет того обстоятельства, что присущая восточнославянскому геопространству автоколонизация не ограничивается партиципированием иноземных социокультурных образцов. Обреченные на подрыв, на оспаривание по мере принятия, они тем закономернее переходят из интерорганизации в интраорганизацию социальной практики, одомашниваются, превращаются из взятых для подражания в оригинальное жизнестроение. Автоколонизация оборачивается внутренней колонизацией. Таково было, скажем, закрепощение крестьян, грянувшее вслед за опричниной. Эта колонизация верхушкой общества народных масс предоставляла землевладельцам право на преследование тех, кто покидал поместья, то есть делала из дворян «сталкеров», узаконивала приравнивание межличностных отношений к собственническим. Но господствующий над господством сталкинг не гарантирует неприкосновенность собственности: она отнималась и у дворян (Александром II), и у буржуазии (чьи богатства были экспропрированы большевиками), и у крестьян (хозяйства которых были обобществлены по плану сталинской коллективизации), и в наши дни — у новоиспеченных олигархов. На первый взгляд, учреждение Николаем I в 1826 году, тотчас после Декабрьского восстания, Третьего отделения императорской канцелярии не имеет ничего общего с закабалением низшего сословия при царе Федоре Иоанновиче. Между тем эти институциональные нововведения одинаково создавали *imperium in imperio*, приносили избыточность в ту власть, которую отправляли как помещики над имущественно принадлежавшими им крестьянами, так и чиновники из ведомства Бенкендорфа, в чье поле надзора входили, по словам М.К. Лемке, «...дела почти всех министерств и главных управлений...» [Лемке 1909]. Надгосударственную специфику царской политической полиции унаследовала и усугубила советская⁸, которая уже при Дзержинском вербовала тайных сотрудников для слежки за высокопоставленными большевиками⁹.

Советская Россия не только подхватила дореволюционные традиции институционализованного сталкинга. Она эсхатологизировала его, сообщила ему вселенский размах. Страна, сосредоточившая в себе деятельность Коминтерна, была готова навязать свое господство в

⁸См. подробно: Смирнов 2004: 252 и сл.

⁹Соответствующее свидетельство см. в: Poroff 1925: 118.

любом участке земного шара, рассматривала как объект добычи весь остальной мир¹⁰. Чем более автоколонизация переставала быть имитированием других национальных социокультур, чем сильнее подражание субверсировалось, тем более экспансионистским становился русский сталкинг. Пресловутая формула Хрущева «догоним и перегоним Америку...» означала в известном смысле минимализацию сталкинга, осуществляемого страной, его возвращение в давно проложенное русло, тогда как путинская попытка сделать Западную Европу энергетически зависимой от России имела в виду повторить опыт сталинизма, потерпевший крах во время оттепели¹¹.

Под углом зрения психотипологии сталкинг представляет собой обращенную паранойю. Если параноик конституирует себя в роли преследуемого лица, то сталкер выступает не пациентом, но агенсом той же самой мании, опрокидывает ее на Другого. Согласно известной работе (1911) Фрейда, посвященной душевному заболеванию доктора юриспруденции Даниэля Пауля Шребера, *dementia paranoidea* возникает как защитная реакция субъекта на свойственный ему латентный гомосексуализм, как попытка бегства от фиксации на однополом либидинозном объекте¹². Шребера донимали среди прочего говорящие птицы, в которых трудно — как их ни интерпретируй — заподозрить символы гомосексуальной предрасположенности больного. Параноик спасается от угрожающей ему реальности, способной воплощаться в его психике в каких угодно (смотря по индивидуальным обстоятельствам) образах, в том числе, но отнюдь не обязательно, в эротических¹³. Он не интегрирован в среде, которая, со своей стороны, устремлена, как он полагает, к тому, чтобы насильственно присоединить его к себе. По всей видимости, паранойя ведет свое происхождение, как и сталкинг, от травмирующего ребенка отсутствия в его ближайшем окружении такой персоны, с которой он ассоциировал бы себя, которая служила бы ему главным партнером по общению. Говорящие птицы Шребера — продукт фантазии, которая заполняла обусловившую ее коммуникативную пустоту. Будущий параноик не знает над собой власти и потому позднее воспринимает преобладание объектного мира над субъектным, частно-определенным как опасность. В своей докторской диссертации (1932) Жак Лакан во многом (хотя и не безоговорочно) десексуализовал фрейдистское понимание паранойи, истолковав ее в качестве «сверх-я-психоза», результата «самонаказания», каковому подвергает себя индивид [Цит. по: Ласан 2002]. В этом освещении параноик оказывается проективно принимающим на себя ответственность за то, что он не обнаружил в детстве рядом с собой того, с кем мог бы сотрудничать как с авторитетом. Социализация становится поэтому для параноика карой, обрушивающейся на без вины виноватого, влечет за собой у субъекта вспышки страха и эскапизма. Подобного рода «центрифугальный страх» (Лакан) преобразуется у сталкера в центрипетальную агрессивность (часто, но не всегда эротически окрашенную). Сталкер социализуется в акте порабощения Другого, ищет гегельянское «признание» принудительным путем. Вина, испытываемая параноиком, переносится сталкером на внешнюю реальность, подлежащую суду. Психогенезис сталкера предполагает не только зияние на месте, которое должно было бы принадлежать взрослому, доброкачественно авторитетному для ребенка, но и занятие

¹⁰Ср. особенно в этой связи: Бердяев 1955.

¹¹Знаменательно, что кинематограф послесталинской эпохи обратился к мотивам сталкинга с тем, чтобы так или иначе нейтрализовать его. Лента Рязанова «Берегись автомобиля» (1966) облагораживает Деточкина (Смоктуновский), преследующего — в порядке самосуда — тех, кто несправедливо обогащается. В «Июльском дожде» (1967) Хуциева непрерывающиеся телефонные звонки неизвестного мужчины вовсе не досаждают героине фильма, но вырывают ее из жизненной рутины и помогают ей найти себя. В «Сталкере» (1980) Тарковский ставит в центр кинопоказа человека, которого неудержимо притягивает к себе «зона» — выморочное, мертво-живое, всеми покинутое пространство.

¹²О разных реинтерпретациях фрейдовской концепции паранойи см. подробно: Мазин 2009.

¹³Все же интересно, что Иван Грозный, затеяв опричный сталкинг, подчеркнута предался девиантной сексуальности — открылся гомоэротике, а не утаился от нее в бредовых фантазмах.

этой позиции какой-либо негативной — в детских глазах — силой (допустим, боярами, тиранившими, если верить воспоминаниям Ивана Грозного, царя-подростка).

Лакан был, по-видимому, первым, кто увидел в сталкинге (не употребляя этого термина) обращенную паранойю. Разбирая историю болезни некоей Эме, страдавшей манией преследования, Лакан констатировал, что совершенное ею покушение на убийство знаменитой парижской актрисы избавило больную от симптомов паранойи. Сталкинг (терроризирование театральной звезды) перенаправляет, следовательно, чувство вины так, что у пациента этого аффективного состояния открывается возможность для автотерапии, вытекающей из того, что гонимое существо становится нападающей стороной.

В социокультурном плане сталкинг и паранойя вступают в то же самое отношение взаимодополнительности, в каком они могут комбинироваться в действиях и воображении отдельно взятой личности. Уже «Сказание о Борисе и Глебе» выразительно описывает перевоплощение окаянного Святополка после поражения от Ярослава из братоубийцы в безумца, одержимого страхом преследования:

И нападе на нь бѣсь, и раслабѣша кости его, яко не мощи ни на кони сѣдѣти, и несяхуть его на носилѣхъ. И прибѣгоша Берестию съ нимъ. Онъ же рече: «Побѣгнѣте, осе женуть по насъ!» И посылахуть противу, и не бѣ ни гонящааго, ни женущааго въ слѣдъ его. И, лежа въ немощи, въсхопивъся глаголааше: «Побѣгнѣмы еще, женуть! Охъ мнѣ!» И не можааше тѣрпѣти на единомъ мѣстѣ... [Цит. по: Дмитриев, Лихачёв 1978: 296].

В дальнейшей русской истории параноидность выражала себя в разных формах, две из которых особенно важны ввиду их надвременной продуктивности. Во-первых, этот комплекс приобретал в условиях преобладающего в государственной политике сталкинга функцию терапевтической меры, призванной спасти страну от ложно выбранной стратегии. Для славянофилов-романтиков, чью идеологию можно рассматривать как внутреннюю эмиграцию в прошлое, такой уход из современности в родную старину должен был оздоровить национальную социокультуру, принести соотечественникам, по словам И.В. Киреевского, «...чувство восстановления (исцеления) <...> внутреннего единства и гармонии»¹⁴. Во-вторых, сам сталкинг в России мотивировал и легитимизировал себя на параноидный манер — в качестве защитной реакции на заговор¹⁵. Как правило, раскрываемая крамола (бояр, масонов, инженерной интеллигенции, старых большевиков, сионистов и т. д.) была мнимой (при том что действительно вынашивавшиеся заговоры, например, декабристов, странным образом терпелись правительством, осведомленным о них). Сталкинг побеждает не фактических врагов, но в нем самом потенциально содержащуюся и ему противоречащую параноидность, которая изживается в уничтожении вымышленных (или уже обезвреженных) преследователей. Там, где параноик впадает в паническое отступление под натиском собственных конспирологических спекуляций, сталкер предпринимает наступательные действия, вершит расправу и запугивает¹⁶. В.М. Бехтерев, диагностировавший у Сталина паранойю, был только поверхностно прав;

¹⁴Цит. по: Фатеев 2006: 106. Сотериологично и поведение русских странников (так сказать, народная паранойя), бегущих мира сего, чтобы быть приобщенными нездешним ценностям (см. подробно: Смирнов 2006: 236-250).

¹⁵Во время холодной войны конфронтация двух сверхдержав, СССР и США, вызвала к жизни и на Западе тот политический стиль, который обозначается как «conspiratorial paranoia»; см. в этой связи сборник статей: Marcus 1999; ср. также раннюю работу на эту тему: Hofstadter 1967. Разумеется, национальные социокультуры влижут друг на друга, и они пересекаются тем интенсивнее, чем глубже втянуты в соперничество.

¹⁶Право на подозрительность было зарезервировано в России за верховной властью, которая с сомнением относилась к параноюе своих подданных; Николай I наказал ссылкой князя А.Б. Голицына, донесшего в 1832 году об иллюминатском заговоре, якобы составленном должностными лицами, приближенными к императору, — см. подробнее в кн.: Гордин 1999.

мы имеем дело в данном случае с мегаломаном stalking, тем более мнительным, чем настойчивее и безграничней была в этой личности потребность в агрессии.

Как бы оценочно ни звучало сказанное о stalking, речь о нем шла не с критико-аксиологическим, но с характерологическим заданием. Каждая национальная социокультура по своему психична — своеобразна в той мере, в какой отклоняется от всех прочих образований того же уровня, то есть в той, в какой являет собой аномалию. Существует общее диахроническое движение разных этнических социокультур, в процессе которого командные позиции в смыслопроизводстве захватывает то один, то другой психотип, — например, истерический в период символизма или ориентированный садистски в последовавшую за этим эпоху авангарда¹⁷. Можно думать, что такие психотипы, поочередно выходящие на мировую (прежде всего евроамериканскую) сцену, располагают зеркальными отражениями, имеют в запасе собственное Другое — аналогично тому, как паранойя диалектически выворачивается наизнанку в stalking. Именно самости, антисимметричные по отношению к характерам, участвующим в развертывании универсальной логоистории, и оказываются «демонами» больших этносов, индивидуализуют ареальные традиции, если угодно, карнавализуют трансэтническую диахронию. Будучи отрицаниями психотипов, имеющих общеисторическое значение, эти самости правят в национальных социокультурах так, что любой индивид, подчиняющийся власти и тем самым подавляющий свою психику ради социализации, включается уже в силу автонегативности в систему мышления и поведения, которая отличает коллективно-родовое тело. Тот факт, что границы приватного пространства в России зыбко-нестойчивы, не означает еще, что всякий русский, игнорирующий их по неписанным правилам, — непременно сталкер в своей психической организации. Его психика может быть любой, но социальная рутина берет верх над личностными качествами.

В наше — постисторическое — время, в значительной степени стершее национальные особенности в ходе экономической глобализации, характеры, бывшие базисными для локальных социокультур, получают межрегиональное распространение, заявляют о себе повсюду, разыгрывают в синхронии те роли, которые были некогда релевантными для стадийной динамики мирового символического порядка. Правомерно видеть снятую истерическую экзальтацию в мистифицированных «я»-образах, в которых выражают себя пользователи электронной сети, или нейтрализованный садизм в пустом накоплении чудовищных мышечных масс, которое дает bodybuilding. Эдипов комплекс обращается в свою противоположность детьми, не покидающими на Западе родительские дома едва ли не до седых волос, а кастрационная тревога находит собственное Другое в медиализации тел, если и вытесняемых со своих мест, то не более чем экранными двойниками. Stalking, приковавший к себе общественное внимание после покушения Джона Хинкли (Hinckley) на президента Рейгана, принадлежит к парадигме только что перечисленных (далеко не полно) явлений современной психосоциальности. Национальный иррационализм — и среди прочего русский stalking — становится доступным для рационализации только теперь, когда национальное могло бы перейти в общелюдское достояние, когда оно обретает потенцию не быть более отчужденным от субъектности как таковой.

Бердяев Н. 1955. *Истоки и смысл русского коммунизма* (1937). — Париж.

Броувер С. 1999. Парадоксы ранней русской интеллигенции (1830-1850 гг.): национальная культура versus ориентация на Запад. — *Россия/Russia. № 2 [10]. Русская интеллигенция и западный интеллектуализм: история и типология* / Сост. БА Успенский. — М.-Венеция.

Гордин Я.А. 1999. *Мистики и охранители. Дело о масонском заговоре*. — СПб.

---

¹⁷См. подробно: Смирнов 1994.

- Дмитриев Л.А., Лихачев Д.С. (ред.). 1978. *Памятники литературы древней Руси. Т. 1. XI — начало XII века.* — М.
- Лемке М. 1909. *Николаевские жандармы и литература 1826-1855 гг. По подлинным делам Третьего Отделения Собственного Е.И. Величества Канцелярии.* СПб. / Russian Reprint Series, I. The Hague. — 1966. — 15.
- Мазин В. 2009. *Паранойя: Шребер — Фрейд — Лакан.* — СПб.
- Панченко А.М., Успенский Б.А. 1983. Иван Грозный и Петр Великий: концепция первого монарха. — *Труды отдела древнерусской литературы (ТОДРЛ)* [Института русской литературы АН СССР]. — Т. XXXVII. — Л.
- Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским* / Текст подг. Я.С. Лурье и ЮД. Рыков. — Л.: 1979.
- Скрынников Р.Г. 1975. *Иван Грозный.* — М.
- Смирнов И.П. 1991. О древнерусской культуре, русской национальной специфике и логике истории. — Специальный том журнала: *Wiener Slawistischer Almanach*. Sbd. 28. — Wien.
- Смирнов И.П. 1994. *Психодиахронология. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней.* — М.
- Смирнов И.П. 2004. *Социософия революции.* — СПб.
- Смирнов И.П. 2006. *Генезис. Философские очерки по социокультурной начинательности.* — СПб.
- Фатеев В.А. (сост.) 2006. *Славянофильство: pro et contra. Творчество и деятельность славянофилов в оценке русских мыслителей и исследователей.* — СПб.
- Hobsbawm E. 2009. Introduction: Inventing Traditions. — *The Invention of Tradition* / Ed. by E. Hobsbawm (1983). — Cambridge e.a.: Cambridge University Press.
- Hoffmann J. 2006. *Stalking.* — Heidelberg.
- Hofstadter R. 1967. *The Paranoia Style in American Politics and Other Essays.* — N.Y.
- Lacan J. 2002. *Über die paranoische Psychose in ihren Beziehungen zur Persönlichkeit und Früheschriften über die Paranoia* (= De la paranoia que dans ses rapports avec la personnalite suivi de Premiers ecrits sur la paranoia, Paris, 1975) / Übers. von H.-D. Gondek. — Wien.
- Marcus G.E. (Ed.). 1999. *Paranoia With Reason. A Casebook on Conspiracy as Explanation.* — Chicago-London: The University of Chicago Press.
- Popoff G. 1925. *Tscheka. Der Staat im Staate. Erlebnisse und Erfahrungen mit der russischen Auszerordentlichen [sic!] Kommission.* — Frankfurt am Main.

ОККУПАЦИЯ ПРОТИВ КОЛОНИЗАЦИИ: КАК ИСТОРИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЛАТВИИ ПОМОГАЕТ ПРОВИНЦИАЛИЗИРОВАТЬ ЕВРОПУ¹

К.М.Ф. Платт

Университет Пенсильвании (Филадельфия, США)

Аннотация: В статье исследуются проблемы геополитического сознания в постсоветской Европе на материале межэтнических отношений и культуры памятников в современной Латвии. Автор полагает необходимым пересмотреть универсалистские категории европейской истории, демонстрируя на примере Латвии, что дебаты о применимости терминов «оккупация» или «колонизация» к советскому периоду прибалтийской истории превращаются в политический спор о принадлежности этого региона к «европейской цивилизации».

Ключевые слова: империя, внутренняя колонизация, колониальное управление, колониальный тип господства, история русской культуры, история России.

Конечно, можно понять исторические обиды, понять разное отношение к различным драматическим событиям. Но нельзя в наше время оправдать репродуцирование искаженного, негативного образа соседней страны и народа, формирование у молодежи чувства неприязни и нелюбви к ним, равно как и сознательное отступление от истины в преподнесении и оценке исторических событий и процессов. В конце концов, можно не любить российское государство в его отдельные исторические периоды, но нельзя не любить или, по крайней мере, не уважать достижения русской культуры и намеренно скрывать их!

Андрей Фомин.

«Какую историю будут знать наши дети?»²

¹Более ранние версии этой статьи были представлены в качестве докладов на конференциях «Занимательная история понятий, или Языки описания будущего» («Малые Банные чтения», Санкт-Петербург, 27-28 ноября 2009 года) и «Внутренняя колонизация России» (Пассау, 23-25 марта 2010 года). Благодарю организаторов и участников этих конференций, в особенности Илью Калинина, Сергея Ушакина, Александра Эткинда и Дирка Уффельманна, а также Илью Веницкого, Карину Сотник, Марину Герман и Ольгу Серебряную за их помощь и комментарии. В другом варианте эта статья была опубликована раньше как: Оккупация vs. колонизация: история, постколониальность и географическая идентичность. Случай Латвии. — *Неприкосновенный запас*. 2010. №71. С. 49-62, а также в сборнике: *Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей* / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 131-152.

²Фомин 2008: 62. «Балтийский мир» представляет собой глянцево издание, посвященное жизни русскоязычного населения в Прибалтике. Журнал финансируется Российской Федерацией, однако почти все авторы и редакторы — русскоязычные жители государств Балтии.

Получать (дар), не возвращая или не возвращая больше, — значит подчиняться, становиться клиентом и слугой, становиться меньше и ниже.

Марсель Мосс. «Очерк о даре»³

Колониальная память в межимперской зоне

В сентябре 2008 года мы с латышским коллегой поздно вечером гуляли по центру Риги. Это был конец дня, который мы провели на конференции по региональной истории, памяти и политике. Мы обсуждали тонкости предмета, а в это время проходили мимо красивого здания в стиле латышского национального романтизма. Говорили мы по-английски. Коллега сообщил мне, что в последние годы это здание стало предметом бурных дебатов: оно было построено богатым меценатом незадолго до революции как здание латышской школы. Однако после революции школа была превращена в русскую. Пока он все это рассказывал, мы стояли на углу, и к нам подошел какой-то человек, который начал с жаром объяснять мне тоже на английском языке — очевидно, сообразив, что я иностранец, — что эта школа никогда не была латышской, а, наоборот, всегда была русской и что это очень известная русская школа, прославленная своими знаменитыми выпускниками. Я перешел на русский и сказал, что история школы мне в общем известна. Я даже объяснил, чтобы хоть как-то развеять напряженность, что в эту школу ходила моя жена. Русский посмотрел на меня и спросил: «В каком году она окончила?», а потом переспросил: «Кевин?» Выясняется, что это школьный приятель моей жены и что мы с ним лет десять назад пили пиво. В итоге этот неожиданный приятель пошел провожать меня домой, и по дороге мы решили позвонить другому нашему общему другу, который сейчас живет в Москве, потому что у него был день рождения. Дозвонившись, мы объяснили ему, при каких странных обстоятельствах мы встретились. Выслушав, он засмеялся, а потом сказал: «Знаешь, мне кажется, это была сначала еврейская школа».

Этот анекдот показывает, насколько сложны вопросы истории сегодня в странах Восточной Европы, где в течение последних ста лет много раз менялись и политические границы, и «режимы памяти». Обратите внимание: вопросы местной истории в этих странах не только являются предметом споров; они являются предметом дискуссий в узко локализованном контексте, на фоне близких, едва ли не интимных связей между людьми и культурами.

Такая ситуация поднимает целый ряд вопросов. Кажется, что разные этнические группы нынешнего латвийского общества живут в разных исторических измерениях. Как можно понять взаимоотношения между их разными историческими нарративами? Какие последствия для общественной солидарности имеют такие расхождения в историческом менталитете? На более широком уровне — что означает это локальное отсутствие исторического согласия в международном контексте? Напомню, что значительные разногласия в «официальных» версиях истории XX века регулярно становятся источником дипломатического напряжения между властями РФ и стран Балтии.

Я вернусь к этим вопросам ниже. Сначала давайте обратим внимание на теоретические предпосылки исследования разных версий восточноевропейской истории. Десять лет тому назад Дипеш Чакрабартти сформулировал то, что он охарактеризовал как актуальный и необходимый, но пока не заверченный теоретический шаг за пределы марксистских и антиимпериалистических позиций, на которых базировалась исследования в области «subaltern studies» (феминистские и постколониальные) в период «бури и натиска» 1960-1980-х годов. Как известно, работа Чакрабартти, посвященная проблемам британской колонизации Индии и других схожих имперских сюжетов, позволила выработать один из самых влиятельных теоретических инструментов для анализа постколониализма. Свой новый проект Чакрабартти опреде-

³Мосс 1996: 213.

лил как «провинциализацию Европы». Под этим термином он подразумевал реинтерпретацию базовых категорий европейской истории и современности, связанных с универсальными правами человека, формами общественности, либеральными экономическими режимами, и даже фундаментальных категорий самой историографии, таких как современность, капитал и так далее. Он предлагал заново понять эти категории не как универсальные модели исторического развития человечества, а как эффекты специфических исторических траекторий:

Провинциализировать Европу — это понять, как и в каком смысле европейские идеи, представляющие как универсальные, на самом деле исходили из специфических интеллектуальных и исторических традиций, которые не могут претендовать на универсальную значимость. Таким образом, мы задаем вопрос о том, как мысль относится к месту [Chakrabarty 2008: XIII].

Целью этого проекта для Чакрабарти стала не релятивизация мировой истории, предполагающая, что национальные историографии других частей земного шара могут соперничать с европейской историей, но теоретическое отделение базовых терминов исторического описания от самой европейской истории. Таким образом, он надеялся открыть новое пространство для теоретического маневра среди разнородных версий исторического опыта. Чакрабарти приглашает нас представить себе универсальную историю (возможно, не вполне подвергающуюся окончательному определению), которая находится вне Европы и в рамках которой сама история Европы становится конкретной и специфической, а не универсальной⁴.

Работа Чакрабарти является скорее призывом, чем законченным проектом. Теоретик рассматривает разные категории анализа, но в основном он занимается ими в рамках своего собственного научного и географического поля — постколониальной Индии. В то же время он замечает, что, «наверное, можно было бы провинциализировать Европу с точки зрения многих отдельных территорий, получая совсем иные результаты» [Chakrabarty 2008: XVIII]. В настоящей статье, исходя из одной из таких «отдельных территорий», я хотел бы внести свой вклад в проект Чакрабарти. Я предлагаю произвести «провинциализацию» тех самых историографических понятий, которые сделали возможной критику тотальных категорий европейской современности, — терминов «колониализм» и «постколониализм».

Постколониальная теория часто является европоцентристским проектом. Поэтому можно и нужно искать новое пространство для маневра внутри самой концепции постколониальности. Географическая точка зрения, с которой я собираюсь провести эту теоретическую процедуру, находится на пересечении европейского колониализма с его восточным соперником, русским колониализмом. Она находится в Восточной Европе, еще точнее, в Латвии. Я хотел бы продолжить дискуссию о применимости терминов постколониальной теории к ситуации постсоветского и постсоциалистического пространства. Эта дискуссия представлена в ряде статей, появившихся в течение последнего десятилетия [Moore 2001; Spivak 2003; Chernetsky 2003; Spivak, Condee, Ram, Chernetsky 2006; Otoi 2003; Carey 2004; Popescu 2003; Adams 2005; Kelestars 2006; Hagen 2004; Chari 2009; Тимофеев 2008]. Анализ истории «меж-имперского пространства» приведет нас к пониманию некоторых тонкостей главного понятия этого сборника⁵ — «внутренняя колонизация». Однако, как я полагаю, в результате мы откроем не принципиальную разницу между российской моделью колонизации и европейской, а, наоборот, их глубокую историческую общность и, может быть, удивительную применимость концепции внутренней колонизации к общеевропейской ситуации.

⁴Проект Чакрабарти имеет много общего с позицией Фуко относительно европейского Просвещения, которое он предлагает воспринимать не как закрытую систему институтов и ценностей, а, наоборот, как неистощимый импульс к рефлексии и критике любых систем, институтов, ценностей и даже самого понятия человека. См.: Фуко 2002: 335-360.

⁵Имеется в виду сборник: *Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей* / Под ред. А. Эткинда, Д. Уффельмана, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012. — Примеч. ред. журнала «Политическая концептология».

Хотя эта статья основана на этнографическом проекте, которым я занимаюсь в недавние годы в Латвии, по своей задаче она является скорее теоретическим эссе, чем анализом полевых данных. Тем не менее стоит начать с некоторых цифр, необходимых для того, чтобы дать общее понимание исторических и общественных условий. Среди постсоветских государств в Латвии (конечно, после России) русские и русскоязычные группы составляют наиболее значительную часть населения. В Латвии этнические русские составляют 28,5 %, а русскоязычные группы (сюда относятся белорусы, украинцы, евреи и другие народности бывшего СССР) добавляют к этой цифре еще около 10 %. В Риге русские и русскоязычные составляют более 50 % жителей. В итоге Латвия представляет собой один из наиболее ярких случаев социальных проблем, по-разному и в разной степени проявляющихся по всей Прибалтике, в Восточной Европе и в Средней Азии⁶.

Появление русских и русскоязычных сообществ в этом регионе является результатом самых разных исторических обстоятельств: к ним относятся религиозные меньшинства, вынужденные бежать из России еще в XVII веке: семьи, переселившиеся в Ригу до или после Октябрьской революции; еврейские семьи, издавна живущие в Прибалтике и с определенного времени считающие своим родным языком русский. Однако в общественном сознании все это разнообразие полностью замещают собой русские и русскоговорящие, переселившиеся в Ригу во второй половине XX века в соответствии с социальной и этнокультурной «инженерией» советского государства.

В современной Латвии присоединение этой страны к СССР в 1940 году обычно считается военным захватом. Соответственно, латышское население чаще всего воспринимает русских и русскоязычных как оккупантов (или их потомков) и относится к их присутствию в стране с негодованием⁷. Некоторые русские и русскоязычные жители Латвии вполне разделяют такой взгляд на историю, что не мешает им рассматривать себя как жертв ее объективных сил. В публичном пространстве присутствует и другая точка зрения, распространенная в особенности среди тех, чьи семьи оказались в Латвии в связи с военной службой или были переселены туда для ведения восстановительных работ после войны. Эти группы считают себя патриотами Советской Латвии и полагают, что в постсоветское время подвергаются несправедливым гонениям. Есть группы, воспринимающие само присоединение Латвии к СССР как интеграцию в целях защиты от агрессии нацистской Германии, то есть в рамках более ранней, еще советской концепции региональной истории.

История одного памятника

Теперь, чтобы несколько «оживить» свои теоретические размышления, я хочу обратить внимание на случай, касающийся одного из моих информантов. В 1998 году Евгений Гомберг, живущий в Латвии бизнесмен, профинансировал восстановление памятника Петру I, который стоял до революции на центральной площади Риги. В истории этого памятника удивительным образом отражены все перевороты, которые Прибалтике довелось пережить в XX веке. Памятник был воздвигнут в 1910 году на частные пожертвования жителей Риги и окрестных районов (русских, латышей, остзейских немцев и др.), его автором был выбран по конкурсу профессор Берлинской академии архитектуры Густав Шмидт-Кассель. Открытие памятника было приурочено к 200-летию со дня вступления в Ригу войск под командованием

⁶Подробнее об этнической политике постсоветской Латвии см.: Laitin 1998; Bernier 2001; Kronenfeld 2004; Kronenfeld 2005.

⁷В связи с распространенным применением термина «оккупант» («okupants») по отношению к русскоязычным жителям Латвии показательным, что президент Латвии Валдис Затлерс считал нужным в 2009 году публично призвать латышей отказаться от подобного, на взгляд многих местных русских оскорбительного, словоупотребления. Хотя этот призыв не привел к тем результатам, на которые надеялся президент, он спровоцировал широкие дискуссии о значении самого термина. См.: Papildinata... 2009.

Петра (1710) и превратилось в помпезные трехдневные торжества: в Ригу специально для участия в них приезжал Николай II. Во время Первой мировой войны, в 1915 году, памятник сняли с пьедестала и отправили на хранение в Санкт-Петербург. Но до столицы империи он так и не доехал: корабль «Сербино», на котором его перевозили, был обстрелян германским эсминцем и затонул. В 1934 году его достали со дна эстонские водолазы-спасатели, после чего памятник был выкуплен у Эстонии рижской городской управой (в мотивировке решения было сказано: «принимая во внимание историческую ценность вышеупомянутого памятника») и возвращен в Латвию. Но там, в период первой независимости, на месте памятника Петру возвели монумент Свободе. Петровскому же монументу было суждено десятилетиями, во время войны и все годы существования Советской Латвии, в разобранном виде пылиться в различных запасниках — сначала в Крестовой галерее Домского собора, а после завершения Второй мировой войны — на складе Управления благоустройства Риги. В 1977 году Рижский горисполком предложил восстановить памятник к 1990-му, но в эпоху перестройки эта идея заглохла. Однако в то время бывший советский офицер Станислав Разумовский собрал скульптуру из тех частей, на которые ее распилили эстонские водолазы, и самостоятельно отлил недостающую деталь. В собранном виде металлический Петр был отправлен на склад одной из латвийских военных частей (впрочем, голова Петра, которую Разумовский считал особо ценной, была передана на хранение в российское посольство и прикреплена к скульптуре позже).

В преддверии нового тысячелетия появляется Гомберг и решает восстановить монумент. Гомберг делает публичное заявление о том, что ему хотелось бы преподнести подарок родному городу. Однако после долгих пререканий, споров и протестов со стороны латышских политиков, утверждающих, что не следует ставить памятник иностранному завоевателю в столице независимой Латвии и что десятки тысяч людей погибли во время петровской осады Риги, город подарок не принимает. Депутат рижской Думы Янис Фрейманис выразил свое мнение относительно фигуры первого русского императора крайне эмоционально: «Он палач, палач!» [Ватолин 2003]. В июле 2001 года памятник простоял три дня на лужайке в Кронвальдском парке, после чего рижская городская Дума сочла его установку незаконной и оштрафовала Гомберга за административное правонарушение. С тех пор и по сей день монумент возвышается над автостоянкой перед зданием офиса Гомберга⁸.

Гомберг — гражданин Латвии еврейского происхождения. Его родной язык — русский. Он владеет латышским, но «недостаточно хорошо, чтобы посещать театр», как он объяснил мне в интервью три года назад. Что же значит для такого русскоязычного человека, как Гомберг, фигура Петра Великого и история русских в Прибалтике? И что она значит для этнических латышей, а также для немалого количества этнических русских, живущих в современной Латвии? Благодаря каким траекториям истории латвийский еврей решает увековечить память о российском императоре?

Чтобы дать ответы на эти вопросы, давайте сначала посмотрим на этот несостоявшийся подарок с точки зрения латышской (в большинстве своем) администрации Риги (с тех пор как я исследовал всю историю с памятником, на муниципальных выборах эта администрация была сменена — кстати, рижане тогда же избрали мэром русского по происхождению Нила Ушакова, но это — отдельная история). В постсоветский период стандартная латышская версия истории носила националистический характер. Она рассказывала о завоевании маленькой страны большим враждебным государством, которое чаще всего определялось через этнические признаки, то есть как *русское* государство⁹. Как и в других прибалтийских и вос-

⁸История памятника Петру изложена в кн.: Гапоненко 2010: 337-339.

⁹См., например, реферат историка Инесиса Фелдманиса «Оккупация Латвии: исторические и международно-правовые аспекты» на официальном сайте МИД Латвии, в разделе «Информация об истории Латвии» [см.: Feldmanis 2011]. Автор допускает заметное скольжение между политическими и этно-националистическими терминами — «Советский Союз» превращается в «русских»: «Неточно было бы сказать, что секретный прото-

точноевропейских странах, со времен распада СССР немало трудов было вложено в увековечивание трагических событий советской эпохи. Они отражены, например, в рижском Музее оккупации (в здании бывшего Музея революции), в разных памятниках латышам, сосланным в Сибирь, и так далее.

Поэтому на первый взгляд идея поставить на постамент в Риге фигуру русского царя, который впервые завоевал для России этот регион, была обречена на провал. Конечно, можно отметить, что советский период представляет собой совсем другую эпоху, что Петр воевал вообще со шведами, а не с латышами, если даже можно применять такие этнические термины по отношению к раннему XVIII веку, задолго до эпохи латышского национального пробуждения. Можно спорить и о численности «протолатышей», которые погибли в осаде ганзейского города Риги. Но все это, конечно, несущественно. С националистической точки зрения, советские и русские, цари и комиссары — одно и то же. Поэтому отказ от «подарка» Гомберга — естественный патриотический жест.

Как же выглядит ситуация с точки зрения Гомберга? Что значит этот непринятый подарок для него самого? Когда я ему задал эти вопросы, я ожидал услышать от него рассуждения о политическом и социальном значении Российской империи в истории Латвии. Но он ответил по-другому; он сказал, что это «произведение искусства», имеющее большое значение для истории Риги. Он хотел вернуть этот важный фрагмент культурного наследия городу. Его предложение состояло в том, чтобы поставить памятник в Кронвальдском парке, который проектировал для города сам Петр: это должно было стать памятью о всех благах, которые имперский период принес городу. Но, как уже сказано, в парке памятник простоял три дня.

Здесь следует отметить, что памятник Петру — лишь один из нескольких проектов «сохранения культурного наследия», которыми занимался Гомберг. Другим таким проектом было создание нового памятника Джорджу Армистеду, англичанину на службе русского императора. Он был последним назначенным мэром Риги — с 1901 по 1912 год. Еще один проект — воссоздание утерянного дореволюционного памятника российскому военачальнику М.Б. Барклаю-де-Толли, который имел шотландские корни и владел землями в Ливонии. Эти проекты оказались более успешными — город принял подарки бизнесмена, и сейчас эти памятники стоят в общественных местах¹⁰.

Интересно отметить, что каждая из имперских фигур, которую Гомберг увековечивал в бронзе, является в каком-то смысле гибридной, восточно-западной. Но Гомберг сам об этом не говорит. В беседах со мной он неизменно подчеркивал *культурное* содержание своей деятельности. Важнее всего для него были художественная ценность и высокие технические требования к созданию бронзовой скульптуры.

Поначалу я был склонен считать ответ Гомберга сознательным увиливанием: конечно же, смысл каждого из восстановленных им памятников — прежде всего *политический* и связан с изображаемой личностью. У меня была целая подшивка газет, в которых в разном клю-

---

кол [приложение к пакту Молотова-Риббентропа. — *К.П.*] изменил статус Финляндии, Латвии, Эстонии и Литвы, согласно международному праву (эти страны вошли в советскую сферу влияния с сентября 1939 года). Однако определение этой сферы влияния иллюстрировало неуважение к национальному суверенитету этих стран и поставило их независимость под сомнение. Советский Союз получил от Германии свободу действий в будущих «территориальных и политических перестановках» советской сферы влияния. 23 августа обе агрессивные державы решили, что «сфера интересов» означает право занимать и аннексировать территории. Советский Союз и Германия разделили их сферы влияния на бумаге, чтобы «это разделение могло стать действительностью». Ссылаясь постоянно на [довольно двусмысленную] концепцию решения как польской, так и прибалтийской «проблемы», немцы и русские дали понять, что они имели в виду. Нет ни каких сомнений, что без пакта Молотова-Риббентропа полная оккупация стран Балтии не стала бы возможной спустя десять месяцев». Интересно заметить, что в английском переводе этого документа это терминологическое скольжение удалено. Кроме того, весь сайт предлагается на трех языках, однако русский перевод данного документа отсутствует: Feldmanis 2011. Здесь и далее, если иное не оговорено, перевод иноязычных цитат выполнен автором статьи.

¹⁰О принятии рижской Думой постановления о восстановлении памятника Барклаю-де-Толли см.: Ватлин 2002; о памятнике Армистеду см.: Gombergs... 2005.

че обсуждался памятник Петру, и я мог видеть, что политический регистр был главным в его интерпретации как для русскоязычного, так и для латышскоязычного общества¹¹. Я подумал, что Гомберг устал от этих споров и специально скрывает свои намерения, обходя вопросы об историческом значении первого российского императора для латвийской национальной истории. Но чем больше я размышлял над этим вопросом, тем больше осознавал это несоответствие в оценке значения памятника как симптом более общих смешений понятий в разных регистрах общественного дискурса об истории и как иллюстрацию того, что подарок Гомберга угрожает стандартной националистической истории не на политическом, а на более глубоком уровне.

Оккупация vs. колонизация

Чтобы лучше понять, что именно происходит, нужно рассмотреть различие между двумя терминами, которые появляются в этих дискуссиях на главных ролях: «оккупация» и «колонизация». Оба термина описывают ситуацию, где чужая власть силой держит определенную территорию под контролем, исходя из стратегических, экономических или других причин. Но оккупация кардинально отличается от колонизации тем, какие последствия она приносит для данного населения. Возьмем, к примеру, определения этих терминов в словаре Ожегова:

КОЛОНИЯ: 1. Страна, лишенная самостоятельности, находящаяся под властью иностранного государства (метрополии). 2. Поселение, состоящее из выходцев из другой страны, области. Иноземные колонии в царской России. 3. Сообщество, совокупность людей какой-н.[ибудь] страны, земляков, живущих в чужом городе, в чужой стране. 4. Общежитие лиц, поселенных или поселившихся для совместной жизни с той или иной целью <...> К.[олония]-поселение (исправительно-трудовое учреждение с облегченным режимом). 5. Группа организмов, а также временное совместное поселение птиц (спец.[иальный термин]). <...> Прил.[агательное] — колониальный. К. режим. Распад колониальной системы. Колониальные товары (из колоний: чай, кофе, пряности и др.; устар.[евшее]). Колониальные организмы (водные).

ОККУПАЦИЯ: 1. Временное отторжение, захват чужой территории военной силой. 2. Период такого захвата и пребывания гражданского населения на захваченной территории (разг.[оворный язык]). Во время оккупации. Остаться жить в оккупации. Прил.[агательное] — оккупационный. Оккупационные войска. О. режим.

Оккупированная страна переносит травму, унижение, насилие, но термин этот все-таки предусматривает существенную историческую непрерывность в идентичности. Оккупант пришел, повластвовал и ушел, но при этом оставил сущность общества или нации без перемен. Колонизация, наоборот, действует иначе. Колониализм или уничтожает первоначальное население, или интегрирует его в экономические, общественные и политические отношения с метрополией, что оставляет глубокий след на самом глубоком уровне идентичности. Чаще всего эта существенная трансформация населения представлена в ключе модернизации. Традиционно колонизатор легитимирует свое господство через дар прогресса — материального, общественного и культурного. Итак, в этих двух терминах мы сталкиваемся с двумя весьма разными макроисторическими хронотопами.

Оставим вопрос о том, чем являлось советское управление Латвией — оккупацией или колонизацией. Продуктивнее будет рассмотреть функцию этих понятий в более широких теоретических и дискурсивных контекстах истории советского и постсоветского периодов в

¹¹О многочисленных политических и политизированных дебатах и интригах вокруг восстановления памятника см., например: Шунин 2001; Knavis 2003; анализ сообщений на эту же тему в иностранных СМИ см.: Murphy 2004.

Прибалтике. В своем влиятельном теоретическом труде о деколонизации Африки «Проклятым заклеянные» Франц Фанон писал:

Колонизатор делает историю, и он это знает. Из-за того, что он постоянно ссылается на историю своей метрополии, он явно свидетельствует о том, что он — представитель этой метрополии. Поэтому история, которую он пишет, является не историей той страны, которую он захватывает, но историей ограбления, изнасилования и уничтожения голодом, причиняемых [колонию] его страной. Устойчивость колониального субъекта можно подвергать сомнению только в том случае, если он решает положить конец истории колонизации и ограбления, чтобы призвать к жизни историю нации, историю деколонизации [Fanon 1976: 18].

Ранаджит Гуха и Гайатри Спивак, в продолжение традиции, восходящей к этой мысли Фанона, определяют ключевую проблему политического и субъективного состояния постколониализма (на «классических» примерах Индии и колониальной Африки) как дилемму причастности к истории. Можно схематически определить эту дилемму следующим образом. С одной стороны, если усердно стараться превратить освободившуюся колонию в современное общество, то может показаться, что ты волей-неволей просто продолжаешь работу колонизатора, подчиняя колонию западным нормам истории, экономики и политического строя [См. об этом: Said 1978: 24-25; Spivak 1988: 271-313; Spivak 2004: 523-581]. С другой стороны, часто бывает довольно сложно найти более «аутентичный» местный исторический путь. Классические постколониальные общества должны ответить на вопрос: что такое самобытная общественная и политическая традиция и как вернуться к ней, когда даже история бывшей колонии написана колонизатором [Guha 1997]? Как нам показывает история второй половины XX века, поиски такой традиции часто приводят не к самым лучшим результатам. Вспомним, к примеру, угандийский диктаторский режим Иди Амина, который, между прочим, носил титул «победителя Британской империи»¹².

В постсоветском политическом дискурсе в Латвии (и в других схожих случаях Прибалтики и Восточной Европы) проблемы «поиска аутентичной традиции» представляются в ином свете — из-за того, что националистическое видение истории воспринимает советский период не как колонизацию, но скорее как оккупацию. Соответственно, в таких регионах освобождение определяется как «возвращение в Европу». Возьмем, например, объяснение латвийской истории XX века из введения, предпосланного каталогу Музея оккупации в Риге:

Пятьдесят один год оккупации оставил глубокий след на Латвии. Около трети населения было сослано или погибло в результате политических убийств, геноцида, военных действий и нечеловеческих условий в ГУЛАГе или же стало беженцами в конце Второй мировой войны, чтобы спастись от возвращающегося советского режима. На их место были привезены поселенцы из других регионов Советского Союза. Они не говорили по-латышски и были чужды латышской культуре и традициям. С самого начала обе оккупирующие власти старались лишить латышскую нацию национальной гордости и скрывать, фальсифицировать или исказить историю Латвии и историческую связь Латвии с Европой. Латвию отчуждали от гуманистических корней западной культуры. После окончания войны политическая, экономическая и общественная жизнь западного мира процветала. Но в это время в Латвии весь прогресс был приостановлен.

¹²О политической культуре в постколониальную эпоху в Уганде см.: Karlstro 1996: 485-505. Иди Амин Дада (1925, 1928 или 1930-2003) правил в Уганде с 1971 по 1979 год. Согласно подсчетам, сделанным после свержения Амина, осуществленного войсками соседней Танзании, жертвами его репрессий стали от 300 000 до 500 000 (из 19 000 000 на тот момент) граждан Уганды, причем не менее двух тысяч он убил лично. Полный титул Амина на посту президента звучал следующим образом: «Его Превосходительство Пожизненный Президент, Фельдмаршал Аль-Хаджи Доктор Иди Амин, Повелитель всех зверей на земле и рыб в море, Победитель Британской империи в Африке вообще и в Уганде в частности, кавалер орденов „Крест Виктории“, „Военный крест“ и „За боевые заслуги“». После свержения жил в эмиграции в Саудовской Аравии, где и умер. О жизни и режиме Амина см.: Kwame Anthony Appiah, Henry Louis Gates 2005: I: 188.

Западный мир забыл про Латвию. Границы прибалтийских стран исчезли с карт [Lazda 2008: 11-13].

В основе принятой в Латвии концепции истории лежит представление о юридической правопреемственности между нынешней Латвийской Республикой и довоенным независимым государством. В редких случаях применения термина «колонизация» к латышской ситуации (в основном в научных кругах) он носит специальное значение, описывающее очень специфическую идею «советской империи», где «все» шло по «лживому историческому пути». Это была колонизация не со стороны «первого мира», который может действительно приносить дары (пусть и сомнительные) современного развития. Это была неудачная попытка колонизации, предпринятая «вторым миром», который нарядил латвийское общество в свои извращенные общественные институты, которые теперь нужно снять, как тюремную робу. В отличие от «классического» постколониализма Индии или Берега Слоновой Кости, страны Восточной Европы не испытывают сложности в восстановлении некоей прежней идентичности одновременно с дальнейшей общественной модернизацией, ибо эти два проекта предстают изоморфными друг другу.

Поэтому ясно, что подарок Гомберга и его акцент на «культурном» значении памятника угрожает основным понятийным предпосылкам новой латвийской истории на довольно глубоком уровне. В разгар политических дебатов об общественных проектах Гомберга один депутат рижской Думы заявил, что бизнесмен, «восстанавливая империалистические русские памятники, таким образом проводит империалистическую политику в независимой Латвии» [Филатов 2001]. Наверняка автор этих слов не стал бы называть эту политику выражением «колонизации», предпочитая термин «оккупация». Однако проекты Гомберга актуализируют и возобновляют альтернативную историю территории, согласно которой Латвия являлась именно *колонией* Российской империи, а потом и Советского Союза в более классическом смысле: она получила «дар модерности» и «дар мировой культуры» не благодаря причастности к общеевропейской истории, а от рук завоевателя.

Эта альтернативная трактовка истории играет заметную роль в конструкции идентичности русских и русскоязычных, которые часто объясняют и оправдывают свое присутствие в Прибалтике указанием на созидательную работу своих предков, участвовавших в формировании промышленности, экономики и даже культуры в «завоеванных» странах. В беседах на тему обязательного образования на латышском языке представители русского и русскоязычного населения часто возражают против этого, мотивируя свою позицию тем, что латышская культура ничтожна по сравнению с русской, которая имеет «общепризнанное мировое значение». Заметим, что этим они фактически воспроизводят дискурс «российской цивилизованности», который постоянно использовался для легитимации господства Российской империи и (в завуалированной форме) Советского Союза не только в Восточной Европе, но и в Средней Азии и на Дальнем Востоке. И, конечно, этот механизм представляет собой не специфическое русское изобретение, а общее явление европейского имперского дискурса; вспомним формулировку Монтескье о «цивилизационной миссии» имперской власти («la mission civilisatrice») [См.: Grant 2009].

Русское и советское господство в Прибалтике легитимировало себя если не в этих терминах, то в этой «системе координат». Понятно, что сегодняшнее местное русскоязычное население склонно продолжать эту традицию. Единственная альтернатива — смириться с ролью оккупанта, который ничего не принес местным жителям, кроме насилия и унижения. Конечно, русское население тоже не применяет термины «колония» и «колонизатор», которые в советском политическом дискурсе носили отрицательное значение. Оно либо отдает предпочтение общим местам о «дружбе», якобы связывавшей все национальности в составе «новой исторической общности — советского народа», либо затрудняется вообще определить статус русских переселенцев в Латвии. Последняя защита русских в Латвии против обвинений в со-

участии в преступной советской оккупации — это представление о том, что *все* советские люди были угнетаемы властью вне зависимости от этнической или культурной принадлежности. При такой инверсии «дружбы народов» создается картина общей жертвенности русских и латышей, при которой трудно обвинить один народ в преступлениях против другого.

Тем не менее нужно заметить, что все эти версии истории региона — латвийские и русскоязычные — имеют некоторое историческое основание и что обе стороны этого спора на самом деле игнорируют важные нюансы, определяя свою позицию. Напомним широко цитируемую фразу Эрнста Ренана: «...сущность нации состоит в том, что все индивиды, ее составляющие, имеют много общего, но забыли многое, что их разъединяет» [Renan 1947-1961: I: 887-906]. Латвийская ситуация интересна тем, что группы населения, проживающие бок о бок в одном и том же пространстве — так же как и мой латышский коллега и русский приятель в тот памятный вечер в Риге, — обязаны забывать и помнить *разные* вещи, чтобы поддерживать основы своих идентичностей.

В современной Латвии при близком общении между членами разных этнических сообществ сталкиваются совершенно несовместимые представления об историческом процессе и его следах в политической географии. Как писал Эрнст Блох, «не все люди существуют в одном и том же Теперь» [Bloch 1977: 104]. Мы можем добавить, что в результате этой «неодновременности» они часто видят пространство в противоположных терминах — то, что для одного представляет собой бывшую колонию, может другому видеться освобожденной нацией.

Еще один важный контекст, который нужно принять во внимание, чтобы до конца понять значение несостоявшегося подарка Гомберга, — это Западная Европа. В «старой» Европе часто встречается версия истории Латвии и других постсоциалистических стран, написанная в терминах колонизации. Это происходит в связи с настойчивым подозрением западноевропейцев в том, что «новая Европа» на самом деле является менее «европейской», чем ей надлежит быть, или что страны региона, являясь изначально европейскими, затем «испортились» под влиянием «Востока» (случай Восточной Германии), или даже что они никогда и не были собственно европейскими (случаи Болгарии, Румынии или Латвии)¹³.

Европейская тенденция ориентализировать бывшие социалистические страны является большим вопросом для интеллектуалов «новой Европы» вроде Юрия Андруховича, который выразил всю мучительность этой темы в своей нашумевшей речи «Европа — мой невроз», произнесенной по случаю присуждения ему приза Лейпцигской книжной ярмарки 2006 года, или Милана Кундеры¹⁴. Среди менее элитарных групп параллельно существует подозрение, что отношение «новой Европы» к «старой» можно охарактеризовать как простую эксплуатацию. Таким образом, латышская версия истории «оккупации» испытывает давление с двух сторон: и со стороны русских и русскоязычных вроде Гомберга, не говоря уже об обличающих голосах из Российской Федерации, и со стороны Западной Европы.

Европа как провинция

¹³Об «ориентализации» Восточной Европы см.: Вульф 2003. О Балканах: Todorova 1997.

¹⁴Давнее стремление Кундеры отделить в глазах западных читателей Прагу от Москвы хорошо известно, так же как и сложность этого предприятия в свете недавних обвинений знаменитого автора в сотрудничестве с чехословацкими спецслужбами. Кстати, ответ Иосифа Бродского на высказывание Кундеры продемонстрировал *avant la lettre*, что защита «имперской» ценности русской культурной матрицы не обязательно требует политического отождествления с российскими властями. Сложная культурно-политическая позиция Бродского в некоторой степени предшествовала позиции многих теперешних русских интеллектуалов Латвии. См.: Kundera 1984: 33-38; Kundera 2007: 28-35; Brodsky 1985: 31.

Вернемся к теоретическим рассуждениям, с которых я начал эту статью. Как мы видели, дебаты о характере русского режима в Латвии нельзя понять только как спор о легитимности советского вторжения в 1940 году. Они имеют огромное значение в выстраивании русской и латышской идентичностей. Для латышей главным здесь является вопрос о причастности к «общевропейской родине», а через нее и о причастности к самой современности: где находится настоящая Латвия — в волшебном кругу европейской истории, которая дает особое право на универсальные институты современной демократии, экономики и так далее, или вне его? Ответа на этот и ему подобные вопросы, конечно, нет. Важнее здесь осознать открытый характер вопроса по поводу региона, который был провинцией и в европейской истории, и в Российской империи, что делает его особенно подходящим местом, из которого можно было бы провести провинциализацию обеих сторон.

Как демонстрирует пример современной Латвии, границы европейской современности являются «пористыми». Исследование таких пограничных случаев, как Латвия, обнаруживает процесс скольжения то в сторону Запада, то в сторону Востока. Такое скольжение может вскрыть подвижность границы между «центрами современности» и ее модернизирующимися перифериями. В работах многих историков Россия выступает в роли проблематичного случая, который одновременно принадлежит и Западу, и Востоку, и современности, и традиционализму и таким образом демонстрирует хрупкость самих этих понятий. Однако, как объясняет Александр Эткин, подобный анализ чаще всего ведет к простому выводу, что Россия — просто «иное» место, где не действуют эта категории, то есть к восстановлению ориентализирующего, экзотизирующего взгляда на новом уровне [Эткин 2001]. Вместо этого я предлагаю перевести наш взгляд на один шаг в сторону Запада, чтобы понять, что российская проблематика не совсем уникальна. В Прибалтике мы находим похожую (хотя, конечно, своеобразную) ситуацию причастности и не причастности к глобальным категориям исторического развития.

Пример Латвии демонстрирует, как «европейскость» производится из разнородных вариантов истории, географии и темпоральности. Я предполагаю, что дальнейшие шаги на запад, в Польшу или в Германию, привели бы к сходным примерам. Ибо в действительности (которая здесь скрывается под идеологией) трудно найти чистую «европейскую» модерность. Подобно матрешке, идентичность европейских обществ зависит от бесконечной системы градаций между западным «центром» и восточной «периферией». При этом в центре матрешки ничего нет. В Париже или Лондоне вид на бывшие заокеанские колонии в Африке или Азии порождает мысль об очевидности и целостности европейской цивилизации. Но взгляд с востока, проходящий через бесконечные «буферные зоны», подрывает такую уверенность. Если универсальная история существует, то это история общего забвения всеми обществами Европы своей самоколонизации в процессе формирования национальных идентичностей. Это история забвения того, как крестьяне превращались во французов, шотландцы в британцев и совсем недавно — латыши в европейцев. Такие «запоздалые» процессы формирования национальных государств, как мы видим в Латвии, показывают общность российского и западно-европейского исторического опыта и применимость (в разные исторические периоды) понятия «внутренняя колонизация» на всей территории Европы. И в этом смысле вся Европа всегда была провинциальной.

Ватолин И. 2002. Барклай победил! И бюджет тоже приняли. — *Час* (Рига). 18 декабря. — Доступно: http://www.chas-daily.com/win/2002/12/18/l_019.html?r=9 — Проверено: 25.08.2011.

Ватолин И. 2003. Петру стоять. В Виестурдарзсе. — *Час* (Рига). 25 апреля. — Доступно: http://www.chas.lv/win/2003/04/25/g_072.html — Проверено: 18.08.2011.

Вульф Л. 2003. *Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения* / Пер. с англ. И. Федюкина. — М.: Новое литературное обозрение.

Гапоненко А. (ред.). 2010. *Прибалтийские русские: история в памятниках культуры*. Рига. — Доступно: http://www.esinstitute.org/books/300_let_pamyatnikam.pdf — Проверено: 18.08.2011.

Мосс М. 1996. Очерк о даре. — Мосс М. *Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии* / Пер. с фр., послесл. и коммент. А.Б. Гофмана. — М.: Восточная литература.

Тимофеев С. 2008. Читай по губам: Двухязычие как культурный вызов. — *Новое литературное обозрение*. — № 94. — С. 148-154.

Филатов В. 2001. Кто встал на пьедестал? — *Час* (Рига). 14 декабря. — Доступно: http://www.chas.lv/win/2001/12/14/g_027.html?r=12 — Проверено: 18.08.2011.

Фомин А. 2008. Какую историю будут знать наши дети? — *Балтийский мир*. — № 1. — С. 62-65.

Фуко М. 2002. Что такое Просвещение. — Фуко М. *Интеллектуалы и власть: Статьи и интервью, 1970-1984: В 3 ч.* / Пер. с фр. С.Ч. Офергаса под общей ред. В.П. Визгина и Б.М. Скуратова. Ч. 1. — М.: Праксис. — С. 335-360.

Шунин А. 2001. Как Петра пытались «депортировать», да не вышло. — *Час* (Рига). 20 августа. Доступно: http://www.chas.lv/win/2001/08/20/l_21.html?r=32 — Проверено: 28.08.2011.

Эткинд А. 2001. Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на советское прошлое. — *Новое литературное обозрение*. — № 49. — С. 50-74.

Adams L. 2005. Modernity, Postcolonialism, and Theatrical Form in Uzbekistan. — *Slavic Review*. — Vol. 64. — № 2. — P. 333-354.

Bernier J. 2001. Nationalism in Transition: Nationalising Impulses and International Counterweights in Latvia and Estonia. — *Minority nationalism and the changing international order* / Ed. by Michael Keating and John McCiarrv. — Oxford: Oxford University Press. — P. 342-362.

Bloch E. 1977. Erbschaft dieser Zeit. — Bloch E. *Erweiterte Ausgabe* (=Gesamtausgabe in 16 Bdn.). — Bd. 4. — Frankfurt a.M.: Suhrkamp.

Brodsky J. 1985. Why Milan Kundera Is Wrong about Dostoyevsky. — *The New York Times Book Review*. — February 17.

Carey H., Raciborski R. 2004. Postcolonialism: A Valid Paradigm for the Former Sovietized States and Yugoslavia? — *East European Politics and Societies*. — Vol. 18. — № 2. — P. 191-235.

Chakrabarty D. 2008. *Provincializing Europe: Postcolonial Thought and Historical Difference*. — Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Chari S., Verdery K. 2009. Thinking Between the Posts: Postcolonialism, Postsocialism and Ethnography after the Cold War. — *Comparative Studies in Society and History*. — Vol. 51. — № 1. — P. 6-34.

Chernetsky V. 2003. Postcolonialism, Russia and Ukraine. — *Ulbandus*. — № 7. — P. 32-62.

Fanon F. 1976. *Les damnés de la terre*. — Paris: Maspero.

Feldmanis I. 2011. Latvijas okupācija: vēsturiskie un starptautiski tiesiskie aspekti. — *Latvijas Republikas Arlietu ministrija*. — Доступно:

<http://www.mfa.gov.lv/lv/latvia/vesture/okupacijas-aspekti/> — Проверено: 18.08.2011.

[N.a.]. 2005. Gombergs piedava jaunu projektu. — *Diena* (Рига). 27 июня. — Доступно: <http://www.diena.lv/arhivs/gombergs-piedava-jaunu-projektu-12450947> — Проверено: 25.08.2011.

Grant B. 2009. *The Captive and the Gift: Cultural Histories of Sovereignty in Russia and the Caucasus*. — Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.

- Guha R. 1997. *Dominance Without Hegemony: History and Power in Colonial India*. — Cambridge, Mass.: Harvard University Press.
- Hagen M. von. 2004. Empires, Borderlands, and Diasporas: Eurasia as Anti-Paradigm for the Post-Soviet Era. — *American Historical Review*. — Vol. 109. — № 2. — P. 445-468.
- Karlstro M. 1996. Imagining Democracy: Political Culture and Democratisation in Buganda. — *Africa: Journal of the International African Institute*. — Vol. 66. — № 4. — P. 485-505.
- Kelesta V. (Ed.). 2006. *Baltic Postcolonialism*. — Amsterdam: Rodopi.
- Knavis R. 2003. Peteris 1 var kļūt par nakamas domes mantojumu. — *Diena* (Рига). 15 декабря. — Доступно: <http://www.diena.lv/arhivs/peteris-i-var-klut-par-nakamas-domes-mantojumu-11866658> — Проверено: 28.08.2011.
- Kronenfeld D. 2004. Ethnogenesis Without the Entrepreneurs: The Emergence of a Baltic Russian Identity in Latvia. — *Narva und die Ostseeregion* / Ed. by Karsten Brüggemann. — Narva, Estonia: Narva College Press. — P. 339-363.
- Kronenfeld D. 2005. The Effects of Interethnic Contact on Ethnic Identity: Evidence from Latvia. — *Post-Soviet Affairs*. — Vol. 21. № 3. — P. 247-277.
- Kundera M. 1984. The Tragedy of Central Europe. — *The New York Review of Books*. — Vol. 31. — № 7. April 26. — P. 33-38.
- Kundera M. 2007. Die Weltliteratur. — *The New Yorker*. — January 8. — P. 28-35.
- Kwame Anthony Appiah, Henry Louis Gates Jr. (Ed.). 2005. *Africana: The Encyclopedia of the African and African American Experience*. 2nd ed. 5 vols. — Oxford, New York: Oxford University Press, — Vol. 1.
- Laitin D. 1998. *Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the Near Abroad*. — Ithaca, N.Y.: Cornell University Press.
- Lazda P. 2008. Latvijas Okupācijas muzejs: kapec? kas? ka? — *Latvijas Okupācijas Muzejs: Latvija zem Padomju Savienības un nacionālsociālistiskās Vacijas varas 1940-1991*. — Riga: Latvijas Okupācijas Muzejs.
- Moore D.C. 2001. Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet: Toward a Global Postcolonial Critique. — *Publications of the Modern Language Association*. — Vol. 116. — № 1.
- Murphy K. 2004. His Former Kingdom for a Parking Spot. — *Los Angeles Times*. 13 июля. — Доступно: <http://articles.latimes.com/2004/jul/13/world/fg-peter13> — Проверено: 28.08.2011.
- [N.a.]. 2009. Papildināta — Zatlē: jāvienojas, ka vārds «okupants» vairs netiks lietots. — *Diena* (Рига). 7 декабря. — Доступно: <http://www.diena.lv/sabiedriba/politika/papildinata-zatlens-javienojas-ka-vards-okupants-vairs-netiks-lietots-702651> — Проверено: 23.08.2011.
- Otoiu A. 2003. An Exercise in Fictional Liminality: The Postcolonial, the Postcommunist, and Romania's Threshold Generation. — *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. — Vol. 23. — № 1-2. — P. 87-105.
- Popescu M. 2003. Translations: Lenin's Statues, Post-communism and Post-apartheid. — *The Yale Journal of Criticism*. — Vol. 16. — № 2. — P. 406-423.
- Renan E. 1947-1961. Qu'est-ce qu'une nation? — Renan E. *Oeuvres Complètes: 10 vols.* — Paris: Calmann-Levy. — Vol. 1.
- Said S. 1978. *Orientalism*. — New York: Random House.
- Spivak G. 1988. Can the Subaltern Speak? — *Marxism and the Interpretation of Culture* / Ed. by C. Nelson, L. Grossberg. — Urbana; Chicago: Illinois University Press. — P. 271-313.
- Spivak G. 2003. In Memoriam: Edward W. Said. — *Comparative Studies of South Asia, Africa and the Middle East*. — Vol. 23. — № 1-2. — P. 6-7, 111-128.
- Spivak G. 2004. Righting Wrongs. — *The South Atlantic Quarterly*. — Vol. 103. — № 2/3. — P. 523-581.

Spivak G., Condee N., Ram H., Chernetsky V. 2006. Conference Debates: Are We Postcolonial? Post-Soviet Space. — *Publications of the Modern Language Association*. — Vol. 121. — № 3. — P. 828-836.

Todorova M. 1997. *Imagining the Balkans*. — New York: Oxford University Press.

«ОСОБЛИВАЯ ЧАСТЬ СВЕТА»: ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИИ В XVIII ВЕКЕ

***Т.В. Артемьева**
Российский государственный
педагогический университет (Санкт-Петербург)*

Аннотация: *В статье исследуется связь формирования государственной идентичности в России XVIII века с системой космолого-географических координат и концептуализацией пространственной уникальности страны. Как показывается автор, официальная идеология создавала образ России не только в качестве политического, но и геополитического тела. При этом экономические и культурные стратегии экспансии трактовались и как колониальные завоевания, и как внутренние преобразования.*

Ключевые слова: *империя, внутренняя колонизация, колониальное управление, колониальный тип господства, история русской культуры, история России.*

Изнанка границы

Один из персонажей романа Владимира Набокова «Отчаяние» как-то купил участок земли под Берлином. Участок не был огорожен — владелец ждал, когда изгородь будет возведена его соседями, собираясь воспользоваться практическими преимуществами метафизики демаркаций. На своем участке он собирался иметь дело не с самой границей, а с ее изнанкой, но этот юридический фантом должен был предстать как вполне материальный забор, обрамляющий его территорию и оформляющий его собственность.

Этот герой мог бы получить и другие (как сказали бы сегодня) бонусы за свое «изнаночное» существование: тень от дерева, посаженного соседями; дорожку, проложенную к их домам; магазин, построенный поближе к новым покупателям. Таким образом, маргинальное пространство между чужими жизнями может насыщаться тенями и изнанками этих жизней, получая подобие реальности.

Отличие такого мира от подлинной реальности заключается в том, что его хозяин над ним не властен. Он может наслаждаться видом беломраморного особняка, а может страдать от близости смрадного бидонвиля. Но в любом случае тени и запахи, которые насыщают жизнь изнаночного человека и которые он считает своими, являются только отголосками другой, настоящей жизни, хотя и будоражат фантазии бедняги, сидящего у чужого забора.

Расширение набоковского образа невольно приводит нас к платоновской модели мира. Однако за пределами «пещеры», которую избрал в качестве места жизни наш герой, — не идеальный мир Платона, а просто иные цивилизации, созидающие свою культуру, распространяющую тени, флюиды, запахи, образы и идеи.

Что-то подобное происходит и со странами, формирующими свою идентичность внутри границ, образованных не по взаимной договоренности с соседями, а природных, случайно установленных или вовсе не определенных. Пространство, полученное таким образом, может быть лишено социальной и культурной определенности и приобретает ее постепенно, по мере освоения и обживания, «внутренней колонизации». Но как казенная дача с полотняными чехлами и инвентарными номерами на мебели может и не приобрести обаяния индивидуального жилища, перейдя в своем первоначальном виде к другому временному владельцу, так и пространство страны, очерченной случайными границами, может остаться чужим по отношению к обитающему внутри него народу.

Глобус России

Формирование государственной идентичности в России XVIII века связано с системой космолого-географических координат и осознанием пространственной уникальности страны. Это отражает ряд идентификационных определений, включая визуальные образы, характерные для российской культуры XVIII века. Так, в книге Н.М. Максимовича-Амбодика «Емвлемы и символы избранные» [Максимович-Амбодик 1788: X]¹ изображен парящий в космосе земной шар с надписью «Россия», помещенной так, словно это название всего небесного тела. Этот визуальный образ можно соотнести с официальным гербом Советского Союза, на котором скрещенные серп и молот покрывали Европу, Азию и Африку, простираясь до Северной Америки.

На гравюре «Коронование Екатерины I»² изображен Петр I, опирающийся на глобус. При ближайшем рассмотрении видно, что это «глобус России» — изображение России в виде земного шара. В центре расположена Москва, севернее (sic!) — Казань, прямо на восток — Астрахань, а на месте Арктики — Сибирь.

Коронация Екатерины I в 1724 году завершила политическое оформление России в статусе империи, которое было начато провозглашением Петра I императором в 1721 году [См. об этом: Шепелев 1999: 378-379]. В смысловом поле понятия империи, включающем политические, этнографические и идеологические аспекты, пространственная составляющая играет очень важную роль. Словарь Академии Российской определяет империю как «Пространство земли, управляемое государем, имеющим титул императора». В качестве примера словоупотребления приводится: «Распространить, расширить пределы империи. Управлять империей» [Словарь Академии Российской 1792: Стлб. 296].

«Атлас Всероссийской Империи» (1731) с гордостью фиксировал в своем названии, что «Империя Российская более 130 градусов простирается, которых весь земный глобус 360 в себе содержит» [Атлас Всероссийской Империи 1731]. «Новый и полный географический словарь Российского государства» отмечал, что «Россия занимает более 7[-й] части известная суши, или почти 26[-ю] часть всей поверхности земного шара» [Новый и полный геогр. слов. Росс. гос. 1788: 172] и далее: «...не существует, да и в древности не было никогда Государства под одним владением, которое бы обширностью своею могло равняться с Россиею» [Там же: 173].

Официальная идеология, даже когда вела завоевательные войны, говорила о *естественных границах* страны, представляющих собой океаны, горные массивы, водоразделы, реки. Она невольно создавала образ России не столько как политического, сколько геополитического

¹О предшествующей картографической традиции см., например: Кивельсон 2012.

²Коронование Екатерины I. 1725. РГИА. Ф. 485. Оп. 4. Д. 409.

тического или метагеографического тела³. Это позволяло объяснить существование нескольких политических режимов и экономических укладов, сосуществовавших в России в одно и то же время, но не разрушавших общего впечатления единства страны, а, напротив, усиливающих его за счет демонстрации разнообразия возможностей.

В реальности получалось, что официально провозглашаемая власть распространялась только по силовым линиям коммуникаций, включая крупные административные центры. Политико-юридическое наполнение окраинных пространств могло варьироваться от родового общества, крепостного права и даже откровенного рабства до парламентской монархии, существовавшей в Великом княжестве Финляндском (в царствование Александра I и после 1869 года). Империя представляла собой не искусный и послушный механизм, подобный игрушкам, которые так любили демонстрировать в XVIII веке, а живой организм, части которого к тому же далеко не всегда подчинялись приказаниям «головой». При этом позиция монарха приобретала порой сверхполитический и даже сакральный характер. В качестве экзотического примера можно вспомнить, что Екатерина II была объявлена бурятскими ламаистами воплощением Белой Тары — божества, покровительствующего медитации и учению⁴. Сама же она называла себя «главой греческой церкви»⁵.

В таких условиях экономическая и культурная экспансии носили амбивалентный характер: с одной стороны, они воспринимались как колониальные завоевания, а с другой — как внутренние преобразования. Управление громадными малонаселенными пространствами формировало особые формы коммуникации и определенную мифологию. Монарх управлял как бы не народом, а пространством, не столько людьми, сколько землями или ресурсами. «Ресурсное» мышление, характерное для российской политической элиты в XVIII веке, было основано на традициях «расширения» жизненного пространства и связано с идеями физиократов, рассматривавших землю (в идеальном случае землю с крестьянами) как главную ценность страны.

Освоение пространства могло рассматриваться и как государственная идеология, и как миссия народа. Alter ego Л.Н. Толстого Константин Левин считал, что «русский рабочий имеет совершенно особенный от других народов взгляд на землю <...> этот взгляд русского народа вытекает из сознания им своего призвания заселить огромные, незанятые пространства на востоке» [Толстой 1982: 267]. Логика ресурсного мышления лежала и в освоении целинных земель 1950-х годов, и в принудительной романтизации строительства Байкало-Амурской магистрали, объявленной в 1974 году всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Сейчас этим ресурсом стала нефть — черная кровь земли...

«Особливую часть света» действительный член Петербургской Академии наук, исследователь Сибири и Урала Иоганн Георг Гмелин видел за Енисеем, который, по его предположению, разделял Европу и Азию [Александровская 1989: 42]. Вопрос о разделении континентов, ставший актуальным в эпоху Просвещения и фактически не завершившийся до сих

---

³О метагеографии как гуманитарном аспекте исследования пространства или своеобразной философии географии много писал Д.Н. Замятин. См., например: Замятин 2003; Замятин 2004 и др. В англоязычной науке используется понятие геософии, введенное Дж.К. Райтом в работе: Wright 1947. По словам Райта, геософия «имеет дело с природой и выражением географического знания, как прошлого, так и нынешнего — с тем, что [Д.] Виттлси назвал „человеческим чувством [земного] пространства“» (ранее термин «геософия», имевший гораздо более мистический и расплывчатый смысл, предлагал ввести русский поэт Н.С. Гумилев). Райт ссылается на работу: Whittlesey 1945.

⁴«...Основным следствием принятия ламаизма в качестве официальной религии в Калмыкии и Бурятии было то, что процесс оформления его церковной организации и покровительство государства предопределили включение членов императорской фамилии в пантеон ламаизма» [Арзуманов 2006; цит. по публикации на сайте Белгородской православной духовной семинарии: http://seminaria.bel.ru/pages/mo/2006/mo2_st_5.htm (27.08.2011)]. «Со времен Екатерины все русские государи почитаются у монголов за хубилганов цаган дара-эхэ (белой тары — покровительницы учения)» [Позднеев 1887: 69].

⁵В письме к Вольтеру от 26 декабря (7 января) 1773 года. См.: Филос. и полит. переписка 1802: 178.

пор⁶, имел для России не только естественно-научный характер. Он помещал ее в новое пространство, менял не только ее онтологию, но и систему ценностных ориентаций.

Изменение географических координат европейского пространства и России произошло в петровское время. Граница между Европой и Азией, которая с древнейших времен проводилась по Дону, а затем по Волге, переместилась на Урал, «присоединив» значительную часть Российской империи к Европе [См. об этом: Wigen, Lewis 1997]. Василий Татищев и шведский ученый Филипп Страленберг⁷, проведенный в Сибири 13 лет в качестве военнопленного, обосновали, что «естественной» границей должен быть проходящий по Уральским горам водораздел [Архипова, Ястребов 1990].

Ея границы, — писал Татищев в 1745 году, — от запада и севера океан, к востоку от Азии, древняя граница от Средиземного моря проливом Цимбриским, или Константинопольским (Босфором. — *Т.А.*), чрез Черное и Азовское море до реки Дона, а далее на север не знали, оные клали Двину, потом другие от Волги Камою вверх до Усолки и оную до Печоры и Ледоватого моря, но меж Волги и Дона паки не знали, где б природную границу сыскать. Делиль, французский географ, Обь, реку в Сибири, за то почел, но весьма приличнее и натуральным положением сходнее от ускости Вейгач за границу природную горы Великой Пояс [Урал] и Яиком вниз чрез море Каспийское, до реки Кумы или до гор Тауринских и оными до устья Дона, потом Азовское и Черное море даже проливом Константинопольским в Средиземное море, и оное с югу граничит с Африкою [Татищев 1979: 271].

Передвижение границы Европы и Азии на восток имело далекоидущие идеологические последствия. Москва перестала быть «азиатской столицей», зато в XVIII веке появилось понятие «Восточная Европа» [Рабинович 2001; Lemberg 1985; Вульф 2003].

Географические представления о пространствах России долгое время продолжали оставаться достаточно неопределенными. Екатерина II в 1767 году в письме из Казани писала Вольтеру: «Вот я и в Азии: я желала увидеть ее собственными глазами»⁸. Казань находится в Европе, но императрица отождествляла географическое с культурным. Она обсуждала с философом возможность применения российских законов в обеих частях света, отмечая, насколько сложно это осуществить, принимая во внимание различия в климате, обычаях и традициях.

Как мы видим из письма Екатерины, определение «азиатский» могло означать культурную характеристику. В еще большей степени, чем для Екатерины, такое словоупотребление было характерно для западноевропейских путешественников, долго еще называвших Россию азиатской страной. Дени Дидро писал жене 9 октября 1773 года из Петербурга о свадьбе великого князя Павла Петровича: «Si tu peux imaginer tout la magnificence d'une cour

⁶Всесоюзное географическое общество в 1958 году определило линию сухопутной границы между Европой и Азией. Чтобы сохранить единство природных ландшафтов, было решено отнести Урал целиком к Европе, а Кавказ целиком к Азии. Это положение не является общепризнанным, прежде всего в отношении Кавказа, и в настоящее время активно обсуждается [см., например: Berglund, Duvold, Ekman, Schymik 2009]. История вопроса и современная официальная позиция российских географов детально описаны в статье: Чибилев 2011. А.А. Чибилев возглавлял ландшафтно-историческую экспедицию «Урал — граница Европы и Азии» в 2010 году.

⁷Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, in so weit solches das gantze rußische Reich mit Siberien und der grossen Tatarey in sich begreiffet; in einer historisch-geographischen Beschreibung der alten und neuern Zeiten, und vielen andern unbekanntten Nachrichten vorgestellt, nebst einer noch niemahls ans Licht gegebenen tabula polyglotta von zwey und dreyßigerley Arten Tatarischer Völcker Sprachen und einem Kalmuckischen Vocabulario, sonderlich aber einer grossen richtigen Landcharte von den benannten Ländern und andern verschiedenen Kupfferstichen, so die Asiatisch-Scythische Antiquität betreffen; bey Gelegenheit der Schwedischen Kriegs-Gefangenschaft in Rußland, aus eigener sorgfältigen Erkundigung, auf denen verstateten weiten Reisen zusammen gebracht und ausgefertiget. Stockholm: Autor, 1730.

⁸«Me voila en Asie, j'ai voulu voir cela par mes yeux» [Catherine II a Voltaire. 29 mai (9 juin n.s.) 1767. D. 14219. Цит. по: Voltaire 1974: 146].

asiatique...» («Если бы ты могла вообразить все великолепие азиатского двора...») [Diderot 1966: 63]⁹.

Европейское направление

«Пространственно-временные» реформы XVIII века вызывали у жителей России чувство обновления и перемещения в новый мир. Важную часть этих трансформаций составила календарная реформа, проведенная Петром I, в результате которой летоисчисление стало вестись не «от сотворения мира», а от Рождества Христова, что передвинуло точку отчета сразу на 5508 лет. Современники отмечали сильное и неоднозначное впечатление, которое произвели на простой народ перемена летоисчисления и перенос празднования Нового года. Так, например, И. Голиков пишет о том, что многие удивлялись тому, «...как мог Государь переменить солнечное течение, и, веруя, что Бог сотворил свет в сентябре месяце, остались при своем старом мнении» [Голиков 1788: 6].

Во времена Петра I государственные границы носили условный характер, вплоть до фундаментальной неясности в вопросе о том, «сошлась ли с Америкой» азиатская часть России¹⁰. Открытым оставался вопрос о том, должны ли подчиняться властям Российской империи чукчи и жители Курил, которых Британская империя считала своими подданными [См.: Нарочницкий 1989]. Кроме того, петербургские власти замалчивали информацию о двоеданничестве и двойном подданстве ряда коренных народов Южной и Юго-Западной Сибири: барабинских татар, алтайцев, шорцев и жителей бассейна Верхнего Енисея [Боронин 2002].

Особого внимания требовали новые земли — Крым, Кавказ, «коего внутренние части почти столь же мало известны, как внутренность Африки»¹¹. Это определило практику государственного контроля над территориями, предварявшуюся географическими экспедициями и картографической фиксацией российских границ, а также систему геополитических предпочтений и ориентаций, закрепленную в официальных документах. Именно в XVIII веке определилось «европейское» направление развития, хотя в то же время довольно успешно осваивался американский континент¹². К началу XIX века в состав «русской Америки» входили Аляска, Алеутские острова и земли вдоль Тихоокеанского побережья вплоть до форта Росс в Северной Калифорнии (недалеко от Сан-Франциско). Эти земли были присоединены к России «промышленными людьми» и моряками «по праву первооткрывателей», но оказались не очень нужны центральной власти [См.: Бастракова, Копелевич 1988]¹³. Упоминание о том, что Россия имеет «заморские» владения, не относилось к числу идеологически значимых. Характерно и то, что информация о том, что происходит в американских колониях Британии и Франции, приходила в Россию из Европы, прежде всего из Лондона, а не от собственных агентов на этом континенте. Я проанализировала содержание газет «Санкт-Петербургские ведомости» и «Московские ведомости» второй половины XVIII века: освещая американские события, они ссылались на европейские публикации.

Вероятно, одной из причин отсутствия интереса к освоению Америки была ее удаленность от центра, требовавшая не «внутренней», а «дистанционной» колонизации, иначе говоря, другой системы управления. Если колониальная система Запада предполагала значитель-

⁹Благодарю А.А. Златопольскую за указание на этот факт.

¹⁰Витус Беринг обследовал пролив между двумя континентами, впоследствии названный его именем. Первым из европейцев, кто прошел Беринговым проливом, был, по-видимому, землепроходец-колонизатор Семен Дежнев в 1648 году, но он не был картографом и не составил научного описания открытых им земель.

¹¹Это писалось в 1810 году. См.: Броневский 1823: XXVII.

¹²В качестве казуса можно указать на «Проект завоевания Америки, поданный Петру Великому» неизвестным лицом и опубликованный И.Е. Забелиным [См.: Проект завоевания Америки 1851].

¹³Вернадский, собирая материал для «Очерков по истории естествознания в России в XVIII столетии», писал в 1912 году о том, что американские владения России были добыты «народным старанием» [См.: Вернадский 1985: 61].

ные элементы самостоятельности органов колониального управления (что впоследствии стало социальной базой для провозглашения их независимости), то российская администрация на местах должна была неукоснительно выполнять предписания «центра».

Другая причина была связана с *качеством* европейского пространства, которое оценивалось как более высокое. Студенты Московского университета могли прочитать в своем учебнике:

...Европа своим пространством хотя самую меньшую часть земного шара составляет, однако ж по многим важным причинам знатнейшею и превосходнейшею из всех частей света называться достойна как то, между прочим, потому:

1. Что она сверх того, что воздух в ней здоровой и земля плодородна и всем изобильна, населена больше и выстроена великолепно и лучше, нежели прочие части света;

2. Она одна произвела храбрых героев, мудрых Государей и славных людей больше, нежели прочие части, все вместе взятые... притом была она престолом Римския империи, знатнейшия и величественнейшия из всех известных древних монархий;

3. Что она с давних веков главным обиталищем истинного богопочитания и всех наук и художеств [является]¹⁴ и что познание истинного Бога и Спасителя мира Иисуса Христа в прочих части земли распространяется через ея жителей;

4. Что она всех прочих частей вместе взятых сухопутною и морскою силою несравненно превосходит...

5. Наконец, Европейцам ту честь приписать должно, что они природными своими дарованиями несравненно превосходят жителей всех прочих частей света: как то со всякой справедливостью утвердить можно, что они вообще искренны, правдивы, чистосердечны, остроумны, храбры, великодушны, человеколюбивы, ласковы, учтивы, обходительны и честны, да и самым сложением тела хороши и складны; и словом сказать, как в душевных, так и в телесных их дарованиях не найдется той грубости, какая примечается у народов других частей земного шара [Чеботарев 1776: 88-90].

Таким образом, Российская империя на «ментальных картах» российского образованного общества разделялась на две неравные как в пространственном, так и в качественном отношении части.

География как государственная стратегия

Управление колонизируемыми территориями, например Сибирью, осуществлялось специальными органами (Сибирский приказ, Сибирский комитет, генерал-губернаторства). На территории Сибири имела хождение особая сибирская монета, чеканившаяся на Сузунском монетном дворе, что затрудняло торговые сделки сибирских промышленников с метрополией [Разгон 1998: 4]. Центробежная политика империи затрудняла развитие Сибири, так как государство выступало главным хозяйственным монополистом, ограничивая как социальную, так и экономическую инициативу местного населения. Принципиально важным было и то, что собственность на землю в этой части империи всецело находилась под контролем государства. Несмотря на малую плотность населения и наличие обширных неиспользованных пространств, самовольное расселение и обработка земли в Сибири считались незаконными¹⁵.

По сути, окраинные территории были связаны с российскими столицами (так же как и «заморские» колонии — с европейскими метрополиями) всего лишь маршрутами курьеров. Однако то, что эти курьеры путешествовали не морем, а по земле, поддерживало коллектив-

¹⁴В источнике сказуемое пропущено, вставлено по смыслу. — Т.А.

¹⁵См. детальный анализ процесса колонизации Сибири, а также сравнение этого процесса с колонизацией Америки в кн.: Резун, Шиловский 2005.

ное убеждение, что они участвуют не в колонизации, а в управлении собственно российскими территориями.

«Открытые» внутри собственного государства земли оказывались неоднородными с точки зрения их экономического и культурного развития. Это привело к неравномерности распространения политических и юридических институтов в различных регионах России. Так, например, вопреки традиционному социально-экономическому образу России, крепостное право фактически не затрагивало значительную часть империи, в особенности новоприобретенные территории.

Традиционная политическая риторика рассматривала процесс экспансии как реализацию просветительской миссии России, однако в реальности колонизация часто оказывалась просто результатом экстенсивного хозяйствования и смены истощенных земель на более плодородные. Иногда колонизация носила принудительный характер: так, колонизация Сибири в XVIII веке осуществлялась чаще «по указу», «народная» же колонизация имела характер бегства от крепостной зависимости, то есть осуществлялась незаконно, стихийно и тайно от властей [См.: Любавский 1909: 350]. Н.М. Ядринцев, исследователь истории колонизации Сибири, приводит пример деревни, жители которой были уверены, что их поселение находится на территории Китая:

— Кто вы такие? — спрашивает пограничный начальник.

— Мы российские!

— Кто вам дозволил здесь поселиться и как вы смели?

— Мы не на твоей земле живем, — отвечали переселенцы.

— А на чьей же?

— Мы киргизскому султану, что в Китае живет, другой год дань за землю платим, — отвечали наивные русские колонисты, вообразившие, что они находятся в китайских пределах, — на самом деле они были еще в пределах России, хотя в такой местности, которую знали плохо и русские [Ядринцев 1882: 139].

Справедливости ради, однако, следует отметить, что «приблизительный» характер границ — характерная черта карт XVIII века. Ф. Бродель отмечал, что линейной границы в современном понимании этого слова не существовало до XIX века, ее ширина могла варьироваться от 3 до 4 лье. Он пишет:

...граница имела вид широкой и, как правило, нечеткой черты. Легко догадаться, какие последствия это влекло за собой. Эксклавы и анклавы (каковые фактически суть одно и то же — достаточно лишь взглянуть с другой стороны) часто представляли собой целые деревни, группы деревень, городки и даже небольшие города; каждый из них служил крепостью, воздвигнутой на вражеской земле, постоянно открытыми воротами в глубь территории противника [Бродель 1994: I: 293].

Особенностью колонизации Сибири была малая плотность населения. Организаторы процесса колонизации предлагали совершенно фантастические проекты по освоению новых территорий и их заселению «заграничными азиатцами». Так, томский и иркутский губернатор А.М. Корнилов внес предложение «О вымене у Азиатцев детей и обращении их в христиан и в благодарных России подданных» [Корнилов 1828: 11].

Сколь ни кажется противным чувствительному сердцу такой торг и мена, — пишет он, — но оный, напротив того, делает Русским честь спасением человечества. Чему бы подверглись сии несчастные жертвы невежеств и лютоисти, когда бы не имели и сего способа спасти себя от голодной смерти? Что предстояло бы впереди невинным младенцам, в пеленах уже страждущим детям их, кроме совершенной нищеты, ужасов и погибели? Но теперь, жалостью Русских

купленные, жалостью вскормленные, жалостью в состояние трудолюбия приведенные, они, под покровом Закона обеспеченные в своем состоянии, могут быть полезными и благодарными подданными нового своего отечества — России, которому они обязаны и жизнью и Святым крещением, спасающим их и в вечности [Там же].

Этот проект имел своим основанием соответствующий закон от 7 июня 1749 года № 9626 «О позволении военным чиновникам покупать у чужеземцев Калмык и Калмычек и о пропуске их через Верхотурье в Россию» [ПСЗРИ Т. 13: 75].

Предлагалось также преобразовать крестьян пограничных районов в военных поселенцев, стимулировав их тем самым к занятию земледелием, а не охотой и рыболовством [Кандаурова 2009]. Автор проекта, адресовавший его Александру I, — бригадный командир Отдельного Сибирского корпуса генерал-майор Айгустов — полагал, что он, как человек государственный, лучше знает, чем должен заниматься сибирский крестьянин, чем сами крестьяне.

Необходимость исследования территории империи определила социальную значимость наук, среди которых на одно из первых мест выделилась география. Это было одно из самых развитых направлений исследований в Петербургской Академии наук, основанной в 1724 году. Географический департамент (с 1758 до 1765 года его возглавлял М.В. Ломоносов) занимал важное место в ее структуре, а подготовка и реализация экспедиций, изучавших страну, сравнимы со значением Великих географических открытий XV-XVII веков для Европы. Великая Северная экспедиция (1733-1742), экспедиции 1760-1770-х годов, в которых приняли участие известные ученые В.И. Беринг, И.Г. Гмелин, С.Г. Гмелин, Д.Г. Мессершмидт, С.П. Крашенинников, П.-С. Паллас, Г.В. Стеллер и другие, уточнили очертания империи — например, окончательно решили вопрос о проливе между Азией и Америкой. Попутно они описали природный мир России и выяснили, какие народы ее населяют.

Путешественники были снабжены вопросником, помогающим вести и систематизировать этнографические описания. Этот вопросник становился все более разработанным по мере того, как накапливались и систематизировались знания об осваиваемых территориях [Вишленкова 2007]. Елена Вишленкова отмечает, что по указанию В.Н. Татищева участникам экспедиций предписывалось «отличать русских от иноверцев и новокрещенных язычников» [Там же: 65]. Однако русские, согласно этим описаниям, не составляли какой бы то ни было обособленной группы, связанной с определенной географической областью. «Природными российскими обывателями» считались все православные народы [Там же; см. также: Вишленкова 2011].

Открытие новых соотечественников вызвало в обществе неподдельный интерес. В 1774-1776 годах вышло 12 номеров издания с гравюрами Х.М. Рота «Открываемая Россия, или Собрание одежд всех народов, в Российской империи обретающихся». Эти образы стали прототипами популярной серии фарфоровых фигурок «Народы Российского государства», изготовленных на Императорском фарфоровом заводе под руководством Ж.-Д. Рашетта в 1780 году. В 1776-м вышло известное сочинение Ивана Ивановича (Иоганна Готлиба) Георги «Описание всех в Российском государстве обитающих народов» [Georgi 1776-1780]¹⁶, ставшее своеобразной интерпретацией этих образов [Вишленкова 2007: 71-72]. Е.А. Вишленкова отмечает дискурсивный конфликт нарратива и визуальности в изданиях Георги [Там же: 73]. Подписи на немецком и французских языках под изображениями неточно передавали особенности таких русских понятий, как «баба», «девка», «жена», «женщина»; кроме того, не было ясности с употреблением понятий «русский» и «российский», не было сформировано визуально ясного антропологического образа русских. Издание также не прояснило вопроса о том, как связаны все описываемые народы друг с другом. Таким образом, даже «визуальная

¹⁶Вышло также несколько переводов этого издания, например: Георги 1799.

антропология» [см. также: Вишленкова 2011] описывала скорее народы, населявшие пространство империи, нежели жителей определенной страны.

Эти народы были описаны с той же степенью отстраненности, как и народы других стран. Такая же ситуация была характерна и в других этнографических изданиях, например в книге «Позорище странных и смешных обрядов при бракосочетаниях разных чужеземных и в России обитающих народов» (СПб., 1797), хотя в ней и выделялись «великороссияне».

Анализируя развитие науки в России XVIII века, Вернадский отметил: «...картография России и окрестных стран вызвана государственными, а не научными потребностями; целый ряд географических, горных, ботанических экспедиций, астрономических и метеорологических наблюдений, физических или химических опытов имели своей задачей также практические государственные или частные задачи» [Вернадский 1988]. Это отношение делало географию и даже астрономию, без которой невозможны были бы картографические исследования, стратегическими дисциплинами. В 1739-1740 годах Географическим департаментом Академии наук заведовал Ж.-Н. Делиль. Известно, что он был лишен академической пенсии за то, что тайно отправлял во Францию карты России и опубликовал их без согласования с Петербургской Академией наук [Delisle 1752].

Россия описывала свою территорию внутри границ, которые узнавала и уточняла в результате географических исследований. Не последнее место в этих изысканиях занимала и надежда открыть новые страны, с богатой природой и благоприятным климатом. В 1712 году Лейбниц писал о «людях, отправившихся из Сибири на Север так далеко, что они, наконец, пришли в теплые страны» [Цит. по: Вернадский 1988]. Вернадский отмечает, что суровый характер природных условий Сибири был новостью для европейских ученых, полагавших, что и около полюса могут находиться теплые земли [Там же]. Не случайно М.М. Щербатов помещает утопическое пространство «Царства Офирского» около Антарктиды¹⁷.

Результатом первого этапа географической деятельности Петербургской Академии наук стал Атлас 1745 года, оказавшийся одним из лучших образцов того времени, что позволило Л. Эйлеру заметить: «География России приведена в гораздо исправнейшее состояние, нежели география Немецкой земли» [Цит. по: Историч. очерк деят. воен. топ. 1872].

Имперская карта

В книге Ф.Р. Анкерсмита [Анкерсмит 2003] довольно подробно анализируется феномен имперской карты, описанной Борхесом и проанализированной Бодрийяром: некий император хотел иметь настолько подробную карту своих владений, что она в конце концов сравнялась с ними в размерах, сделав избыточной собственно территорию. «Территория больше не предшествует карте и не переживет ее, — пишет Бодрийяр, — впредь именно карта предшествует территории — *precession of simulacra* — карта порождает территорию» [Baudrillard 1981: 10].

«Очевидное возражение на аргумент Бодрийяра, конечно, состоит в том, что в истории Борхеса реальность, или территория, едва ли может отдать логический приоритет своей репрезентации-карте. Нет территории, нет и карты» [Ibid.], — пишет Анкерсмит. Философ, разумеется, прав — в том случае, если мы что-то знаем о существовании территории помимо карты. Иногда, однако, справедливо и обратное суждение: нет карты — нет и территории. Кроме того, целью карты может быть вовсе не репрезентация территории, но демонстрация совершенно иных целей и интенций. В эпохи до XIX века можно было изображать на картах желаемую (воображаемую), а не реальную территорию, что приводило ее в логическое соответствие с воображаемым характером некоторых сообществ. Можно было игнорировать территории и государства, лишая их статуса реальных. Можно было выстраивать статус, де-

¹⁷См. о нем подробнее: Артемьева 1994.

монстрировать иерархию политико-географических объектов. Ибо карта — это описание, а язык карты зависит от целей заказчика [См. подробнее: Monmonier 1991; Monmonier 1993].

Географическая символика, визуализирующая систему социополитических (геополитических) установок, использовалась еще в древности. Даже в эпоху Возрождения можно увидеть карты, изображающие мир с точки зрения ценностной иерархии, несмотря на то что их создатели имели относительно точные представления о географии. Так, на известной карте Генриха Бюнтинга «Мир как трилистник» изображены Европа, Азия и Африка в форме трилистника с Иерусалимом в центре [См.: Bunting 1598: 26-27], на другой же карте Европа представлена в виде девы [Ibid.: 30-31].

Важное значение для национальной идентичности имеет создание национального атласа. Характерно, что первым в мире таким изданием стал национальный атлас не самостоятельной, а стремящейся к независимости страны. Это был вышедший в 1899 году национальный атлас Финляндии, которая в то время входила в состав Российской империи. Финляндия, таким образом, представляла себя как автономную территорию. Современный Национальный атлас России [Бородко 2004-2008] рассматривается как атрибут государственности наравне с флагом, гербом и гимном [Веденин, Ельчанинов 2010].

Возможности языка географической визуальности также используются в политических и идеологических целях. Так, изменение проекции карты России, с «правильным» отношением «частей империи к центру», было предложено Д.И. Менделеевым [Менделеев 1906]. В результате нового расположения европейская часть России оказалась выдвинутой на первый план, чем подчеркивалась ее культурная и социально-политическая значимость. Напротив, в книге З. Бжезинского «Великая шахматная доска» [Бжезинский 1998: 15] приводится «перевернутая» карта мира, дающая возможность наглядно увидеть, насколько Азия превосходит размерами все другие континенты.

Фернан Бродель, говоря о Франции, рассматривает вопрос о том, как идентификация страны связана с ее географией. Он даже обсуждает вопрос о l'isthme français — «французском перешейке». Существование такого перешейка становится возможным при «неконвенциональной» интерпретации географического пространства, в которой Европа рассматривается как вытянутый полуостров громадного азиатского массива; французская его часть простирается всего на 700 км. При такой интерпретации можно выделить также германский (1000 км) и российский (1200 км) перешейки.

Если Бродель рассматривает проблему «перешейка» исключительно с точки зрения коммуникационных векторов — торговых путей и политических устремлений, то российский политический философ И.А. Ильин видел в этом образе совершенно иной смысл. В статье «Россия есть живой организм», написанной в 1950 году — то есть примерно в то же время, когда Бродель обсуждал идею «Европы перешейков» в книге «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» (1948), — Ильин писал о том, что «Европа есть лишь небольшой полуостров великого азиатского материка» [Ильин 1992], противопоставляя ей массивность российских территорий. Единство России, по мнению Ильина, «географически предписано и навязано нам землею» [Там же], поэтому «Россия не должна была превращаться, подобно Западной Европе, в „кочечно-каморочную“ систему мелких государств с их заставами, таможенными и вечными войнами» [Там же]¹⁸. Таким образом, для Ильина географическое выступает предпосылкой социального и политического.

Великая и масштабная

Для российских мыслителей, начиная с митрополита Зосимы и старца Филофея, писавших о Москве как третьем Риме, географическое и культурное при обсуждении российской

¹⁸О восприятии России как оппозиции европейскому «полуострову» см. работы Харалда Бейкера (Harold D. Baker) в Интернете (www.biffbaker.com).

проблематики часто было переплетено очень тесно. «Огромность России есть ее метафизическое свойство, а не только свойство ее эмпирической истории. Великая русская духовная культура может быть свойственна только огромной стране, огромному народу» [Бердяев 1990: 236], — писал Н. Бердяев. Эти слова сближают его позицию с официальной идеологией, которая в отношении к размерам российской территории мало изменилась за последние столетия.

Пристальное внимание географическим исследованиям уделяли все монархи, порой выделявшие крупные суммы на них из своих личных фондов. Аналогичную тенденцию можно проследить и сегодня. Президентом Русского географического общества¹⁹ относительно недавно был избран тогдашний министр по чрезвычайным ситуациям РФ Сергей Шойгу, а тогдашний премьер-министр Владимир Путин стал главой попечительского совета общества. 18 ноября 2009 года на съезде Русского географического общества Путин выступил с речью, где, в частности, сказал:

...Вы знаете, когда мы говорим о России, то очень часто почти бессознательно и уже в «дежурном варианте» употребляем слово «великая». Постоянно говорим о ее величии — и справедливо. Хотя мы понимаем, что в современном мире — собственно, всегда так было, но в современном мире особенно — величие того или иного государства определяется очень многими факторами. Здесь и устойчивость политической системы, и конкурентоспособность экономики, и наличие ресурсов — много всего. Но всеми этими составляющими может обладать и небольшая страна. Она может быть и устойчивой, и конкурентоспособной. Но когда мы говорим «великий», «великая страна», «великое государство», конечно, масштаб имеет значение. Потому что, повторяю, государство может быть очень эффективным, и можно наделить его массой комплиментарных эпитетов, но все-таки — если нет масштаба, нет влияния, значения. <...> Это, конечно, уже что-то другое, какие-то другие нужно употреблять слова, эпитеты, характеризующие состояние, значение этой страны²⁰.

Таким образом, мы видим определенную преемственность в позиционировании государственной идентичности представителями как интеллектуальной, так и политической элиты.

«Пространное государство предполагает самодержавную власть... Надлежит, чтобы скорость в решении дел, из дальних стран присылаемых, награждала медление, отдаленности мест причиняемое...» — писала Екатерина II в 1767 году в «Наказе Комиссии о сочинении проекта нового уложения» (гл. 2, п. 10)²¹, рассматривая принципы географического детерминизма Монтескье как теоретическую основу обоснования политического режима. Она не забывала о том, какой обширной страной правит, хотя и снижала метафизическую серьезность в повседневном общении: «...государыня очень часто говорила нам о своей огромной империи и, намекая на эти насмешки, называла ее своим маленьким хозяйством: „Как вам нравится *мое маленькое хозяйство*? Не правда ли, оно понемножку устраивается и увеличивается?“» [Сегюр 1989: 410] — писал в своих мемуарах граф де Сегюр.

Одной из существенных особенностей управления обширных территорий является проблема коммуникации. Екатерина подчеркивает ее значение для успешного управления страной, полагая, что скорость в принятии решений «из центра» может компенсировать разобщенность различных частей империи, объединявшейся не столько дорогами, сколько «направлениями».

¹⁹Императорское Русское географическое общество — одно из старейших географических обществ мира. Создано в 1845 году по приказу императора Николая I. Первым председателем Общества в 1845-1892 годах был великий князь Константин Николаевич (1827-1892), второй сын Николая I.

²⁰Цит. по официальному сайту Председателя Правительства РФ [Электронный документ]. Доступ: <http://premier.gov.ru/events/news/8292/> (27.08.2011).

²¹Цит. по изд.: Екатерина II 1770.

Россия всегда управлялась из центра в значительной степени в «ручном режиме» при минимальном развитии местного самоуправления. Это требовало включить географию в состав политических наук, а почту — в состав технологий управления.

Возникновение почты на российской территории датируется 1266 годом [Вигилёв 1979; см. также: Козловский 1913]. Судя по всему, она стала результатом установления коммуникации монгольского типа. Монголы же заимствовали ее из Китая. Она получила название «ямская гоньба» и представляла собой, как известно, передвижение наподобие эстафеты между почтовыми дворами (ямами). Она соединяла между собой города Руси, а потом — Великого княжества Московского. Примечательно, что почта в России всегда имела государственный, а не частный характер.

С 1677 года в России начала действовать регулярная международная почтовая служба — «немецкая почта». В петровские времена была установлена регулярная почтовая связь с сибирскими городами. Географические экспедиции были мощным стимулом к дальнейшему развитию этих связей.

Я нашла в Своде законов Российской империи более семидесяти различных законов, постановлений, распоряжений, касающихся регламентации работы почты. Почта стала необходимым звеном государственной административной машины и только потом средством связи между образованными людьми.

Как отмечал Ф. Бродель в своей книге «Что такое Франция?», пространство не является неизменной величиной, а зависит от скорости, с которой преодолевает его человек [Бродель 1994: I: 88]. Иными словами, социальное пространство измеряется в единицах коммуникации, а последняя зависит от уровня развития культуры. Даже идеи распространялись до XIX века со скоростью лошади. Но и лошади передвигались по-разному. В России скорость зависит от статуса. Правительственный курьер преодолевал 180 верст за сутки.

...С древнейших времен до первых паровозов максимальной скоростью человеческого передвижения была быстрота лучшего коня или тройки, колесницы: примерно 20 километров в час на коротком пути, и меньше, если делить длинные версты на долгие часы. Поэтому в 1796 г. Россия — страна огромная, медленная (в 30-40 раз медленнее и, стало быть, во столько же раз «больше», чем сегодня); страна, где от обыкновенного черноземного гоголевского городка «три года скачи — ни до какого государства не доедешь». Между тем солидные путешественники только с петровского времени принялись скакать сломя голову; прежде — чем важнее, тем медленнее: воевода из Москвы в Якутск, «на новую работу», ехал в 1630-х годах не торопясь, переживая разливы и чрезмерные холода, ровно три года (средняя скорость — 7 верст в сутки). В XVIII-XIX вв. медленная езда подобает только царской фамилии [Эйдельман 1986: 4].

Коммуникация, о которой писал Бродель, в других частях Европы, в том числе и в России, была связана с качествами социального пространства. Так, например, железные дороги появились в Сибири довольно поздно и закрепляли не столько социально-экономические, сколько политические связи:

Единственная трансконтинентальная железная дорога России — Транссиб — вступила в строй в начале XX в. и, в отличие от частных американских дорог, принадлежала государству. Ее главная цель была не экономическая, а политическая — укрепление позиций России на Дальнем Востоке. Дорогу рассматривали как орудие российской экспансии в этом регионе, освоение же Сибири было на втором месте. Уже в конце 90-х годов XIX в. она не справлялась с грузовым потоком хлеба, и он ждал своей очереди по 3-4 месяца [Супоницкая 1989: 226].

Отсутствие дорог, суровый климат, сезонный характер передвижений (зимний и летний, часто водный, пути могли не совпадать), незаселенность отдельных районов, топогра-

фическая неопределенность лишали пространство Российской империи необходимой гомогенности. Физически обширное, оно было социально и политически дискретным.

Вероятно, если бы вместо степных и таежных «пустот» было теплое море, прибрежные регионы смогли бы обогащать друг друга в процессе коммуникации, как это было со средиземноморской культурой. «Измените границы стран, — писал Гердер, — отнимите у них тут проливы, там закройте естественный путь — и вот долгими веками судьба всех народов и частей света будет протекать совсем иначе, иначе будет складываться их культура, иначе будет строиться и разоряться мир» [Гердер 1977: 32].

Начиная с екатерининского времени в «сценарии власти» включаются ритуальные поездки по собственной территории — правда, только по европейской ее части²², предварявшиеся тщательной географической, картографической подготовкой и системой символических акций [См. об этом: Бессарабова 2008]. Наиболее масштабными были путешествие по Волге, совершенное императрицей в 1767 году, и в Крым — в 1787-м. Вторая поездка была связана с деятельностью Потемкина по колонизации Новороссии и строительством городов — Херсона и Екатеринослава (где Потемкин собирался открыть университет и Академию наук [ПСЗРИ. Т. 22. № 15910 от 22 января 1784], развить промышленность). В 1787 году Екатерина посетила Екатеринослав, заложив там храм, который должен был превзойти собор св. Петра в Риме; следующий после Екатерины камень в основание собора заложил император Австро-Венгрии Иосиф II. Амбициозным проектам не суждено было реализоваться в полной мере. В некотором смысле прав оказался император Иосиф, который говорил, что он с императрицей совершил великое дело: она положила в основание первый камень, а он — последний [Багалей 1889: 47]: несмотря на то что заложенный ими Спасо-Преображенский собор в Екатеринославе все же был достроен, но только к 1835 году, и оказался в пять раз ниже, чем планировалось первоначально.

Качественное отличие путешествий Екатерины от литературных «сентиментальных путешествий» породило конфликт, достигший своего апогея в деле А.Н. Радищева в 1790 году. Возможно, одной из причин раздражения Екатерины при чтении «Путешествия из Петербурга в Москву» послужила претензия Радищева на роль наблюдателя, «впервые» увидевшего проблемы своей страны и описавшего их. Императрица, которая предприняла колоссальные усилия, чтобы понять страну, которой она управляла, была раздосадована.

Сравнивая главы (соответствующие географическим точкам на карте) в *сентиментальном* путешествии А.Н. Радищева и в *политическом* путешествии Екатерины, мы видим, что угол зрения формирует разные картины. Екатерина видит исполненную славы²³, а Радищев — довольно неприглядную картину. Собственно, и тот и другой увидели то, что хотели увидеть, а точнее, продемонстрировали каждый свою оптику: Радищев — своим текстом, Екатерина — театрализованным шоу, которое она устраивала из своих поездок. Но важно, что для обоих путешественников освоение пространства является формой своеобразного социологического исследования. Люди, жизнь которых они наблюдали в своих поездках, явились для них неотъемлемой частью ландшафта и не могли быть разъединены с ним.

Впрочем, записки «русских путешественников» не всегда имели «сентиментально-политический» характер. П.И. Челищев (который вместе с Радищевым и другими пажам был послан в Лейпцигский университет, где учился в 1766-1770 годах) совершил в мае-декабре 1791 года познавательное путешествие по «северным пределам обширного нашего Отечества», включая Соловецкий монастырь. Во время своей поездки он вел подробный дневник, который позже был опубликован [Челищев 1886]. Кроме того, в 1793 году он направил Российской Академии записку о своих лингвистических наблюдениях, отмечая

²²Первым представителем императорской фамилии, посетившим Сибирь, стал путешествовавший по России в 1837 году великий князь Александр Николаевич, будущий царь Александр II.

²³См. примерную программу того, что Екатерина планировала осмотреть, в кн.: Стафенгаген 1767.

лексическое богатство местных наречий и необходимость их использования для развития русского языка [Там же. Приложение: 277-286].

«Округление» границ

Важной особенностью организации государственного и культурного пространства явилась сверхцентрализация, в результате которой «резиденция» и «столица» качественно отличались от «провинции». Эта модель соотношения центра и периферии повторялась и в административной организации Российской империи, в частности в губернской реформе 1775 года [Мадариага 2002: 469-483]. Реформа укрепила институт губернаторства, упразднила «промежуточную» структуру — провинцию (было: губерния-провинция-уезд), но увеличила количество уездов и губерний (с 23 до 51). Было введено 19 наместничеств, объединявших несколько губерний. Сложившиеся крупные региональные объединения были раздроблены и перетасованы по новому принципу, в основе которого лежало равное количество населения (200-300 тыс. душ мужского пола на губернию и 20-30 тыс. — на уезд). Это вызвало критику современников — например, М.М. Щербатова. В статье «Замечания на „Учреждение для управления губерний для Всероссийской империи“» он пишет, что административное деление в стране с такой неравномерной плотностью населения нельзя производить «по душам». Необходимо было, по его мнению, территориально-подушное разделение, чтобы административные центры были в пределах досягаемости. В его утопическом сочинении «Путешествие в землю Офирскую» в административном разделении учитываются географические условия, плотность населения и степень экономической развитости региона. Что самое главное — доход в областях, на которые разделено «Царство Офирское», пропорционален количеству жителей, а не величине территории.

Российское политическое сознание формировало образы географической идентичности, представление о преимущественном значении территории перед человеком. Это сформировало почти эстетическое отношение к конфигурации страны. Традиция риторики «округления границ» наглядно проанализирована Е.В. Анисимовым [Анисимов 2009]. Говоря о присоединении Финляндии к России в 1809 году, он приводит как официальные аргументы («Оградить покой и безопасность Петербурга...») [Цит. по: Там же: 201]), так и голос просвещенного общества в лице Фаддея Булгарина: «Россия должна была воспользоваться первым случаем к приобретению всей Финляндии для довершения здания, воздвигнутого Петром Великим. Без Финляндии Россия была бы неполною, как будто недостроенною... Сухопутная наша граница была на расстоянии нескольких усиленных военных переходов от столицы» [Там же]. Анисимов указывает на идентичность этих аргументов с теми, которые приводились в 1939 году при нападении СССР на Финляндию. Характерно, что Сталин на совещании высшего командного состава РККА 14 апреля 1940 года, говоря об итогах войны с Финляндией, вспомнил историю войн с Финляндией в XVIII-XIX веках²⁴.

Великая Отечественная война стала для СССР также в значительной мере войной за территорию, которая велась без жалости к населению, жившему на этой территории. Географическая идентичность, возведенная в статус государственной идеологии и общественной психологии, определила систему исторических оценок. Наиболее успешными периодами

---

²⁴«Мы знаем из истории нашей армии, нашей страны, что Финляндия завоевывалась 4 раза. Мы попытались ее пятый раз потрясти. Мы знали, что Петр I воевал 21 год, чтобы отбить у Швеции всю Финляндию. <...> Мы знали, что после Петра I войну за расширение влияния России в Финляндии вела его дочь Елизавета Петровна 2 года. Кое-чего она добилась, расширила, но Гельсингфорс оставался в руках Финляндии. Мы знали, что Екатерина II два года вела войну и ничего особенного не добилась.

Мы знали, наконец, что Александр I два года вел войну и завоевал Финляндию, отвоевал все области.

Точно такие же истории происходили с войсками русских тогда, как теперь, окружали, брали в плен, штабы вводили, финны окружали, брали в плен — то же, что и было» [Сталин 1940].

русской истории продолжают считаться эпохи завоеваний и сохранения целостности географического и политического тела, а вовсе не благоденствия народа.

Александровская О.А. 1989. *Становление географической науки в России в XVIII веке*. — М.: Наука.

Анисимов Е.В. 2009. По праву завоевания. — *Forbes*. — № 12. — С. 200-204.

Анкерсмит Ф.Р. 2003. *История и тропология: взлет и падение метафоры* / Пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева. — М.: Прогресс-Традиция.

Арзуманов И.А. 2006. Социополитические причины становления автокефалии ламаистской церкви России. — *Миссионерское обозрение*. — № 2.

Артемьева Т.В. 1994. *Михаил Щербатов*. — СПб.: Издательство С.-Петербургского университета.

Архипова Н.П., Ястребов Е.С. 1990. *Как были открыты Уральские горы*. — Свердловск.: Средне-Уральское книжное издательство.

[Атлас Всероссийской Империи]. 1731. *Атлас Всероссийской Империи, в котором ея царства, губернии, провинции, уезды и границы сколько возмogli российские геодезисты описать, оные в ландкарты положить по длине и широте, точно изъясняются и города, пригороды, монастыри, слободы, деревни, заводы, мельницы, реки, моря, озера, знатные горы, леса, болота, большия дороги и протчая со всяким прилежанием изследованные российскими и латинскими именами подписаны имеютя трудом и тщанием Ивана Кирилова*. Весь сей Атлас разделен будет в три тома и будет содержать в себе всех на все 360 карт, ежели время и случаи все оныя собрать и грядором напечатать допустит. Длины зачал свое приемяют от перваго меридиана чрез острова Дагдан и Эзель проведенного, кончаются же в земле Камчатке, так что Империя Российская более 130 градусов простирается, которых весь земной глобус 360 в себе содержит. — СПб.: [Санкт-Петербургская типография].

Багалеи Д.И. 1889. *Колонизация Новороссийского края и первые шаги его по пути культуры*. — Киев: Типография Г.Т. Корчак-Новицкого.

Бастракова М.С., Копелевич Ю.Х. 1988. [Комментарии к работе В.И. Вернадского «Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии»]. — Вернадский В.И. *Труды по истории науки в России*. М.: Наука. — Доступно: http://www.bookorbita.com/library/istoriya/vernadskiy_vladimir/ocherkipoistorii.html — Проверено: 27.08.2011.

Бердяев 1990. Н.А. Русская идея. — *О России и русской философской культуре* / Отв. ред. Е.М. Чехарин. Сост. М.А. Маслин. — М.: Наука. — С. 43-271.

Бессарабова Н.В. 2008. *Путешествия Екатерины II по России*. — М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой.

Бжезинский З. 1998. *Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы* / Пер. с англ. О.Ю. Уральской. — М.: Международные отношения.

Бородко А.В. (пред. редколл.). 2004-2008. *Национальный атлас России: В 4 т.* / Под ред. А.В. Бородко (пред. редколл.), В.В. Свешникова (гл. ред.) и др. — М.: Роскартография.

Боронин О.В. 2002. *Двоеданничество в Сибири XVII — 60 гг. XIX в.* / Под ред. В.А. Моисеева. — Барнаул: Азбука.

Бродель Ф. 1994. *Что такое Франция?: В 2 кн.* / Пер. с фр. С.Н. Зенкина и В.А. Мильчиной. — М.: Издательство им. Сабашниковых.

Броневский С. 1823. *Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Ч. 1.* — М.: Типография С. Селивановского.

Веденин Ю.А., Ельчанинов А.И. 2010. Национальный атлас России — новейшая научная географическая энциклопедия. — *Геодезия и картография*. — № 3. — С. 53-56.

- [Вернадский В.И.]. 1985. *Письма В.И. Вернадского к А.Е. Ферсману*. — М.: Наука.
- Вернадский В.И. 1988. Очерки по истории естествознания в России в XVIII столетии. М.: Наука. Цит. по: [Электронный документ]. Доступно: http://www.bookorbita.com/library/istoriya/vernadskiy_vladimir/ocherki_po_istorii.html — Проверено: 27.08.2011.
- Вигилёв А.Н. 1979. *История отечественной почты: В 2 ч. Ч. 1*. — М.: Связь.
- Вишленкова Е.А. 2007. Тело для народа, или «Увидеть русского дано не каждому». — *Социологическое обозрение*. — Т. 6. — № 3. — С. 64-99.
- Вишленкова Е.А. 2011. *Визуальное народоведение империи, или «Увидеть русского дано не каждому»*. — М.: Новое литературное обозрение.
- Вульф Л. 2003. *Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения* / Пер. с англ. И. Федюкина. — М.: Новое литературное обозрение.
- [Георги И.И.]. 1799. *Описание всех обитающих в Российском государстве народов, их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей*. Творение, за несколько лет пред сим на немецком языке Иоганна Готтлиба Георги. В переводе на российский язык весьма во многом исправленное и вновь сочиненное: В 4-х ч. Со 100 гравированными изображениями народов и 8 виньетами. — СПб.: Изданием книгопродавца Ивана Глазунова: При Имп. Акад. наук.
- Гердер И.Г. 1977. Идеи к философии истории человечества. (Серия «Памятники исторической мысли») / Пер. с нем. и прим. А.В. Михайлова. — М.: Наука.
- Голиков И.И. 1788. *Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России...: В 12 ч. Ч. II*. — М.: Университетская типография, у Н. Новикова.
- [Екатерина II]. 1770. *Наказ ея императорскаго величества Екатерины Второя самодержицы всероссийския данный Комиссии о сочинении проекта новаго уложения*. — СПб.: При Императорской Академии наук.
- Замятин Д.Н. 2003. *Империя пространства*. — М.: РОССПЭН.
- Замятин Д.Н. 2004. *Метагеография. Пространство образов и образы пространства*. — М.: Аграф.
- Ильин И.А. 1992. Россия есть живой организм. — *Русская идея* / Сост. М.А. Маслин. — М.: Наука. — С. 436-441.
- [Историч. очерк деят. воен. топ.]. 1872. *Исторический очерк деятельности Корпуса военных топографов, 1822-1872*. — Санкт-Петербург: [Б. и.].
- Кандаурова Т.И. 2009. Проект организации военных поселений в Сибири. — *Гуманитарные науки в Сибири*. — № 2. — С. 18-20.
- Кивельсон В. 2012. *Картографии царства. Земля и ее значение в России XVII века* / Пер. с фр. Н. Мишаковой под ред. М. Крома. — М.: Новое литературное обозрение.
- Козловский И.П. 1913. *Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве*. — Варшава: Типография Варшавского учебного округа.
- [Корнилов А.М.]. 1828. *Замечание о Сибири сенатора Карнилова*. — СПб.: Типография К. Крайа.
- Любавский М.К. 1909. *Историческая география России в связи с колонизацией*. — М.: [Б.и.].
- Мадариага И. де. 2002. *Россия в эпоху Екатерины Великой* / Пер. с англ. Н.Л. Лужецкой. — М.: Новое литературное обозрение.
- Максимович-Амбодик Н.М. 1788. *Емвлемы и символы избранные*. — СПб.: Императорская типография.
- Менделеев Д.И. 1906. К познанию России: С приложением карты России. СПб.: А.С. Суворин. — *Сайт Российской Государственной библиотеки*. — Доступно: <http://dlib.rsl.ru/view.php?path=/rsl01003000000/rsl01003736000//rsl01003736591.pdf?page160> — Проверено: 27.08.2011.

Нарочницкий А.Л. (ред.). 1989. *Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII века: Сб. докладов.* — М.: Наука.

[Новый и полный геогр. слов. Росс. гос.]. 1788. *Новый и полный географический словарь Российского государства: В 6 ч. Ч. III: Л-Н.* — М.: Университетская типография, у Н. Новикова.

Позднеев А.М. 1887. *Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии.* — СПб.: Типография Императорской Академии наук.

[ПСЗРИ]. *Полное собрание законов Российской Империи: В 45 т. / Под ред. М.М. Сперанского.* — СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии.

[Проект завоевания Америки]. 1851. Проект завоевания Америки, поданный Петру Великому / Пер. с голландск. П. Ларионова. — *Москвитянин.* — № 1. — С. 121-124; в Интернете: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1720-1740/Proekt_zav_ameriki/text.htm — Проверено: 07.09.2011.

Рабинович Е.Г. 2001. От Атлантики до Урала (к предыстории вопроса). — *Новое литературное обозрение.* — № 52.

Резун Д.Я., Шиловский М.В. 2005. *Сибирь, конец XVI — начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов.* — Новосибирск: Сибирское отделение РАН; Объединенный институт истории, филологии и философии; Институт истории.

Разгон В.Н. 1998. *Сибирское купечество в XVIII — первой половине XIX в. Региональный аспект предпринимательства традиционного типа.* — Барнаул: Издательство Алтайского университета.

Сегюр Л.-Ф. 1989. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II / Пер. с фр. [пер. не указан]. — *Россия XVIII в. глазами иностранцев / Подг. текстов, вст. ст. и комм. Ю.А. Лимонова.* — Л.: Лениздат. — С. 313-456.

[Словарь Академии Российской]. 1792. *Словарь Академии Российской: В 6 ч. Ч. 3: От 3 до М.* — СПб.: Императорская Академия наук.

[Сталин И.В.]. 1940. Выступление И.В. Сталина на совещании высшего командного состава РККА. 14 апреля 1940 года. — *РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 165. Д. 77. Л. 178-211.* Цит. по Интернет-републикации: — Доступно: http://bdsa.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2093&Itemid=30 — Проверено: 27.08.2011.

Стафенгаген И.И. 1767. *Географическое описание реки Волги от Твери до Дмитревска для путешествия Ея Императорскаго Величества по оной реке.* — [СПб.]: При Имп. Акад. наук.

Супоницкая И.М. 1989. Колонизация земель: Сибирь и американский Запад (вторая половина XIX в.). — *Одиссей: Человек в истории.* — М.: Наука. — С. 219-240.

Татищев В.Н. 1979. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской. — Татищев В.Н. *Избранные произведения / Под общ. ред. С.Н. Валка.* — Л.: Наука.

Толстой Л.Н. 1982. *Анна Каренина. Собрание сочинений: В 22 т.* — М.: Художественная литература. — Т. 9.

[Филос. и полит. переписка]. 1802. *Философическая и политическая переписка императрицы Екатерины II с г. Волтером. С 1763 по 1778 год: В 2 ч. / Пер. с фр. Михаила Антоновского.* — СПб.: Печатано в Императорской типографии. — Ч. 2.

[Чеботарев Х.А.]. 1776. *Географическое методическое описание Российской империи. С надлежащим введением к основательному познанию земного шара и Европы вообще. Для наставления обучающагося при Императорском Московском университете юношества. Из лучших новейших и достоверных писателей собранное грудами университетскаго питомца Харитона Чеботарева.* — М.: Университетская типография.

Челищев П.И. 1886. *Путешествие по северу России в 1791 году* / Издан под наблюдением Л.Н. Майкова. — СПб.: Типография В.С. Балашева.

Чибилов А.А. 2011. Евро-Азиатская граница: история вопроса и современные представления. — *Сайт Русского географического общества*. Февраль. — Доступно: <http://www.rgo.ru/2011/02/evro-aziatskaya-granica-istoriya-voprosa-i-sovremennye-predstavleniya/> — Проверено: 27.08.2011.

Шепелев Л.Е. 1999. *Чиновный мир России. XVIII — начало XX в.* — СПб.: Искусство-СПб.

Эйдельман Н.Я. 1986. *Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII — начало XIX столетия*. — М.: Мысль.

Ядринцев Н.М. 1882. *Сибирь как колония. К юбилею трехсотлетия. Современное положение Сибири. Ее нужды и потребности. Ее прошлое и будущее*. — СПб.: Типография М.М. Стасюлевича.

Baudrillard J. 1981. *Simulacres et simulation*. — Paris: Edition Galilee.

Berglund S., Duvold K., Ekman J., Schymik C. 2009. *Where Does Europe End? Borders, Limits and Directions of the EU*. — Cheltenham: Edward Elgar.

Bünting H. 1598. *Secvndvs tomvs Itinerarii et chronici sacrae Scriptvrae, ex Novo Testamento: de itineribvs D. N. Iesv Christi, SS. matris eivs, magorvm, apostolorvm, etc. Cum enarratione theologica praecipvorvm locorvm doctrinae de persona, officio, a beneficijs filij Dei ... exornata a M. Henrico Buntingo...* Magdaebvrgi: imprimebat Andreas Dunckerus, sumtibus Ambrosij Kirchneri. Anno M. D. XCVIII (1598). — Цит. no: *Wolfenbüttel Digital Library*. — Доступно: <http://diglib.hab.de/wdb.php?dir=drucke/b-144-2f-helmst&image=00000416> — Проверено: 27.08.2011.

Delisle N. 1752. *Explication de la carte des nouvelles decouvertes au Nord de la Mer du Sud*. — Paris: Desaint et Saillant.

Diderot D. 1966. *Correspondance. En 16 vols* / Ed. G. Roth. T. 13. Paris: Ed. Minuit. № 809.

Georgi J.G. 1776-1780. *Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidungen und übrigen Merkwürdigkeiten*. — St. Petersburg: Verlegts Carl Wilhelm Müller: Gedruckt in der Buchdruckerey des Kayseri. Adel. Artill. und Ingen. Kadettenkorps: Bey Johann Karl Schnoor.

Lemberg H. 1985. Zur Entstehung des Osteuropabegriffs im 19. Jahrhundert. Vom «Norden» zum «Osten» Europas. — *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge*. — Bd. 33. — H. 1. — S. 48-91.

Monmonier M. 1991. *How to Lie with Maps*. — Chicago: University of Chicago Press.

Monmonier M. 1993. *Mapping It Out*. — Chicago: University of Chicago Press.

Voltaire. 1974. *Correspondence and related documents*. — Banbury; Oxford: Voltaire Foundation. — V. 116.

Whittlesey D. 1945. The Horizon of Geography. — *Annals of the Association of the American Geographers*. — Vol. 35. — No. 1. — P. 1-38.

Wigen K.E., Lewis M.W. 1997. *The Myth of Continents: A Critique of Metageography*. — Berkeley: University of California Press.

Wright J.K. 1947. Terrae Incognitae: The Place of the Imagination in Geography. — *Annals of the Association of American Geographers*. — Vol. 37. — P. 1-15. — Доступно: http://www.colorado.edu/geography/giw/wright-jk/1947_ti/body.html — Проверено: 27.08.2011.

РАННЯЯ РЕЦЕПЦИЯ ИНДОЕВРОПЕЙСКОЙ ТЕОРИИ В РОССИИ

М.Л. Майофис

*Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ (Москва)*

Аннотация: *Статья посвящена анализу взаимодействия между российской ориенталистикой и этнографией в конце XVIII — первой половине XIX века. Оспаривая мнение Э. Саида о том, что «классический» ориентализм направлен на установление различий, а не тождеств, автор обращается к индоевропейской теории, противоречащей этому тезису и показывает, что российская этнография целенаправленно апроприировала аппарат европейских ориенталистских исследований. При этом ориенталистика легитимизировалась именно как источниковая и инструментальная база для изучения национального прошлого.*

Ключевые слова: *империя, этнография, ориентализм, внутренняя колонизация, история русской культуры, история России.*

Каждая колониальная ситуация порождает свою систему ориентального «знания». <...> Но и ориентализмы могут быть разными. <...> Ориентальное «знание» вырабатывается ad hoc в каждой новой колониальной ситуации.

Александр Эткинд¹

...Российское востоковедение не всегда было лишь угодливым слугой государства, между ними существовали тесные взаимоотношения и взаимовлияние. <...>

География России, ее отношения с Западом и сложный характер взаимоотношений России и Востока породили гораздо более фрагментированный ориентализм.

Д. Схиммельпенник ван дер Ойе²

¹Эткинд 2002: 268.

²Схиммельпенник 2002: 260, 262.

Индоевропейская теория и Россия

В своих работах о внутренней колонизации России Александр Эткин уподобил знание о крестьянском населении, произведенное российскими этнографами и писателями, ориенталистскому знанию-власти, как его понимал Саид — с оговоркой, что в концепции Саида нет места представлению о стране, в которой колонизаторы и колонизированные говорят на одном языке, но являются по отношению друг к другу экзотическими группами [Эткин 2001]³. Сходство между западноевропейским ориентализмом и российским опытом внутренней колонизации, согласно Эткину, имеет конвергентный характер — например, «...разный характер колонизации породил [в XIX веке в России и Британии] сходные типы [путевых] non-fiction» [Эткин 2003]. В этой статье я надеюсь показать, что это сходство имело не только конвергентный, но и генетический характер.

Необходимо, конечно, учитывать и то, что русская этнография в 1830-1850-е годы развивалась при организационной поддержке Министерства внутренних дел, вследствие чего этнографы участвовали в процессе внутренней колонизации как администраторы [Etkind 2007b]. Однако не менее важно и то, что российская этнография первоначально развивалась под прямым влиянием западноевропейской ориенталистики — и на протяжении нескольких десятилетий неявно использовала теоретический аппарат, выработанный на материале исследований «Востока» в XVIII — начале XIX века. Это влияние привело к далеко идущим последствиям — как научным, так и политическим.

Уже немало написано о генезисе той интеллектуальной традиции, которая дала в начале 1830-х годов теорию «народности» [Koyné 1929; Шпет 1989; Зорин 1996; Зорин 2001; Шевченко 1997 и мн. др.]⁴, — хотя, кажется, нигде еще подробно не рассматривалась связь ее с российской ориенталистикой. Между тем они находились в очень тесных и сложных отношениях друг с другом. И у той, и у другой был несомненный общий источник: философия истории Гердера и его концепция генезиса восточных и европейских культур⁵. Однако при том, что сочинения Гердера читали в разных странах Европы, такая сложная «связка» между ориенталистской философией Гердера и официальными концепциями нации сформировалась, по-видимому, только в России. Безусловно, не случайно создатель теории официальной народности Уваров начинал свой путь на научном и государственном поприще трактатом «Проект Азиатской академии» [Ouvargoff 1810].

С самого начала XIX века российская ориенталистика находилась под сильным влиянием индоевропейской теории, созданной Уильямом Джонсом⁶. Интересно, что для Эдварда Саида в его рассуждениях о роли ориентализма в европейской культуре XVIII — начала XIX века эта теория, ее главные пропагандисты и их работы явно составляли камень преткновения: он говорит о них или очень оценочно, или предельно расплывчато. Так, об основоположнике этой теории, английском востоковеде и юристе Уильяме Джонсе, Саид отзывается скептически, если не пренебрежительно — только потому, что, по его мнению, тот высту-

³Критические замечания по поводу теории Саида см.: Etkind 2007a.

⁴Алексей Миллер справедливо указывает, что, введя в обращение понятие «народности», имперские администраторы «надеялись редактировать содержание понятия [нации], маргинализировать его революционный потенциал» [Миллер 2010: 60].

⁵См. об этом: Данилевский 1980; Gérard 1963; Goebel 1995; Germana 2007; Marchand 2009.

⁶Под индоевропейской теорией я понимаю выдвинутую на рубеже XVIII-XIX веков гипотезу о существовании индоевропейской языковой семьи и индоевропейского праязыка, общности происхождения мифологии, обрядов, религиозных практик народов, составляющих эту языковую семью, и сформировавшиеся на основе этой гипотезы направления научных исследований. В англоязычной традиции приняты термины «Indo-European hypothesis», «Indo-European theory», «Indo-European studies», хотя чаще всего эти термины используются применительно к лингвистике, а не к фольклористике, мифологии или этнографии. Однако первые изложения этой теории опираются не только на лингвистический, но и на этнографический и мифологический материал.

пил классификатором и систематизатором⁷. «...Если Анкетиль распахнул перед нами широкие перспективы, то Джонс их захлопнул, систематизируя, сопоставляя, все сводя в единую плоскость», — и далее: «...собирал, классифицировал, приручал Восток, тем самым превратив его в отрасль европейского знания» [Саид 2008]. Давая подобные оценки, Саид как будто намеренно забывает о том, что Джонс как раз был склонен говорить о своеобразии каждой из азиатских культур, и посвящал им отдельные подробные выступления, которые превращались позже в объемные статьи⁸.

Критики концепции Саида неоднократно указывали на односторонность аргументации британского историка. Интерпретируя западноевропейские исследования и художественные произведения о «Востоке», Саид, по их мнению, недооценивал эмансипационный и антирасистский потенциал этих сочинений, но стремился только к тому, чтобы показать их связь с колониальной практикой европейских держав [См., например: Proudman 2005; Varisco 2008]. В целом, вероятно, многие интеллектуальные продукты исследования «Востока», которые обсуждает Саид, имели исторически двусмысленный характер: они *одновременно* были направлены на европоцентристское истолкование жизни, языка и мифологии колониальных народов и на демонстрацию их культур как равноправных с европейскими и, следовательно, требующих не только изучения, но и уважения и политического признания.

Индоевропейцы с самого начала стремились искать сходства и общие основания восточных и западных культур. Так, например, вся деятельность Джонса была направлена на то, чтобы уничтожить европейские представления об Индии как о «дикой», «нецивилизованной» стране и — в рамках собственной концепции изначального родства народов и их последующего рассеяния — включить ее в европейский и — шире — общемировой контекст. Согласно Джонсу, индийцы, как и европейские народы, принадлежали к потомкам Яфета: так, через апелляцию к средневековой европейской традиции «библиизирующей этнографии», они сразу получали собственное место во всемирной истории. Индоевропейская теория весьма далека от приписываемых Саидом ориентализму «ограниченности», проистекающей из «безразличия, эссенциализации, отрицания гуманной сути другой культуры, народа или географического региона» [Саид 2006: 170]. Напротив, уже в самых первых текстах, постулировавших начала этой теории, говорилось о необходимости рассматривать Восток поверх тех границ, которыми очерчивала его современная цивилизация, о том, что разные народы Востока и Запада — ветви единого дерева. Впрочем, более точной в данном случае окажется метафора плодов, которые произросли из семян, распыленных некогда одним и тем же растением. «В незапамятные времена индусы находились в родстве с древними персами, эфиопами и египтянами, финикийцами, греками и тосканцами, скифами, или готами, и кельтами, с китайцами, японцами и перуанцами. Поскольку же у нас нет никаких оснований считать, что они были колонией какого-либо из этих народов, или сами были кем-то из них, можно справедливо заключить, что все они происходят из какой-то общей страны, знакомство с которой и станет темой моих последующих выступлений», — сообщил Джонс в своей первой речи в собрании Азиатского общества в Калькутте [Jones 1824: 5].

Конечно, в определенной степени Саид прав: эта перспектива все равно была, по сути, европеистской и включала Восток в европейскую систему знания. Но именно она сделала возможными все последующие (включая и саидовский) ревизионистские «повороты», так как позволяла в полную силу говорить о самоценности, самостоятельности и богатстве каждой из восточных культур.

В индоевропейской теории был и еще один важный аспект. Она изначально предполагала кооперацию ученых-ориенталистов из разных стран, поскольку подразумевалось, что они преследуют одну и ту же цель — на разных культурных и географических участках ис-

⁷О натяжках, допущенных Саидом при интерпретации Джонса, писал Даниэл Вариско: Varisco 2008: 128, 130, 204, 362, 363 и др.

⁸О Джонсе см.: Cannon 1964; Mukherjee 1968; Cannon, Brine 1995 и мн. др.

кать следы общего происхождения народов Запада и Востока. Бенгальское азиатское общество в Калькутте, основанное Джонсом в 1784 году, должно было, по его замыслу, стать главным посредником между Европой и Индией и поведать просвещенной Европе о богатстве индийского культурного наследия.

Исследуя историю ранней рецепции индоевропейской теории в России, очень важно проследить, усваивалась ли там идея общего происхождения народов или иные аспекты индоевропейской теории, и был ли услышан призыв Джонса к плодотворному сотрудничеству ученых разных стран. В попытке ответить на эти вопросы я остановлюсь на нескольких эпизодах обращения к индоевропейской теории в России 1790-1840-х годов.

Матвей Гутри

Один из самых ранних примеров проникновения индоевропейской теории на территорию Российской империи связан с именем находившегося на русской службе британского медика Матвея Гутри (Mathiew Guthrie)⁹. Он сам и его этнографический трактат известны историкам фольклористики и немного — историкам англо-русских культурных связей. Гутри родился в Эдинбурге в 1743 году, поступил на русскую службу во время первой русско-турецкой войны 1769-1774 годов, с 1778 года был главным врачом Императорского сухопутного шляхетского кадетского корпуса и одновременно лечил весь иностранный дипломатический корпус в Петербурге [Parnohl 1969]. Первая его опубликованная в России в 1784 году работа называлась «Об антисептической природе жителей России» (на английском языке — «On the antiseptic Regimen of the Natives of Russia» — она была опубликована в «Philosophical Transactions» Лондонского королевского общества) и призвана была опровергнуть представление о негигиеничном быте русского простонародья и его склонности к тяжелым болезням. Гутри писал:

...житель деревни пышет здоровьем, достойным удивления внимательного наблюдателя, осведомленного о пагубных последствиях спертого воздуха в домах, чрезмерном холоде, который охватывает тело, стоит выйти на улицу, и о не менее печальном факте отсутствия долгой и свирепой зимой каких-либо свежих овощей¹⁰.

Функция Гутри во «внешней» российской пропаганде явно мыслилась его высочайшими петербургскими покровителями как прямое оппонирование мнениям и оценкам аббата Шаппа д'Отроша, автора вышедшего в 1768 году «Путешествия в Сибирь» — на эту книгу, как известно, Екатерина II ответила в 1770 году опубликованным по-французски в Амстердаме трактатом «Антидот». Энтони Кросс замечает, что представление о России, формировавшееся в английском журнале «The Bee» благодаря статьям Гутри, было открыто полемично по отношению к повествованию Шаппа д'Отроша [Cross 1969].

В 1795 году Гутри опубликовал в Петербурге по-французски трактат «Dissertation sur les antiquités de Russie», который в напечатанном полувеком позже русском переводе будет носить название «О древностях русских»¹¹. Трактат был посвящен российской императрице. Он состоит из пяти частей, которые последовательно рассказывают о музыкальных инструментах, песнях, обрядах, празднествах и играх и быте русских крестьян. В рукописном отделе Британской библиотеки хранится полный текст книги Гутри, который примерно в три раза превышает по объему опубликованный французский вариант. Эта книга имеет латинский за-

⁹Дабы сохранить единообразие, я пользуюсь здесь установившейся в отечественной литературе, начиная с первых годов XIX века, традицией транслитерации имени британского медика и этнографа, хотя эта традиция и противоречит английскому произношению этой фамилии.

¹⁰Цитируется по французскому изданию, вышедшему в Петербурге: Guthrie 1784: 14. Перевод мой. — М.М.

¹¹Маяк 1844. Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, трактат Гутри цитируется по этому русскому переводу.

головок «Noctes Rossicae»; Гутри поясняет, что «дал этим заметкам, посвященным простым жителям русских деревень, название „Noctes Rossicae“ просто потому, что мы писали их в продолжение длинных ночей в России, подобно тому как Авл Геллий назвал свои записки „Noctes Atticae“ потому, что написал их в продолжение сравнительно коротких афинских ночей»¹².

В этой рукописной книге не пять, а десять глав: кроме уже перечисленных там есть главы о хоровах, о национальном гостеприимстве, о древних жителях России — славянах и о племени «русь», давшем название всему народу и стране, о варяжских правителях России и о правлении Ярослава Мудрого, знаменовавшего собой, по мнению Гутри, «золотой век» русской культуры и науки. Из дат, рассыпанных по рукописи книги и библиографических ссылок, следует, что Гутри дописывал и переделывал эту работу вплоть до своей кончины в 1807 году. Оглавление заканчивается авторским комментарием, который свидетельствует о том, что и эта рукопись — еще не законченная книга: «Not finished when I fell ill»¹³.

Уже в предисловии Гутри объявляет себя идейным и методологическим последователем Уильяма Джонса:

Чем более изучаю разные предметы, которыми пребывание мое в России дало мне возможность заниматься в часы досуга, тем более убеждаюсь я в истине сказанного ученым моим одноземцем кавалером Вильямом Джонсом, президентом Бенгальского Азиатского общества, что все народы европейские ведут свое начало с востока. Сей великий судья Бенгальский, столь знаменитый своими познаниями восточных письмен, еще до его поездки в Индию, недавно нашел в Зенде Персидском и в Санскрите Индийском два самые древнейшие языка в мире, которые он приписывает древнему народу, жившему в Империи Иранской или Персидской гораздо прежде Ассириян — первого народа, какой только знают в Истории, и что Индусы или индийцы, египтяне, китайцы, которых давно уже признавали древнейшими народами, суть только расселения сего первого народа иранского... [Маяк 1844: Т. 13: 63-64].

Таким образом, Гутри декларативно попытался вписать русскую историю и этнографию в джонсовскую концепцию всемирной истории:

Открытие общего начала всех европейских народов подало мне смелость приписать общее и одинаковое начало русским и грекам, между которыми нашел я множество сходств в народном быте и разных предметах, мною исследованных. При этой гипотезе любопытное явление, составляющее предмет сих разысканий, гораздо легче разъясняется, нежели при той, что русские получили от греков свое баснословие и прочая; потому что кавалер Джонс нашел всех древних богов и самые основные басни греков в книгах сохраненных браминами, писанных на санскритском языке, по крайней мере за тысячу лет прежде основания греческих обществ [Там же: 64-65].

Гутри идет еще дальше и устанавливает сходство не только между русскими и греческими песнями и обрядами, но между песнями и обрядами русских и друидов: «...обряды, русские или друидские — все были в Греции» [Маяк 1844: Т. 15: 58].

При этом Гутри прекрасно сознает культурный и социальный разрыв между низшими и высшими сословиями в России и настаивает не только на том, что для изучения «русских древностей» нужно обращаться к культуре первых, но и на том, что даже низшие сословия лучше рассматривать в самой «глубине» империи — там обряды, обычаи, материальная среда испытали минимум внешних влияний:

¹²British Library. Manuscript department. Add. Mss. 14.390. P. 3. Перевод мой — М.М.

¹³Ibid. P. 10.

Изыскатель древностей должен изучать нравы и обычаи народа между селянами, особливо когда они были подвержены долгому подданству, следственно привязаны к одному месту на многие веки, а не между знатью или жителями больших городов, в которых нравы и обычаи переменяются, больше или меньше, по мере большего или меньшего сообщения с иностранцами [Маяк 1844: Т. 13: 63].

Уже первые рецензенты стали изображать Джонса и Гутри как коллег и единомышленников — при том, что Джонс умер за год до первой публикации книги Гутри, в 1794 году. Вот фрагмент из рецензии одного из иностранных журналов, который Гутри приводит в предисловии к полному, рукописному варианту трактата, а его русский переводчик — в своем предисловии к подготовленному им русскому изданию: «Когда таким образом Англичанин за четыре тысячи миль от своего отечества открывал новое поприще любопытных добыч, другой англичанин в средоточии России разыскивал многочисленные соотношения быта, обрядов, привычек, предрассудков русских крестьян сравнительно с древними греческими. <...> Его главнейшие наблюдения сделаны им в самом средоточии империи; ибо там оные менее подвержены были изменениям, от чуждых веяний»¹⁴. Сам Гутри ссылается на работы известного российско-германского историка Августа Людвиг фон Шлёцера, который самостоятельно пришел к сходным выводам: «В сем розыскании подтверждается мнения Вильяма Джонса... Какое удивительное сходство во мнениях сих ученых, хотя оные сделаны в странах столь отдаленных!» [Там же: 65-66].

Таким образом, описание внутренних пространств империи осуществляет не русский, а иностранец, который квалифицирует себя в качестве ориенталиста. При этом он не делает никакого принципиального различия между собой (=иностранцем) и русскими этнографами и историками. Гутри изображает себя «застрельщиком» некоего широкого научного движения, в котором русские ученые должны преуспеть даже больше, чем иностранцы. В предисловии к полному, рукописному варианту книги он пишет:

...если русские эрудиты начнут исследовать свои деревни с той точки зрения, с которой это сделал я, они смогут найти еще много любопытных обычаев, которые совершенно естественным образом ускользнули от внимания иностранца. Нам просто посчастливилось натолкнуться на богатый рудник, которым до сих пор пренебрегали, но в конце концов им, а не автору этой книги предстоит исследовать этот рудник во всей его глубине¹⁵.

Таким образом, русские этнографы оказались сразу записанными в ряды последователей индоевропейской теории вообще и концепции Уильяма Джонса в частности.

Если верить Гутри, процесс научного освоения фольклора и быта русских крестьян начал на самом деле не он, а Екатерина II. Его предисловие к трактату завершается словами: «...Она Сама, в свободные часы, изучение древностей Русских поставляла в наиприятнейшее для себя занятие; и в одном случае удостоить изволила исправить мои розыскания собственноручными заметками, писанными внизу моей рукописи о климате России, которые напечатаны в *Philosophical Transactions* Эдинбургского королевского общества» [Маяк 1844: Т. 13: 69]. Последние части рукописной версии трактата содержат выполненный Гутри перевод на английский язык драмы Екатерины II «Начальное управление Олега» — текст снабжен предисловием и примечаниями Гутри. Однако, как замечает Гутри, понять значение и содержание екатерининского опуса в России мало кто способен — не потому что российское дворянство представляет собой малопросвещенную аудиторию, но потому, «что большая часть аристократии и дворянства, воспитанные французскими учителями, знают намного меньше об истории своей страны, чем об истории Франции», и поэтому посвящать их в эти материи

¹⁴Цитируем этот фрагмент рецензии по предисловию русского переводчика трактата: Маяк 1844: Т. 13: 61-62.

¹⁵British Library. Manuscript Department. Add. Ms. 14.390. P. 5. Перевод мой — М.М.

нужно ровно так же, как иностранцев — будущих европейских читателей книги Гутри. В его переводе и с его примечаниями, полагает он, драма Екатерины станет гораздо понятнее ее соотечественникам¹⁶.

Пессимистический урок сравнительной этнографии Гутри состоял в том, что высказанные им идеи общего происхождения европейских и азиатских народов и сотрудничества этнографов, лингвистов и историков из разных стран в России не были «считаны». Тезис об «общем начале» сразу же стал переосмысляться как доказательство древности и превосходства русских по сравнению с другими народами. Уже русский переводчик сокращенного французского варианта сочинения Гутри (как следует из текста, его работа над переводом происходила в сотрудничестве с автором не позже 1806 года, когда Гутри умер) при каждом удобном случае пользовался возможностью продемонстрировать умение, ученость и добродетель русского народа: «...древние русские музыканты прибавили к сему орудью (лире. — М.М.) ручку, к чему их навела балалайка. Эта выдумка ничего не стоила для русских, знавших уже балалайку, но невозможна была для греков, не знавших, что сокращением струн можно изменять тоны. Оба народа, стремясь усовершенствовать одно и то же орудие, избрали различные пути; но русские избрали лучший и совершеннейший» [Маяк 1844: Т. 13: 79]; «У русских в древнем семике (семик, или русалии — старинный русский женский обрядовый праздник «проводов русалок», отмечался несколько раз в году, но самым известным был летний семик накануне дня Ивана Купала. — М.М.) не было таких мерзостей, от которых добродетельный Катон отворачивался в Риме¹⁷; но царствовало одно невинное чувство любви дружеской, почему и призывался Дид, а не Лель» [Маяк 1844: Т. 15: 52]¹⁸.

Гор Узли

Второй этап рецепции индоевропейской теории пришелся на недолгий период по окончании наполеоновских войн (1815-1816). Это были первые годы существования Священного Союза, который Александр Эткиндр характеризует как «институт пророческий и антиколониальный» [Эткиндр 2002: 276]. Однако, говоря об этом международном институте более подробно и дифференцированно, следует иметь в виду, что существовали две концепции Священного Союза, которые в первые годы после его возникновения находились в конкурентных отношениях. Условно можно назвать их «меттерниховской» и «каподистриевской», по именам наиболее последовательно их отстаивавших глав австрийского и российского министерств¹⁹. Если Меттерних ратовал за восстановление в Европе «старого порядка» и предотвращение революционной угрозы и настаивал на особой роли России, Австрии и Пруссии как арбитров этого процесса, то Каподистрия призывал к равноправному сотрудничеству всех европейских стран и заключению ими общего внешнеполитического соглашения, которое гарантировало бы посленаполеоновскую Европу не только от революционных потрясений, но от любого рода военных конфликтов. Подписанию этого документа должна была предшествовать масштабная политическая реформа в каждой из присоединившихся к этой системе стран: она предполагала принятие умеренной монархической конституции, наподо-

¹⁶British Library. Manuscript Department. Add. Ms. 14.390. P. 334. Перевод мой — М.М.

¹⁷Римский политик, владелец поместья и оратор Катон Старший, он же Катон Цензор (234 — ок. 148 до н.э.) обличал упадок нравов современного ему Рима по сравнению с временами ранней Республики.

¹⁸Дид и Лель — божества древнеславянского пантеона, «реконструированного» русскими мифологами конца XVIII века на основе предположения, что этот пантеон должен был быть точным аналогом древнегреческого. Предполагалось также, что припевы народных песен «Ой, дид-ладо» и «Ой, лель-люли» являются молениями к этим божествам (первыми подобный «метод реконструкции» дохристианских верований славян применили польские историки XVI века — М. Меховита, М. Кромер и М. Стрыйковский). Лель, как считали в России первой половины XIX века, был древнеславянским божеством любви (и в этом качестве упоминается в «Русlane и Людмиле» Пушкина), Дид — брака.

¹⁹См. об этом, например: Шебунин 1925; Шебунин 133.

бие французской Хартии, и создание представительных органов управления. Каподистриевская концепция отводила особое место малым и «буферным» государствам, наподобие Греции, Швейцарии или Польши — они призваны были обеспечить баланс сил в новой сложной системе и примирение территориальных интересов больших государств, в том числе и на территории колоний.

Каподистриевская концепция потерпела крах после Аахенского конгресса 1818 года, когда союзные монархи так и не поставили на повестку дня вопрос о создании такой общеевропейской системы, а сама фигура Каподистрии стала постепенно отодвигаться в тень и в общеевропейской дипломатической игре, и в российской политической жизни. Однако, говоря о недолгом периоде развития и доминирования этой концепции, нельзя забывать о том, что она предполагала урегулирование противоречий и претензий на территориях колоний, в том числе и с помощью цивилизационных мер, которые могли быть привнесены «большими» европейскими государствами в их колониальные пространства.

Каподистриевская концепция Священного Союза дала в России несколько попыток насаждения ориентализма именно как дисциплины, развивающей идеи Уильяма Джонса.

Эпизод, который наиболее ярко иллюстрирует этот этап рецепции индоевропейской теории, уже был описан мною в книге, посвященной истории литературного общества «Арзамас» [Майофис 2008: 390-400], и поэтому я напомним о нем лишь вкратце.

В 1814-1815 году в Петербурге жил английский посол в Персии, а по совместительству — ориенталист и член основанного У. Джонсом Азиатского общества в Калькутте сэр Гор Узли (Gore Ouseley). Он тесно общался с тогдашним директором Императорской публичной библиотеки Алексеем Николаевичем Олениным и попечителем Санкт-Петербургского округа Сергеем Семеновичем Уваровым. Всех троих объединял интерес к ориенталистике и истории античной культуры, и эти темы, вероятно, неоднократно становились предметом их ученых бесед. Результатом этого общения стала вышедшая в Петербурге в мае 1815 года брошюра Оленина «Опыт о приделках к статуе Купидона, встывающего тетиву на лук».

Оленин посвятил свой труд сэру Гору Узли. Главная идея книги Оленина состояла в том, что для правильного восстановления памятников античного искусства требуется тщательно изучить нравы и обычаи народов Азии, подвластных двум колониальным империям — Российской и Британской. И поскольку Азия — «колыбель рода человеческого» и в ней «до сих пор еще сохранились в первородной их простоте все привычки детства народов» [Оленин 1815], она и дает своим колонизаторам ключ к наследию античности.

Мысль о том, что в Азии сохранились многие древние обычаи и социальные практики, была позаимствована Олениным из трактата Уварова 1810 года «Проект Азиатской академии», и влияние Уварова на концепцию оленинской брошюры было, по-видимому, определяющим. Однако тираж этой книги был, как признавался Оленин позже, уничтожен — якобы в связи с тем, что приведенные в ней доказательства автор позднее счет несостоятельными. Скорее всего, истинной причиной уничтожения тиража стало обострение отношений России и Великобритании и нота, направленная российским министерством иностранных дел в Лондон, — о недопустимости вмешательства Великобритании и лично Гора Узли во взаимоотношения России и Персии [АКАК 1873]²⁰. Таким образом, эволюция внешнеполитической ситуации в 1815 году (задолго до решающего для Каподистрии Аахенского конгресса) сделала невозможным сотрудничество российских и британских ученых в освоении колониальных пространств.

²⁰О деятельности Гора Узли в Иране, равно как и о его научных интересах, подробно рассказано в статье о нем в электронной «Encyclopaedia Iranica», выходящей под эгидой Колумбийского Университета: Avery P. Ouseley, Sir Gore (2004) (<http://www.iranica.com/articles/ouseley-sir-gore> [18.08.2011]).

Григорий Спасский

Следующий эпизод, о котором пойдет речь, гораздо лучше знаком специалистам по истории русской журналистики и исследователям историографии Сибири первой четверти XIX века. Я имею в виду два журнала, последовательно издававшиеся в Петербурге Григорием Ивановичем Спасским. Спасский начинал свою карьеру как колониальный администратор — с 1802 по 1817 год он состоял на службе при разных сибирских губернаторах и в часы досуга изучал историю, геологию, археологию, этнографию, эпиграфику Сибири. По возвращении в Петербург в 1818 году он немедленно стал издавать журнал «Сибирский вестник», который был посвящен одновременно всем интересовавшим его дисциплинам. Журнал выходил в течение почти семи лет. Уже со второго тома Спасский расширил географический охват своего издания. В нем появился раздел «Собрание сведений о Сибири и странах, сопридельных оной»: там публиковались материалы о Монголии, Китае, Центральной Азии.

В 1825 году «Сибирский вестник» прекратился, и его сменил журнал с новым, более амбициозным названием — «Азиатский вестник, содержащий в себе избранные сочинения и переводы по части наук, искусств и словесности стран восточных, равно путешествия по сим странам и разные новейшие сведения». Вероятно, это произошло не без влияния нового внешнеполитического контекста: незадолго до смерти Александр I начинал планировать войну с Турцией и готовился к новым территориальным приобретениям²¹. Журнал в новом его обличье (см. гораздо более широкий и по географическому, и по дисциплинарному охвату заголовков) позиционировался как полноправный участник общеевропейского ориенталистского движения.

Спасский мало успел поработать на новом поприще: Александр I умер в конце 1825 года, общественные настроения, связанные с ожиданием войны, пошли на спад, возможно, пресеклась и поддержка, которую оказывало Спасскому министерство иностранных дел. Журнал прекратился уже в первой половине 1827 года. Внешнеполитический контекст не позволял надеяться на то, что деятельность России на Востоке будет европейски интегрированной. Войны конца 1820-х с Турцией и Персией — это уже совсем не те войны, которые в 1824-1825 годах планировал Александр I. Но не менее важно и то, что Спасскому так и не удалось придумать общую «рамку», под которой можно было бы объединить российскую и европейскую колониальную проблематику: в журнале публиковалось множество описаний и исследований Китая, Персии, Индии, переведенных из знаменитых европейских ориенталистских журналов, прежде всего французских «Recherches Asiatiques» и «Journal Asiatique», а также русские тексты, посвященные Сибири. При этом если для решения первой задачи — описания западных колоний — Спасский мог использовать иностранные сочинения, для которых находил переводчиков из числа студентов школы иностранных языков при МИДе (хотя для полноценного рецензирования западных книг так никого и не нашел), то о российских колониях ему приходилось рассказывать самому — подходящих для выполнения этой задачи авторов в Петербурге он, по-видимому, найти так и не смог. «Азиатский вестник» стал как минимум третьим неудачным интеграционным ориенталистским проектом в истории российской науки.

---

²¹И.С. Достян пишет, что в августе 1825 года правительство Александра I окончательно решило действовать в отношении Турции единолично, и с осени в России велась активная подготовка к войне с Турцией: «Ожидалось, что она начнется весной следующего (1826 — М.М.) года. Такая война протекала бы в более благоприятной внешнеполитической обстановке, чем в 1821 г., когда Россия находилась в полной изоляции. Непредвиденные события — смерть Александра I и восстание декабристов — отодвинули войну с Турцией еще на два года» [Достян 1972: 237-238].

Франсуа Шармуа

Русская этнография и академическая история развивались параллельно и под сильнейшим влиянием ориенталистики — одной из самых модных в 1810-1830-е годы гуманитарных дисциплин. Их задачи (реконструкция древней истории, словесности, мифологии) и объекты описания часто сближались и даже совпадали. Следовательно, и вопрос об иерархии и взаимной легитимации этих дисциплин волновал и академических ученых, и академических администраторов.

Момент появления триады «православие-самодержавие-народность» стал явным рубежом в осмыслении колониальной проблематики и отношений ориенталистики и национальной историографии. Замечание А. Эткинды о том, что «народ приобретал свойства черной дыры, в которую проваливался дискурс и которой можно приписывать любые значения» [Эткинды 2002: 283], конечно, в первую очередь относится к периоду, последовавшему *после обнародования* уваровской триады (хотя отдельные прецеденты можно было наблюдать и ранее), и поэтому оно явным образом коррелирует с замечанием А. Зорина, который пишет о том, что два первых члена уваровской триады выступали в качестве своего рода атрибутов национального бытия и национальной истории и оказывались укоренены в третьем — «пресловутой народности» [Зорин 1996: 362].

В свете новой идеологической и, по-видимому, эпистемологической ситуации 1830-х интересны работы еще одного иностранца на русской службе — ориенталиста Франсуа Шармуа²². Этот француз, специалист по персидской литературе, был учеником Сильвестра де Саси и Оноре Франсуа Мари Лангле. Его вместе с другим французским ориенталистом, арабистом Жаном Франсуа Деманжем, выписал в Петербург в 1817 году Уваров для работы на кафедре восточных языков и словесности Главного Педагогического Института, а с 1819 года — Санкт-Петербургского университета²³. В разгар знаменитого «дела Санкт-Петербургского университета»²⁴, то есть при увольнении четырех лучших профессоров этого учебного заведения — А.И. Галича, К. И. Арсеньева, К.Ф. Германа и Э.Б. Раупаха — по инициативе и при непосредственном участии нового попечителя учебного округа Д.П. Рунича, Шармуа и Деманж в знак протеста ушли в отставку²⁵. Но из России они не уехали, а перешли на работу в школу иностранных языков при министерстве иностранных дел, созданную также при инициативе Уварова и при поддержке Каподистрии. По мнению В.В. Бартольда,

...новая школа, основанная по мысли тайного советника А. Фонтонна, должна была готовить для министерства будущих деятелей на Ближнем Востоке; предполагалось дать будущим дипломатам возможность дополнить полученное ими в университете теоретическое образование сведениями, необходимыми для их будущей практической деятельности, под руководством лиц, приобретших эти сведения путем долговременного опыта [Бартольд 1977: 57].

²²О Шармуа см., например: Савельев 1845; Шармуа 1976: 45-48.

²³См. об этом: Петров 2002: 436, 750 (на последней — цитаты из писем Сильвестра де Саси к Уварову с рекомендациями Шармуа и Деманжа).

²⁴О «деле Санкт-Петербургского университета» см.: Плисов 1862; Сухомлинов 1889; Рождественский 1919: XXXVII-XVI; Очерки ЛГУ 1969; Петров 2002: 506-536.

²⁵После разбирательств по делу Раупаха, Германа, Галича и Арсеньева Шармуа подал Александру I записку, в которой жаловался на нарушение Руничем многих процессуальных и этических норм на заседании Конференции 3 ноября 1821 года, на котором и решилась судьба этих преподавателей. В ответ на свои возражения Шармуа был на том же заседании назван Руничем «чадом революции, выходцем из Отечества Маратов и Робеспьеров, бунтовщиком, государственным изменником... мошенником, которого бы следовало сослать в Сибирь» [см.: Плисов 1862: 192-193; Петров 2002: 790]. Интересно, что после совершившихся последовательно отставок Уварова, Шармуа и Деманжа Сильвестр де Саси просил бывшего попечителя учебного округа, Уварова, заступиться за своих протеже (ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 1. Ед. хр. 86. Л. 253-254, цит. в кн.: Петров 2002: 794).

В 1831 году Шармуа вернулся к преподаванию в Санкт-Петербургском университете. В августе 1833 года, уже после того, как его патрон Уваров стал министром народного просвещения и подробно разработал и изложил императору доктрину «православия-самодержавия-народности» (но еще до публикации соответствующих текстов в новообразованном Журнале министерства народного просвещения!²⁶), Шармуа выступил на торжественном собрании Санкт-Петербургского университета с речью «О пользе восточных языков для изучения истории России»²⁷. Ее главная идея была высказана в самых первых абзацах:

Единственная цель, которую я ставлю себе в этом трактате, — доказать, что восточные языки столь же важны для России в историческом отношении [как в литературном и дипломатическом] и что они могут помочь не только отчасти рассеять мрак, которым скрыта колыбель русской нации, но также и прояснить некоторые темные эпизоды из ее истории²⁸.

Мысль Шармуа очень сходна с той, что высказывал тридцатью годами ранее Гутри: без аппарата ориенталистики невозможно исследовать древнюю русскую историю (Гутри говорил об этнографии, которая помогает восстанавливать историю при отсутствии письменных памятников). Более того, ученые ориенталисты должны расширить сферу своей компетенции и стать и русистами, потому что без их помощи изучение русской истории будет заведомо неполным.

Русский автор, одушевленный желанием очертить факты, которые составляют историю его отечества с беспристрастием и критическим духом, необходимым любому писателю, который посвящает свое перо предмету равно привлекательному и важному, должен, если он хочет добраться до истины, изучить всех авторов, которые писали о тех же предметах, как бы далека ни была нация, к которой они принадлежали. А, следовательно, нельзя считать недостойными его внимания хроники Оттоманской и Персидской империй, когда речь идет о войнах, союзах и трактатах, заключенных Россией с одной или другой из этих могущественных держав. Но исполнить этот мудрый план будет значительно сложнее, если не прибавить к своим познаниям знания соответствующих языков. Остается только пожелать, чтобы ориенталист, обратившийся к истории Российской империи, позаботился бы о заимствовании в хрониках мусульманских писателей всех тех документов, которые для этого необходимы...²⁹

Речь Шармуа не была лишь декларацией о намерениях: и до, и после 1833 года он вместе со своими учениками (в школе восточных языков при Министерстве иностранных дел и в Санкт-Петербургском университете) занимался исследованием, публикацией и комментированием турецких, персидских, арабских источников, так или иначе, по его мнению, связанных с ранней историей России³⁰.

²⁶Первое из известных нам уваровских изложений доктрины «православия-самодержавия-народности» относится к марту 1832 года [см.: Зорин 1996: 343], официальное ее обнародование последовало только в начале 1834 года, в предисловии к новообразованному «Журналу министерства народного просвещения».

²⁷«Sur l'utilité des langues orientales pour l'étude de l'histoire de Russie. Dissertation lue, le 31 Aout 1833, à la séance solennelle de l'Université Impériale de St. Petersbourg, par le Conseiller d'état F.B. Charmoy, professeur ordinaire de littérature persane à la dite université, occupant la chaire de persane et de turk à la Section d'enseignement du Ministère des affaires étrangères, Adjoint à l'Académie Impériale des Sciences et Bibliothécaire honoraire à la Bibliothèque Impériale publique, membre des Sociétés asiatiques de Paris et de Londres, Chevalier de l'ordre de St Vladimir de la 3me classe et de celui de S-te Anne de la 2-e avec les insignes en diamants etc.» (О пользе Восточных языков для изучения Российской истории. Соч. Ф.Б. Шармуа, профессора персидской литературы в Императорском С.-Петербургском Университете, и Персидского и Турецкого языков в Учебном Отделении Министерства Иностранных Дел, и пр. и пр.). St. Peterbourg: Imprimerie de Charles Kray, 1834.

²⁸Ibid. P. 2. Здесь и далее перевод с французского мой — М.М.

²⁹Ibid. P. 18.

³⁰См., например: Expédition d'Alexandre le Grand contre les Russes: Extrait de l'Alexandréide ou Iskèndèr-Namé de Nizâmi, traduit, en grande partie, d'après l'édition de Calcuta, par Louis Spitznagel, ci-devant élève de l'Institut

Как и в случае с трактатом Оленина, за строками речи Шармуа без труда различима фигура Уварова — почти профессионального востоковеда и создателя новой концепции нации и народного образования. Рассуждения французского ориенталиста начинаются со ссылки на давнюю уваровскую брошюру — «*Projet d'une Académie Asiatique*» — и заканчиваются высокопарными выражениями почтения и благодарности к министру народного просвещения и Президенту Академии Наук, покровительствующему изучению Востока:

...и Россия уже может в отношении прогресса в этой ветви образования идти вровень со многими другими европейскими государствами. Азиатский музей Императорской академии наук, созданный при неустанном рвении ее знаменитого президента, обладает, как и Императорская публичная библиотека и Восточный институт министерства иностранных дел и Румянцевский музей, ценными коллекциями восточных рукописей, которые мы можем, не стыдясь, упомянуть сразу же вслед за парижскими и лондонскими. Новая эра процветания, кажется, уже открылась в исследованиях Востока, и мы имеем все основания ожидать, что их великодушный покровитель, которому мы обязаны первым Проектом азиатской академии, увенчает эти благородные труды, осуществив, с разрешения своего августейшего монарха, план — обширный и достойный той империи, каковой является Россия. И тогда восточные музы, гордые покровительством монарха, которому они обязаны столькими благодеяниями и процветанием под защищающими их крылами русского орла, будут соперничать в рвении и деятельности, чтобы тем самым обессмертить царствование, которое напоминает им одновременно добрые времена Гарун-аль Рашида и Франца I [Габсбурга]³¹.

Взгляды Уварова на цели и характер изучения Востока были сформулированы еще в начале 1810-х годов под явным влиянием концепций Уильяма Джонса. В 1818 году Уваров провозглашал, что править «одною силою меча» в новоприобретенных землях невозможно, следует действовать там посредством просвещения завоеванных народов, а также изучения их языков и традиций [Уваров 1818]. А поскольку большая часть этих народов — исконно «восточные» или были в давнее время завоеваны могущественными восточными империями, то именно ориенталистика становится орудием мирной цивилизаторской миссии России. В 1833 году эту идею с удовольствием повторяет и Шармуа:

Наконец, если можно рассматривать как неотъемлемую часть истории России историю Грузии, Армении, Дагестана, Ширвана, Аррана, Гилана, которые сегодня включены в эту империю, мы будем равным образом обязаны прибегнуть к трудам грузинских, армянских, арабских, персидских и турецких историков; потому что эти провинции, после того, как ими управляли их собственные правители, последовательно перешли под скипетр монархов Персии, арабских калифов и различных магометанских династий³².

Вадим Пассек

Сделаем последний шаг вверх по хронологической лестнице. В 1838 году добрый приятель А.И. Герцена Вадим Пассек — сын некогда сосланного на двадцать лет в Сибирь малороссийского дворянина Василия Васильевича Пассека, начал издавать многотомное собрание

Oriental attaché au Ministère des affaires étrangères. Traduction entièrement refondue, et précédée de celle des biographies de Nizami et de onze autres poètes persans, d'après Devlèt — Chah, Luthf-'Aly-Bey et le Recueil des poètes, par F.V. Charmoy. Vol. 1, 2. SPb.: Imprimerie de C. Hintze, 1827 [издание перевода поэмы великого средневекового персидского поэта Низами Гянджеви «Искандер-Наме», осуществленного умершим незадолго до того учеником Шармуа под его редакцией]; Relation de Mas'oudy et d'autres musulmans sur les anciens slaves; par Charmoy. Lu le 7 Novembre 1832 et le 5 Juillet 1833. — Mémoires de l'Académie des sciences de Saint-Pétersbourg. VI. Série. T. 2. SPb., 1834. P. 297-408.

³¹Ibid. P. 25.

³²Ibid. P. 24. Упоминаемые в этом тексте Арран, Гилан и Ширван — исторические области, в настоящее время входящие в состав Азербайджана.

«Очерки России». Кроме самого Пассека, участниками этого, как сказали бы сейчас, проекта стали его жена Татьяна и брат Диомид, а также Измаил Срезневский, Александр Вельтман и другие³³. Тематический и географический охват «Очерков России», на первый взгляд, может показаться странным: там печатались статьи и очерки про горные массивы Российской империи — и про российскую словесность, про Киево-Печерскую обитель — и про и обычаи финнов, про празднование Ивана Купалы в Малороссии — и про служебную деятельность М.В. Ломоносова, описания областей Сибири — и церкви Спаса Нерукотворного в Варшаве...

Однако если на минуту забыть о том, что территория, о географических, исторических, культурных и фольклорных феноменах которой идет речь, — это территория империи, и вообразить ее как конгломерат азиатских земель, в которых находились некогда очаги древних цивилизаций, то каждый из томов «Очерков России» окажется не чем иным, как реализацией модели ориенталистского журнала, наподобие «Recherches Asiatiques» или «Journal Asiatique» или даже «Азиатского вестника» Г. Спасского.

Это сходство отнюдь не случайно. В своих этнографических описаниях народов Кавказа Вадим Пассек непосредственно опирается на индоевропейскую теорию и популярно излагает ее для своих читателей:

Не напрасно европейцы назвали Азию колыбелью рода человеческого! Почти все европейские народы, еще на памяти истории и преданий, вышли из Азии.

Из всех известных племен, занимавших среднюю Азию, племя индо-германское было самым сильным и многочисленным. К нему принадлежат: парфы, бактриане, геты, алланы, афганцы, готфы, вообще германские народы и многие другие из древних народов.

По сравнению языков, по преданиям древних, по некоторым историческим намекам и догадкам индоевропейской мифологии, даже по физиологическим замечаниям, — это племя занимало в глубокой древности центр средней Азии. Но откуда оно пришло, спустилось ли с индоевропейских гор, теснимое каким-нибудь другим племенем, или само оттеснило на север и восток племена монгольские, турецкие и финские, неизвестно [Пассек 1838а: 139].

Говоря об исследовании обычаев древних народов, Пассек апеллирует к опыту ориенталистики и говорит о том, что сохранить первобытные обычаи и оградить себя от внешних влияний лучше всего удалось народам Азии. И этот тезис уже очень близок к славянофильской доктрине:

...Живые и святосохраняемые обычаи китайцев, заключая в себе все движения их жизни, объемля весь быт, без помощи сильного войска, хранят их от всего чужеземного, покоряют им завоевателей, и каждый народ спокойно преобразуют в Китайцев... и только одни остатки древнего языка могут служить слабою и не всегда верною нитью для открытия их (индоевропейцев) родства с каким-нибудь коренным племенем [Там же: 140].

В этом высказывании синтезирована и давняя, высказанная еще в 1818 году Уваровым идея о благотворности влияния просвещения, а не военной силы на завоеванные народы и

---

³³Биографически этот круг авторов восходит к так называемому «харьковскому кружку романтиков», который эскизно описал М.К. Азадовский: «В конце 20-х годов в Харькове образовалась целая плеяда энтузиастов — исследователей и собирателей местной старины и народной поэзии, основное ядро которых составил кружок университетской молодежи, получивший в поздних историко-литературных исследованиях не совсем точное наименование «харьковского кружка романтиков» или «харьковской романтической школы». В этот кружок входил ряд лиц, ставших впоследствии известными в разных областях научной и общественной деятельности: братья О. и Ф. Евецкие, И. Росковшенко, А. Шпигоцкий, П. Иноземцев, Л. Боровиковский, позже к кружку примкнул Вадим Пассек. ... Центральной фигурой кружка, его душой был И.И. Срезневский» [Азадовский 1958: 268-269].

национально-консервативная идеология, поддерживавшаяся в 1830-е годы тем же Уваровым, а также московскими знакомцами Пассека — С.П. Шевыревым и М.П. Погодиным.

Из интереса к древним, «незамутненным» внешними влияниями обычаям происходит у Пассека и особый взгляд на те губернии империи, которые находились на периферии по отношению к древней столице — Киеву и примыкающим к нему малороссийским землям. Эти периферийные территории Пассек характеризует как «темные» и «языческие»:

...взойдем на главную колокольню Печерской Обители. Пред вами раскидываются три губернии: Киевская, Черниговская, Полтавская. <...> Как много великого свершилось на этом пространстве! Сколько являлось здесь разноплеменных народов и людей с великой душою! На этом пространстве России впервые принята народом христианская вера... За ним к северу и востоку, где оканчивается губерния Черниговская и начинаются: Смоленская, Орловская и Курская, спустя двести лет после крещения Киевлян, жили язычники, замучившие святого инока Кукшу, распространителя истинной веры. А там, далеко на севере, в губерниях Новгородской, Владимирской, Рязанской и др. и в позднейшие времена являлось язычество с своими обрядами, не как игра и увеселение народа, но как вера со всею силою и противудействием христианству [Пассек 1838б: 76-77]³⁴.

Заключение

С тех пор как британский медик и этнограф-любитель Матвей Гутри призвал своих коллег из разных стран объединить усилия для того, чтобы найти многообразный фактический материал для подтверждения гипотезы Уильяма Джонса, прошло более сорока лет. Любопытно, какую трансформацию претерпела идея кооперации ученых и «любителей старины» в имперско-этнографическом проекте Пассека:

Каждому из нас известна одна какая-нибудь часть России, — заявляет он в предисловии, — но смело можно сказать, что вполне никто не знает ее богатства и глубины ее жизни, тем более, что эта жизнь не одинакова с жизнью европейских и азиатских государств... «Очеркам России» предназначается сосредоточивать, по возможности, все рассеянные понятия и знания, приобретенные более опытом и основанные на действительности, нежели выведенные из умозрения; предназначается сделать возможно доступными труды, о нашем отечестве путешественников, естествоиспытателей, любителей древности и разных ученых заведений, труды, которыми мы довольно богаты, но не все и не везде можем ими пользоваться [Пассек 1838в: V-VII].

Особого комментария заслуживают здесь слова о «знаниях, приобретенных более опытом и основанных на действительности». Во время подготовки «Очерков...» Пассек по поручению министра внутренних дел составлял статистические описания Харьковской, а затем Таврической и Воронежской губерний, а в пору подготовки последних томов этого собрания (1839-1841) — статистическое описание Московской губернии [Срезневский 1893: 386, 395]. В то же время по поручению Общества истории и древностей российских он описывал курганы на территории Харьковской губернии, а затем задумывал обзор курганов по всей России — от Дуная до Забайкалья [Там же: 387].

Уильям Джонс начинал свою деятельность в Индии с того, что начал составлять свод мусульманских законов, но скоро пришел к выводу, что ученым трудно решать подобные задачи в одиночку, и основал в 1784 году Азиатское общество в Калькутте. Вадим Пассек, проведший детство в Сибири и много ездивший по служебным обязанностям в южные губернии империи, довольно скоро начинает задумываться о том, как собрать, зафиксировать и сле-

³⁴Кукша (ум. после 1114) — монах Киево-Печерской лавры. По преданию, проповедовал христианство среди вятичей, живших на реке Оке, и был за это убит. Причислен Русской православной церковью к лику святых.

лать доступным читателям богатый опыт российских губернских администраторов, военных и академических ученых, и наблюдательных писателей. Форма «очерков», которой в литературе начала 1840-х еще предстоит взлет популярности, оказывается здесь, по его мнению, наиболее адекватной замыслу. Однако все собрание в целом, равно как и подход собирателя к этнографическому материалу, хранят в себе память о долговременном и плодотворном влиянии ориенталистики.

Азадовский М.К. 1958. *История русской фольклористики: В 2 т.* Т. 1. — М.: Учпедгиз. [АКАК]. 1873. *Акты Кавказской Археографической Комиссии.* Т. 5. — Тифлис. — № 728, 802, 815, 901, 905.

Бартольд В.В. 1977. Обзор деятельности факультета восточных языков. — Бартольд В.В. *Соч.: В 9 т.* Т. 9. — М.: Наука; Главная редакция восточной литературы. — С. 21-196.

Данилевский Р.Ю. 1980. И.Г. Гердер и сравнительное изучение литератур в России. — *Русская культура XVIII в. и западноевропейские литературы. Сб. статей.* — Л.: Наука. — С. 174-217.

Достян И.С. 1972. *Россия и балканский вопрос.* — М.: Наука.

Зорин А.Л. 1996. Идеология «православия-самодержавия-народности» и ее немецкие источники. — *В раздумьях о России (XIX век)* / Под ред. Е.Л. Рудницкой. — М.: Археографический центр. — С. 105-128.

Зорин А.Л. 2001. Заветная триада. Меморандум С.С. Уварова 1832 года и возникновение доктрины «православие-самодержавие-народность». — Зорин А.Л. *Кормя двуглавого орла...* — М.: Новое литературное обозрение. — С. 337-373.

Майофис М. 2008. *Воззвание к Европе: литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815-1818 годов.* — М.: НЛЮ.

[Маяк]. 1844. О древностях русских: древнем баснословии, законообрядях языческих, священных праздниках, играх, оракулах, древней музыке, деревенских музыкальных орудиях, обрадах, одеждах; деревенских забавах, свадьбах, похоронах, гостеприимстве общенародном, пиршествах русских, и сравнение их с таковыми же предметами древних, особливо Греков. Разыскание Матвея Гутри, его Императорскаго Величества статскаго советника, врача Императорскаго сухопутнаго шляхетнаго кадетскаго корпуса; члена королевских обществ Лондонскаго и Единбургскаго, королевскаго общества Шотландии и прочих. Переведены на русский с подлинника (около 1797). — *Маяк современного просвещения и образованности в духе народности русской.* — Т. 13, 14, 15.

Миллер А. 2010. Приобретение необходимое, но не вполне удобное: Трансфер понятия «нация» в Россию (начало XVIII — середина XIX века). — *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи.* — М.: Новое литературное обозрение. — С. 42-66.

Оленин А.Н. 1815. *Опыт о приделках к статуе Купидона, втягивающего тетиву на лук.* — СПб.

[Очерки ЛГУ]. 1969. *Очерки по истории Ленинградского университета: В 7 вып.* — Вып. 2. Л.: — ЛГУ.

Пассек В. 1838а. Осетинцы. — *Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком: В 5 кн.* Кн. 1. — СПб.: В типографии Н. Греча.

Пассек В. 1838б. Киево-Печерская обитель. — *Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком: В 5 кн.* Кн. 1. — СПб.: В типографии Н. Греча.

[Пассек В.]. 1838в. *Очерки России, издаваемые Вадимом Пассеком.* Кн. 1. — СПб.: В типографии Н. Греча.

- Петров Ф.А. 2002. *Формирование системы университетского образования в России*. Т. 2. — М.: Издательство МГУ.
- Плисов М.Г. 1862. Историческая записка о деле Санкт-Петербургского университета. — *Чтение в обществе истории и древностей российских*. — № 3. — С. 179-205.
- Рождественский С.В. 1919. События 1821-1822 гг. — *Санкт-Петербургский университет в первое столетие его деятельности 1819-1919: Материалы по истории Санкт-Петербургского университета* / Собр. и изд. И.Л. Маяковский и А.С. Николаев, под ред. С.В. Рождественского. Т. 1. 1819-1835. — Пг.: 2-я гос. типогр. — С. I-CVI.
- Савельев П.С. 1845. *О жизни и трудах Ф.Ф. Шармуа*. — СПб.
- Саид Э.В. 2006. *Ориентализм* / Пер. с англ. А. Говорунова. — СПб.: Русский Мирь.
- Срезневский В.С. 1893. Вадим Васильевич Пассек и его письма к И.И. Срезневскому (1837-1839). — *Русская старина*. — Т. 78. — № 5. — С. 377-402.
- Сухомлинов М.И. 1889. *Исследования и статьи по русской литературе и просвещению: В 2 т.* Т. I. — СПб.: Издание А.С. Суворина.
- Схимельпенник ван дер О.Д. 2002. Ориентализм — дело тонкое. — *Ab Imperio*. — № 1. [Уваров С.С.]. 1818. *Речь Президента Императорской Академии наук, попечителя Петербургского учебного округа в торжественном собрании Главного педагогического института 22 марта 1818 г.* — СПб. — С. 22-23.
- [Шармуа Ф.Ф.]. 1876. Ученые труды Ф.Ф. Шармуа. — *Журнал министерства народного просвещения*. — Ч. XLIX. — № 3.
- Шебунин А.Н. 1925. *Европейская контрреволюция в первой половине XIX века*. — М.: Сеятель.
- Шебунин А.Н. 133. Вокруг Священного Союза (неопубликованная монография, машинопись). — *ОР РНБ*. — Ф. 849. — Ед. хр. 110. — Л. 133.
- Шевченко М.М. 1997. Сергей Семенович Уваров. — *Российские консерваторы*. — М.: Русский мир.
- Шпет Г.Г. 1989. *Сочинения* / Под ред. А.В. Антоновой. — М.: Правда.
- Эткинд А. 2001. Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на советское прошлое. — *Новое литературное обозрение*. — № 49.
- Эткинд А. 2002. Бремя бритого человека. — *Ab Imperio*. — № 1.
- Эткинд А. 2003. Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации. — *Новое литературное обозрение*. — № 59. — С. 103-124.
- Cannon G.H. 1964. *Oriental Jones: A Biography of Sir William Jones, 1746-1794*. — Bombay: Asia Pub. House.
- Cannon G.H., Brine K. 1995. *Objects of Enquiry: Life, contributions and influence of Sir William Jones*. — New York.
- Etkind A. 2007a. Orientalism reversed: Russian Literature in the Times of Empires. — *Modern Intellectual History*. — Vol. 4. — No. 3. — P. 617-628.
- Etkind A. 2007b. Internalizing Colonialism: Intellectual Endeavors and Internal Affairs in Mid-19th Century Russia. — *Convergence and Divergence: Russia and Eastern Europe into the Twenty-First Century* / Ed. by Peter J.S. Duncan. — London: SSEES. — P. 103-120.
- Gérard R. 1963. *L'Orient et la pensée romantique allemande*. Paris: Marcel Didier.
- Germana N.A. 2007. Herder's India: The «Morgenland» in Mythology and Anthropology. — *Anthropology of the Enlightenment* / Ed. by Larry Wolff and Paul Cipolloni. — Stanford, CA: Stanford University Press. — P. 119-137.
- Goebel R.J. 1995. China as an Embalmed Mummy: Herder's Orientalist Poetics. — *South Atlantic Review*. — Vol. 60. — No. 1 (January). — P. 111-129.
- Cross A.G. 1969. Arcticus and «The Bee» (1790-1794): An Episode in Anglo-Russian Cultural Relations. — *Oxford Slavonic Papers*. — Vol. 2. — P. 62-76.
- Guthrie M. 1784. *Surle Regime Antiseptique de Russie*. — SPb.

Jones W. 1824. *Discourses Delivered before the Asiatic Society: And Miscellaneous Papers, on the Religion, Poetry, Literature, etc., of the nations of India.* — London: C. S. Arnold.

Koyré A. 1929. *La philosophie et le problème national en Russie au début de XIX siècle.* — Paris: Honoré Champion.

Marchand S. 2009. *German Orientalism in the Age of Empire: Religion, Race, and Scholarship.* — Cambridge University Press. — P. 38-52.

Mukherjee S.N. 1968. *Sir William Jones: A Study in Eighteenth-Century British Attitudes to India.* (Cambridge South Asian Studies, 6). — Cambridge: Cambridge University Press.

Ouvaroff S. 1810. *Projet d'une Académie Asiatique.* — Spb.

Papmehl K.A. 1969. Matthew Guthrie: The Forgotten Student of 18th Century Russia. — *Canadian Slavonic Papers.* — Vol. 11. — P. 168-170.

Proudman M.F. 2005. Disraeli as an «Orientalist»: The Polemical Errors of Edward Said. — *Journal of The Historical Society.* (December). — Vol. 5, — No. 4. — P. 547-568.

Varisco D.M. 2008. *Reading Orientalism: Said and the Unsaid.* — Seattle, London: University of Washington Press.

«ВНУТРЕННЯЯ ПОСТКОЛОНИЗАЦИЯ»: ФОРМИРОВАНИЕ ПОСТКОЛОНИАЛЬНОГО СОЗНАНИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1970-2000 ГОДОВ

И.В. Кукулин

*Национальный исследовательский университет —
Высшая школа экономики*

Аннотация: *В статье рассматриваются примеры неоколониальных и постколониальных мотивов в русской литературе 1970-2000-х годов. Постколониальные мотивы в русской литературе появились еще в советский период, то есть фактически в период существования колониальной империи. Развитие этих постколониальных мотивов определялось двумя типами отношения к колонизируемым территориям, сформировавшимися в послевоенном СССР: аккультурацией и освоением. Освоение предполагает колонизацию пространств, по умолчанию признаваемых «пустыми», почти не населенными. Аккультурация — культурное взаимодействие русских как политически доминирующего этноса с этническими меньшинствами. Два эти направления породили разные типы постколониального воображения в русской литературе. Развитие каждого из этих направлений прошло минимум два этапа: советский и постсоветский.*

Ключевые слова: *империя, внутренняя колонизация, колониальное управление, колониальный тип господства, история русской культуры, история России.*

1. Постановка проблемы

В своих исследованиях «сюжета внутренней колонизации» в русской литературе Александр Эткинд пишет о символическом и дискурсивном насилии над представителями низших сословий со стороны имперских администраторов, по характеру близком к колониальному. Это отношение было амбивалентным, оно порождало культурное отчуждение от «экзотических» крестьян и сектантов, и одновременно — романтическое любование ими [Эткинд 2001: 51-52]¹. Однако в его работах лишь мельком упомянут другой специфически колониальный эффект, анализ которого в колониальных исследованиях начался с работ Франца Фанона — становление гибридной идентичности. Коренные жители колоний вынуждены были воспринимать самих себя одновременно «изнутри» и «снаружи», глазами колонизаторов. Такое самоотчуждение действовало прежде всего на уровне языка, на котором «туземцы» говорили о самих себе [Fanon 1967].

¹Благодарю Александра Эткинда, Дирка Уффельманна и Сергея Завьялова за ценные обсуждения.

Можно ли говорить о действии такого эффекта в советском и постсоветском обществе? В этой статье я попытаюсь показать, что можно, аргументируя это примерами из русской литературы и опираясь на новые исследования постколониальной словесности как рефлексии коллективной травмы, обусловленной предшествующей колонизацией². Эти исследования почти не затрагивают Россию и постсоветские государства. По-видимому, включение их в сферу рассмотрения требует пересмотра концептуального аппарата, так как российская и советская модели внутренней колонизации имели ряд важных особенностей. Такой пересмотр я и попытаюсь предложить в рамках этой статьи.

Одна из основательниц современных исследований травмы Кэти Карут пишет, что травма может создать связь между разными культурами [Caruth 1995: 11]. Постколониальные критики, например Стеф Крэпс, показали практические корреляты этого вывода: литературные произведения, описывающие колониальную травму, позволяют соотнести разные типы самоотчуждения, например, характерные для «цветных» жителей бывших колоний, испытавших расовую дискриминацию, и выживших жертв Шоа (Холокоста) [Craps, Buelens 2008; Craps 2008: 1-12, 191-202].

В русской литературе второй половины XX века тоже можно проследить подобный постколониальный эффект, однако причинно-следственная связь в нем вывернута наизнанку по сравнению с той, которую описывает С. Крэпс. Возникает целая группа произведений, в которых культурный универсализм представлен как неотделимый от переживания исторической травмы.

Теоретики антиколониальной борьбы, начиная с Фанона, полагали, что колонизированным нужно избавляться прежде всего не от колонизаторов, а от собственного «униженного» сознания. В описываемых далее произведениях новейшей русской литературы авторский субъект совмещает в себе психоаналитика и пациента; такое же совмещение они формируют и в сознании читателя. Несомненно, такая литература является постколониальной.

Рефлексия «травматического универсализма» в современной русской литературе возникла в 1960-1970-е годы и пошла по двум путям. Эта «раздвоенность» стала результатом того, что внутренняя колонизация в позднесоветское время была расщеплена на две заметно отличающиеся от друга административные практики — 1) имперской русификации этнически «чуждых» регионов и 2) мобилизационного освоения «пустых» территорий Сибири и Центральной Азии.

2. Постколониальное сознание как литературный феномен

С 1960-х годов в европейской культуре и в культурах стран, которые прежде находились в колониальной зависимости от европейских государств, стало постепенно формироваться новое миропонимание — постколониальное. Его репрезентация потребовала выработки новых принципов литературной эстетики, — в частности, рефлексии коллективной травмы, причиной которой стала колонизация. Эта травма не может быть сведена к совокупности частных «историй болезни» — она имела принципиально коллективный характер и связывала колонизаторов и «туземцев».

Постколониальное сознание — расщепленное, внутренне конфликтное. Бывшие колонизаторы воспринимали себя одновременно как наследников традиции имперского завоевания и как реформаторов или революционеров, которые хотят порвать с этой традицией и установить равноправные отношения с «туземцами». С другой стороны, многие интеллектуалы из колоний, стремившихся к независимости или получивших ее, стремились утвердить свою культурную уникальность, но свою «особость» они осмыслили с помощью интеллекту-

²Исследованиям постколониальной литературы как эстетической репрезентации социально-исторической травмы был посвящен специальный выпуск журнала «Studies in the Novel» (Дентон, Техас, США) (2008. Vol. 40. No. 1-2). Предшествующую библиографию вопроса см.: Craps, Buelens 2008: 1-12, здесь см. p. 11-12.

альных средств, выработанных в западноевропейских или североамериканских культурах³. Историческую причину этой раздвоенности сознания «колониальных интеллектуалов» определил Рональд Суни: «...империи, оправдывая свое существование в качестве агентов модернизации и инструментов... прогресса, слишком хорошо справлялись с поставленными задачами, снабжая подвластное население языком для формулирования стремлений и выражения сопротивления» [Суни 2004: 173].

В неофициальной русской культуре и в культуре некоторых других народов СССР постколониальное сознание начало формироваться в 1960-е — начале 1970-х годов — задолго до распада СССР как империи. Эта парадоксальная инверсия оказалась возможной потому, что СССР изначально был организован, — согласно анализу канадского историка Терри Мартина, — как «империя положительного действия». На пропагандистском уровне и в тактической перспективе советская власть в 1920-е и начале 1930-х годов формировала национальные меньшинства как «уже деколонизированные» народы (это Мартин и называет «положительным действием»), а на уровне администрирования и в стратегической перспективе вводила новый, неявный режим колониального управления, орудием которого становились созданные большевиками новые элиты. Попытки некоторых местных властей проводить реальную антиколониальную политику в 1920-е годы были быстро пресечены советским руководством [Мартин 2011: особ. 10-107]. Такую программу, которая фактически перехватывала любые антиимперские лозунги и представляла их как уже осуществленную программу новой власти, можно назвать утопическим колониализмом.

В 1930-е годы идеология «империи положительного действия» была постепенно оттеснена на второй план и заменена другой программой, для обозначения которой Дэвид Бранденбергер использовал термин «национал-большевизм» [Бранденбергер 2009] (ранее этот термин был обоснован Михаилом Агурским [Агурский 1980], но Агурский обозначал им мировоззрение, которое развивали и трансформировали небольшие группы партийных вождей и интеллигентов, а Бранденбергер — гораздо более широкий социальный феномен: особый тип идеологизированной массовой культуры, целенаправленно созданной в 1930-е годы). Русский народ был объявлен «старшим братом» — центральным, государствообразующим этносом СССР.

В 1950-е годы уже и эта вторая идеология оказалась вытесненной из публичного пространства. Никакой новой масштабной программы ей на смену не пришло. Начиная с 1960-х годов советская политика национального строительства была ситуативной, нацеленной на решение почти исключительно тактических задач и поддержания хрупкого социального мира — или хотя бы его видимости. Однако для обоснования предложенных решений использовалась подновленная риторика «положительного действия».

Важнейшим элементом этой «постутопической» ситуации стала общая, разделявшаяся властями и обществом (хотя отрефлексированная почти исключительно в неподцензурной литературе и публицистике) память о катастрофическом насилии 1930-1940-х годов: Большой Террор, депортации народов, Вторая Мировая война. В совокупности эти факторы — разложение колониальной идеологии и страх перед возможностью нового насилия — привели к нетривиальным культурным последствиям. При осмыслении последствий национального строительства и трансформаций национального самосознания в СССР очень важную роль приобрело изображение сознания советского человека как гибридного, конфликтно сочетающего черты «управляющего» и «подчиненного». Вместо антиколониальной литературы в позднесоветской культуре сформировался круг произведений, которые по многим признакам могут быть описаны как постколониальные⁴.

³Одно из самых ярких произведений, посвященных этой проблеме — написанный вскоре после обретения Нигерией независимости роман нигерийского поэта, прозаика и драматурга Воле Шойинки «Интерпретаторы» («The Interpreters») (1965, перевод на русский язык выполнен А. Сергеевым: М.: Прогресс, 1972).

После распада СССР в русской литературе и литературах других бывших «союзных республик» элементы постколониального сознания стали гораздо более заметными. Пользуясь гегелевской терминологией (и сильно схематизируя), можно сказать, что в 1960—1980-е годы в некоторых литературах СССР сформировалось «постколониальное письмо-в-себе», а в 1990-2000-е — «постколониальное письмо-для-себя». Рассмотрение ряда произведений этого периода как элементов единого контекста позволяет увидеть новые, ранее не описанные сюжеты, связывающие позднесоветскую культуру с постсоветской.

3. Две экспансионистские идеологии в русской культуре XX века

Интенсивное обсуждение пост колониальной проблематики применительно к России и постсоциалистическому пространству в целом началось только в 2000-е, первоначально — в работах А. Эткинда и Дэвида Ч. Мура. Д.Ч. Мур поставил вопрос о том, почему постколониальная методология не применяется к анализу чрезвычайно разных по истории и самосознанию обществ в постсоветских государствах и странах Восточной Европы [Moore 2001: 111-128, особ. 123-124]⁵. Между тем колониализм имперской России, хотя и «стилизировал» себя под западноевропейский, имел своеобразные отличительные черты, а определение советской системы управления как колониальной, как следует из работы Терри Мартина, требует большого числа оговорок. А. Эткинд описал «внутреннюю колонизацию» России как особую культурно-политическую практику, которая сложилась в имперские времена и продолжает воспроизводиться в новой, постсоветской ситуации [Эткинд 2001; Эткинд 2002; Эткинд 2003].

Теория А. Эткинда основана на применении к российской истории эвристической схемы, которую разработал Эдвард Саид в книге «Ориентализм» [Саид 2006], синтезировав философскую методологию Мишеля Фуко и критику европейской колониальной политики, восходящую к Фанону. Вслед за Фаноном и Фуко Саид исходил из предположения, что властные отношения конституируют идентичность субъекта и «вписаны» в нее. Саид описывал колонизацию прежде всего как основанное на насилии формирование и поддержание культурной дистанции между колонизаторами и «туземцами». Переворачивая логику Саида, но оставаясь в рамках предложенных им дихотомий, Эткинд пишет о том, как российские имперские элиты выстраивали дистанцию по отношению к собственному населению, равно как и к другим народам Российской Империи⁶. Однако, если придерживаться интерпретации российской истории как внутренней колонизации, важно понять, как «управление культурной дистанцией» связано с осмыслением, «разметкой» той огромной территории, на которой «колонизаторы» жили вперемешку с «колонизированными».

⁴А некоторые антиколониальные произведения — такие, как роман пишущего по-русски хантского писателя Еремея Айпина «Божья мать в кровавых снегах» (2002, отдельное издание — СПб.: Амфора, 2010), повествующий о восстании северных народов России против советской власти в 1933-1934 годах — могли появиться в русской литературе, видимо, только в постсоветский период.

⁵Название работы — аллюзия на название нашумевшей статьи Кваме Э. Эппайе: Appiah 1997. На протяжении 2000-х появилась целая серия обсуждающих эту проблему статей, докладов и «круглых столов», в которых приняли участие историки, социологи, филологи и специалисты по постколониальным исследованиям: Куюнжич 2003; материалы обсуждения, представленные на ежегодной конференции Американской ассоциации преподавателей славянских и восточноевропейских литератур 29 декабря 2005 года (Вашингтон, округ Колумбия, США: Are We Postcolonial 2006 (в обсуждении принимали участие Гаятри Ч. Спивак, Нэнси Конди, Харша Рам и Виталий Чернецкий); Лукина 2006.

⁶Роль «обычных» — то есть основанных на этническом различии — колониальных практик в истории Российской Империи в 2000-е годы стала предметом интенсивных исследований. См., например: Уортман 2004; Миллер 2006; Долбилов 2010. См. также книги, вышедшие в подсерии «Окраины Российской империи» серии «Historia Rossica» издательства «Новое литературное обозрение»: Долбилов, Миллер 2006; Бабич, Бобровников 2007; Абашин, Арапов, Бекмаханова 2008.

На важность такой разметки указал Кирилл Кобрин в недавней статье «Ориентализм vs. империализм: Кавказ vs. Север». Он напомнил о разделении империализма и колониализма как отдельных «идеологий» имперского управления: колониализм — «это целенаправленная прагматическая политика захвата и эксплуатации территорий, а также подчинения тамошнего населения. Он имеет отношение к обоим объектам своего действия — и к чужой территории, и к ее жителям. <...> [Но] в отличие от колониализма империализм ассоциируется, скорее, с гигантской территорией, с пространством, которое находится под властью метрополии».

Соотношение колониализма и империализма обсуждал еще первый исследователь империализма, Джон А. Хобсон — его книга «Империализм» впервые вышла в 1902 году. Однако в первой половине XX века о колониализме говорили как о *функции* империализма⁷ — об их *различии* стали писать намного позже. Различие же колониализма и империализма в истории России стало предметом исследования только в самое недавнее время⁸. В своей статье Кобрин впервые обратил внимание на эту дихотомию применительно к советским концепциям управления страной.

Главным направлением «неколониального» советского империализма, по мнению Кобрин, стало «освоение Севера». «Сама эта идея не колониальна, а империалистична в своей основе. „Север“ воспринимался в Средние века, в Новое и Новейшее время как царство пустоты, господство над которой в первую очередь дает чистое ощущение власти... А вот условный „Восток“ — в той же западной традиции (под ним подразумевался и географический восток, и географический юг) — был объектом, строго говоря, не империализма, а колониализма: здесь речь шла о народах, их религиях, культурах, о торговле, о ресурсах, наконец»⁹.

На протяжении всего петербургского периода российской истории чиновники, администраторы и публицисты стремились выработать концепции, оправдывающие российскую культурную и территориальную экспансию. Однако они так и не сложились в единую колонизаторскую идеологию, подобную британской. В позднесоветское время, как показывает Кобрин, такие риторики оправдания сложились в две контрастные по отношению друг к другу идеологии. Кобрин демонстрирует их метафорику, лежащую, по Клиффорду Гирцу, в основе любой идеологии [Гирц 2004].

(Разумеется, эта метафорика не соответствовала реальным практикам советской или российской экспансии. Стоит вспомнить многочисленные попытки государственной «апроприации» северных народов России, описанные в книге Юрия Слэзкина «Арктические зеркала» [Слэзкин 2008]¹⁰.)

Кобрин вслед Саиду описывает экзотизацию колониальных народов как следствие только внешнего взгляда на них — а это картина односторонняя. Оспорить ее позволяют доводы Эткинда, который говорит о важности *самозэкзотизации* населения колоний. Так, восставшие жители североамериканских колоний в 1770-1780-х годах доказывали с оружием в руках, что они не только политически, но и культурно и религиозно другие, чем управляющие ими британцы [Эткинд 2002: 273]¹¹. Эткинд не пишет об аналогичных случаях в России, однако они известны. Например, в конце XIX—начале XX веков либеральным интеллигентам, земцам и даже многим крестьянам Сибири было свойственно восприятие своей террито-

⁷Как, например, делал В.И. Ленин, испытывавший влияние Хобсона. См. о традиции исследования колониализма, заложенной Хобсоном и Лениным: Eckstein 1991.

⁸Одна из первых работ, где с подобной точки зрения обсуждается российская история: Сандэрлэнд 2004.

⁹Кобрин 2009. Из других важных статей этого же автора по поводу применимости концепции Э.В. Саида к практикам российского администрирования см.: Кобрин 2008.

¹⁰Русский вариант книги, вышедшей по-английски в 1994 году.

¹¹Эткинд ссылается на книгу: Watts 1998. Более традиционная для американской историографии концепция предполагает, что подготовка революции была конструированием не культурных, а только религиозных и идеологических различий: Бейлин 2010.

рии как культурно-иной по отношению к остальной России; тогда же стали складываться проекты сибирского автономизма [См. об этом: Дамешек, Дамешек, Зиновьев, Ремнев и др. 2007: 302-333]. Это показывает, что проект «самоэкзотизации» колонизированных территорий может возникнуть даже вне ситуации борьбы за независимость.

Имеет смысл различить две имперские функции, соответствующие двум значениям слова «колонизация»: освоение и аккультурацию. Главная задача освоения — взаимодействие с местным населением, а экономическая экспансия государства на территориях, которые предполагаются культурно «пустыми». Главная задача аккультурации — эффективное управление населением, которое воспринимается как культурно и/или религиозно чуждое этносу, к которому принадлежат администраторы. Такая работа требует изучения и учета особенностей этого населения, в том числе и его представлений о «своей» территории. Но в ходе аккультурации колонизированные народы обязательно экзотизируются.

Как уже сказано, эти два типа практик — освоение и аккультурация — оказываются в наибольшей степени разделены и контрастны по отношению друг к другу в послевоенный период развития СССР. Произошло это потому, что они были основаны на двух не связанных друг с другом элементах советского экспансионистского проекта: насильственного «преобразования природы» [См. об этом: Ушакин 2005] и культурной унификации, основанной на «конструировании» и самих этносов, и их различий в рамках советской квазифедеративной системы «положительного действия» [См. об этом: Мартин 2011; Смит 2004; Захаров 2009]. Однако обе эти идеологии в 1960-е годы все больше теряли утопическую мобилизующую силу. В условиях их эрозии сложились два типа постколониального письма, которые получили развитие и в постсоветское время.

В 1960-1970-е годы в неофициальной культуре были подвергнуты рефлексии как советские метафоры «внутренней колонизации» (как в «эксплуатирующей», так и в «аккультурационной» версиях), так и реальные последствия «внутренне-колониальных» процессов — социальные, демографические, культурные. Различные произведения, которые я предполагаю обсудить далее, представляют разные пропорции сочетания «постколониального» и «постметропольного» сознания.

4. Эрозия советской идеологемы «освоения Севера»

Идеология сталинского правления в послевоенные годы (1945-1953) была основана на русском этническом национализме [См. об этом: Бранденбергер 2009: 213-274] и на принудительном «вытеснении» памяти о народах, репрессированных в 1940-е годы. В период «оттепели» идеологическое представление о СССР как об универсалистском интернациональном государстве, как уже сказано, было до некоторой степени восстановлено, однако и в официальной риторике, и в реальной административной практике второй половины 1950-х и 1960-х годов наибольшее значение имело освоение, а не аккультурация. Важнейшими эпизодами новой «внутренне-колониальной» политики стали сельскохозяйственное освоение целины (1954-1961), строительство Братской ГЭС (1954-1967) и Байкало-Амурской магистрали (1972-1984¹²) и другие «ударные комсомольские стройки». 19 мая 1956 года было опубликовано обращение ЦК КПСС «ко всем комсомольским организациям, к комсомольцам и комсомолкам, ко всей советской молодежи», призывающее ехать на стройки в Сибирь.

Новая «внутренне-колониальная» политика пришла на смену хозяйственному освое-

---

¹²Указаны годы, в которые БАМ была комсомольской стройкой. Вообще эта железная дорога строилась с конца XIX века, в 1930-1950-е годы — силами заключенных. Наряду с комсомольцами в строительстве БАМа в 1970-1980-е годы принимали участие тысячи солдат железнодорожных войск СССР. Целиком БАМ была сдана в эксплуатацию только в 2003 году — когда было открыто движение по 15-километровому Северо-Муйскому тоннелю.

нию Сибири и Северного Казахстана силами заключенных ГУЛАГа¹³. Заселение «пустых» территорий было необходимо не только для экономических нужд, но и для массовой мобилизации нового, «оттепельного» типа — переброски на пустынные земли Сибири и Казахстана большого количества свободных, а часто и образованных людей (студентов и «молодых специалистов»).

На целине и на других «комсомольских стройках» у многих переселенцев энтузиазм быстро «выдыхался»: отсутствие инфраструктуры и налаженного быта, штурмовщина в работе — все это затрудняло социальную адаптацию и сохранение молодых семей¹⁴. Однако поначалу самостоятельность, пусть и ограниченная, и право на мобильность, пусть и в передвижении по определенным государством маршрутам, воспринимались многими как возможность новой, радостной, освобождающей жизни. Этот искренний энтузиазм заметен не только в полуофициозной поэме Евгения Евтушенко «Братская ГЭС» (1961), но и в более ироничной, хотя все же вполне советской по духу повести Владимира Войновича «Мы здесь живем» (1961)¹⁵.

Массовые мобилизационные проекты 1950—1970-х годов никогда не определялись как колонизационные. Насколько можно судить по советским мемуарам, они не воспринимались в этом качестве и «реципиентами» пропаганды. Однако «колонизационный» смысловой оттенок в интеллигентских представлениях о работе свободных людей (не заключенных) в Сибири и Дальнем Востоке все же был.

В 1973 году писатель, журналист, геолог и экстремальный альпинист Олег Куваев (1934—1975) закончил роман «Территория», в котором был создан образ освоения Чукотки, скрыто-оппозиционный по отношению к государственной «целинно-сибирской» пропаганде¹⁶. Роман прославлял *негосударственную колонизацию* Чукотки в конце 1940-х — начале 1960-х годов, проводившуюся силами вольных геологов-золотоискателей. Описание эмансипировавшихся, фактически — ускользнувших от советской рутины «полевиков» напоминает коллективистскую версию «северной» прозы Джека Лондона (герой романа по прозвищу Малыш то и дело сравнивает себя с американским писателем [Куваев 2005: 65-66] и других авторов, развивавших колониальные мотивы. Характерна реакция первых читателей романа за пределами дружеского круга Куваева: внутренний рецензент журнала «Наш современник» (где «Территория» в итоге и была впервые опубликована¹⁷) назвал его сочинение «„Моби Диком“ советского периода»¹⁸.

¹³См. об этом статью Д. Хили в сборнике «Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей» / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельмана, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012.

¹⁴Впрочем, первопоселенцы городов на трассе БАМ получали «северные» надбавки и снабжались по советским меркам неплохо.

¹⁵В 1970-е годы память об освоении целины была увековечена государственной пропагандой: группой журналистов были написаны, а затем выпущены за подписью Л.И. Брежнева мемуарные очерки «Целина», «Малая Земля» и «Возрождение» (1978). Тем самым освоение целины предлагалось воспринимать как равнозначное двум другим проявлениям коллективного героического усилия — победы над нацистами во Второй мировой войне и послевоенного восстановления экономики СССР. Однако к 1978 году лицемерие советского государства было уже настолько очевидным, что к книгам Брежнева, несмотря на назойливые увещания советских медиа, мало кто относился всерьез. И о самих книгах, и об авторстве Брежнева ходили многочисленные анекдоты.

¹⁶В сентябре 1973 года Куваев признавался в письме к сестре Галине, что собирается написать трилогию романов, посвященных добыче золота, нефти и пушнины; «Территорию» он считал первым романом задуманного им цикла, посвященным золоту. Эту трилогию писатель называл «валютной» [Куваев 2005], намекая на то, что три перечисленных им «компонента» были в 1970-е годы важными статьями внешнеэкономических доходов СССР — и что все три добывались в отдаленных, экзотических районах страны.

¹⁷Наш современник. 1974. №№ 4, 5.

¹⁸Из письма к сестре, написанного в начале 1974 г. [Цит. по: Куваев 2005: 569]. О романе Мелвилла рецензенту «Нашего современника», вероятно, напомнили не только тема и общий героический пафос романа Куваева, но и «монтажная» поэтика «Территории», в которую включены множество цитат из научных и научно-попу-

Личная независимость героев романа была тем более удивительна, что очевидным для всех осведомленных читателей прототипом треста, которому они подчинялись — Северстроя — был Дальстрой, «комбинат особого типа» (И.В. Сталин¹⁹). Важнейшей же рабочей силой Дальстроя еще с начала 1930-х годов были заключенные. «Переодевание» узников ГУЛАГа в свободных строителей сибирского нефтепровода было ранее произведено в романе Василия Ажаева «Далеко от Москвы» (1948) — но Куваев был точнее Ажаева в исторических фактах и обращался не только к тем, кто не был на Чукотке, но и к тем, кто там работал. Куваев писал о вольных работниках Дальстроя, но игнорировал его лагерную составляющую. Только один из героев «Территории», Салахов — бывший заключенный, бившийся в лагере не на жизнь, а на смерть с уголовниками (история Салахова, видимо, «списана с натуры»). Но причина его ареста, согласно роману — не фальсифицированные политические обвинения, а обычное воровство, на которое Салахова толкнула жадная, корыстная жена.

Поместив в центр сюжета своего романа вольных сотрудников «Северстроя», Куваев создал эффект, который воспринимается читателем как своеобразный минус-прием. На фоне сюжета «Территории» гулаговские «острова» на северо-востоке страны и комсомольские стройки воспринимаются как два «неправильных» — ибо подневольных — вида колонизации.

«Территория», освоенная героями Куваева, была опасной, но не пустой: одного из персонажей спасает от смерти пожилой чукча, бригадир Къяе, бедный, «культурно иной» (Куваев подчеркивает странность всех его поз и движений), но столь же свободный, как золотоискатели. Описание чукчи тоже отсылает к «колониальной» прозе Лондона — в духе «Сказания о Кише».

Золотоискатели представляли в романе как люди, которые благодаря перенесенным испытаниям нашли смысл жизни — в то время как благополучные законопослушные граждане от этого смысла отчуждены. Это указание на «романтику» было особенно значимым в советские 1970-е годы с их атмосферой разочарования в советской идеологии и поиска новых жизненных ориентиров. Мир Куваева — радикально мужской, в нем важны физическая сила, выносливость и дисциплина, и в этом писатель тоже продолжает традиции Киплинга и Джека Лондона.

...Если была бы в мире сила, которая вернула бы всех, связанных с золотом Территории, погибших в маршрутах, сгинувших в «сучьих кутках», затерявшихся на материке, ушедших в благополучный стандарт «жизни как все», — все они повторили бы эти годы. Не во имя денег, так как они знали, что такое деньги во время работы на Территории, даже не во имя долга, так как настоящий долг сидит в сущности человека, а не в словесных формулировках, не ради славы, а ради того непознанного, во имя чего зачинается и проходит индивидуальная жизнь человека. <...> Чтобы в минуту сомнения тебя поддерживали прошедшие годы, когда ты не дешешил, не тек бездумной водичкой по подготовленным желобам, а знал грубость и красоту реального мира, жил как положено жить мужчине и человеку²⁰. <...>

День сегодняшней есть следствие дня вчерашнего, и причина грядущего дня создается сегодня. Так почему же вас не было на тех тракторных санях и не ваше лицо обжигал морозный

лярных книг, отрывки из «дневников» и «записных книжек» его героев и т. п. «Моби Дик» был впервые издан по-русски только в 1961 году (!) и, вероятно, в 1973-м воспринимался еще как относительно модная новинка.

¹⁹Советская Колыма. 1940. 23 февраля. [Цит. по.: Широков 1997].

²⁰Грамматика и стилистика этих фраз отчетливо воспроизводят хрестоматийный фрагмент из романа Николая Островского «Как закалялась сталь» («Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно стыдно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жег позор за подленькое и мелочное прошлое и чтобы, умирая, мог сказать: вся жизнь и все силы отданы самому главному в мире: борьбе за освобождение человечества. И надо спешить жить...») [цит. по изд.: Островский 1977: 231], а метафорика воды, текущей «по подготовленным желобам» — к аллегорическому антитоталитарному стихотворению Леонида Мартынова «Вода» (1946): «Ей / Не хватало быть волнистой, / Ей не хватало течь везде.. — Ей жизни не хватало — / Чистой, / Дистиллированной / Воде!» [цит. по изд.: Мартынов 1986: 123].

февральский ветер, читатель? Где были, чем занимались вы все эти годы? Довольны ли вы собой?.. [Куваев 2005: 231-232].

Роман Куваева был, по-видимому, одним из последних, если не последним *советским колониальным (или, точнее, неоколониальным) романом, написанным без явной опоры на националистический дискурс*. В качестве высших ценностей он представлял веру в свои силы и мужское трудовое братство. «Территория» была своего рода «доплеском» неоромантической литературы 1960-х и одновременно полемикой с ней; действие романа было перенесено в относительно удаленное прошлое — конец 1940-х и 1950-е.

Пolemика с «шестидесятниками» и аллюзии на ГУЛАГовскую колонизацию были более заметными на ранних стадиях работы над романом. Первые наброски «Территории» относятся к 1958 году, а в 1962-м появилось первое название будущей книги — «Мы живем в местах отдаленных» [Куваев 2005: 568]. Это — отсылка одновременно к модной тогда «шестидесятнической» повести Владимира Войновича об освоении целины «Мы здесь живем» (1961) и на общеизвестный эвфемизм «места не столь отдаленные», чаще всего означающий ссылку или тюремное заключение²¹.

Уже после смерти писателя, в 1976 году, книга была удостоена премии Магаданского комсомола. В 1977-м роману была присуждена премия конкурса ВЦСПС и секретариата правления Союза писателей СССР за лучшее произведение о современном рабочем классе. Роман был переведен на многие европейские языки (правда, переводы выходили преимущественно в московском издательстве «Прогресс» и в издательствах социалистических стран). Книга была экранизирована (в 1979 году), адаптирована для радио (еще самим Куваевым) и для сцены, и поставлена в нескольких театрах в СССР.

Все это можно было бы считать результатом исключительно пропагандистских усилий, но «Территория» имела и массовый успех. Куваев — единственный писатель, которому чукотские золотоискатели поставили бронзовый памятник, используя личные сбережения. Силами семьи и поклонников Куваева в квартире, где он жил в подмосковном городе Королеве, был организован его музей, действующий и поныне. Такая «симфония» общественной и государственной репутации — едва ли не последний подобный случай в истории советской культуры.

По-видимому, Куваев ответил своим романом на два неочевидных, но очень сильных социальных запроса, связанных с необходимостью артикулировать «вытесненные», табуированные в публичном пространстве травмы.

Первая из них — память о миллионах заключенных ГУЛАГа, погибших в Сибири и на Дальнем Востоке. Вероятно, попытки осмыслить эту национальную катастрофу вызывали у многих людей вопрос: неужели те, кто прошел через лагерь, страдали бессмысленно? Различные варианты ответа на этот вопрос были предложены в художественной литературе, и не только написанной бывшими заключенными. В романе Дмитрия Быкова «Оправдание» (2001) сходящий с ума герой придумывает версию «альтернативной истории», согласно которой кошмарные условия лагерей были нужны для того, чтобы отобрать из заключенных людей, наделенных сверхъестественными способностями. Даже на рубеже веков Быков изображает «нищанскую» версию роли ГУЛАГа в истории как идеологию, которая могла бы существовать сегодня. Рассказывая о вольных сотрудниках Дальстроя, Куваев говорил о заключенных только метонимически, по смежности, но его ответ был тоже, по сути, романтически-нищанским.

²¹Вероятно, Куваеву, который специально изучал историю колонизации Сибири и Чукотки, было известно происхождение этого выражения — российское дореволюционное уголовно-процессуальное законодательство. По закону, ссылка в Сибирь была двух видов, что соответствовало более тяжелому и менее тяжелому виду наказания: первое заключалось в направлении преступника «в отдаленные места Сибири», второе — «в не столь отдаленные места Сибири» [Серов 2003: 426].

Вторая травма, косвенно «выговоренная» в романе Куваева, имеет более позднее происхождение. Энтузиазм второй волны «освоения Сибири», инициированной в конце 1950-х, во времена написания «Территории», в начале 1970-х воспринимался уже как бессмысленный, а само это освоение — как растроченный понапрасну труд сотен тысяч людей. Куваев показывал, как могло бы осуществляться ненапрасное освоение — позволяющее людям преобразовать свою психику и вдобавок найти для государства золото. Как и подобает соцреалистическим «героям Севера», персонажи «Территории» находят драгоценный металл вопреки данным академических ученых-геологов, доказывавших, что в реках Чукотки золота быть не может.

Не называвшаяся вслух, но подспудно существовавшая память о том, что «внутренняя колонизация» до середины 1950-х годов производилось силами заключенных ГУЛАГа, прорывалась изредка и только в неподцензурном искусстве — например, в балладе Александра Галича «Королева материка» (1971).

Когда-нибудь все, кто придет назад,
И кто не придет назад,
Мы в честь ее устроим парад,
И это будет парад!

По всей Вселенной — пойдя сдержи! —
Свой доблестный славя труд,
Ее Величества Белой Вши
Подданные пройдут [Галич 1999: 127].

Галич в «Королеве материка» разработал совсем иную мифологию советского Севера — скорбную и макабрическую. Она оспаривала не только советскую риторику «освоения Сибири», но и неоромантическую, «мачистскую» альтернативу ей. Галич не мог знать о романе Куваева, но яростная полемика с «нищешанской» версией колонизации в его балладе ведется так, как если бы он спорил непосредственно с Куваевым — точнее, с одическим перечислением подвигов золотоискателей в процитированном выше финале «Территории»:

Когда сложат из тачек и нар костер,
И волчий забыв раздор,
Станут рядом вохровцы и зэка,
И напишут в этот костер,

Сперва за себя, а потом за тех,
Кто пьет теперь Божий морс,
Кого шлепнули влет, кто ушел под лед,
Кто в дохлую землю вмерз... [Там же: 125].

Баллада Галича, показывающая, как «вохровцы и зэка» оказываются частями единого космоса, которым правит фантазматическая Белая Вошь, по выраженному в ней мировосприятию является несомненно постколониальной.

5. Солженицын: утопия коллективного побега от государства-колонизатора

При интерпретации «постколониальных» произведений, созданных в советские и постсоветские времена, необходимо пересмотреть аппарат, который был разработан для анализа постколониального письма в англоязычных cultural studies и политической философии (в

частности, требует обсуждения, возникает ли параллельно «сюжету внутренней колонизации» русской классической литературы культурная традиция, которую можно было бы назвать антиколониальной²²). И не только потому, что речь идет о *внутренней* колонизации, но и потому, что советская пропаганда, как уже сказано, никогда не называла соответствующие практики колонизацией. Напомню, что в административных практиках имперской России это слово использовалось с положительными коннотациями, хотя и в специфических значениях по сравнению с аналогичными терминами в английском и французском языках [См. об этом, например: Ремнев 2004; Сандэрлэнд 2004]. Среди оппонентов власти о «советской колонизации» говорили только некоторые радикальные националисты в «союзных республиках». Даже многие диссиденты воспринимали эту терминологию как слишком жесткую. Поэтому критика советской политики эксплуатации и аккультурации использовала иные, не связанные с колонизацией термины.

Консервативная версия русского неофициального постколониализма впервые была изложена в статье-манифесте А.И. Солженицына «Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни» (ноябрь 1973)²³. При перечтении этой работы сегодня становится заметно, что очень заметное место в ней занимают экологическая и постколониалистская проблематика. Солженицын едва ли не первым в российской публицистике выдвигает лозунг «стабильной экономики» — то есть, в современной терминологии, устойчивого развития (sustainable development), реагируя таким образом на принятие в декабре 1972 года Программы ООН по окружающей среде²⁴; в этот период писатель очень внимательно следил за мировыми политическими новостями, и следы этого интереса очевидны в его публицистике начала 1970-х.

Обсуждая кризисное состояние советской империи, Солженицын использует логику описания процессов в федеративных государствах, которые ранее образовались на обломках распавшихся империй.

Сейчас никто не будет оспаривать, что английский, французский или голландский народ целиком несет на себе вину (и в душе своей след) колониальной деятельности своих государств. Их государственная система допускала значительные помехи колонизации со стороны общества. Но помех таких было мало, нация втягивалась в это завлекательное мероприятие кто участвием, кто сочувствием, кто признанием. <...>

В том и особенность единых организмов, что они вместе пользуются и вместе страдают от действия каждого их органа. <...> Мистически спаянная в общности вины, нация направлена и к неизбежности общего раскаяния. <...>

Взаимных вин особенно много накапливается в государствах многонациональных и в федерациях — таких, как раньше была Австро-Венгрия, как сейчас СССР, Югославия, Нигерия, многоплеменные и многорасовые африканские государства. Для того чтобы такие государства существовали при внутренней прочности, а не на спайке понуждающей силы, никак не обойтись без развитого чувства раскаяния у живущих там народов — иначе под любой золою будет

²²Сергей Завьялов при обсуждении этой статьи предположил, что к антиколониальной традиции в истории русской литературы могут быть отнесены произведения А.И. Герцена, В.Г. Короленко, в советское время — стихотворение Дмитрия Кедрина «Ночь поземкою частой...» (1945), обращенное к Кайсыну Кулиеву, который добровольно отправился в ссылку вслед за своим народом — балкарцами, в постсоветское время — уже упомянутый роман Еремея Айпина «Божья мать в кровавых снегах».

²³Статья была написана для публицистического сборника «Из-под глыб», который был подготовлен в 1971-1973 годах под редакцией Солженицына и вышел в Париже в 1974-м, уже после депортации писателя из СССР.

²⁴Программа ООН по окружающей среде, ЮНЕП (англ. UNEP — United Nations Environment Programme) была учреждена на основе резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 2997 от 15 декабря 1972 года (A/RES/2997 (XXVII)) после того, как в том же году в Стокгольме была проведена Конференция ООН по окружающей человека среде. Девиз Программы — «Окружающая среда в интересах развития». После принятия этой программы стали развиваться экологическая политика и дипломатия, во многих странах мира появились министерства и ведомства по окружающей среде.

вечно тлеть и снова, снова вспыхивать огонь, и не будет прочности у этих стран [Солженицын 1995: 55, 57, 78].

Из этих фрагментов видно, что концепции, рожденные послевоенной эпохой (деколонизация, экологический подход и коллективная «проработка прошлого»), оказались у Солженицына скрещены с органицистским, эссенциалистским и даже мистическим пониманием нации, взятым из позднеромантических концепций второй половины XIX века — в духе Ф.М. Достоевского²⁵ или Н.Я. Данилевского. «Народ» Солженицын рассматривает как коллективный этический субъект. Адресат его текста — русская общественность, рассмотренная в утопической перспективе — так, как если бы общество в СССР само могло выбирать свою судьбу. В качестве «судьбы» Солженицын предлагает мобилизационный проект, только не навязанный сверху, как в СССР, а принятый добровольно, в видах коллективной аскезы. Впрочем, прагматику этой статьи можно понять и иначе: в качестве равноправных адресатов своего послания Солженицын рассматривал политические элиты СССР и «простых» советских жителей, подразумевая, что обе эти группы имели общие цели и могли согласованно к ним стремиться.

Совершив гибридизацию «новых» и «старых» дискурсов, Солженицын призывает своего коллективного адресата перейти от внешней экспансии к коллективной «внутренней эмиграции».

...еще сохранен нам историей неизгаженный просторный дом — русский Северо-Восток. <...> Его пространства дают нам выход из мирового технологического кризиса. <...> Его холодные, местами мерзлые пространства еще далеко не готовы к земледелию, потребуют необъятных вкладов энергии — но сами же недра Северо-Востока и таят эту энергию, пока мы ее не разбазарили.

Северо-Восток не мог оживиться лагерными вышками, криками конвойных, лаем человекоядных. Только свободные люди со свободным пониманием национальной задачи могут воскресить, разбудить, излечить и инженерно украсить эти пространства.

Северо-Восток... будет означать, что Россия предпримет решительный выбор *самоограничения*, выбор вглубь, а не вширь, внутрь, а не вовне; всё развитие своё — национальное, общественное, воспитательное, семейное и личное развитие граждан направит к расцвету внутреннему, а не внешнему [Солженицын 1995: 84-86].

Солженицын предлагает осваивать Сибирь, как и призывала советская официальная пропаганда, но радикально изменить цели освоения. Если одновременно с новой колонизацией отказаться от экспансии СССР в другие страны и от «экспорта революции», то уход на «Северо-Восток» приведет русских к антивластной (=антиимперской) автономии — наподобие того, как ее обрели старообрядцы, переселявшиеся на дальние неосвоенные окраины России²⁶. Своим прямым предшественником Солженицын в указанной работе прямо объяв-

²⁵Одним из наиболее вероятных историософских источников статьи Солженицына является эссе Достоевского «Геок-Тепе. Что такое для нас Азия» (Глава вторая из «Дневника писателя» за январь 1881 года): «Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход! <...> ...Если бы совершилось у нас хоть отчасти усвоение этой идеи — о, какой бы корень был тогда оздоровлен! Азия, азиатская наша Россия, — ведь это тоже наш больной корень, который не то что освежить, а совсем воскресить и пересоздать надо! Принцип, новый принцип, новый взгляд на дело — вот что необходимо!» [Цит. по изд.: Достоевский 1995: 503, 507]. Следует, однако, оговорить, что пафос статьи Достоевского — откровенно колонизаторский, а Солженицына — *антиимперский*, прямо противоположный по политическому смыслу, при всей близости историософской аргументации.

²⁶Солженицын не учел или не знал того, что высокопоставленные чиновники Сибири и Западного края приветствовали переселение старообрядцев на окраины России как форму русификации этих окраин и оказывали таким переселенцам административную поддержку. См., например: Ремнев 2004: 238-239; Горизонтов 1998: 148.

ляет теоретика «спасительного самостеснения» Константина Голубова²⁷, сначала — старообрядца, потом — «никонианца».

Эта идея «постколониальной аскезы» получила продолжение в более позднем сочинении Солженицына «Как нам обустроить Россию» (1990) и в других публицистических выступлениях 1990—2000-х годов²⁸.

...сегодня это звучит с тысячекратным смыслом: *нет у нас сил* на окраины, ни хозяйственных сил, ни духовных. *Нет у нас сил* на Империю! — и не надо, и свались она с наших плеч: она размозжает нас, и высасывает, и ускоряет нашу гибель [Солженицын 2005: 11].

«Органицистский» элемент историософии Солженицына становился в поздних работах все заметнее и переходил уже в откровенно этатистское мировоззрение. В «Как нам обустроить Россию» Солженицын просил советское руководство дать независимость некоторым союзным республикам — но не всем, а только неславянским, и присоединить к России Северный и Центральный Казахстан, «преображенные и восстроенные — русскими, зэками да ссыльными народами» [Там же: 10]. В более поздних статьях он резко выступал против концепции Голодомора как геноцида украинского народа, которую отстаивала значительная часть украинских политических элит, объявлял передачу Крыма Украине историческим недоразумением, а в интервью программе «Вести» в 2008 году неодобрительно отозвался об «оранжевой революции». Тем не менее он в том же интервью призвал руководителей России не вмешиваться во внутренние дела государств СНГ. Таким образом, мировоззрение позднего Солженицына стало этатистским, но оставалось антиимперским и постколониальным [Солженицын 2008].

6. 2000-е: деконструкция утопии «коллективной внутренней эмиграции»

Постколониальное отношение к территориальной экспансии, которому Солженицын дал «право голоса» в неподцензурной публицистике 1970-х, получило продолжение в русской культуре — но только через несколько десятилетий. В 1990-2000-е годы возникла целая группа произведений, в которых русский народ или гражданская нация России интерпретировались как постколониальные общности²⁹, а собственно российская территория — как заведомый *фантазм*, своего рода коллективная проекция памяти об утраченной имперской мощи.

Две противоположные стратегии в этом постколониальном письме представляют Дмитрий Быков и Елена Фанайлова. В «поэме» (романе) Д. Быкова «ЖД» (2006) сохранена характерная для Солженицына 1970-х «связка» антиэтатизма и органицизма. Постимперское население России в романе Быкова идеологически «расслаивается» на три противостоящих друг другу квазиэтнуса: «варяги» и «хазары» бьются до полного взаимоистребления за власть над «чистым», жертвенным, скрытым в глубине страны народом — «васьками» и «машками».

²⁷Философ-самоучка Голубов в 1860-е годы издавал в Пруссии, в Иоганнесбурге, под руководством своего учителя инок Павла (прозванного Прусским; 1821-1895) русские старообрядческие книги и журнал «Истина», в котором публиковались в основном сочинения самого Голубова. В 1868 г. Павел Прусский и Голубов вернулись в Россию, присоединившись к официальной («никонианской») православной церкви [Буданова Н.Ф. Вступительная заметка к комментариям к роману «Бесы»: история замысла. — Достоевский 1995: 692].

²⁸Заслуживает отдельного исследования идеологическая зависимость поздних утопических проектов Солженицына от реализованных утопических проектов «русских деревень» в США и Канаде, как сектантских, организованных в начале XX века, так и созданных эмигрантами «первой волны» — таких, как казачья деревня Чураевка, выстроенная в США на реке Помпораге в соответствии с описанием жизни вольных казачьих деревень в Сибири, представленным в романном цикле писателя-эмигранта Георгия Гребенщикова «Чураевы».

²⁹Кроме проанализированных далее произведений, можно упомянуть роман А. Волоса «Победитель» (2009), в котором автор доказывает, что «колониальная война» СССР в Афганистане послужила главной причиной распада империи.

Каждая из этих общностей («хазары», «варяги» и «васьки-машки») объединена определенным, свойственным только ей отношением к идеологиям российской власти, как их представляет себе писатель. Любая из этих групп оказывает определяющее влияние на поведение всех своих членов — как это свойственно нациям в романтических концепциях национализма. Состоящий из трех «квазиэтносов» российский народ, прекративший внутреннюю колонизацию страны, оказывается исторически бездомным.

Такое олицетворение умозрительных идеологических сущностей в виде субэтносов и есть форма органицизма, хотя и более утонченная и ироничная, чем у Солженицына: Солженицын представлял русский народ как исторически реальное «тело», а Быков демонстрирует, что его «квазиэтносы», по сути, являются реализованными историко-культурными метафорами.

Противоположную стратегию разрабатывает Елена Фанайлова в поэме «Балтийский дневник» (2008). Она деконструирует органицистское представление о «народе» и «нации»³⁰, которые предстают то как собирательное действующее лицо, то как совокупность нарративов об отдельных людях. Герой/героиня считает себя «производителем смыслов» для олицетворенного персонажа-«нации»³¹, но упомянутые в поэме частные жизненные истории одновременно подрывают и подтверждают стереотипы, существующие в его/ее представлении.

Современное положение общества предстает как следствие многовековой колонизации — Фанайлова именно так и называет этот процесс.

Нация за меня
 Пьет пиво Балтика, курит сигареты Винстон,
 Чисто как девочка со спичками
 Сидит на нефтяной трубе
 Болтая ногами
 <...>
 Выходит на улицы с красными флагами
 Выходит на улицы со свастикой на рукаве
 <...>
 Уже давно с трудом понимается,
 Зачем ей одна шестая часть суши
 Ну ладно, одна седьмая,
 Без Прибалтики и Грузии,
 Украины и Средней Азии,
 Но остальной Кавказ не отдадим,
 Зачем ей, к примеру, Сибирь,
 Где от одного до другого города
 Численностью 500 тысяч жителей
 Надо ехать 500 километров.

Ермак и Екатерина
 Боролись за природные ресурсы
 Под прикрытием православия, это понятно,
 Это вам скажет любой историк колонизации.
 Но мы-то, мы-то?
 Повидаться с товарищами

³⁰Оба этих произведения — «ЖД» и «Балтийский дневник» — уже анализировали с постколониальной точки зрения Марк Липовецкий и Александр Эткинд [Липовецкий, Эткинд 2008], поэтому я ограничиваюсь здесь только краткими замечаниями.

³¹В предисловии герой поэмы описан как афроамериканский рэппер Пафф Дэдди (реальное лицо), который якобы является «внутренним негром» «литератора Елены Фанайловой».

На выходные
За 300 км — говно вопрос [Фанайлова 2011: 47-49].

Наиболее радикальна в деконструкции органицистского представления о нации, государстве и освоении территории Фаина Гримберг в поэме «Тривиальная песня о государстве» (2006). Поэма Гримберг представляет собой аллегорическую историю российского государства, которое изображено сначала как девочка, а затем женщина, хотя иногда внезапно приобретающая мужские черты; гендерная игра подчеркнута графически, через выделение курсивом родовых окончаний глаголов, описывающих действия героини-«государства» в грамматическом среднем роде. Ее образ пародирует гендерно-окрашенные репрезентации власти, весьма значимые для истории русской культуры³², он соединяет образ «России-невесты» и императрицы-матери с типажом мелодраматической авантюристки из современных масскультных романов.

Государство Машутка бегало босенькое,
совсем достоевское
Мама Золотая Орда больно шлёпала по заднюшке
Маленькое государство крутилось в труппном дворе
на задворках истории
где блошинные рынки, свалки и сараи с дерьмом
Оно толкалось в подворотнях
со всякими там улусами,
ханствами недопуканными
и герцогствами бандитскими
бегало на ихние дискотеки хулиганские
старомодные
нюхало клей из полиэтиленового пакета,
кидалось камешками в чужие стекольные окна,
писало в тёмных подъездах
и писало на грязных стенках слова на разные буквы
И вдруг, вдруг
что-то теснило, волновало детскую грудку,
цыплячью ещё,
и бежало государство на большую дорогу
наперерез летящим в ниссан-террановых порше
сильным и очень культурным государствам
и кричало,
срывая детский голосок на ветру сквозном:
— Я тоже, тоже государство! Давайте я к вам послов пришло... [Гримберг 2006:
57-58]³³.

Наблюдателями и истолкователями поступков «государства» выступают в поэме Андрей Иванович и тётя Катя. Андрей Иванович — сквозной герой поэм Гримберг, своего рода воплощение жертвенной и рефлексивной русской интеллигенции, тётя Катя — его столь же типизированная интеллигентная подруга. Они не могут ни помочь, ни помешать страшной карьерой своей подопечной, но иррационально привязаны к ней и благодаря своей любви эстетизируют поступки государства. Здесь Гримберг прямо ссылается на сказку Э.Т.А. Гофмана о крошке Цахесе:

³²См. подробнее: Rutten 2010. В финале поэмы «Балтийский дневник» Фанайлова тоже обыгрывает образы «нации» как «девочки», «сестры» и «жены».

³³В цитатах сохранены авторские шрифтовые выделения.

Государство лежало мёртвое
 и медленно превращалось
 из отвратного мёртвого крошки Цахеса
 в красивого мёртвого Циннобера
 <...>
 И перед глазами его [Андрея Ивановича],
 то есть перед внутренним взором,
 трепетало зрелище государства,
 такого,
 каким *она* когда-то некогда
 вбежало, влетело стремглав
 в интерклуб сильных государств,
 растрёпанное, босенькое,
 в грязном платьишке,
 Достоевское насквозь,
 на тонкой шейке византийский серебряный крестик болтается,
 а в кулачке замурзанном амулетик монгольский зажат,
 вбежало влетело закричало яркоглазое:
 — Люди! Я маманьку замочило!..
 И Андрей Иванович тогда сказал тётке Кате:
 — Катерль! Это будет великое государство!..
 и показал пальчиком... [Там же: 61, 62].

У Куваева колониационное насилие (борьба героев с косной чукотской природой, аллюзивно отсылающая к лагерному опыту — через отождествление реального Дальстроя и изображенного в романе Северстроя) изображено как необходимое, а причиняемая им травма «искуплена» героическим самопреодолением самих колонизаторов. У других авторов, писавших о внутренней колонизации — Солженицына (старшего современника Куваева), Быкова, Фанайловой и Гримберг (чьи анализируемые здесь произведения созданы уже в 2000-е) — социальный порядок России представлен как результат насилия, чьим следствием стала коллективная психологическая травма, ныне «вписанная» и в сам этот порядок, и в идентичность повествователя. Поэтому произведения Солженицына, Быкова, Фанайловой и Гримберг могут быть с равными основаниями называны постколониальными.

Но вот рецепты выхода из постколониального состояния в этих сочинениях принципиально различны. Солженицын предлагает фактически принять коллективное, «соборное» решение по «проработке прошлого». Быков мечтает, что травмированная идентичность может быть излечена чудом, посланным свыше (см. финал романа «ЖД»). Фанайлова и Гримберг пишут о необходимости постепенной трансформации постколониального сознания путем индивидуальной внутренней работы, Гримберг — «от противного» (согласно ее поэме, интеллигент, привыкший верить в силу и прекрасное будущее государства, после его ослабления может только эмигрировать — следовательно, такая безоговорочная вера имеет привкус патологии), Фанайлова — эксплицитно.

Нация
 Хоть ты и совершенно безмозглая и безнравственная
 Хоть ты и никому не нужна
 Дурочка, поражена
 В правах, дочка, сестра, жена
 Это тебе всё кажется
 Наконец очнись, давай отважимся
 Встать, улыбнуться и покраситься

Сделать зарядку
А потом одеться и отправиться

Попробуем отвязаться
Разведчица, маленькая разбойница

Первая редакция [Фанайлова 2011: 60].

7. Эрозия идеологемы аккультурации в 1970-е годы: Ф. Искандер и С. Липкин

Для того, чтобы проследить историю становления второй ветви российского «постколониального письма», — той, что деконструирует мифологию уже не освоения, а аккультурации, — необходимо вернуться назад, к описанию позднесоветской культуры. Послесталинская аккультурация во многом была основана на восстановлении безвозвратно утерянного *status quo* малых народов СССР. Те этносы, которые не были депортированы, сохраняли память о массовом истреблении своих политических и культурных элит в 1930—1940-е годы.

В середине 1950-х некоторым из депортированных разрешили вернуться обратно (но такого разрешения не получали вплоть до перестройки корейцы, крымские татары, немцы Поволжья, турки-месхетинцы, финны-ингерманландцы и др.). Однако дома изгнанников были уже заселены жителями других республик или центральной России, поэтому возвращение «принудительных мигрантов» (в терминологии Павла Поляна [Полян 2001]) сопровождалось всплесками межнациональной розни и прямого насилия.

В период «оттепели» в «автономных республиках» была отменена часть одиозных русификаторских языковых практик, объявленных «перегибами»³⁴. В советских автономиях произошло формирование нового типа элит — прагматичных, дозированно использовавших национальные лозунги и всегда готовых к репрессиям против местных националистов [См. об этом, например: Суни 2004: 193-195].

Несмотря на использование марксистской интернационалистской риторики, проводники такой ситуативной политики не могли противопоставить требованиям националистов никаких универсалистских проектов, каким был большевизм в 1920-е годы. В 1920-1930-е годы элиты «автономных республик» (впоследствии большей частью репрессированные) были агентами национального строительства, но для их преемников этот путь был в целом закрыт, потому что современные нации в СССР были *уже* сконструированы.

Ментальный и эмоциональный вакуум стал особенно ощутимым в 1970-е годы, когда СССР оказался в ситуации общего идеологического кризиса. Именно тогда наиболее проницательные наблюдатели пришли к выводу: советская модернизация, которая реструктурировала этносы империи, а некоторые народы создала заново и в целом включила народы СССР в универсалистский исторический проект, одновременно была насилием, породившим тяжелую историческую травму. Переживание модернизации и травмы как двух аспектов одного и того же процесса было характерно и для первых постколониальных теоретиков, писателей и публицистов из «развивающихся» стран.

В 1970-е годы к рефлексии этой проблемы одновременно подошли авторы нескольких национальных литератур, существовавших на территории СССР. Но я буду рассматривать примеры только из литературы на русском языке. В осознании постколониальной проблематики она была не единственной, но особенно важной, так как именно литература, написанная на «языке межнационального общения», явным образом совмещала оптику колонизатора и «туземца».

³⁴Подробнее об этих русификаторских нормах и их квалификации как «перегибов» см., например: Завьялов 2006: 345-346.

Одним из самых ярких авторов, писавших о советской аккультурации, был Фазиль Искандер. Самый «постколониальный» его роман — «Сандро из Чегема» (1973—1981³⁵). Подробный анализ этого романа потребовал бы обширной монографии, и здесь я вынужден буду ограничиться лишь краткими замечаниями, но отмечу, что первой к постколониальному пониманию романа пришла Марина Каневская — один из наиболее глубоких интерпретаторов творчества Искандера [Каневская 2005]³⁶.

Советская либеральная критика считала Искандера своего рода кавказским собратом русских писателей-«деревенщиков». Сегодня можно видеть, что это сопоставление было следствием своего рода оптической иллюзии, вызванной общностью поколения (и Искандер, родившийся в 1929-м, и «деревенщики», родившиеся в 1920—1930-х годах, принадлежали к «шестидесятникам») и сугубо внешним сходством места действия: как известно, действие большинства произведений Искандера отнесено к вымышленному абхазскому селу Чегем. Сходство это внешнее потому, что абхазское и русское село — образования принципиально разные. У героев Искандера не было памяти ни об общинном землевладении, ни о мучительно отделявших себя от общины «кулаках». Их память о владении землей до коллективизации индивидуальна и идиллична. Создание колхозов становится для них коллективной травмой — страшной, но исторически первой, — а не очередным этапом распада общины.

В произведениях «деревенщиков» — Федора Абрамова, Василия Белова, Валентина Распутина, раннего Виктора Астафьева, в «Матренином дворе» Солженицына — деревенские жители показаны глазами городского интеллектуала, который чувствует, что героев объединяют домодерные, «вечные» этические ценности рода и семейных связей — или даже, что наивный деревенский житель интуитивно чувствует эти ценности лучше, чем рефлекслирующий, приспособляющийся к властям и социальным условиям советский интеллигент (см. повесть В. Белова «Воспитание по доктору Споку», 1978)³⁷.

Напротив, в произведениях Искандера сам повествователь словно бы разъят на противоречащие друг другу голоса. Такое «расщепление» можно считать выражением одного из ключевых принципов модернистской эстетической традиции — проблематизации субъекта литературного высказывания. Характерный жест искандеровской прозы — иронически преувеличенное толкование жеста или фразы, сказанной абхазцем, для русского читателя, или для самого рассказчика, который чувствует, что не понимает происходящего. Это подробное, бесконечно разрастающееся толкование, предлагающее множество трактовок того или иного поступка, парадоксально свидетельствует о том, что «всевидящий» повествователь, напоминающий нарратора в произведениях Льва Толстого³⁸, не может дать окончательного объяснения происходящих событий и сам часто не уверен в своих интерпретациях.

Помню [после этого разговора], в голове застрял какой-то обрывок мысли насчет того, что не только люди создали богов по своему подобию, но и каждый человек в отдельности создает бога по своему подобию. Впрочем, возможно, я об этом подумал не тогда, а несколько позже, а то и раньше [Искандер 1991: I: 48].

³⁵Впервые фрагменты из романа были опубликованы в журнале «Новый мир» в 1973 году (№ 8, 9, 10, 11), отдельное издание вышло в 1977 году, но было сокращено цензурой примерно в три раза, полный текст впервые напечатан в США в двух томах: Ann Arbor, 1979, 1981. В СССР дополненный и заверченный текст был издан в 1989 году в трех томах, версия, объявленная писателем окончательной — в 1991-м. В дальнейшем роман цитируется именно по этому последнему изданию: Искандер 1991.

³⁶Марина Каневская погибла в 2002 году, и статья была опубликована посмертно.

³⁷См. об этом в статье Нэнси Конди в сборнике «Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России: Сб. статей» / Под ред. А. Эткинды, Д. Уффельмана, И. Кукулина. — М.: Новое литературное обозрение, 2012.

³⁸Литературоведы уже анализировали переклички между нарративными техниками Искандера и Л. Толстого, в том числе и использование в прозе Искандера фигуры «всевидящего» повествователя: Ryan-Hayes 1988; Сарнов 1978; Каневская 2005.

Искандеру важна не столько родовая «круговая порука» (хотя он и пишет о разрушенном единстве семьи как об одной из тяжелейших утрат, понесенных людьми в XX веке), сколько атмосфера взаимопонимания, которая может связывать *разные* семьи и представителей разных этносов. Утрата психологического и культурного разнообразия в Чегеме и во всей Абхазии сопровождается распадом непосредственных эмоциональных связей и поэтому оказывается частью общей катастрофы изначального «чегемского» уклада: «...не слышно греческой и турецкой речи на нашей земле, и душа моя печалится, и дух осиротел. <...> Я привык слышать в воздухе родины абхазскую речь, русскую речь, грузинскую речь, мингрельскую речь, армянскую речь, турецкую речь, и теперь, когда из этого сладостного многоголосия, из брызжущего свежестью щебета народов выброшены привычные голоса, нет радости слуху моему, нет упоения воздухом родины!» («Харлампо и Деспина»).

Эта атмосфера доверия, описанная как часть репреспективной утопии, в то же самое время входила в состав утопии перспективной, футурологической — и специфически интеллигентской. Близкие неформальные отношения, основанные на иронии и взаимной приязни, стали одной из главных ценностей для литературы «шестидесятников»; впоследствии, в 1970-е, такие отношения были осмыслены как единственная возможная защита от давления репрессивного государства и нетолерантного общества.

Надежда на спасительную взаимную поддержку была воплощена в знаменитой песне Булата Окуджавы «Давайте восклицать» (1975). Призыв к коллективной солидарности, который стал художественной и идейной формой для воплощения этой важной для советских 1960-х эмоции, обусловил ее особый статус в позднесоветской интеллигентской культуре — она стала настоящим социальным кредо нескольких поколений. Однако у Искандера эта эмоция проникнута ироническими интонациями и мотивирована ностальгией по утраченной чистоте сельской жизни.

Согласно Марку Липовецкому, в главе о Сталине — «Пирь Валтасара» — как, впрочем, и в других новеллах, составляющих роман — Искандер показывает, что «тоталитарный порядок опирается на традиционные народные обычаи, „всего лишь“ меняя их ориентацию — направляя их на религиозное поклонение власти и против самых робких проявлений достоинства личности» [Липовецкий 2000: 289]. Чегем, по Искандеру — потерянный рай, но чегемцы могут заблуждаться не больше и не меньше, чем городские, «долинные» жители. Более того, в репрессивной модернизации участвует сама чегемская природа: священное дерево грецкого ореха, растущее в Чегеме, после начала коллективизации начинает отчетливо отзываться на каждый ритуальный удар топора словом «кумхоз-з-з-з...», то есть «колхоз» — правда, «произносит» его дерево с выговором «цивилизованного» райцентра Кенгурск [Искандер 1991: I: 158-166]. Сами же чегемцы постоянно подозревают во всех дурных событиях козни эндурцев — жителей соседнего «вражеского» села. Смысл противопоставления чегемцев и эндурцев подробно проанализировал сам Искандер в манифестарном предисловии к итоговому изданию:

...эндурцами могут быть представители любой нации. Эндурцы — это и наш предрассудок (чужие), и образ дурной цивилизации, делающих нас чужими самим себе. Однажды мы можем проснуться, а кругом одни эндурцы, из чего не следует, что мы не должны просыпаться, а следует, что просыпаться надо вовремя. Впрочем, поиск и выявление эндурцев и есть первый признак самих эндурцев [Искандер 1991: I: 6].

В этом указании на скрытое в «патриархальной» картине мира противоречие абхазский писатель ближе не российским «деревенщикам», а скорее постколониальной ветви латиноамериканской прозы, от раннего Алехо Карпентьера («Царство земное») до Габриэля Гарсиа Маркеса («Сто лет одиночества»), вообще близкого Искандеру по своей склонности к иро-

нии и притче [Брикер, Дальгор 1984]. Предвестием такой позиции в русской литературе была повесть А. Платонова «Котлован» (возможно, известная Искандеру еще в период написания «Сандро...»), в которой коллективизацию помогает осуществлять медведь. Функционально медведь-обобществитель не слишком отличается от орехового дерева, отчетливо произносящего «Кумхоз-3-3-3...».

Несмотря на то, что в Абхазии во времена коллективизации правил местный уроженец, всемогущий Нестор Лакоба, герои Искандера воспринимают репрессивную власть не только как чужую, но и как инокультурную. Милиционера, который собирается везти на судмедэкспертизу в райцентр кости, оставшиеся от обгоревшего трупа (действие происходит в начале 1930-х), возмущенные родственники покойного отговаривают, обращаясь к нему с риторическим вопросом: «Ты из России приехал или из Кенгурска?» [Искандер 1991: I: 179].

Олицетворение всех нравственных достоинств традиционной абхазской деревни, старый Хабуг (отец Сандро), вынужден признать, что новая власть, лишая крестьян земли, одновременно открывает школы в самых высокогорных районах: «... пусть среди этих чесучовых кителей будут наши люди, которые, может быть, откроют глаза этим горлопанам...» [Искандер 1991: I: 156].

Дядя Сандро Чегемба (то есть «чегемский», олицетворяющий Чегем, центр искандеровского мира!), трикстер, «лучший тамада всех времен и народов», типичный персонаж плутовского романа, оказывается медиатором не только между чегемцами и властями, — человеком, которому «позволено клясться именем Нестора [Лакобы]», — но и между двумя голосами расщепленного рассказчика. В романном пространстве ему сохраняет жизнь начальство, вплоть до Сталина, но на метатекстуальном уровне именно Сандро автор делает хранителем памяти об истории XX века.

Такая позиция — характерно постколониальная. Описывая «чегемские» ценности как универсальные, повествователь Искандера отделяет себя от них на критическую дистанцию. Его отношение к Сандро — своего рода концентрированное выражение тех смешанных чувств восторга и горечи, на которых основано это дистанцирование.

Постколониальный характер памяти Сандро особенно ясно заметен в новелле «Пиры Валтасара». В ее финале выясняется, что еще ребенком Сандро встретил на горной дороге Сталина — в ту пору молодого террориста, удиравшего с награбленными деньгами после очередного «экса» — и от испуга соврал отцу о том, по какой дороге ушел с навьюченными лошадьми неизвестный ему разбойник. Через много десятилетий Сандро считал, что спас Сталина от поимки и ареста — но отказывался принимать на себя вину за дальнейшую карьеру диктатора:

— Как сейчас вижу, — говаривал дядя Сандро, — все соскальзывает с плеча его карабин, а он все его зашвыривает на ходу, все подтягивает не глядя. Очень уж у Того покатое плечо было...

При этом дядя Сандро глядел на собеседника своими большими глазами с мистическим оттенком. По взгляду его можно было понять, что, скажи он вовремя отцу о человеке, который прошел по нижнечегемской дороге, вся мировая история пошла бы другим, во всяком случае, не нижнечегемским путем.

И все-таки по взгляду его нельзя было точно определить, то ли он жалеет о своем давнем молчании, то ли ждет награды от не слишком благодарных потомков. Скорее всего, по взгляду его можно было сказать, что он, жалея, что не сказал, не прочь получить награду.

Впрочем, эта некоторая двойственность его взгляда заключала в себе дозу демонической иронии, как бы отражающей неясность и колебания земных судей в его оценке [Искандер 1991: I: 252-253].

Для того, чтобы совместить позиции жертвы истории и инициатора ее важнейших событий, Сандро Чегемба прибегает к тотальной эстетизации, превращении ее в цепочку притч

или застольных баек, а самого себя — в театрализованную, «немного оперную фигуру» [Искандер 1991: I: 32]. Однако повествователь, описывая Сандро, указывает на «зазор» между эстетизированной версией истории-тоста и другой историей — событием катастрофы, которое можно назвать, но невозможно описать последовательно. Эта катастрофа — распад рода старого Хабуга (часть его родственников погибла в результате политических репрессий, другие были измучены бытовыми тяготами, третьи потеряли остатки былой общинной солидарности и десятилетиями ведут бесконечные дразги) и потеря чувства «Тайны» — эротически окрашенной привязанности крестьянина к своей собственной земле.

Второе, столь же важное произведение об аккультурации, созданное в 1970-е годы — повесть Семена Липкина «Декада» (1979-1980)³⁹, в еще большей степени, чем «Сандро из Чегема», написанное без оглядки на цензурные нормы: в нем обсуждаются не только сталинские «этнические чистки», но и советская национальная политика как ленинских, так и сталинских и послесталинских времен. Даже если бы на имя Липкина в начале 1980-х не было наложено цензурное табу⁴⁰, ни одного фрагмента из «Декады» опубликовать в советской печати было бы невозможно.

Так как повесть Липкина известна гораздо меньше, чем роман Искандера, вкратце скажу о ее сюжете. Она описывает историю вымышленной северокавказской республики — Гушано-Тавларской АССР, населенной двумя народами, равнинным — гушанами, и горным — тавларами (слово «тавлар» в некоторых тюркских языках означает просто «горцы»⁴¹). Это воспроизводит реальную схему организации сразу нескольких реальных автономных республик и автономных областей Северного Кавказа, населенных двумя народами: Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии, Чечено-Ингушетии... История вымышленной Гушано-Тавларии с 1930-х до 1970-х годов показана читателю глазами поэта по имени Станислав Бодорский, который зарабатывает переводами стихов с гушанского и тавларского, — он описан одновременно с иронией и сочувствием.

Психологически образ Бодорского во многом «срисован» с Арсения Тарковского вплоть до узнаваемых деталей — например, Липкин пишет о склонности героя рассказывать о своей древней польско-кавказской родословной⁴². Однако история Бодорского, при аналогичной внешней канве, не вполне похожа на реальную биографию Тарковского и отчасти напоминает биографию самого Липкина. Бодорский специализируется на переводах гушанской и тавларской поэзии, узнает о насильственной депортации тавларов в 1944 году (гушаны оказываются спасены от депортации благодаря сложной интриге, проведенной в Москве «гушанским» секретарем рескома ВКП (б) Даниялом Зауровым), в 1958 году в Чечено-Ингушетии становится свидетелем волнений русского населения, которые были вызваны стычками с

³⁹Это произведение было впервые опубликовано в Нью-Йорке в 1983-м (Chalidze Publications), в СССР — в журнале «Дружба народов» в 1989-м, отдельным изданием — в 1990-м; характерно, что в отдельном издании было указано, что оно выходит в серии книг, наиболее востребованных читателями журналов, но в дальнейшем «Декада» не переиздавалась.

⁴⁰Липкин несколько лет не мог печататься под своей фамилией после того, как опубликовал подборку стихов в альманахе «МетрОполь». Когда в 1979 году Виктор Ерофеев и Евгений Попов были исключены из Союза писателей за участие в альманахе, Семен Липкин и его жена, поэтесса Инна Лиснянская, вышли из организации в знак протеста; это же сделал и Василий Аксенов. Этот поступок серьезно осложнил Липкину и Лиснянской дальнейшую жизнь в СССР — Аксенов же, как известно, вскоре после выхода альманаха эмигрировал. Можно предположить, что именно после выхода из СП Липкин счел, что может теперь действовать без оглядки на цензуру — и приступил к написанию «Декады».

⁴¹Благодарю за консультацию Б.А. Каца.

⁴²Как известно из воспоминаний о Тарковском, он любил рассказывать впечатляющую, но, возможно, не имевшую реальной основы историю о том, что его род происходил от кумыкских шамхалов Дагестана, чьи генеалогические корни восходили к хазарским каганам VIII в., и что один из этих шамхалов якобы некогда перешел на польскую службу. Дочь поэта Марина Тарковская полагала, что Тарковский происходил не от кавказских предков, а от из обедневшего и обукраинившегося польского шляхетского рода [Тарковская 1992; Тарковская 1999: 43]. Новую попытку обосновать дагестанскую родословную Тарковского см.: Алиев 2000.

возвращавшимися из ссылки чеченцами (реальное событие — разумеется, замолчанное советской печатью [См., например: Кузнецова 2005; Козлов 2011]), в 1960-1970-е годы поддерживает контакты с тавларскими интеллигентами, которые борются за сохранение национальной культуры.

Напомню факты биографии Липкина, важные для понимания исторического и психологического контекста повести. Липкин, выросший в Одессе, учился как поэт у Эдуарда Багрицкого, в 1929 году по его совету переехал в Москву, где начал публиковать стихи в газетах и журналах и вошел в складывавшуюся вокруг Георгия Шенгели группу молодых поэтов, которые интересовались скорее продолжением традиций «серебряного века», нежели участием в советской литературной политике. В эту группу входили, кроме Липкина, Арсений Тарковский, Мария Петровых и Аркадий Штейнберг. Для того, чтобы найти в советской ситуации возможность выживания⁴³, они стали переводить с языков народов Кавказа и советской Средней Азии, чаще всего по подстрочникам (впрочем, Липкин тогда же, в 1930-е, выучил персидский — напомню, что таджикский язык, отделившийся от персидского в XV веке, сохраняет с ним большую близость).

Как много позже вспоминал Липкин, сначала он рассматривал перевод как деятельность, необходимую только для заработка и социальной адаптации, но быстро почувствовал интеллектуальную и экзистенциальную увлекательность задачи, установил дружеские связи с поэтами заново «организованных» литератур народов СССР и чувствовал себя полноценным участником исторически масштабного процесса национального строительства. «Мы, — писал он от лица четырех поэтов «шенгелиевского» круга, — <...> трудились, исполненные чувства ответственности перед развивающимся национальным самосознанием» [Липкин 1990: 8].

Сталинские депортации народов в 1944 году Липкин воспринял как личную катастрофу: «Когда в эпоху сталинского геноцида решили ликвидировать как нации калмыков, чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, крымских татар, я с ума сходил от невыносимой боли, я плакал по ночам, вспоминая высланных друзей. Эта боль мучает меня и поныне», — писал Липкин в 1989 году [Там же]. В своем перечислении Липкин стремится не забыть ни один из депортированных этносов — правда, не упоминает поволжских немцев, вероятно, потому, что в его культурный горизонт переводчика входили в первую очередь «восточные» (мусульманские) народы.

Перед нами — ситуация, *прямо противоположная* той, что описывает Эдвард Саид в книге «Ориентализм». Саид полагает, что интеллектуалы — специалисты по изучению «Востока вообще» — способствовали экзотизации мусульманских народов Передней и Средней Азии, восприятию их в западноевропейских культурах как единого целого и тем самым — вырабатывали «знание-власть» (по М. Фуко) и превращали мусульман Азии в отчужденный объект колониального управления со стороны европейских держав. Можно обсуждать, в какой мере Липкин, Тарковский, Петровых и Штейнберг в довоенный период способствовали экзотизации тех народов, чью поэзию они переводили — но несомненно, что они лишь в очень малой степени чувствовали себя представителями колониальной власти. В период же после депортации знание интеллектуала (этнографа, историка или переводчика) оказывается своего рода *контр-властью*, основой для *антивластной солидарности* с колонизированными

⁴³В 1930-е годы Липкин публиковал в журналах совершенно советские по идеологии и риторике стихи. По-видимому, первоначально он «мигрировал» в переводы не столько от невозможности приспособиться к советской стилистике, — освоить ее Липкину, кажется, было не очень сложно — сколько из-за ощущения личной эмоциональной и психологической несовместимости с нормами повседневной советской литературной жизни второй половины 1930-х и более позднего времени — агрессией, взаимным подсиживанием, демонстративной неприязнью к другим культурам. Липкин был членом Союза советских писателей с момента его основания в 1934 году, но от постоянных нападков были тогда до некоторой степени застрахованы только авторы, уже приобретшие известность к концу 1920-х годов, Липкин же был молодым и не слишком признанным поэтом.

ми народами, не имеющей никаких рычагов политического влияния и вообще публичного выражения.

Советская программа «утопического колониализма» предполагала, что революция и советская модернизация вводят колониальные народы в пространство исторического и государственного существования. Искандер и Липкин показывали, что это вхождение в историю и универсалистскую культуру одновременно является репрессией и травмой, и отделить друг от друга процессы модернизации и репрессии невозможно.

В фикциональном историческом очерке о Гушано-Тавларии, приведенном в одной из первых глав «Декады», Липкин доказывает, что народы Северного Кавказа имеют не менее древние корни, чем славяне, и на протяжении всей повести регулярно отстывает в дореволюционную историю «гушанов» и «тавларов».

Потомок высланных тавларов, литератор-полудиссидент Алим Сафаров пишет о жизни своего народа по-русски (как и, к примеру, реальный Фазиль Искандер), и живет в гражданском браке с русской поэтессой-авангардисткой Олей, которая создает верлибры — что означало в контексте 1970-х, что она работает почти без надежды на публикацию. Сафаров отдает себе отчет, что его «семейная жизнь» нарушает сразу обе релевантные для него системы координат — авторитарную советскую и кавказскую, традиционалистски-мусульманскую по своему происхождению.

Повесть завершается двумя «состыкованными» фрагментами. Первый из них — дневник Сафарова, где тот размышляет, что значит для него быть тавларом и мусульманином, второй — размышления Бодорского (с которыми практически сливается голос незримого повествователя) о будущем (пост)имперской культуры. Больше всего Бодорский и повествователь боятся предошущаемого ими распада СССР, который они интерпретируют не как геополитическую катастрофу, а как очередную культурную травму:

Российская империя, как и Британская, была завоевательницей, но русский народ никогда не был надменным завоевателем, захребетником. Русские люди жили в нищете, унижающей душу неволе, а романовская империя одевала их в шинели и гнала на Восток. Они делили со всеми своими соотечественниками горе и нужду рабства, память и свет надежды. <...> Нас [людей русской культуры и жителей имперских окраин — *И.К.*] соединили не скоморошные слова о том, что жить стало лучше и веселее, а голодные села, аулы и кишлаки в пору всеобщей коллективизации, не многогектарные цветники вокруг вилл управителей, а зоны концентрационных лагерей, нас соединили не государственные застолья <...> а слезы вдов и матерей тех, кто не вернулся с полей страшной, долгой войны.

<...> Национальное самосознание крови всегда бездарно, всегда бесплодно, национальное самосознание культуры всегда талантливо, всегда плодотворно. Национальное самосознание крови есть бессмысленный и жестокий бунт бездарности против национального самосознания культуры.

<...> О вершины Кавказских гор, не отрывайтесь от России, ибо, если оторветесь, вы будете по ней тосковать, по моей бедной России, долготерпеливой моей России [Липкин 1990: 179].

Таким образом, герой Липкина сопоставляет жертв внешней и внутренней колонизации России и доказывает, что они должны не враждовать, а быть солидарными, так как их общий враг — имперская власть. В призывах к «солидарности травмированных» Липкин переносит на межэтнические и межкультурные отношения стратегию, которая, по мнению Эткинды, была характерна для классической русской литературы конца XVIII и XIX веков. Однако в литературе периода «классической» империи солидарность имела внутри-, а не межкультурный смысл.

От Радищева и далее многие русские писатели были жертвами преследований внутри своей страны. Эти белые мужчины принадлежали к угнетенному меньшинству. <...> Их маргинальные чувства породили канонические тексты. В этом отличие русской литературы от других классических литератур, к примеру британской или американской. В тех случаях, когда канон порожден доминирующей культурой, современные критики обращаются к маргинальным текстам, чтобы найти метафоры, адекватные своему опыту. В нашем случае канонические тексты созданы теми, кто подвергался дискриминации [Эткинд 2003: 122-123].

Эта, проанализированная Эткингом особенность русской литературной традиции и дала Липкину риторический ресурс для того, чтобы парадоксальным образом интерпретировать случай Сафарова как историю «нормального» (то есть не-советского) *русского* писателя. Стремление Алима быть «постколониальным» автором, по Липкину, выводит его за рамки советского этоса, но тем самым автоматически помещает его в традицию русской классической литературы, к которой принадлежит и Бодорский. Последняя фраза приведенной выше цитаты из размышлений Бодорского (она — последняя и во всей повести Липкина) отчетливо отсылает к 50-й строфе 1-й главы пушкинского «Евгения Онегина»:

Пора покинуть скучный брег
Мне неприязненной стихии,
И средь полуденных зыбей,
Под небом Африки моей
Вздыхать о сумрачной России,
Где я страдал, где я любил,
Где сердце я похоронил⁴⁴.

Африка для Пушкина была одновременно колониальным пространством, откуда Россию приехал его предок Абрам Ганнибал, и образом утопической, невозможной свободы [См. также: Neromnyashchy, Trigon 2006; Bethea 2006]. Липкин «подхватывает» эту сложную ассоциацию, неявно сравнивая кавказские республики с рассказчиком «Евгения Онегина». Однако позднесоветский писатель решительно меняет ракурс рассмотрения: вместо романтически-индивидуалистического «я» произведений Пушкина в центре монолога его героя оказываются «мы». Кавказ и Россия связаны и сопоставимы как пространства, в которых пережиты страдания общего, коллективного «мы». Истоки подобного сопоставления можно видеть еще в повести Л.Н. Толстого «Хаджи Мурат» (1896-1904), но Липкин по сравнению с Толстым резко акцентирует мысль о том, что сходство травм — знак общности исторической судьбы жертв внутренней и внешней колонизации.

8. Постсоветский период: новое «деколониционное письмо»

В начале 1990-х годов на языках бывших *subaltern nations* распавшегося СССР формируются «правильные» постколониальные литературы, демонстрирующая расколотость и гибридность постсоветского постколониального субъекта. В некоторых случаях это было вызвано прямым влиянием концепции постколониального письма, которую авторы усвоили из аналитической литературы («Полевые исследования украинского секса» Оксаны Забужко, 1996)⁴⁵, но иногда вырастало из непосредственной культурно-психологической интуиции ав-

⁴⁴Если прочитать заключительный монолог Бодорского с учетом этой пушкинской цитаты, он может быть понят как объяснение Липкина, почему после разгрома «МетрОполя», оскорбительных выпадов со стороны руководства Союза писателей (Феликс Кузнецов публично назвал его «Липкин-Влипкин») и выхода из СП поэт не считал возможным эмигрировать.

⁴⁵Забужко сама регулярно выступает в академических и популярных изданиях как теоретик правого постколониального феминизма в Украине. См. об этом: Жеребкин 2007: 273, 276, 287, 289; Жеребкин 2008: 150-155. Из работ самой Забужко на эту тему см., например: Забужко 2002.

тора («Стужа» Василя Быкова, 1969). Эту повесть, по меркам 1969 года совершенно «непроеходимую», в 1991 году Василь Быков доработал, опубликовал и перевел на русский⁴⁶.

В русской литературе новый этап осмысления колониальной проблематики начался в 1980-е — его инициировали представители «рижской» и «ферганской» школ, действовавших на окраинах империи [Кукулин 2002а; Кукулин 2008а]. Однако на территории метрополии эта постколониальная рефлексия оформилась только в 2000-е годы — тогда же, когда в русской поэзии началась интенсивная рефлексия исторической травмы в целом [См. об этом: Кукулин 2008б; Кукулин 2009]. Постколониальной интерпретации подверглись оба типа советских имперских практик — освоение и аккультурация. Разработанные в 2000-е годы разновидности постколониального изображения имперского освоения мы уже обсуждали — это произведения Д. Быкова, Е. Фанайловой и Ф. Гримберг. Теперь следует сказать о том, как в 2000-е годы была продолжена традиция постколониального изображения аккультурации, основанная Фазилем Искандером и Семеном Липкиным.

«Письмо аккультурации» 2000-х годов основано на той же идее расколотости и гибридности субъекта, что и «письмо освоения», однако его эстетическим источником является не только собственно проза Искандера и Липкина, но и произведения о скрытых, «забытых» этнических и религиозных меньшинствах, изначально имевшие метафорический характер — такие, как рассказ Николая Байтова «Леночка» (конец 1980-х) о некой неназванной народности, вопреки всем гонениям сохраняющей свои ритуалы в современном многокультурном мегаполисе⁴⁷.

Среди постколониальных произведений об аккультурации наиболее заметными являются проза Дениса Осокина, особенно его повесть «Овсянки», некоторые стихотворные циклы Сергея Завьялова и отдельные стихотворения Екатерины Соколовой. Во всех этих сочинениях колонизация предстает как вытесненная из памяти общества травма, которую анализирует «постколониальный субъект». Герои произведений этих авторов стремятся осознать, подобно Алимусу Сафарову, каким образом в их сознании переплетаются элементы полузабытой «родной» — точнее, уже не совсем родной, а скорее заново изобретенной — культуры и общего постимперского, универсально-«общезападного» социального порядка. Однако речь во всех этих случаях идет об аккультурации не кавказского народа, отличающегося от русских очень заметно, а угро-финских народов Поволжья и Северного Приуралья, которые не воспринимаются как экзотические и вдобавок населяют территории, традиционно воспринимаемые как сугубо «русские». В самом деле, что может быть более географически русским, чем Волга?

Понятие «внутренняя колонизация» меняет значение: у названных авторов речь всякий раз заходит о народе, который некогда был колонизирован, однако неизвестен нынешним потомкам колонизаторов и растворился среди них — но не до конца.

Наиболее ясный пример такого письма представляют произведения Сергея Завьялова, который сам определяет свое нынешнее творчество как постколониальное [См. подробнее: Орлицкий 2008] и регулярно печатает публицистические статьи на «постколониальные» темы [См., например: Завьялов 2010а]. Рассмотрим поэму Завьялова «Четыре хорошие новости» (2008) — вариацию Четвероевангелия, повествующую о том, как к народам исторической Мордовии (Мордовская АССР, Пензенская и Нижегородская области) — эрзянам, мок-

⁴⁶Колониальную проблематику в беседе с В. Быковым обсуждала филолог-белорусист Зина Гимпелевич. См. ее перевод беседы с Быковым на английский в Интернете: Two Interviews with Vasil Bykau (1995, 1996) (<http://belarus8.tripod.com/ZapisyBINIM/23.05.htm> [18.08.2011]).

⁴⁷Подробнее об этом рассказе и о восходящей к нему эстетической традиции см.: Кукулин 2002б.

шанам, мишарям⁴⁸ и русским, в 1970-е годы приходит Инешкайпаз⁴⁹, демиургическое божество дохристианского мордовского пантеона. Инешкайпаз, хотя и совершает чудесные исцеления, остается неузнанным, находит немногочисленных учеников, подвергается вместе с ними преследованиям милиции, гибнет в пятницу на Страстной неделе, и, возможно, воскресает в день Пасхи. Инешкайпаз оказывается неузнанным подлинным Христом, отвергнутым русскими колонизаторами.

И разнеслась молва о нём по всей Мордовской АССР, и представители национальной интеллигенции сказали: «Вот пришёл тот, кто говорит, что он — Сын Эрзянский, а сам любит пожрать и выпить, друг разному ворью и шлюхам?»

1. Да что угодно можно было говорить об этой странной компании, сидевшей в том августе вечерами, как тут говорили, «в кафе» —

2. вонючей ардаатовской⁵⁰ столовке — через дорогу от никогда не разбиравшейся праздничной трибуны из размалёванной фанеры;

3. вид у всех был измученный и уставший, или, как сказали бы в стихах, *трудящийся и обременённый*;

4. ели, не помыв рук, пили водку, мрачно смотрели перед собой, отказывались говорить по-русски...

<...>

1. В общем-то, всем известно, чем эта затея кончилась, когда вся эта компания решила остаться в Нижнем [Новгороде] до Пасхи.

2. Все слыхали, что произошло в пятницу около 12.00 по московскому времени на Георгиевском съезде, что — в воскресенье около ноля часов на Бугровском кладбище,

3. Но главное: жизнь в городе дезорганизовать не удалось, работали метрополитен и наземный пассажирский транспорт,

4. порядок поддерживался исключительно силами милиции

5. без участия ОМОНа, без точечных бомбардировок, без взрывов в многоэтажных домах.

6. Так что никакой *Меч* никто не пронёс: остался на Мордовской *земле Мир* и в многонациональных её *человеках* — *благоволение*.

7. И согласие сына с отцом его, и дочери с матерью её,

8. и свекрови с невесткой её, и тещи с зятем её,

9. и всякого начальника с подчинённым его⁵¹.

Однако после этого мрачно-иронического сообщения о том, что приход Инешкайпаза не смог привести к национальному восстанию или хотя бы к установлению более справедливых общественных отношений, вдруг следует возгласение на мордовском языке, завершающее поэму: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа» — оно-то и оказывается подлинным финалом:

⁴⁸Мишари (*устар.* мешеряки) — тюркоязычная этническая группа в Поволжье. Верующие мишари — мусульмане. Считаются либо обращенными в мусульманство потомками финно-угорского племени мешера, либо потомками татар Золотой Орды. Вплоть до настоящего времени у этнографов нет общепринятой гипотезы по этому вопросу, однако Завьялов считает мишарей народом угро-финского происхождения (об этом он говорил, комментируя поэму во время презентации книги «Речи» в московском книжном магазине-клубе «Bilingua» 5 декабря 2010 г.).

⁴⁹Написание «Инешкайпаз» — продукт историко-лингвистической реконструкции, произведенной Завьяловым, оно не совпадает с вариантами имени этого божества в двух главных диалектах мордовского языка: в эрзянском диалекте это божество именуется Инешкипаз, в мокшанском — Шкабаваз. Оно упоминается в эпической поэме «Масторава», реконструированной мордовскими филологами в 1990-2000-е годы на основе народных эпических сказаний. При обсуждении мордовского словоупотребления Завьялова я опираюсь на его электронное письмо ко мне от 20 ноября 2010 г.

⁵⁰Арда́тов (мордовск.-эрзянск. *Орданьбуе*) — город (с 1780 г.) на реке Алатырь (приток Суры), административный центр Ардаатовского района Мордовии.

⁵¹Сохранены шрифтовые выделения оригинала.

Тетянтъ, Цѣрантъ ды Святой Духонтъ лемсѣ.
Теперь всё [Завьялов 2010б: 52, 58].

Особенность поэмы Завьялова в том, что он постоянно обыгрывает двойственность географических и топографических названий в Поволжье: названия населенных пунктов и рек даются одновременно на русском и местном — то есть распространенном до русского заселения — языках, а русские названия даются то в советском, то в дореволюционном/постсоветском вариантах:

И вот приблизились к Обран Ошу — Нижнему Новгороду, — и когда вошёл он в Нижний Новгород и восходил по улице Свердлова, ныне Большой Покровской, весь город пришёл в движение и вопрошал: кто Сей? [Завьялов 2010б: 58]

Переозначивание и возвращение «вытесненных» названий весьма значимо для русского постколониального письма 2000-х. Аналогичный жест делает в стихах автор младшего поколения Екатерина Соколова, сейчас живущая в Москве, но родившаяся и выросшая в Сыктывкаре:

Здесь, куда ни придешь, –
читаешь слова по-своему, что бы ни означали.
Случайно увидела в зеркале надпись «рив гош» –
«шог вир» – по-коми – печальная кровь, кровь печали.
(«Здесь, куда ни придешь...», 2009⁵²)

В своих стихах Соколова производит своего рода постколониальное перечтение мотива памяти из фильмов Андрея Тарковского. В этих фильмах ретрансляторами памяти и хранителями исторического времени являются внеположные человеку предметы, с которыми герои не могут вступать в непосредственный контакт (в отличие от героя Марселя Пруста, откусившего печенье «мадлен») — зеркала; текущая вода; омываемые этой водой руины цивилизации. Такие носители памяти одновременно материальны и развоплощены, находятся словно бы на грани материальности. В уже процитированном стихотворении зеркало является инструментом «перекодировки» современного интернационального бренда в слова родного полузабытого языка — достояние личной памяти. Стихотворению, открывающему подборку Соколовой в журнале «Урал», предпослан эпиграф из фильма Тарковского «Зеркало»: «А теперь громко и четко: „Я могу говорить“». В той же подборке помещено стихотворение, демонстрирующее взаимное оборачивание родовой и детской памяти, которые в равной степени травматичны для их носителя («своя беда») — поэтому непонятно, как найти им место в индивидуальной психической жизни.

Едет каток, и скрипка играет, и русские люди поют.
Что мне отдать единственному человеку? –
Память медвежью – эту беду свою,
Нетвердую руку, зырянскую темную реку,

Дом? Я не знаю, кто там живет теперь,
Кто огород копает, танцует в окне со свечкой,
Спит за холодной печкой,

⁵²Соколова 2009а: 38. Эта же межъязыковая игра слов воспроизведена в стихотворении Соколовой «Вырастешь и увидишь, как медленно ты росла...» (2009) (опубликовано на личной странице Соколовой на литературном сайте «Полутона»: <http://polutona.ru/?show=1129235610> (19.08.2011).

Не закрывая дверь.

Только бы длилась речь, только бы чуть подольше.
В этих простых деталях все ясно душе.

Снова хочу уйти, и знаю уже,
Что тот человек за мной говорить продолжит [Соколова 2009б: 37].

Первая строка стихотворения отсылает к названию фильма, ставшего дипломной работой А. Тарковского во ВГИКе — «Каток и скрипка». Тексту предпослан эпитафия из (пересмысленного Соколовой) стихотворения Бориса Рыжого «Мальчик-еврей принимает из книжек на веру...» — о том, как «мальчик-еврей» превращается в песню, растворенную в пространстве русского (общего, наднационального) города. Очевидно, что описанный Рыжим условный «еврей» становится для Соколовой своего рода универсальной метафорой «своего чужого», находящегося на границе «большой», универсалистской по своим амбициям культуры.

Переживания, о которых говорит героиня Соколовой, — персональные, очень интимные. Несмотря на деперсонализацию памяти, постколониальная рефлексия культурной травмы или культурной инакости в стихах Соколовой оказывается совершенно личным событием — намного менее социальным, чем у Завьялова или уж тем более чем у Липкина и Искандера.

Синтез «постколониальной лиричности» и социализированного историософского взгляда, характерного, например, для Завьялова, осуществил Денис Осокин в своей повести «Овсянки», подписанной именем Аист Сергеев и опубликованной в журнале «Октябрь»⁵³. Снятый по повести фильм Алексея Федорченко был впервые показан в 2010 году на Венецианском кинофестивале и получил ряд наград (призы ФИПРЕССИ и Экуменического жюри, приз за лучшую операторскую работу)⁵⁴.

Сюжет повести и фильма основан на идее, что в центральной России и сейчас живут люди, которые осознают себя как потомки финноугорского племени меря, населявшего в раннесредневековые времена территории нынешних Владимирской, Ярославской, Ивановской, частично Московской, Вологодской и Костромской областей. О том, как именно исчезли меря, историки до сих пор спорят: одни полагают, что они полностью ассимилировались среди восточных славян, другие — что они вошли в состав народа марийцев [См., например: Леонтьев 1996; Матвеев 1997]. По сюжету «Овсянок», некоторые меря, живущие среди русских, доныне сохраняют свои обычаи — в частности, ритуальное сожжение покойников. Но финноугорская культурная память присутствует на территории прежнего расселения меря как безличная природная сила.

северные окраины всегда памятьливее. тут многие мерей себя продолжают считать. мерянского конечно не знают. но иногда закрывают русскими кальками незабытые мерянские смыслы. от этого речь звучит характерно. ну например: разговаривают два старшекласника из шушкодома или из шарьи⁵⁵ — наушники от плееров висят у них на воротниках: — у тебя есть веретеница?.. — нет... — а настя?.. — настя не веретеница — просто веселая...⁵⁶ по всей видимости словом веретеница здесь называли возлюбленную. как оно звучало по-меря — сейчас никто не вспомнит.

⁵³2008. № 10.

⁵⁴В англоязычных странах фильм был показан под прокатным названием «Silent Souls», во франкоязычных — «Le dernière voyage de Tanya». Сценарий фильма написал Д. Осокин.

⁵⁵Шушкодом и Шарья — реальные населенные пункты в Костромской области.

⁵⁶Словарное значение слова «веретеница» — род безногих ящериц, внешне напоминающих змей. Распространены по всей Европейской России, кроме крайнего Севера.

народ странноват тут — да. лица невыразительные как сырые оладьи. волосы и глаза непонятного цвета. глубокие тихие души. половая распушенность. страсти не кипят. частые разводы, убийства и самоубийства не имеют видимых оснований. ласка всегда внезапна, испуленно-отчуждена. все как в старинных книжках по финской этнографии! в этом углу много детских домов и коррекционных школ-интернатов — а памятников архитектуры почти нет. реки — узкие светлые — как бедра взрослеющих девочек — из звона насекомых и пиков крошечных птиц: вохтома — вига — унжа — векса — шача — мера — покша — нея — межа — меза — лух — кусь — вая — шуя — согожа — лежа...⁵⁷

Помимо этого серьезного напоминания об угрофинском происхождении русских гидронимов Осокин делает еще один, сугубо иронический жест, деконструируя выработанный им постколониальный язык: главный герой называет Москву «Коноплянкой», как если бы это было забытое название российской столицы.

Персонажи «Овсянок», директор целлюлозно-бумажного комбината и его приятель-фотограф, едут на машине за несколько десятков километров от своего города в тайное сакральное урочище на берегу реки сжигать труп Тани — умершей жены директора. Они существуют одновременно в двух режимах восприятия времени: общем, конвенциональном историко-биографическом времени и в личном времени ритуала⁵⁸. Особенно интимным ритуальное время выглядит потому, что Осокин вводит в повесть вымышленный ритуал «дымления»: муж, хоронящий жену, или жена, хоронящая мужа, «по мерянскому обычаю» должны рассказать во время похорон ближайшим друзьям о самых счастливых моментах сексуальной близости.

Подлинным мерей, не отчужденным от своих корней, герой может стать только после смерти. Погибнув в автокатастрофе, он поселяется на дне реки под мостом и учит родной язык у предков, живущих в царстве мертвых.

на рдестах-водорослях и боках мертвых рыб я отстучал эту книгу. а теперь начало весны. я вернулся под мост в кинешму. здесь теперь мое постоянное жительство. меряне утонувшие тому назад лет тысячу сказали мне что нея — значит овес. я расхохотался. я активно учу наш язык. <...> кроме воды и любви друг к другу у мери ничего нет [Осокин 2011: 620-621].

Герои постоянно существуют на границе жизни и смерти и связаны любовью с живыми и мертвыми. Финал повести предлагает понимать такое существование как образ мыслящего, эмоционально чуткого человека в современном мире: «мерей», у которого/которой нет ничего, «кроме воды и любви», оказывается любой читатель, сочувствующий героям. Самоотчужденное сознание, «забывшее себя» вследствие внутренней колонизации, оказывается своего рода моделью сознания современного человека вообще.

С точки зрения «колонизатора» история «растворения» финно-угорских народов и претворения их культуры в часть русской описана в романах Алексея Иванова «Сердце Пармы, или Чердынь — княгиня гор» (2002) и «Золото бунта, или Вниз по реке теснин» (2005) и в его краеведческой книге «Message: Чусовая» (2007). Из его романов выясняется, что идентичность колонизаторов тоже является гибридной: в качестве неустранимого компонента в ней присутствует память о колонизированных.

В романе «Сердце пармы...» эта гибридизация становится основой важнейшей сюжетной коллизии: женой главного героя романа, пермского князя Михаила, становится вогулка-колдунья Тичерть (вогулы — старое название народа манси). Для ее обозначения в ро-

⁵⁷Цит. по изд.: Осокин 2011: 574-575. Сохранены особенности текстовой графики оригинала.

⁵⁸Это совмещение двух типов времени в одном сознании неожиданно напоминает работы теоретиков феминизма, которые постулировали сосуществование в сознании человека двух типов времени. Юлия Кристева описывает «мужское» время как историческое, а «женское» как мифологическое [Kristeva 1979. См. также: Birth 2010].

мане Иванов использует греческое слово «ламия». В греческой мифологии Ламия — прекрасная женщина, превратившаяся в чудовище после того, как Гера похитила ее детей (таким образом, ламия в ее монструозном состоянии — порождение травмы). В низшей мифологии народов Европы ламия — злой дух, змея с головой и грудью красивой женщины. Считалось, что ламия может соблазнять мужчин как суккуб и пить их кровь.

Во время последнего штурма Перми, который предпринимает сопротивляющиеся русской колонизации вогулы, Тичерть превращается в вогульскую богиню-мать Сорни-Най и исчезает. Но сын Михаила и Тичерть Матвей становится первым правителем Перми, вошедшей в состав Московской Руси. Князь несет в себе наследственность вогулки-ламии, духа покоренного русскими Приуралья.

О постколониальном характере прозы Иванова я уже писал [Кукулин 2007], поэтому здесь повторю только вывод своей статьи. Поэтика Иванова основана на фигурах следа или руины. При всей детальности описания вогулов в «Сердце Пармы...» и «Золоте бунта...» в книгах Иванова они предстают не только как реальный этнос, но и как метафора усмирённых сил хаоса, которые побеждает мифологический культурный герой, или «дионисийского» начала, которое существует под покровом русского «аполлонизма»⁵⁹. Иванов постоянно демонстрирует в своих книгах своего рода травматическое бессознательное, вытесненное из культуры и истории. Задача эта для русской литературы — новая и важная, но ее решение подрывается тем, что Иванов демонизирует это бессознательное, вдобавок локализуя его в границах отдельного этноса.

В прозе Иванова причудливо сочетаются черты постколониальные и вполне колониальные. Так, его изображение вогульских женщин как страстных, иррациональных, сексуально ненасытных и наделенных паранормальными способностями близко к каноническому ориентализирующему изображению «колониальных» любовниц в англоязычной литературе конца XIX и первой половины XX веков⁶⁰.

Менее «органицистский» вариант постколониального письма представлен в творчестве критика, эссеиста и писателя Александра Гольдштейна, который стремился показать идентичность «бывшего колонизатора» расколотой, а травму, входящую в состав этой идентичности — нередуцируемой. Об этом он пишет в своих романах «Помни о Фамагусте» (2004) и «Спокойные поля» (2006). «Помни о Фамагусте» — по словам Гольдштейна, лозунг греков, изгнанных с Северного Кипра после его оккупации турецкими войсками в 1974 году; Фамагуста — самый греческий по населению город Северного Кипра, почти опустевший после вторжения северного соседа.

Автобиографический персонаж Гольдштейна — еврей, живший в советском Азербайджане, и обреченный обстоятельствами места своего рождения, семьи и этничности быть культурным посредником между различными общественными группами и между обществом и местной властью. Гольдштейн эмигрировал из Азербайджана в Израиль после того, как Баку и Сумгаите начались армянские погромы и в эти города были введены войска.

Следует оговорить, что далее я представляю своего рода «среднее арифметическое» взглядов Гольдштейна, который в 1990-е — 2000-е годы интенсивно эволюционировал и в своих произведениях мог высказывать очень разноречивые мнения — словно бы от лица разных созданных им персонажей, равно имеющих право называть себя в его текстах «я». «Меня легко поймать на слове» [Гольдштейн — Кукулин 2002: 283], — сказал он в интервью автору этих строк.

Историю Гольдштейн воспринимал как катастрофическое отчуждение человека от самого себя, но такое, которое дает возможность субъекту преодолеть собственные пределы

⁵⁹См. об этом «аполлонизме» на историческом материале: Топоров 2004.

⁶⁰Впервые вопрос об особенностях изображения колониальных женщин был поставлен в книге Саида «Ориентализм» и в работе Чандры Моханти: Mohanty 1991. Из последовавшей за работой Моханти обширной литературы по этому вопросу см., например: Shimizu 2007.

и статья «Орфеем», воспевающим и преобразующим окружающий мир [Гольдштейн 1997: 436-445]. Спровоцировали ли такую точку зрения события в Азербайджане или они оказались травмирующим подтверждением миропонимания, которое уже сложилось у Гольдштейна раньше — сказать невозможно. Так или иначе, к истории распада СССР и последующего «загробного» существования советской культуры Гольдштейн возвращался в разных своих произведениях. Размышляя о судьбах «ослабевшего Государства» (из заключительной главы книги «Расставание с Нарциссом»), распадавшихся империй, Гольдштейн создал новую оптику чтения истории. Он словно бы подхватил на новом витке развития литературы и философской мысли размышления Вальтера Беньямина, изложенные в его тезисах «О понятии истории»⁶¹. Однако Гольдштейн был близок и к постколониальному взгляду на историю, потому что часто выбирал для эссеистического описания или метафорического уподобления сюжеты, связанные с распадом империй или жизнью бывших колоний после предоставления им независимости. Этому способствовала и его подчеркнута «израильская» точка зрения. В своих эссе и интервью Гольдштейн варьировал мысль о том, что в европейской литературе конца XX века формируется «средиземноморская нота», основанная на взаимовлиянии разноязычных представителей «миноритарного письма», переселившихся в Израиль или живущих в странах Средиземноморья. Одним из самых любимых поэтов Гольдштейна был Константинос Кавафис: к обоям в комнате автора «Спокойных полей» был приколот листок с фразой-девизом «Прощаясь с Александрией, которую теряешь» — последней строкой стихотворения Кавафиса «Покидает Дионис Антония» (1911) [Бараш 2006]⁶². Постколониальный характер культурного синтеза, представленного в поэзии Кавафиса и других «новых эллинистов» XX века — а творчество Гольдштейна испытало влияние такого синтеза — проанализировал Мартин Мак-Кинси [McKinsey 2010: 74-112].

Спасением от истории как катастрофы для Гольдштейна было искусство вообще и словесность в особенности — в первую очередь «литература существования», основанная на прямом авторском слове и идее выхода за пределы наличного состояния человека. В творчестве поэтов, литераторов, фотографов, о которых писал Гольдштейн, он искал разломы, следы травматического кризиса, обуславливающие их поэтику — и благодаря этому находил возможность эмоционально-вовлеченного, сочувствующего отношения к самым разным авторам и культурам.

9. Попытка периодизации

В своем развитии письмо «внутренней деколонизации» в русской литературе прошло два этапа. Первый начался в 1970-е годы и представлен именами Солженицына, Липкина и Искандера. Характерные особенности этого периода — описание современного мира как поликультурного, поиск места в этом мире для коллективного целого («русских», «тавларов», «чегемцев/абхазов») и представление о том, что естественной рамкой для поликультурного общества является государство. Постколониальным это письмо оказалось потому, что государство в произведениях названных авторов понималось как власть, которая уже не может управлять культурными различиями, так как не имеет для этого достаточных идеологических ресурсов. Задача постколониального сознания понималась как диалогическое, то есть

⁶¹Здесь мы не разбираем реального отношения Гольдштейна к Беньямину, которое было страстно-заинтересованным, но эмоционально очень сложным [см., например, в его последнем романе: Гольдштейн 2007: 290-296]. Речь идет скорее о том, что Гольдштейн продолжал мыслительную традицию, шедшую от Беньямина, в силу сходной постановки вопросов в философии истории.

⁶²Бараш считал первые две книги Гольдштейна — «Расставание с Нарциссом» и «Аспекты духовного брака» — «ответом на призыв», содержащийся в этом стихотворении: «...внемли и наслаждайся каждым звуком, / прощаясь с Александрией...». Строка на листке в комнате Гольдштейна была приведена в переводе Софьи Ильинской, изданном в СССР в 1984 г. Более точный перевод названия (позже предложенный в переводе Г. Шмакова) — «Бог оставляет Антония».

не-конфронтационное общение с другими культурами. От советского государства авторы ожидали, что оно станет «нормальным» или, в случае Липкина, что оно хотя бы не будет репрессивным.

Другую — «неоколониальную» — версию письма этого периода представляет «Территория» О. Куваева. Для его героев «освоение» Чукотки — проект коллективный, но его государственный характер отходит на второй план: персонажи романа предстают как свободные золотоискатели, а то, что они решают государственную задачу, для сюжета романа является второстепенным, несмотря на декларации повествователя. В основе романа Куваева — героический вариант «общей аскезы», которую Солженицын стремился в своем проекте «очистить» от ницшеанского пафоса.

В постколониальных произведениях второго этапа, который начался на рубеже 1990-х — 2000-х годов, государство не воспринимается как возможный партнер, с которым можно сотрудничать. А если такого рода сотрудничество и признается возможным, то оно может быть только односторонним, отчужденным, не рассчитанным на понимание со стороны властей (единственный яркий представитель такого отношения к имперскому строительству в современной литературе — Алексей Иванов, который представляет его как еще один вариант «государственнической аскезы»). В «поэме» Быкова «ЖД» государство предстает разрушенным (пусть «варяги» и сопротивляются его разрушению, а хазары надеются его возродить на новых основаниях — в романе нет никаких признаков будущего возрождения государства), в поэзии Завьялова и Гримберг — репрессивным по самой своей природе, у Фанайловой присутствует скрыто, как сила, которая поддерживает в обществе агрессию и самодовольство, в стихотворениях Соколовой и прозе Осокина не упоминается вовсе. Характерно, что идея служения государству как этического императива в финале повести Липкина представлена как проект эмансипации героев от идеологии, позволяющий им сохранить собственные убеждения, а в романе Иванова «Сердце пармы» та же идея выглядит сугубо имперской и репрессивной.

Идентичность персонажей Д. Осокина (и фильма А. Федорченко), Е. Соколовой и С. Завьялова основана на катастрофическом разрыве между вневременной памятью и современностью — или эпохой колонизации, как в исторических романах А. Иванова. Сознание героев «постколониальной» русской литературы составлено из конфликтующих проекций разных культур и может быть либо реинтегрировано в пространстве абсолютной утопии, чуда, никак не связанного с современным существованием человека («ЖД» Д. Быкова), либо сохранено как травматическое, либо исцелено путем долгой работы. Но эта трудно заживающая травма оказывается для героев новой постколониальной русской литературы источником познания своего «я» и окружающего общества.

Абашин С.Н., Арапов Д.Ю., Бекмаханова Н.Е. (ред.). 2008. *Центральная Азия в составе Российской Империи*. — М.: Новое литературное обозрение.

Агурский М. 1980. *Идеология национал-большевизма*. — Paris: YMCA-Press.

Алиев К. 2000. «Кумык Петра Великого» князь Гамза-бек Тарковский. — *Махачкалинские известия*. 5 апреля. Републикация в Интернете на сайте «Кумыкский мир». — Доступно: <http://kumukia.ru/modules.php?name=Pages&pa=showpage&pid=15> — Проверено: 19.08.11.

Бабич И., Бобровников В. (ред.). 2007. *Северный Кавказ в составе Российской Империи*. — М.: Новое литературное обозрение.

Бараш А. 2006. Фаюмский портрет. — *Новое литературное обозрение*. — № 81. — С. 240-243.

- Бейлин Б. 2010. *Идеологические истоки американской революции*. / Пер. с англ. Д. Хитровой и К. Осповата. — М.: Новое издательство.
- Бранденбергер Д. 2009. *Национал-большевизм: Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания. 1931-1956* / Авториз. пер. с англ. Н. Алешиной и Л. Высоцкого. — СПб.: ДНК; Академический проект.
- Брикер Б., Дальгор П. 1984. Сандро из Чегема и магический реализм Искандера. — *Scando-Slavica*. — Vol. 30. — No. 1. — P. 103-115.
- Галич А. 1999. Королева материка. — Галич А.А. *Сочинения: В 2 т.* Т. 1 / Сост. А. Петраков, вст. ст. В. Фрида. — М.: Локид. — С. 124-128.
- Гирц К. 2004. Идеология как культурная система / Пер. с англ. Г. Дашевского. — Гирц К. *Интерпретация культур*. — М.: РОССПЭН.
- Гольдштейн А. 1997. *Расставание с Нарциссом: Опыты поминальной риторики*. — М.: Новое литературное обозрение.
- Гольдштейн А. 2007. *Спокойные поля*. — М.: Новое литературное обозрение.
- Гольдштейн А. — Кукулин И. 2002. Хорошая литературная маниакальность (Беседа о русской прозе 1990-х). — *Новое литературное обозрение*. — № 51. — С. 280-287.
- Горизонтов Л.Е. 1998. Раскольничий клин. Польский вопрос и старообрядцы в имперской стратегии. — *Славянский альманах*. 1997. — М.
- Гримберг Ф. 2006. Тривиальная песня о государстве. — *Воздух: Журнал поэзии*. — № 2. — С. 57-62.
- Дамешек И.Л., Дамешек Л.М., Зиновьев В.П., Ремнев А.В. и др. 2007. *Сибирь в составе Российской Империи*. — М.: Новое литературное обозрение.
- Долбилов М. 2010. *Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II*. — М.: Новое литературное обозрение.
- Долбилов М., Миллер А. (ред.). 2006. *Западные окраины Российской Империи*. — М.: Новое литературное обозрение.
- Достоевский Ф.М. 1995. *Собр. соч.: В 15 т.* Т. 14. — СПб.: Наука.
- Жеребкин С. 2007. Наслаждение быть украинкой: вдохновение постколониальности в украинских гендерных исследованиях. — *Гендерные исследования*. — № 15. — С. 272-294
- Жеребкин С. 2008. «Могут ли угнетенные...?», или украинский постколониальный феминизм между Ж.-П. Сартром и Ф. Фаноном. — *Гендерные исследования*. — № 17. — С. 149-169
- Забужко О. 2002. Гендерная структура украинского колониального сознания: к постановке вопроса / Пер. с укр. В. Чернецкого. — *О муже(N)ственности: Сборник статей* / Под ред. С. Ушакина. — М.: Новое литературное обозрение. — С. 378-395.
- Завьялов С. 2006. Сквозь мох беззвучия: поэзия восточнофинского этнофутуризма. — *Новое литературное обозрение*. — № 85. — С. 339-353.
- Завьялов С. 2010а. Локализм как высшая стадия империализма. — *Vesilinnun siivet. XI kansainvälinen suomalais-ugrilainen kirjallisuuskongressi* / Toim.: Kari Sallamaa. — Helsinki.
- Завьялов С. 2010б. Четыре хороших новости. — Завьялов С. *Речи*. — М.: Новое литературное обозрение. — С. 49-58.
- Захаров А. 2009. «Советское — значит отличное»: Российская Федерация как опыт подражания. — *Неприкосновенный запас*. — № 3 (65). — С. 185-194.
- Искандер Ф. 1991. *Сандро из Чегема: В 2 кн.* — М.: Сов. писатель.
- Каневская М. 2005. Кратчайший путь к истине: децентрализация дискурса у Фазиля Искандера. — *Новое литературное обозрение*. — № 72. — С. 224-244.
- Кобрин К. 2008. От патерналистского проекта власти к шизофрении: «ориентализм» как российская проблема (на полях Эдварда Саида). — *Неприкосновенный запас*. — № 3 (59). — С. 49-57.

Кобрин К. 2009. Ориентализм vs империализм: Кавказ vs Север. — *Сайт «Prague Watchdog: Reporting on the conflict in the North Caucasus»*. 16 июля. — Доступно: Часть 1: <http://www.watchdog.cz/index.php?show=000000-000024-000008-000003&lang=2> — Проверено: 17.08.2011; — Доступно: Часть 2: <http://www.watchdog.cz/index.php?show=000000-000024-000008-000004&lang=2> — Проверено: 17.08.2011.

Козлов В.А. 2011. Синдром возвращения. — Полян П., Поболь Н., Шеремет В. и др. *Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX — середина XX в.)*. — М.: РОССПЭН. — С. 843-861.

Куваев О. 2005. *Сочинения: В 3 т. Т. 3*. — М.: Худож. лит.

Кузнецова А.Б. 2005. *Этнополитические процессы в Чечено-Ингушской АССР в 1957-1990 гг.: последствия депортации и основные аспекты реабилитации чеченцев и ингушей*. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — М.

Кукулин И. 2002а. Фотография внутренностей кофейной чашки. — *Новое литературное обозрение*. — № 54 — С. 262-282.

Кукулин И. 2002б. Эзотерическая амнистия песни. — *Новое литературное обозрение*. — № 55. — С. 282-294.

Кукулин И. 2007. Героизация выживания. — *Новое литературное обозрение*. — № 86. — С. 302-330.

Кукулин И. 2008а. Стать иноземцем. — Морейно С. *Стихотворения*. — М.: Новое литературное обозрение.

Кукулин И. 2008б. Ангел истории и сопровождающие его лица: О поколенческих и «внепоколенческих» формах социальной консолидации в современной русской литературе. — *Пути России: Культура-общество-человек: Материалы Международного симпозиума (25-26 января 2008 года)* / Под ред. А.М. Никулина. — М.: Логос. — С. 108-127.

Кукулин И. 2009. Обмен ролями. — *Сайт Openspace.ru*. 27 апреля. — Доступно: <http://www.openspace.ru/literature/projects/9533/details/9536/> — Проверено: 18.08.2011.

Куюнжич Д. 2003. «После»: российская постколониальная идентичность / Пер. с англ. И. Борисовой. — Куюнжич Д. *Воспаление языка*. — М.: Ad Marginem, 2003. — С. 237-250.

Леонтьев А.Е. 1996. *Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси* (Серия «Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья», вып. 4). — М.: Геоэко.

Липкин С. 1990. *Декада*. — М.: Книжная палата.

Липовецкий М. 2000. «Знаменитое чегемское лукавство»: странная идиллия Фазиля Искандера. — *Континент*. — № 103. — С. 280-291.

Липовецкий М., Эткин А. 2008. Возвращение тритона: Советская катастрофа и постсоветский роман. — *Новое литературное обозрение*. — № 94. — С. 174-206

Лукина А.В. 2006. Технологии производства и утверждения национальной идентичности. — *Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России* / Под ред. В.С. Магуна. — М.: Издательство Института социологии РАН. — С. 233-252.

Мартин Т. 2011. *Империя «положительного действия». Нации и национализм в СССР. 1923-1939* / Пер. с англ. О.В. Щёлоковой. — М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина».

Мартынов Л. 1986. Вода. — Мартынов Л. *Стихотворения и поэмы* / Сост., подг. текста и примеч. Г.А. Суховой-Мартыновой, Л.В. Суховой и В.Г. Уткова. — Л.: Советский писатель. («Библиотека поэта». Большая серия).

Матвеев А.К. 1997. К истории расселения летописной мери. — *Известия Уральского государственного университета*. — № 7. Гуманитарные науки. Вып. 1. История. — С. 5-17.

Миллер А. 2006. *Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования*. — М.: Новое литературное обозрение.

Орлицкий Ю.Б. 2008. Три кита Сергея Завьялова. Опыт беспристрастного описания в сопровождении реплик изучаемого автора. — *Новое литературное обозрение*. — № 94. — С. 155-173.

Осокин Д. 2011. Овсянки. — Осокин Д. *Овсянки*. — М.: КоЛибри (Сер. «Уроки русского»). — С. 571-621.

Островский Н. 1977. *Как закалялась сталь*. — Кишинев: Лумина.

Полян П. 2001. *Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР*. — М.: ОГИ; Мемориал.

Ремнев А. 2004. Вдвинуть Россию в Сибирь. Империя и русская колонизация второй половины XIX — начала XX века. — *Новая имперская история постсоветского пространства* / Под ред. И. Герасимова, С. Глебова, А. Каплуновского, М. Могильнер, А. Семенова [Переводчики англоязычных статей: Д. Бородин, С. Глебов, А. Каплуновский, К. Левинсон, М. Лоскутова и др.]. — Казань: Центр исследований национализма и империи. — С. 223-242.

Саид Э.В. 2006. *Ориентализм: Западные концепции Востока* / Пер. с англ. А.В. Говорунова. — СПб.: Русский Мирь.

Сандэрлэнд Р. 2004. Империя без империализма? / Пер. с англ. — *Новая имперская история постсоветского пространства* / Под ред. И. Герасимова, С. Глебова, А. Каплуновского, М. Могильнер, А. Семенова [Переводчики англоязычных статей: Д. Бородин, С. Глебов, А. Каплуновский, К. Левинсон, М. Лоскутова и др.]. — Казань: Центр исследований национализма и империи. — С. 459-472.

Сарнов Б. 1978. Чем глубже зачерпнуть...: Заметки о прозе Фазиля Искандера. — *Вопросы литературы*. — № 7. — С. 126-151.

Серов В. 2003. *Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений*. — М.: Локид.

Слѣзкин Ю. 2008. *Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера*. — М.: Новое литературное обозрение.

Смит Дж. 2004. Оценка советской национальной политики: к построению количественной модели / Пер. с англ. — *Новая имперская история постсоветского пространства* / Под ред. И. Герасимова, С. Глебова, А. Каплуновского, М. Могильнер, А. Семенова [Переводчики англоязычных статей: Д. Бородин, С. Глебов, А. Каплуновский, К. Левинсон, М. Лоскутова и др.]. — Казань: Центр исследований национализма и империи.

Соколова Е. 2009а. «Здесь, куда ни придешь...». — *Урал*. — № 9.

Солженицын А.И. 1995. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни. — Солженицын А.И. *Публицистика: В 3 т.* Т. 1. — Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство. — С. 49-86.

Солженицын А.И. 2005. Как нам обустроить Россию. — Солженицын А.И. *Собр. соч.: В 9 т.* Т. 8. — М.: ТЕРРА-Книжный клуб. — С. 7-65.

Солженицын А.И. 2008. Поссорить родные народы? — *Известия*. 2 апреля. Расшифровка интервью: — Доступно: <http://www.pravaya.ru/leftright/473/3600> — Проверено: 17.08.2011.

Суни Р. 2004. Диалектика империи: Россия и Советский Союз / Пер. с англ. — *Новая имперская история постсоветского пространства* / Под ред. И. Герасимова, С. Глебова, А. Каплуновского, М. Могильнер, А. Семенова [Переводчики англоязычных статей: Д. Бородин, С. Глебов, А. Каплуновский, К. Левинсон, М. Лоскутова и др.]. — Казань: Центр исследований национализма и империи.

Тарковская М. 1992. Андрей Тарковский кумыком не был, но гордился дагестанскими предками. — *Независимая газета*. — 15 августа.

Тарковская М. 1999. *Осколки зеркала*. — М.

Топоров В.Н. 2004. *Из истории петербургского аполлинизма (sic!): его золотые дни и его крушение*. — М.: ОГИ.

Уортман Р. 2004. Символы империи: экзотические народы в ритуале коронации российских императоров / Пер. с англ. — *Новая имперская история постсоветского пространства* / Под ред. И. Герасимова, С. Глебова, А. Каплуновского, М. Могильнер, А. Семенова [Переводчики англоязычных статей: Д. Бородин, С. Глебов, А. Каплуновский, К. Левинсон, М. Лоскутова и др.]. — Казань: Центр исследований национализма и империи. — С. 409-426.

Ушакин С. 2005. Поле боя на лоне природы: от какого наследства мы отказывались. — *Новое литературное обозрение*. — № 71. — С. 263-298.

Фанайлова Е. 2011. Балтийский дневник. — Фанайлова Е. *Лена и люди*. — М.: Новое издательство. — С. 39-60.

Широков А.И. 1997. *История формирования и деятельности Дальстроя в 1931-1941 гг.*: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Томск.

Эткинд А. 2001. Фуко и тезис внутренней колонизации: постколониальный взгляд на советское прошлое. — *Новое литературное обозрение*. — № 49. — С. 50-74.

Эткинд А. 2002. Бремя бритого человека, или Внутренняя колонизация России. — *Ab Imperio*. — № 1. — С. 265-297.

Эткинд А. 2003. Русская литература. XIX век. Роман внутренней колонизации. — *Новое литературное обозрение*. — № 59. — С. 103-124.

Appiah K.A. 1997. Is the «Post-» in «Postcolonial» the «Post-» in «Postmodern»? — *Dangerous Liaisons* / Ed. by Anne McClintock, Aamir Mufti, Ella Shohat. — University of Minnesota Press. — P. 420-444.

[Are We Postcolonial]. 2006. Are We Postcolonial? Post-Soviet Space. — *Publications of the Modern Language Association*. May. — Vol. 121. — № 3. — P. 828-836.

Bethea D. 2006. How Black Was Pushkin? Otherness and Self-Creation. — *Under the sky of my Africa: Alexander Pushkin and blackness* / Ed. by C.Th. Nepomnyashchy, N. Svobodny, and L.A. Trigos. — Chicago: Northwestern University Press. — P. 122-149.

[Birth]. 2010. *Birth, Death, and Femininity: Philosophies of Embodiment* / Ed. by Robin May Schott. — Indiana University Press.

Caruth C. 1995. Trauma and Experience: Introduction. — *Trauma: Explorations in Memory* / Ed. by C. Caruth. — Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Craps S. 2008. Linking Legacies of Loss: Traumatic Histories and Cross-Cultural Empathy in Caryl Phillips's *Higher Ground* and *The Nature of Blood*. — *Studies in the Novel*. — Vol. 40. — No. 1-2.

Craps S., Buelens G. 2008. Introduction: Postcolonial Trauma Novels. — *Studies in the Novel*. — Vol. 40. — No. 12.

Eckstein A.M. 1991. Is There a 'Hobson-Lenin Thesis' on Late Nineteenth-Century Colonial Expansion? — *The Economic History Review (New Series)*. — Vol. 44. — No. 2 (May). — P. 297-318.

Fanon F. 1967. *Black Skins, White Masks (1952)* / Transl. from French by C.L. Markmann. — N.Y.: Grove Press.

Kristeva J. 1979. Les temps des femmes. — *Trente Quatre/Quarante Quatre. Cahiers de recherche des sciences des textes et documents*. (Winter). — Vol. 5. — P. 5-19.

McKinsey M. 2010. *Hellenism and the Postcolonial Imagination: Yeats, Cavafy, Walcott*. — Madison, NJ: Fairleigh Dickinson University Press.

Mohanty C.T. 1991. Under Western Eyes: Feminist Scholarship and Colonial Discourses. — *Third World Women and the Politics of Feminism* / Ed. by C.T. Mohanty, A. Russo, and L. Torres. — Indianapolis: Indiana University Press. — P. 51-80.

Moore D. 2001. Ch. Is the Post- in Postcolonial the Post- in Post-Soviet? Toward a Global Postcolonial Critique. — *Publications of the Modern Language Association of America (PMLA)*. January. — Vol. 116. — № 1. — P. 111-128.

Nepomnyashchy C., Trigon L. 2006. Introduction: Was Pushkin Black and Does It Matter? — *Under the sky of my Africa: Alexander Pushkin and blackness* / Ed. by C.Th. Nepomnyashchy, N. Svobodny, and L.A. Trigos. — Chicago: Northwestern University Press. — P. 3-45.

Rutten E. 2010. *Unattainable Bride Russia: Gendering Nation, State and Intelligentsia in Russian Intellectual Culture*. — Chicago: Northwestern University Press.

Ryan-Hayes K. 1988. Iskander and Tolstoj: The Parodical Implications of the Beast Narrator. — *Slavic and East European Journal*. (Summer). — № 32. — P. 225-236.

Shimizu C.P. 2007. *The Hypersexuality of Race*. — Duke University Press.

Watts E. 1998. *Writing and Postcolonialism in the Early Republic*. — Charlottesville: University of Virginia Press.

Навстречу 90-летию со дня рождения М.К. Петрова

**МАЛОИЗУЧЕННЫЕ АСПЕКТЫ ТВОРЧЕСТВА
М.К. ПЕТРОВА: ЗАМЕТКИ СТУДЕНТА И ЧИТАТЕЛЯ
(статья вторая)**

В.П. Макаренко

Южный федеральный университет

Аннотация: *В статье в контексте советской ментальности анализируются символы и ключевые концепты повести М.К. Петрова “Экзамен не состоялся”. Выделяются несколько ключевых фигур: придворного философа, циника, коммуниста-философа-разведчика и др. Рассматриваются проблемы критики и самокритики в жизни советского общества, соотношения веры и знания, определение и понимание науки, отношение между философией и практикой, а также другие малоизученные аспекты творчества М.К. Петрова.*

Ключевые слова: *науковедение, петрововедение, социальная критика, философия, практика.*

В 1960 г. Михаил Константинович Петров написал повесть «Экзамен не состоялся» и послал ее в Центральный Комитет Коммунистической Партии Советского Союза, членом которой он состоял. Это сочинение стало поводом для его исключения из партии. В петрововедении обычно указанием на данный факт ограничиваются. С.С. Неретина рассказала о трудностях публикации повести в журналах «Знамя» и «Новый мир» даже «...в то время, когда еще не осмотрелись, не знали точно: можно ли? И оглядывались» [Неретина 1995: 6]. Впервые повесть была опубликована в журнале «Дон» в 1989 году с предисловием А. Стреляного. А в 2012 году републикована в журнале «Политическая концептология». В письме в редакцию Гали Дмитриевна Петрова (вдова) сообщила, что в оригинале повести Михаил Константинович писал о духовной смерти партии, а не о «кризисе партии», как скорректировали редакторы журнала «Дон» в публикации 1989 г. [Петрова 2012].

Но дело не только в перепуганных редакторах. «Повесть М.К. Петрова, — пишут В.Н. Дубровин и Ю.Р. Тищенко, — полна смыслов и значений, содержание которых обнаруживается и раскрывается в зависимости от того, кто и когда это произведение читает» [Дубровин, Тищенко 2010: 35]. Ю.Р. Тищенко проанализировал основные темы «контекста-истории» повести М.К. Петрова. Среди них Юрий Романович отмечает параллель между Русской православной церковью и российской коммунистической церковью. И приводит пример, как на партийном активе МГУ выступал секретарь ЦК КПСС и назвал марксизм «нашей религией» [Тищенко 2003].

Систематическое исследование параллелей между РПЦ и российской коммунистической церковью осуществил О. Хархордин. В результате такого сходства возник ряд непредвиденных следствий советского государства: становление массового лицемерия — культивирование публичной лояльности принятому образу жизни взамен действительной сознательности; участие в ритуалах советского государства, подавляющего политические свободы, давало все больше социальных свобод, гарантирующих потребление и преуспевание взамен свободы совести; это способствовало преобразованию подвластных партийно-хозяйственному активу предприятий в частную лавочку¹.

Но меня сейчас интересует другой вопрос: каков был социологически конкретный ментальный контекст написания повести и можно ли считать ее источником проблемного единства творчества Петрова, обнаружение которого является главной задачей биографического анализа?

Советский менталитет в эпоху «десталинизации»

Для ответа на первую часть вопроса я использую капитальный труд Б.А. Грушина, в котором содержится общая картина советского менталитета. Причем, Б.А. Грушин описал как раз рубеж 1950-60 гг., т. е., того времени, которое изображено в повести Петрова. Объектом исследования Б.А. Грушина был Таганрог, который находится от Ростова-на-Дону на расстоянии чуть более 60 километров. Это может служить основанием для отождествления таганрогско-ростовской ментальности с общей советской ментальностью².

В массовом сознании тогда лидировали интересы к политике, искусству и морали. Люди интересовались международной обстановкой, но оставались безразличны к участию в политике. Большинство было довольно статусом «рядовых строителей коммунизма». Коммунистическая идея постоянно обсуждалась большинством населения, хотя не воплощалась на практике. Но коммунистическое сознание было результатом обработки населения Агитпропом, а не плодом самостоятельных размышлений. Его корни уходят в советскую мифологию. Она объяснила ход истории, пообещала людям светлое будущее, создала и распространила идеи и образы, к которым пристегнула «вторую реальность» и втянула в нее огромные массы. Личные интересы целиком подчинялись государственному — согласно правилам: «не коллектив для личности, а личность для коллектива», «не государство для индивида, а индивид для государства».

Господствовало рациональное сознание, элементы веры и религии встречались редко. В менталитете преобладали суждения о фактах личного бытия; затем шли оценки; предложения

---

¹Он использовал концепции Д. Норта и М. Фуко для анализа следующих проблем: генеалогия российской/советской личности и коллектива; церковные суды в дореволюционной России и Центральная Контрольная Комиссия (далее ЦКК) в СССР; коллектив как объект и субъект познания и действия; личность как объект и субъект познания и действия; коллектив и личность в зрелом советском обществе. Материалом исследования служат документы истории православной церкви, государства, КПСС, Советов на протяжении существования Московского княжества, Российской империи и СССР. О. Хархордин показал, что существует органическая связь между православным и большевистским отношением к индивиду, коллективу и личности. Сходство православного и коммунистического дискурса состоит в воспитании, увещании, исключении. Отличие состоит в следующем: сознательность (совесть) объединяет протестантов и большевиков; в основе индивидуальной души на Западе лежала исповедь, а в основе индивидуальной души в России — покаяние; православно-коммунистическая коллективность закрепила горизонтальный надзор; тирания власти в СССР опосредовалась коллективом; неформальные нормы массового поведения в СССР — это добровольный взаимный надзор. См.: Хархордин 2002.

²Пятидесятилетний опыт социологических исследований советского менталитета воплотился в следующих параметрах анализа: круг интересов; морфология сознания; информация (знания); способность суждения; ценностные ориентации; отношение к обществу; эмоционально-психологический тонус; реактивные способности; структура сознания в терминах «монизма/плюрализма»; структура сознания в терминах «цельности/разорванности». См.: Грушин 2006: 839-879.

о решении проблем встречались редко, ограничиваясь сферой быта и производства. За пределами этих сфер люди слепо повторяли утверждения институтов власти. Советские люди доверяли партии и государству, поэтому их менталитет был не критическим. Были широко распространены мифологемы (типа «система социализма имеет коренные преимущества перед системой капитализма», «народ и партия едины», «венцом творения на Земле является советский человек»). Морфемы менталитета зависели от официального сознания. Массовое сознание было несвободным. Оно зависело от коммунистической идеологии, находилось в плену советской пропаганды и мифов о строительстве «светлого будущего». Но такая зависимость не была абсолютной. Полностью уклониться от идеологии большевизма смогло лишь небольшое число людей. Но большинство нередко занимало позиции, отклонявшиеся от официальных, благодаря природной силе обыденного сознания, верности здравому смыслу. Это было вызвано духом критицизма, обилием нерешенных проблем и возникшей (после XX съезда КПСС) возможностью открыто и негативно высказываться по поводу «злоб дня».

Объем знаний об обсуждаемых предметах был удовлетворительным, кроме суждений о зарубежной культуре и достижениях Цивилизации XX в. Значительно хуже было качество знаний, т. е. уровень понимания людьми обсуждаемых вещей. Господствовали туманные представления о главных официальных сюжетах — коммунистическом обществе и способах движения к нему. Низкая компетентность масс была обусловлена недоступностью многих предметов, требующих профессиональной подготовки, отсутствием доступной массам информации относительно многих предметов, низким качеством информации, проникавшей в массовое сознание «со стороны». Особенно это касалось сюжета о строительстве коммунизма, поскольку ни классики марксизма-ленинизма, ни идеологическое ведомство ЦК КПСС за сто лет бесконечных разговоров о «светлом будущем человечества» так и не удосужились дать людям четкую, конкретную и ясную картину будущего.

Способность суждения была высокой в случае суждений-«фотографий» и «авто-фотографий»; достаточно высокой в случае оценок; низкой в случае с аргументацией мнения и совсем низкой при аналитических высказываниях, которые требуют умения проникать в суть вещей и причинно-следственных связей. Общая способность судить о себе и мире была средней. На способность суждения в сфере социально-демографических признаков респондентов влияли два фактора: уровень образования и мера включенности людей в предмет разговора. Первый из них работал однонаправленно (чем выше образование — тем выше способность суждения), второй усиливал или ослаблял указанное свойство менталитета.

Наиболее важными ценностями массового сознания были мир на Земле, высокая духовность и нравственность. Первую ценность люди связывали с судьбой их самих, близких и всего человечества. Мир на Земле представлялся главным условием осуществления грандиозных планов СССР и мировой победы социализма. Вторая ценность ставила на второй план личное богатство, материальные блага, достаток. Мир вещей котирировался ниже мира идей.

Однако среди приоритетных ценностей отсутствовал творческий труд. Для большинства он был способом заработать на жизнь. Зато высоко ценилось образование: как путь к интересному труду «по способности», условие продвижения по службе, механизм общественно-политической карьеры.

Ценность «мира на земле» была равнозначной «благополучию Родины». Но вторая ценность не была ни традиционной, ни общечеловеческой. Она открывала блок советских ценностей, который порождал оппозицию «мы — они», «социализм — капитализм». Большинство не раздумывало: «социализму — да, капитализму — нет!» Но некоторая часть населения (преимущественно среди молодежи) судила иначе. Ориентировалась на западные, т. е. «капиталистические» модели общественной жизни, что свидетельствовало о неблагополучии.

По отношению к социально-политическому строю в составе населения различались три типа масс: адепты — истые приверженцы строя; конформисты — составлявшие большинство законопослушные члены общества; нонконформисты — составлявшие меньшинство члены общества, находившиеся в явной или скрытой оппозиции к нему. Отношение двух первых типов к власти базировалась на доверии людей к общему курсу и текущей политике «партии и правительства» и традиционном представлении: прогресс в жизни общества и решение любых социальных, экономических, культурных проблем есть дело рук государства, а не народа. Третий тип масс включал разный состав (от политических диссидентов до «золотой молодежи»). Но боязнь преследований вела к тому, что в обществе не было легитимных условий для формирования и явного выражения негативного отношения к институтам власти.

Важный показатель этого свойства менталитета — отношение к руководителям. В нем проявлялись склонность к персонификации власти, отождествлению коллективных органов управления с их руководителями, выделение из круга лидеров одного Вождя. В таком качестве оценивался Н.С. Хрущев. Затем шла пестрая оценка разных аспектов деятельности Вождя в диапазоне от «главного миротворца на Земле» до «кукурузника».

Мера энтузиазма была непостоянной, зависела от предметов обсуждения и личной житейской ситуации. Первым основанием позитивного эмоционального тона масс были характерные для большинства две высокие меры — удовлетворения своей жизнью и оптимизма при взгляде в будущее. То и другое объяснялось тем, что война как главная помеха счастья казалась стопроцентно устраненной, а правительственная программа роста народного благосостояния вселяла уверенность в том, что все идет к лучшему.

Люди демонстрировали высокую витальную и вербальную активность в части инициатив, общения и деклараций о готовности действовать для решения жизненных проблем. Были распространены склонность к резонерству, морализаторству, чтению нравоучений всем и каждому, нетерпимость к инакомыслию в сферах идеологии и морали при одновременном попустительском отношении к привычным формам негативного поведения в труде и быту, страсть к вмешательству в чужую жизнь и публичным судилищам над «провинившимися». В массовых реакциях на события и деяния зарубежных персонажей превалировали агрессивность по отношению к классовым врагам-«империалистам»; враждебность к буржуазному образу жизни; настороженность в отношении малопонятных явлений чужеземной культуры и заученное дружелюбие плюс лозунговая солидарность, адресованные соратникам по «борьбе за мир и социальный прогресс».

В этот период не только идеология, но и социальная наука настаивали на господстве в советском обществе морально-политического единства народа. Однако в результате исследований был установлен факт *дифференциации* взглядов людей как нормы массового сознания. Единодушие масс вело к тому, что структура общественного мнения оказывалась то монистическо-плюралистической, то плюралистическо-монистической, в зависимости от удельного веса в этой структуре совпадающих и расходящихся мнений. Единодушие зависело от предмета дискуссии, особенно от двух его характеристик: логического объема содержания и близости содержания к сфере идеологии: чем предмет брался абстрактнее и чем теснее он был связан с идеологическими ценностями, тем суждения о нем поддерживались большим числом голосов; чем разговор о предмете становился детальнее и чем предмет был «заземленнее», тем меньшее число людей имели на него одну и ту же точку зрения.

Советское общество жило двойной жизнью, функционировало в двух мирах. В одном из них шла нормальная жизнь, схожая с жизнью иных обществ, во втором реализовывалась программа «строительства коммунизма». Население состояло из трех типов масс: представители *homo sapiens* жили в рамках первой реальности; представители *homo communisticus* жили в рамках второй реальности; представители *homo soveticus* жили одновременно и там и там. Сознание первых двух типов было целостным, но таким же оказалось и сознание третьего типа: дуализм бытия этих людей не сопровождался дуализмом мыслей и чувств.

Большинство из них жило без нужды лицемерить — думать одно, говорить другое, а делать третье (как это произошло в брежневскую эпоху).

У *homo soveticus* был живой, в том числе материальный, интерес к «строительству нового общества». Он стал основой возникновения (на территории огромной страны) новой породы человеческих особей, которая сохраняла анатомию и физиологию *homo sapiens*, но отличалась от своих прародителей менталитетом — советским способом чувственного восприятия мира и советской логики суждений о нем.

Однажды возникнув, этот менталитет передавался с молоком матери, поддерживался системой общественного воспитания. До поры до времени он сравнительно совмещал представления о «простой жизни» и «борьбе за коммунизм». Но существовал разрыв во взглядах на мир представителей *homo communisticus* и *homo sapiens*. Этот разрыв свидетельствовал о наличии в структуре массового сознания серьезной трещины. Широкие представители масс не поддались на удочку коммунистической пропаганды и не верили в возможность земли обетованной. Они предпочитали реализовывать не общественные, а свои собственные жизненные цели — без «коммунистического труда» и без «коммунистической морали». Это обстоятельство порождало в поле массового сознания напряжения и конфликты, чреватые серьезными негативными последствиями.

Символы и главное событие

Теперь поместим повесть Петрова в контекст советского менталитета. С такой точки зрения повесть не анализировалась, хотя является первой из известных до сих пор работ Петрова. Повесть состоит из шести глав. В первой-второй главах описан прием кандидатского экзамена по философии в Институте философии Академии наук СССР. Третья-шестая главы посвящены размышлениям героев повести о состоявшемся факте.

Прием кандидатского экзамена — заурядное событие академической рутины. Для Петрова оно стало поводом высказаться о главных проблемах советской действительности и советской философии, описать реальные и назревающие конфликты.

Действие повести происходит летом 1957 года, после XX съезда КПСС (февраль 1956 г.), на котором были частично раскрыты преступления Сталина. Но в том же году Советский Союз вмешался в события в Польше и подавил Венгерскую революцию. Это вмешательство оказало сильнейшее влияние на последующий крах Советского Союза и всего коммунистического движения. Таков политический фон, на котором разворачиваются события повести. «Десталинизация» внутри СССР оказалась связанной с агрессией или ее угрозой против дружественных стран, пытающихся осуществить последовательную десталинизацию.

В своих лекциях Михаил Константинович часто пользовался выражением «несущая частота»³. В его повести такую роль выполняют метафоры «решенные вопросы» и «вивисекторы духа». Предварительно скажу, что термин «решенные вопросы» Петров использовал для обозначения мнимого решения главных социальных проблем, а термин «вивисекторы духа» — для описания генезиса, поведения, сознания и языка, которым оперируют советские философы — главные действующие лица повести. Выражение «фонтан слов» тоже принадлежит М.К.Петрову: «Хотя о философии многие говорят и даже пишут как о неиссякаемом, но слабо парадигматизированном фонтане меняющихся слов вокруг неизменных и вечных проблем, нам такое представление кажется очевидной иллюзией ретроспективы, продуктом дисциплинарной революции ХУШ-ХIХ вв., которая ввела новую парадигму философствования и, очередной раз переписав историю философии, установила и воспроизвела в поколениях философов новое видение того, что теперь следует понимать под философией, ее предме-

³Несущая частота — это частота гармонических колебаний, подвергаемых модуляции сигналами с целью передачи информации. В самих колебаниях с Н. ч. не содержится информации, они лишь «несут» её.

том, социальной функцией» [Петров 1996: 238]. В этом фонтане слов Петров обнаруживает темы, которые не потеряли своего значения до сих пор.

Михаил Константинович снабдил героев повести *символическими именами*. Главный герой — аспирант Института философии АН СССР Юрий Шатов. Это имя отсылает к роману Ф.М. Достоевского «Бесы». Там есть Иван Павлович Шатов — бывший член социалистического движения. Он разуверился в идеях революции и поплатился за это жизнью — его ликвидировали бывшие соратники. Современники утверждают, что Достоевский вложил в уста Шатова свои собственные идеи. Не поступил ли аналогично Петров?

В повести Юрий Шатов сдает экзамен по марксистско-ленинской философии в Институте философии АН СССР, в котором Петров учился в аспирантуре. Сюжет строится вокруг этого факта. Однако в петрововедении нет исследований, посвященных обстоятельствам сдачи кандидатских экзаменов Петрова. Приходится ограничиться догадками, — они тоже выполняют эвристическую роль. Я думаю, не помешает догадка о Юрии Шатове как рупоре идей Петрова. Насколько эта догадка вытекает из содержания повести? И помогает ли она связать повесть с основной проблематикой творчества Петрова?

Другие действующие лица тоже названы символически. Председатель экзаменационной комиссии — номенклатурный советский философ Дмитрий Иванович Модестов. Имя «Модест» в переводе с латыни означает «скромный». Из истории православия известно, что мученик Модест, архиепископ Иерусалимский, угодил Богу подвигами поста, молитвы и заботами о восстановлении Иерусалима и его церковью. Какое восстановление имел в виду Петров? — понять трудно. Но в последней главе Модестов соглашается с идеями, которые высказывает Шатов на экзамене, и собирается восстанавливать творческий марксизм в единстве с изменением организационных структур Коммунистической партии и Советского государства.

Члены комиссии тоже имеют символические имена. Валентин Ильич Полумакаев — это, скорее всего, аллюзия на Митрофана Ильича Полупортянцева — мифического героя и сталинского академика, образ которого был создан сотрудниками стенгазеты Института философии АН СССР (А. Зиновьевым, Э. Ильенковым, Э. Соловьевым) [Наш философ. дом 2009]. Викторина Никифоровна Победоносцева — бывшая аспирантка Модестова, ныне доктор философских наук, лауреат, авторитет в вопросах истории революционного движения в России. С именем философской гранд-дамы связаны имена ее бывших вздыхателей — Боба Самогонова (гротескность фамилии не требует доказательств) и Игоря Михайлова — бывшего фронтовика, исключенного из партии, изгнанного из Института философии АН СССР. О нем надо сказать особо.

На партсобрании судьба Игоря решила его криком: «Не марксизм вам нужен, уважаемые со степенями и без степеней. Даже не свое место в нем. А только право быть подальше от науки! Право шантажировать народ!... Мелкие вы шантажисты, а не философы!» В частной беседе с Викой Михайлов говорил: «Таких подлецов, как Модестов, вешать мало. За расстреление малолетних расстреливают, а эти вивисекторы духа благоденствуют, кривляются на кафедрах». А в интимном письме Победоносцевой Михайлов называет Модестова и Полумакаева «сворой»: «Как друг хочу только посоветовать: уйди из философии. Как враг — приглядись к революционерам пореформенной Руси. С модестовскими замашками есть где развернуться».

Можно ли утверждать, что устами фронтовика Игоря Михайлова Петров выражает собственное недовольство «сворой философов», которым не нужен марксизм? Независимо от ответа на этот вопрос, Петров ставит важную проблему: какой темой надо было заниматься, чтобы обеспечить себе просперити в советских условиях? Причем, выбор темы был связан с некой трудноуловимой мерой цинизма⁴.

⁴На основании своего опыта скажу, что эта мера всегда существовала. Я брезговал теми, кто писал диссертации на темы, входящие в состав советской пропаганды (типа истории КПСС, развитого социализма, социали-

Победоносцева воспользовалась идеей Михайлова, но превратила ее в фарс. Открывала все новые тайные общества. Под ее пером жена одного революционера-демократа превратилась в боевую подругу, ради конспирации вступающей в половую связь с офицерами. Теперь Модестов брезгует бывшей аспиранткой: «Гении государства Российского, не уйти вам от революционного подполья Викторины Никифоровны. Все там будете». Развивая такой способ рассуждения, в Победоносцевой можно увидеть: носителя вируса советской идеологической инфекции в сфере истории революционного движения; наследницу «кремлевских жен» на вершине политической иерархии, а также походно-полевых жен периода советско-германской войны [см.: Васильева 1993; Грейг, Грейг 2005].

Такова моя вторая догадка, возникшая на основе чтения повести Петрова. Феномен отращения к бывшим аспирантам, которые любят держать нос по ветру, требует особого обсуждения. По своему опыту знаю, что такой способ поведения пережил героев Петрова. Сошлюсь также на одну из бесед с Михаилом Константиновичем. На мой вопрос, чем и как мне заниматься, он ответил: «Не будь коммивояжером». То есть, не занимайся покупкой и продажей идей. Правильно ли я его понял? — пусть подскажут читатели. Но мои бывшие студенты в большинстве руководствуются другой максимой практического поведения: заниматься тем, что котируется, а не тем, что является важной научной проблемой, которая не зависит от конъюнктуры.

Теперь пора выдвинуть гипотезу. Всем известен Победоносцев — Обер-прокурор Святейшего Синода, очертивший Россию «стеклянным взором колдуна». Имя Виктор в переводе с латыни означает победитель. С именем Викторина дело сложнее. В Википедии можно прочесть: слово «викторина» появилось в 1920-х годах. Его придумал известный журналист и писатель Михаил Кольцов в качестве названия газетной подборки, включающей в себя вопросы, шарады, ребусы и т. п. Готовил эту развлекательную полосу сотрудник газеты по имени Виктор. От имени Виктор и произошло слово «викторина». Впоследствии нашли связь этого слова со словом «победа».

Если учесть, что Победоносцева родилась в 1920-е годы, то ее имя связано с шарадой и одновременно с победой в советско-германской войне. Никифор в переводе с греческого означает «победоносец». Значит, историей революционного движения в России занимается трижды Победоносцева, а победа в войне представляет шараду.

Не является ли это скрытой главной идеей повести Петрова: советская идеологическая система в три раза хуже идеологии Победоносцева? И не являются ли члены этой системы трижды Победоносцевыми? Эти вопросы требуют особого анализа. Одновременно они ориентирует на вполне определенную оценку, как минимум, трех явлений:

- идей самого исторического Победоносцева;
- идей советской философии;
- моды на ностальгию за советским прошлым, которым переполнены нынешние средства массового оглупления (так бывший консультант ЦК КПСС А. Бовин предлагает называть нынешние средства массовой информации).

В этом смысле повесть Петрова злободневна.

стического образа жизни и т. д.). Вокруг этих тем крутилась советская диссертационная машина. Будучи аспирантом, провел микроисследование на одной из конференций. В результате сделал вывод: перспектива стать профессионалом, более-менее независимым от идеологической конъюнктуры, оставалась в логике, истории философии и методологии социального познания. И как раз в этих областях философии было меньше всего докторов наук. Одновременно советники высшего уровня партийно-государственной иерархии (консультанты ЦК КПСС) имели возможность вставлять в их официальные речи фразы, которые официально легитимизировали реальные проблемы. Например, в 1976 г. Брежнев в докладе на очередном съезде впервые употребил термин «политическая культура». Я тогда же дал эту тему своей «предбывшей супруге» (как говорит Макар Нагульнов). Она поехала в аспирантуру МГУ и одной из первых защитила диссертацию на эту тему. Напомню, что тема политической культуры принадлежит к одной из классических проблем политической науки.

В эпизодах повести участвуют член партбюро Института философии АН СССР и друг Шатова Владимир Тихов (символическое имя соглашателя), дядя Шатова — подмосковный дачник-отставник, его соседи, а также случайные собутыльники героев (некий майор, старый заводской рабочий, абитуриент философского факультета, случайный милиционер).

Стало быть, установка Петрова при написании повести была *резко сатирической*. Объектом сатиры стала история революционного движения в России и советский философский бомонд. Не вытекает ли отсюда, что существует параллель между повестью Петрова и другими сатирическими изображениями истории революционного движения в России? Не шел ли А. Зиновьев по стопам Петрова в выборе объекта сатиры? Вопросы требуют особого исследования. С учетом факта: Петров писал свою сатиру изнутри группы советских «вивисекторов духа». Но сам термин «вивисекторы духа» означает, что он не был согласен с той вивисекцией сознания, которую предлагала советская философия.

В экспозиции описаны состояния экзаменаторов. Председатель комиссии благодушествует. Газета «Правда» отметила его выступление на юбилее великого немца. Он закончил редактирование второго тома сборника по французским материалистам. После экзамена собирается закончить давно задуманную работу. Послушать в зале Чайковского заезжее диво. Съездить на конгресс, поругаться с «дипломированными лакеями поповщины»⁵.

Валентин Ильич Полумакаев выступает на всех заседаниях с предложениями. Его убеждения производны от передовых статей и докладов в торжественные дни. Неустойчивость вытекает из путаницы идей, неспособности отделить главное от второстепенного. На деле никакой путаницы нет. Полумакаев трезво фиксирует ситуацию в стране после XX съезда КПСС и Венгрии: «Мечутся в верхах, а низы во всем разуверились. Пробуют «жать сок» из думающих, а получается ерунда. «Правда» и «Коммунист» бьют, а думающие не замолкают. Верхушка пятится. Что это? Оттепель или заморозок — вот в чем вопрос! Если весна, нужно думать о тактике. Менять пока ни к чему, а подумать нужно». Иначе говоря, путаница идей прикрывает смену одной и той же тактики приспособления к обстоятельствам.

Теперь о главном событии, вокруг которого выстроена повесть. На экзамене Шатов «завяз в периоде социализма». Ему попались два вопроса: роль критики и самокритики в жизни советского общества; партийность философии. Именно эти вопросы Петров называет «решенными вопросами». С одной стороны, решенный вопрос — это вопрос скользкий, на котором сломана не одна голова. С другой стороны, решенный вопрос — это вопрос, затасканный по кафедрам и учебникам, статьям и пропагандистским листовкам. Умельцы (типа Модестова) могут путем жонглирования или перестановки слов раскрывать такие вопросы с неожиданной стороны. К тому же при обсуждении решенных вопросов каждый может держать в резерве такое количество цитат из классиков в защиту своих идей, что неизвестно, за кем останется последнее слово. Из этого вытекает необходимость быть крайне осторожным при обсуждении решенных вопросов.

Эта линия повести Петрова позволяет увидеть в его идеях предпосылку для анализа поведения и мышления советских и современных спичрайтеров. В идеократических государствах профессии спичрайтеров и профессиональных идеологов совпадают по своему смыслу и содержанию. Не зря в подзаголовке книги на эту тему содержится аллюзия на известный афоризм К. Маркса: «Философы лишь различным образом изменяли мир, дело состоит в том, чтобы изменить его»⁶.

⁵Напомню для молодых читателей, что «дипломированными лакеями поповщины» Ленин называл буржуазных профессоров философии.

⁶«Руководство идеократических государств не может функционировать без услуг спичрайтеров. Советская империя жила и выживала за счет экспорта сырья и благодаря нефтедолларам. Здесь не было никакой идеологии, но простую нефтегазодоллароносную структуру советской политэкономии поддерживала мощнейшая система пропаганды коммунистических идей. Нефть формировала внешний спрос, идеология — внутренний. Современный политический режим в России строится ровно на тех же основах» [Колесников 2008: 22].

Шатов — это «чистой души романтик». Его никто не просил в спичрайтеры, он дает свое решение уже решенного, т. е. официальной точки зрения. Я исследовал специфику официальной точки зрения на факты и события социальной действительности. В общем виде официальная точка зрения — это сумма взглядов и опыта и правительства по решению социальных проблем. Официальная точка зрения выражает стремление правительства к *монопольному суждению* о положении дел в обществе и государстве, а также опыт пренебрежения правительства к реальному положению дел в обществе и опыт его выживания в условиях перманентной социальной дезорганизации.

В этом смысле позиция Петрова однозначна: никакой монополии правительства на решение социальных проблем он не признавал; все «решенные вопросы» подлежат пересмотру. Покажу это на конкретных примерах «решенных вопросов».

Вопрос о роли критики и самокритики в жизни советского общества Шатов излагает в языке официального марксизма-ленинизма. Есть два рода критики — критика словом и критика оружием. Обе критики вскрывают ошибки и показывают пути устранения недостатков. С одной стороны, в период строительства социализма роль критики резко возрастает, с другой — ее функция как инструмента преодоления недостатков затруднена. В процессе ответа Шатов высказывает неожиданный тезис: при капитализме партия больше застрахована от ошибок, чем при социализме. Этот тезис он аргументирует опять же двумя официальными концепциями естественно-исторического процесса. Эволюционная концепция характерна для ревизионистов, революционная — для марксистов-ленинцев. Согласно первой концепции, переход от капитализма к социализму происходит с естественной необходимостью. Поэтому критика сводится к минимуму, а диктатура пролетариата и партия как руководящий научный центр не нужны. При революционном понимании естественно-исторического процесса критика становится максимальной, выступая в двух видах: практическая критика, подчиненная реализации уже принятых решений; теоретическая критика, связанная с подготовкой решений. Во втором случае плацдарм критики открыт для всех, поскольку идеальных решений не бывает.

Иначе говоря, критика должна быть универсальным социальным феноменом социализма. В противном случае цели революционного движения останутся на бумаге.

Такова позиция Шатова. Аспирант явно зарвался. Мудрый Полумакаев задает ему каверзный вопрос. На прошедшем партсобрании одно критическое выступление все осудили как вредное и антипартийное. Шатов тоже за это голосовал. «Как совместить ваши действия на собрании с тем, что вы говорите сегодня?» — спрашивает Полумакаев. Шатов отвечает: на партсобрании речь шла о вредном, а не антипартийном выступлении. Был плач о том, что все в институте плохо, а как из «плохо» сделать «хорошо», — сказано не было. Поэтому Шатов не видит противоречия между своим поведением на собрании и тем, что он говорит сейчас. «Сегодня для меня экзамен, и я не имею права скрывать свое понимание того или иного вопроса».

Стало быть, герой повести Петрова не признает ни двоемыслия, ни разрыва между словом и делом. А как раз на этом пространстве (двоемыслия и разрыва между словом и делом) функционировали отряды советской идеологической бюрократии. Ликвидация двоемыслия и разрыва между словом и делом — такова сверхзадача Шатова. В ней можно увидеть первую формулировку идеи палубной культуры, культивирующей единство слова и дела как основы европейской культуры. Согласно Петрову, экзамен есть разновидность исповеди, поскольку он требует предельной искренности. Между тем советская школа и общество в целом эту искренность систематически подавляли. Поэтому критика системы образования — не менее значимая тема всего творчества Михаила Константиновича.

Тому, кто не сдавал экзамена по катехизисам советской официальной философии и не сидел на партсобраниях, это словопрение покажется схоластикой. Некоторые мои коллеги считают, что творчество Петрова тоже схоластично. Но при этом схоластику они понимают

по канонам советской официальной философии, а не как живой процесс развития мысли в рамках христианства. Возникает также вопрос: все ли нынешние аспиранты и преподаватели философии и гуманитарных наук отвергают двоемыслие и любой разрыв между словом и делом? Мой опыт наблюдения за жизнью прошлых и нынешних студентов и коллег толкает к противоположному выводу. Значит, концепция Михаила Константиновича созвучна нынешней российской реальности — от поведения предпринимателей до политической сцены [Волков 2002; Олейник 2011].

Однако позиция Полумакаева тоже не устарела: «Развивая тезис о революционном понимании естественно-исторического процесса, — гнусавит он, — вы, товарищ Шатов, упомянули о выборе лучшего решения. Не кажется ли вам, что такое понимание показывает в сомнительном свете нашу действительность? Ведь, по-вашему, в прошлом могли приниматься не лучшие решения. А такой взгляд на нашу социалистическую действительность открыл бы настежь ворота для оголтелой и злобной критики со стороны враждебных элементов. Как вы думаете, аспирант Шатов?»

Шатов отвечает: к научному понятию неприложимы опасения экзаменатора; не всякая болтовня (то, что экзаменатор называет «оголтелой и злобной критикой») является критикой; нет смысла кричать о том, плоха или хороша наша действительность, могла ли она быть лучше или является лучшей из возможных; понятие наилучшего решения бросает тень сомнения на любое принятое решение; задача теоретической критики лежит в будущем, а не в прошлом: «Для настоящего коммуниста не бывает такой действительности, которая не могла бы быть заменена лучшей».

Иначе говоря, Петров отвергал три разновидности мнимой критики того общества, которое строилось в СССР:

- традиционное отношение к критике, когда критика отождествляется с нанесением вреда («Не выносить сор из избы»);
- идеологическую болтовню под видом критики («оголтелая и злобная критика»);
- онтологический презентизм (концепт «мира, лучшего из возможных»).

Подчеркну, что все эти феномены существуют до сих пор в России. Значит, идеи Петрова не устарели и могут рассматриваться в соотношении с частным и тотальным понятием идеологии Карла Мангейма. Оба эти понятия можно использовать для критики повседневных и правительственных идеологем в разновидностях мнимой критики.

Шатов считает свое мнение гипотезой, которая требует подтверждения или опровержения практикой. По его мнению, организационные формы теоретической критики должны учитывать конкретно-исторические условия 1950-х годов в СССР:

- неизжитый в сознании «культ личности»;
- привычку не размышлять о высоких материях;
- опираться на авторитет имени, а не на истинность.

По его мнению, все эти явления образуют ту «сумму обстоятельств», которую надо устранить. Иначе говоря, согласно Петрову, нормальное общество предполагает таких индивидов, которые отвергают любой культ личности, постоянно размышляют о высоких материях, руководствуются авторитетом истины, а не имени. Развивая такой ход мысли, можно сказать, что до тех пор, пока общество не состоит из таких индивидов — оно должно быть предметом критики. В этом смысле критика выходит за пределы капитализма и социализма, а также противоположности между ними.

Для борьбы с реальной «суммой обстоятельств» аспирант предлагает анонимную партийную дискуссию как постоянный орган критики. Каждый член партии должен иметь право высказаться по всем вопросам программы и устава партии, не раскрывая своего имени. Такой механизм свел бы к нулю субъективный момент, не позволил бы зарабатывать авторитет на дешевом критиканстве или опровержении критики. Ценность предложений можно было

бы определить общепартийным голосованием. Получившие большинство голосов предложения следует использовать как директивы для ЦК.

Таким образом, над ЦК и рядом с ЦК была бы поставлена безликая, но действенная сила — партийный разум. ЦК превратился бы в исполнительный орган, ограниченный в своей деятельности директивами дискуссии. Здесь возникает попутная проблема: тождественна ли безликая сила партийному разуму? Как этот разум смог бы решать классическую проблему господства большинства над меньшинством и учета мнения меньшинства? Но Петров не рассматривает эту проблему.

С этого момента прение между экзаменатором и аспирантом приобретает политический смысл в контексте классической проблемы о соотношении веры и знания. Полумакаев шокирован: «Вы что, не верите ЦК? Не верите в правильность его действий?»

Позиция Шатова такова. Коммунисты — это единомышленники, а не единоверцы. Отношения между ними и ЦК не могут строиться на вере. ЦК — не бог, а исполнительный орган партии. Он позволяет единомыслие превратить в единодействие. Единомыслие без знания невозможно. Каждый коммунист имеет право не верить ЦК, а знать и участвовать в теоретической подготовке всех общепартийных решений. Кроме того, коммунист-философ-разведчик — это знаток той области, из которой исходит в своих действиях и решениях ЦК. Можно верить водителю, летчику, машинисту, физику, химику как специалистам в своей области. Водители, летчики, машинисты, физики имеют право верить специалистам-философам. Без этого при современном разделении труда невозможно. «Но верить в своей области, отказываться от знания в пользу веры — это не доблесть, а преступление».

Из этого отрывка вытекает: Петров отвергал любое отождествление веры и знания на вершине и на всех остальных уровнях государственной иерархии; а поскольку «иерархия» означает священноначалие, постольку он отвергал также институционализованную религию; вера возможна только в узких рамках профессионального разделения труда; философы-коммунисты снимают это разделение, поскольку их знание является всеобщим в сфере подготовки и принятия решений.

Но и здесь остается проблема: разве на основе специального знания не произошел ряд технических и социальных катастроф на протяжении XX века? Значит, в самом знании есть неустранимые элементы веры. Возникла целая теория катастроф. По крайней мере, готового и окончательного ответа на проблему соотношения веры и знания нет, есть только определенные тренды в толковании этой проблемы.

В ответ Полумакаев переходит на милитарный жаргон: «Все мы не только единомышленники, мы бойцы одной армии». Аспирант в ответ иронизирует: «Разные бывают бойцы, Валентин Ильич. — Самая блестящая фигура в армии — полковой барабанщик. Незаменим при парадах. Только мне кажется, что место коммуниста-философа не в обозе и не в оркестре, а в разведке. И, как разведчику, философу не нужно бояться вымазаться в грязи, залезть в болото. Дело не в том, чтобы выйти сухим из воды, а в том, чтобы застраховать основные силы от неожиданностей. А парады, барабанный бой — это и без философии можно...»

Затем Шатов излагает и критикует официальную точку зрения на партийность в философии и науке: «Следует различать партийность гносеологическую и партийность политическую. В пределах гносеологии есть лишь две позиции: материализм и идеализм, между ними эклектическое болото. Быть материалистом, вовсе не значит — принадлежать к той или другой политической партии. Более того, любая партия, в зависимости от характера задач, которые она реализует своей практикой, вынуждена стоять на позициях материализма. Другое дело партийность политическая. Здесь речь идет уже не о характере знания, а об использовании заведомо объективного знания для организации практики в интересах той или иной социальной группы. Этот второй вид партийности, о каких бы интересах ни шла речь, весь без остатка включен в материализм, т. е., чтобы действовать, нужно быть материалистом... Поэтому представляется неправомерным эклектическое смешение двух разнород-

ных вопросов в одной формуле. Это даже опасно, так как порождает у коммунистов ничем не оправданные фантазии о монополии рабочего класса и его партии на знание. Опасно и тем, что разоружает рабочий класс и его партию перед лицом сильного и, это нужно подчеркнуть, знающего противника».

При обсуждении вопроса об оценке ответа Шатова Полумакаев предложил двойку с примечаниями о завирательном характере идей аспиранта. Модестов предложил считать экзаме́н несостоявшимся. Дама его поддержала. Полумакаев пишет особое мнение...

Чтобы оттенить оригинальность точки зрения Шатова на роль критики при социализме, Петров описывает еще две позиции по этому вопросу:

1. Разговоры под выпивку и закуску⁷. Если считать их социологически репрезентативными, то большинство народа оценивало годы после смерти Сталина так: начальство меняется, порядки остаются; за что боролись, на то и напоролись; напоролись на тысячи градоначальников, партийное, советское и армейское начальство.

2. Использование нерешенных бытовых и коммунальных проблем для нейтрализации критики: «Новый градоправитель философствует: пока моста нет, говорит, в городе спокойствие и порядок. У кого, говорит, живот заболит или демагогия одолеет — мост все отсасывает. Лиши, говорит, город этого вытяжного компресса, кто знает, какие метастазы даст рак критики. Он у нас и жилищный кризис решил. Занесло к нам делегацию, не поймешь какую, из себя черную, общительную. Первым делом — в горсовет. Удивились цифрам, спросили о том, о сем, а потом о жилищных условиях... Площадь города председатель знал, а о числе жителей догадывался по данным тридцать девятого года. Однако не растерялся. Строим, говорит, но криков все равно много. А должен, говорит, заметить, по ночам люди где-то спят. На улицах их нет, сам проверял... Переводчик раза три спрашивал, пока решился перевести, да и то в смягченном виде. Гости посмеялись, горожане тоже...».

В советской терминологии 1950-х гг. журнал «Крокодил» и комсомольские прожекторы использовали термин «плесень» для обозначения «стиляг» и прочих нарушителей советского образа жизни. Петров использовал официальный термин для обозначения советского начальства. Общественное мнение создавалось в пивных, трамваях и ресторанах. Но и этот канал пресекался — пивные переименовывали в молочные бары. Поэтому на местах после смерти Сталина никаких изменений не происходило: «Так что и в этом пункте у нас по-старому: пиво, раки, «три семерки». В этом смысле само советское начальство способствовало преобразованию социализма в капитализм: «А что, Костя, если это расчет, — говорит один из героев повести, — не простой, с загадом положен? Может, кому-то нужно, чтобы у нас всю жизнь был приятный вечер? Водка, танцельки, бабы? А чуть подумал или попробовал сказать, сразу Мартыновы налетят руки крутить, рот затыкать! Может, кому это нужно, а? Общедоступная пивная... Градоначальники. Мартыновы... Общероссийский бардак с девизом: «Здесь не думают. Здесь пьют водку и шупают баб». Дадут тебе пожизненный стакан водки, пожизненную закуску...»

Теперь сделаю промежуточный вывод: коммунист-философ-разведчик Петров почти за столетия предвидел развитие событий. И даже сочинил вывеску на воротах нынешней России. Эта перспектива его не устраивала. За это предвидение его исключили из КПСС. Причем, акция произошла в период так называемой «десталинизации».

На склоне советской власти С. Липкин предлагал описывать процесс замены «принципиальных изуверов» первых десятилетий советской власти на «продажных золоторотцев» периода ее заката. С его точки зрения тело нынешнего российского государства — это синтез золотарей с сифилитиками, и потому лучше СССР⁸. Видимо, Петров согласился бы с такой точкой зрения только в описательном, а не нормативном смысле.

⁷При этом обсуждались конкретные темы середины 1950-х гг.: события в армии, речи Чжу Дэ, проблема единоначалия и роли парторганизаций в армии, желание поставить армию вне политики, изменения в провинциальном городе, факт отмены шпиков, арабо-израильская война и пр.

Дядя и всенародные Бутырки

Шатов живет на даче у дяди. Василий Николаевич — отставник, охотник, любитель выпить, сыграть в преферанс, поговорить на политические или охотничьи темы. Он сразу после смерти Сталина «удалился от дел». Перестроил дачу, завел собаку, перетащил с московской квартиры холодильник, телевизор, библиотеку. Навыписывал газет, журналов, осел за городом. Под вечер приходили выпить и поболтать друзья-охотники. По пятницам Василий Николаевич выезжал в Москву на заседания охотколлектива, за впечатлениями, за продуктами.

Под выпивку и закуску дядя вместе с соседом-сослуживцем и отставным генералом обсуждают, как из вертолета охотиться на волков под эгидой ДОСААФ. Шатов тоже принимает участие в обсуждении этого нешуточного вопроса.

Фигура дяди и его соседей подозрительны, поскольку они недавно были уволены в запас. После смерти Сталина произошло массовое увольнение в запас и уход в отставку многих сотрудников НКВД. Самые отъявленные заплечных дел мастера во главе с Берией были расстреляны в декабре 1953 года⁹.

...Я прекрасно помню, как в 1950-е годы большая часть жителей страны ходила в ватниках, стояла в очередях за хлебом, считала благом картошку с соленым огурцом. Сам стоял в очередях с пятилетнего возраста. За волками охотиться тогда могли себе позволить только бывшие сторожевые псы власти — «верные Русланы», на которых стояла советская держава (если вспомнить образ Г. Владимова). Здесь возникает первое сомнение в фигуре *коммуниста-философа-разведчика* как необходимого звена в связи между марксистской философией и практикой. Эту фигуру Петров противопоставлял не только «вивисекторам духа», но и сексотам-соглядатаям.

В повести посетители пивной обсуждают факт отмены шпиков после смерти Сталина. Одни считают, что это хорошо, другие — что шпики никому не мешали. Они дежурили и в пивных. Им даже наливали в долг сто грамм. А теперь вышла воля — приходится «лишка пить через твою свободу — пол-литра на троих». Из-за свободы получилось одно сомнение, крушение веры. «Вот теперь, куда ни глянь — все на волоске. У хозяина и кукурузу не сеяли, и министерства были, и займы в аккурате — март-апрель вроде престольного праздника. И с голоду не помирали, на пиво, на сто грамм всегда хватало... А теперь будто у тебя с утра душу вынимают, будто тебе на какое несоответствие пальцем грозят, а не объясняют. А ты заладил: свобода! Ты вот в рассуждение прими, какой от тебя толк, полезность какая государственности?»

Из этой цитаты можно извлечь несколько выводов:

- алкогольно-бытовой (или ментальный): современная мода пить на троих — продукт отмены шпиков при Хрущеве;
- этатистский: некоторые граждане оправдывали существование шпиков пользой государства.

Коммунист-философ-разведчик Шатов с такой пользой не имеет ничего общего. На протяжении повести он ведет внутренний монолог с собой, а в диалогах развивает идеи: чи-

⁸«Сейчас критики режима из числа его создателей и слуг кручинятся по поводу того, что среди среднего, старшего и высшего состава руководителей растут шовинизм, стяжательство, жадность, грязного пошиба эпикурейство, полное равнодушие, презрение к всечеловеческой идее да и вообще ко всякой идее. Как это ни странно, а нам, жителям, такая кажущаяся деградация приносит известное облечение, выход. Принципиальные изуверы досталинской эпохи и периода первых пятилеток были для населения хуже, вреднее нынешних алчных, продажных золоторотцев, не верящих ни в чох, ни в сон. Тело государства, пусть медленно, пусть болезненно, освобождается от раковой опухоли путем заражения сифилисом. Благой путь!» [Липкин 1997: 98-99].

⁹ Хорошо помню эту ситуацию. В декабре 1953 г. отец пришел с работы, дал мне газету и сказал: «Читай, сынок!». Так я впервые познакомился с официальной информацией о смерти главных сталинских палачей.

стоты перед своей совестью; борьбы за право быть коммунистом-философом; связи науки с практикой. По его мнению, без реализации этих идей не будет ни философии, ни коммунизма, сколько бы ни кричали о всех дорогах, которые ведут в коммунизм.

Тут я полез в Интернет и нашел там сборник «Песни о Ленине и Сталине», среди которых одна так и называется «Все дороги ведут к коммунизму» (слова Л. Ошанина, музыка М. Коваля)¹⁰. Хорошо помню, что в 1950-е годы на площадях висели динамики, которые с 6.00 до 12.00 вели радиовещание. Транслировали песни о позараставших путях-дорожках, включая путь к коммунизму¹¹.

Иначе говоря, герой повести отвергает еще один тезис официальной идеологии: о многообразии путей строительства коммунизма. Шатов решительно формулирует главную идею одного пути к коммунизму: соединить идеологию, партию и науку. Его проект выглядит так: в коммунизм ведет одна-единственная дорога; на ней много не обозначенных классиками перекрестков и поворотов; нужно разобраться, не проскочили ли нужный поворот, не надо ли отступить в вопросах семьи, быта, партмаксимумов; сделать это может только свободная от гипноза имен и авторитетов, связанная с практикой наука для миллионов и силами миллионов; за это надо бороться с «вивисекторами духа»; без жертв не обойтись, но не надо бояться; в партии больше людей, подобных Шатову; всех из партии и из науки не выгонишь; надо не поднимать руку на партию, а завоевать ее изнутри; лишь после этого партия станет орудием построения коммунизма — в первую очередь научной силой, а затем направляющей и руководящей. Ради этого надо быть философом.

Такова «внутренняя речь» героя повести. Я думаю, мысль о выборе философии как жизненного призвания ради построения коммунизма крайне дискуссионна. Не менее спорна идея о философии как средстве соединения знания о коммунизме как некоем будущем состоянии и разведывательной деятельности. Может быть, Петров здесь говорит о мотивах собственного выбора философии? На этот вопрос тоже можно ответить только гадательно.

Для разгадки я предлагаю использовать мысль Карла Маркса, который еще в XIX веке писал о связи революционной и шпионской деятельности [см.: Макаренко 1989: 43-44]. Эта мысль развита К. Шлегелем, изучившим специфику коммунистического агента как нового культурного типа [см.: Шлегель 2004: 409-416]. Техника, методы и персонал советской системы разведывательных служб были заимствованы из опыта подпольной работы русских революционных партий, а не у царской разведслужбы. Два поколения революционеров эпохи до 1917 года подняли технику подполья на высокий уровень. Конспирация — совокупность правил политической подпольной работы — стала естественным революционеров. Революция поднимала подпольщиков на вершину власти. Они использовали технику конспирации в легальной политической деятельности. Элементом данной техники было российское толкование теории революции. В результате мир столкнулся с новым политическим стилем. Его суть в том, чтобы хорошо анализировать общественно-политические течения, формулировать результаты анализа и использовать их на практике.

Новые политики превратили революционное слово в важное средство деятельности. Агент нового типа вынужден был быть умным, поскольку действовал в ситуации собственного бессилия и безвластия. Его самостоятельность вытекала из осознания «движущих сил» истории и убежденности в том, что он действует заодно с ними, а не против них. Он полагал, что никто не в состоянии противостоять диалектике распада и революции. Он знал, как вести себя в социальной лаборатории. Он работал вместе с историей, позволяя времени работать на себя. Его главная добродетель заключалась в терпении, способности выждать нужный момент. Но когда момент наступал, он рисковал всем. Ему были чужды угрызания совести, поскольку действия были связаны с контекстом истории и мирового революционного процесса.

¹⁰См.: [Электронный документ]. Доступ: <http://vault.exmachina.ru/songs/13>

¹¹Мой армейский друг — поэт Валентин Штубов описал это так: «А над казармой хрипело радио, / И тошно было лишь нам двоим».

Чекисты всегда считали себя «разведчиками», а не шпионами. Они знали, что могут погибнуть при выполнении задания, и никто никогда не узнает, что они «погибли в борьбе». Поэтому первым делом они создавали прикрытие — в виде импортно-экспортных фирм, магазинов деликатесов, антикварных лавок, были финансистами, кадровыми руководителем. Эта публика была способна на все — от реорганизации торговли мехами до подбора профессиональных убийц. У них не было проблем с собственной идентичностью, поскольку они ее постоянно меняли, чтобы оставаться верными себе. Этот реальный тип был воплощен в тысячах конкретных людей.

Главное качество советского агента — открытость миру. Данный тип восходил к старым имперским структурам. Он служил движению, которое выходило за пределы вновь созданных национальных государств. Чекисты первого поколения были необходимы советскому режиму до тех пор, пока их существование зависело от продолжения мировой революции. Но революция выродилась в обновление российской государственности. Поэтому возник спрос на чиновников, прислужников и великодержавных шовинистов, отличающихся слепым повиновением, а не самостоятельностью.

Послевоенные агенты порвали все связи с революционной средой и вернулись к классическому типу шпиона. Они воплощали тип коммунистов, которые сходили с конвейеров партийных школ. Их головы были забиты готовыми идеологическими штампами, а сердца пусты. Для большинства таких агентов главным были деньги, а не революционные идеи. Иерархическая система делала ставку на подчиненные, а не на самостоятельные головы.

Эти общие характеристики советской агентуры подтверждаются текстом повести. В том числе диалогом между героем повести и членом парткома Владимиром Тиховым. Тот мрачнеет, едва услышав, что не надо верить ЦК. Называет Шатова революционером-подпольщиком и недоделанным теоретиком. Шатов в ходе спора однозначно определяет всю советскую властно-управленческую структуру как бюрократическую: «Везде сидят люди, влюбленные в устойчивость. Для них каждое новшество должно идти сверху». Значит, Михаил Константинович имел в виду первое поколение советских агентов.

В то же время на лекциях он употреблял термины «митингование» и «лозунгование» с ироническим выражением лица. Читая повесть, я убедился, что под этими терминами он имел в виду связь философии с практикой через курятник. Так Петров описывал советскую практику бытования философии. Эту практику он называл обманом. А реальная проблема состояла в том, что строительство коммунизма лишено научной основы.

Коммунист-философ-разведчик отвергает все советские организационные способы решения этой проблемы: рабскую привычку спрашивать на все разрешение в партийных и советских органах; обсуждение проблем на партсобраниях; использование цитат из классиков для обсуждения проблем сегодняшнего дня; использование наглядной агитации; чтение циклов гонорарных лекций для населения через общество «Знание». По его мнению, сами философы не в состоянии решить проблему связи теории с практикой. Ее можно решать только вместе с практиками, да и то только с ЦК как вершиной иерархии. Но в этом пункте философы пугаются и создают комиссии по подготовке собраний или конференций. Однако обращение к аппарату ЦК тоже бессмысленно. Там скажут: «Идите-ка вы к черту, философы. Без вас дел хватает». Призывы главных органов партийной прессы (газеты «Правда» и журнала «Коммунист») тоже бесперспективны. Возникает тупик. Как из него выйти?

Выход из тупика возможен при согласии с предсказанием Шатова: предстоит война в области духа, со своими героями, жертвами, трусами, перебежчиками и неизвестными солдатами; поэтому он считает себя в строю, а не отставником. Будущее нужно сделать лучше настоящего с помощью партии. Шатов называет свою версию партийного строительства «мечтой о партии». Без партии коммунизма не построишь. Но нужна иная партия.

Шатов высказывает свою сокровенную мечту. Партия вышла из капитализма архаической машиной. Ее надо превратить в гибкое и мощное оружие в руках общества, строящего

коммунизм. Но партия не должна стоять над обществом или вне общества. Под знамена такой партии нужно собрать все лучшее и думающее страны. Надо поставить над ЦК ученый совет партии. Выборы в него производить всепартийным тайным голосованием победителей в борьбе идей, а не имен. Надо предпочитать идеи именам и авторитетам. Запретить членам совета иметь имя. Часто их переизбирать. Добиться, чтобы ученый совет был безымянной силой, ступком человеческого знания и энергии. Все посты сделать выборными по идеям, а не по именам. Устранить институт партийных работников. Поставить машины для учета. Превратить актив из назначаемого в выборный. Строго спрашивать с активистов за конкретные задачи. Выдвигать по несколько кандидатов. Все построить на конкурсе идей и способностей. Сделать партию подвижной, гибкой, сильной. Карьеристы, любители тихой жизни из нее уйдут сами. Все честные, думающие, энергичные люди страны должны быть в партии. Короче говоря, в партию надо собрать самых талантливых людей. Ради такой партии Шатов готов положить все силы.

Разумеется, нетрудно увидеть в этих предложениях один из вариантов философской утопии, перерастающей в политический манифест. Значительно важнее подчеркнуть: уже в первой своей работе Петров отвергает лично-именной (характерный для традиционного общества) и профессионально-именной (характерный для капиталистического общества) принципы строительства партии и настаивает, что только абстрактно-понятийный принцип (анонимная всеобщая дискуссия) может решить проблему партии как средства строительства коммунизма. В его последующих работах постоянно встречается постулат машины с КПД в 100%, по отношению к которой все реальные механизмы (от телеги до ракеты) открыты для постоянной критики и улучшения. Эти идеи входят в состав его концепции социокода. Отсюда вытекает, что любое сохранение в реальности лично-именного и профессионально-именного социокода является воспроизводством традиционного и капиталистического способа социального устройства. Возникает проблема их оценки. Петров считал архаизмом любую персонификацию власти и знания, а также их взаимосвязь. Значит, его концепция эвристична для оценки всех современных форм лично-именного и профессионально-именного социокода.

Но с точки зрения культурных стандартов поведение героев одинаково. Ради разрешения сомнений дама рассматривает фотографии, включая фото ее кумира Модестова. Мужчины участвуют в коллективном распитии спиртных напитков — если использовать язык партийно-милицейских протоколов. Коммунист-философ-разведчик выпивает с подозрительным дядей и его однополчанами. Сталинский философ Модестов идет в пивную, циник Полумакаев — в ресторан. Хотя пьяным никто не валяется, все с удовольствием вспоминают о прошлых выпивках. Размышляют о прожитой жизни и открывают душу перед случайными собутыльниками. Души эти малоинтересны. Но по русскому обычаю придется в них покопаться.

Под влиянием экзамена бывший сталинист Модестов решает перековаться. Несмотря на все оговорки, ход его мыслей сводится к историческому оправданию Сталина. Попутно Петров критикует именной тип социокода уже при советском социализме. Именно бывшему сталинисту он вкладывает в уста заключительную политическую мудрость: драка не закончилась, хотя у партии ничего не осталось, кроме веры в коммунизм. Сталин умер — и обнаружилась духовная смерть партии. При описании этого феномена Петров использует выражения «средства подавления мысли», «аппарат дистилляции мысли», «фильтры подавления мысли». Речь идет о сложившихся при Сталине социальных институтах — отрицание дискуссий, отсутствие теоретических органов, тройная цензура, многоступенчатое обсуждение, реферирование, редактирование, подгонки мысли под классический стандарт. Все это душит партийную мысль. Раньше свободой мысли, правом разрабатывать теорию пользовался один человек. В итоге никто ничего не может. Люди, подгоняющие всех и все под Сталина или под любой другой заданный образец, живут и здравствуют. Опять хотят найти нормы, канон-

низируют мысль прошлого. Характерно, что в последующих работах Петров использовал эти же идеи для анализа СМИ, особенно телевидения.

Сталинскому *придворному философу* Петров приписывает одобрение шатовской формулы «коммунист-философ-разведчик». Модестов начинает размышлять о технологии реализации шатовских идей. Марксизм как источник мысли иссяк. Общество вступает в область, куда не могло проникнуть исторически ограниченное предвидение классиков. Без научного подвига до коммунизма не добраться. Но партия к этому не готова. Значит, надо открыть дорогу творческим исканиям вступающих в науку миллионов.

Модестов соглашается также с идеей анонимной закрытой дискуссии как средстве координации мышления. Он предлагает: вести дискуссию по всем вопросам теории и практики; постепенно расширить круг допущенных к развитию теории; воспитывать мышление рядовых членов партии на конкретных делах парторганизаций; включать в дискуссию специалистов, сдавших какие-нибудь экзамены. В целом речь идет о ликвидации иерархии в жизни партии — т. е. раздела на верхи и низы. Тогда все бы хваталось за книжки. Такая работа вооружит партию живой, гибкой наукой, творческой энергией миллионов. Если же оставить все по-прежнему, духовно инертная партия дискредитирует себя, станет в глазах народа орудием субъективного произвола немногих или одного. Потерявший веру народ воспримет партию как чуждую и враждебную силу, экспериментирующую на нуждах и лишениях народа. Тогда все пойдет прахом. Прошлое станет напрасным.

Таким образом, Петров предсказал крушение идеи коммунизма и распад КПСС и СССР почти за полсотни лет. Не исключено также, что идеи «нового мышления» списаны у Петрова.

Теперь о фигуре *циника*. Диссертация была почти готова, когда его научный руководитель исчез. Полумакаев построил защиту на полемике с научным руководителем. Две трети вступительного слова посвятил тому, что в диссертации противоречило взглядам научного руководителя. Такое почти научное отмежевание удовлетворило большинство.

Короче говоря, Петров поставил проблему предательства и моральной коррупции как нормы поведения соискателей философской степени в период сталинизма. Но ограничивается ли эта норма данным периодом? — вопрос дискуссионный.

После смерти Сталина Полумакаев пришел к тем же выводам, которые услышал на экзамене от Шатова¹². Но в отличие от Шатова Полумакаев делает выбор в пользу капитализма. Социализм — это переселенческий поезд, в котором тесно, душно, беспокойно, неуютно, плохо. Его терпят ради конечной цели. Но жить в социализме нельзя. А борьба за коммунизм приносит шишки да затрещины. Поэтому капитализм вполне подойдет. «Что, собственно, произойдет, если все пойдет прахом и потерявшее ориентировку стадо повернет вспять?» — ставит вопрос Полумакаев. И отвечает: поворот ему ничем не угрожает, напротив, был бы только к лучшему. Он знает сильные и слабые стороны марксизма, подноготную событий. Поэтому поворот к капитализму создаст для него условия процветания. Но он не собирается быть капиталистом, а хочет стричь купоны со своей идеологической профессии — зарабатывать побольше денег, писать книги по истории партии, читать лекции по истории философии, построить за городом особняк с гаражом и десятком лакеев. Стать хозяином-хлебосолом. Цветом русской интеллигенции. «Пока тебе не надоест восхищаться мудростью верхов, ничто тебе не угрожает и угрожать не может».

¹²Нет науки, чтобы по ней строить коммунизм. Верхушка неспособна создать такую науку. А давать свободу миллионам не хочет. Первый период борьбы за науку будет войной обреченных на гибель одиночек с авторитетом верхушки. Но без науки о коммунизме общество протянет недолго. Тщеславие верхов, апатия низов, безнаказанная духовная и материальная коррупция средних посадят общественный корабль на экономические или на политические камни. Без анализа статистики невозможно найти силу, которая заменила бы рабочее движение. Без такой силы любая теория — несбыточная мечта. А статистика в руках верхушки, которая с ней добровольно не расстанется. Борьба за коммунизм требует в качестве первого шага почти незаметного подвига с фатальным исходом. Людей, способных на такой подвиг, мало, а нужны сотни тысяч...

Решение Полумакаева однозначно: если стадо изменилось, получило иммунитет, нужно изобретать новое стадо. И оно получит свой кнут в виде диалектики. Из людей типа Шатова надо сделать героев последнего акта. Остальным помочь увязнуть в тине. И когда их потянет на болотный островок частного предпринимательства, тогда убрать препятствия на ретроградном движении стада... Лично он собирается взяться за воспитание аспирантов — «реферирование провинциальных гениев». Пока существует монополия знания для избранных, философы всегда останутся знающей тенью. А отбирать знающих тоже будут философы. «Да кто, кроме нас, способен придать наукообразную форму творческим всплескам руководящего мышления?» — так заканчиваются душевные копания циника.

Итак, для всех героев (кроме Шатова) характерно утилитарное восприятие теории. Восторги перед «всплесками руководящего мышления» пока не закончились. Это тоже свидетельствует о злободневности повести.

В заключительной главе сталинский философ лечит душу в разговоре со старым плотником и его внуком. Парень после армии хочет поступить «в университет правды искать». Рабочую правду деда («сделаешь хорошо — почет тебе и уважительность от людей») он считает старой и резиновой правдой лошади. Собеседники опять обсуждают проблему соотношения веры и знания, но теперь при советском социализме. Позиции в дискуссии таковы: внук выступает за знание в коммунизм, дед за веру, но теперь в революцию. Плотник квалифицирует философа как попа, который «решает вопросы» о смысле жизни, правде и греха. Философскую правду он отвергает: «Жмет ваша правда, как неразношенный сапог, в сомнение вводит... Рабочему человеку правду искать не с руки, шишки только схлопочешь. Не рабочее это дело — умствовать». Сталинский философ считает, что функцию попа сегодня выполняют средства массовой информации. А философы вырабатывают «правду для всех». По его мнению, правда одна, но исторически изменчива.

Собеседники выпивают «За правду!» — и в рот, нос, горло бьет помесь сивухи с одеколоном.

Затем парень упрекает профессора в эпигонстве («Ленина и Сталина мы без словаря еще в школе читать научились, а Дмитрий Иванович больше ничего не скажет. Разве что новыми словами»). Философ, с одной стороны, защищает классиков («Ленина и Сталина рано в расход списываете»), с другой стороны, пускается в риторику: «Одними мыслями Ленина и Сталина сегодня не проживешь. Хороши они были для своего времени. Но есть и такое, о чем классики могли только догадываться, о чем им не приходилось думать с цифрами в руках и событиями перед глазами. Здесь и нужно новое, правду искать». Парня интересуют мировоззренческие вопросы. Большинство занято бытом и семьей. А в остальном идут за властью, как слепые щенята: «Топить ведут, к хорошей жизни ведут — нам все равно». Он хочет сам идти и выбирать дорогу. Ему нужна общая правда, а ее нет. «У кого «Москвич», у кого баян в пеленках». Дед ставил советскую власть, а сейчас сочинил свою трудовую правду: «Тюкай, говорит, с закрытыми глазами до усталости, а что вытюкается — не твое дело... Революцию он вроде вместе со всеми делал, а теперь, говорит, что строит дом. «Может, во все не дом, а всенародные Бутырки? Может, сами себе одиночки по вашей правде строим?» Вопрос остается без ответа. Он считает: сознательность скисла, если опять нужна вера.

Последние эпизоды повести банальны: Модестов стоит на мосту, курит, думает; с него не спускает глаз милиционер, выполняющий традиционную советскую роль добродетельного дяди Степы¹³; по приходу домой он глядит по портрет усталого и небритого Ленина, в

¹³«Час на вас смотрю... Вроде просто задумался человек. А кто ж его знает, может, сиганет в воду. Утонуть-то не утонет, метро здесь строили, горб намыли. Шею сломает, если... А все неприятность — непорядок это... Думаю, как шляпу снимет, так я ему и свистну. Страх как не любят свисту, которые от чувств. Охота, что ли, пропадает? Или дело лишних глаз не терпит? Бывает, одним свистом человека спасти можно. Придет в себя, застыдится, благодарить не приходит. И, удивительное дело, всякий норовит шляпу или там галоши снять, будто чем помешать могут. И почему как-то больше мужчины лезут?... Я вот человек десять от беды отвистел, а жен-

простой деревянной рамке; эту икону ему подарил друг Яков, погибший в репрессиях; друг отпускает ему грехи¹⁴. Герой просветляется: «Постараемся разобраться в обломках. Но решать будут миллионы».

Проблемное единство творчества

В учебниках советского времени при Хрущеве период после смерти Сталина назывался периодом активного строительства коммунизма, а при Брежневе — периодом развитого социализма. В современной историографии период с 1953 по 1991 г. называют периодом деградации коммунистического тоталитаризма [См.: Зубов 2009: 291-511]. Поэтому производно от согласия с положительной или отрицательной оценкой данного периода в контексте всей истории СССР и советского марксизма-ленинизма будут меняться и оценки повести Петрова. Но содержание повести ограничивает диапазон изменений. Петров расставил вехи, за которые, как я думаю, выходить нельзя.

В повести Петров предлагает свое решение фундаментальных проблем: роль критики и самокритики в жизни советского общества; соотношение веры и знания; определение и понимание науки; отношение между философией и практикой; отношение к Октябрьской революции, Ленину и Сталину. При анализе этих проблем он предлагает также свое видение антропологических типов (романтик, придворный философ-сталинист, циник), участвующих в «решении» этих вечных вопросов. Фигура коммуниста-философа-разведчика вводится для их решения. Указанные темы являются сквозными для его творчества.

Повесть Петрова злободневна, поскольку его установка при изображении действительности была сатирической. Объектом сатиры стала история революционного движения в России и советский философский бомонд. Петров не был согласен с вивисекцией сознания, которую предлагала советская философия. Никакой монополии правительства на решение социальных проблем он не признавал. Все «решенные вопросы» подлежат пересмотру. Критика должна быть универсальным феноменом социализма. В противном случае цели революционного движения останутся на бумаге. Для борьбы с реальной «суммой обстоятельств» Петров предлагал анонимную дискуссию как постоянный орган критики. Отвергал любое отождествление веры и знания на вершине и на всех остальных уровнях государственной иерархии; отвергал институционализованную религию; вера возможна только в узких рамках профессионального разделения труда; философы-коммунисты снимают это разделение, поскольку их знание является всеобщим в сфере подготовки и принятия решений. Советское начальство способствовало преобразованию социализма в капитализм. Ради построения коммунизма Петров предлагал соединить идеологию, партию и науку.

Фигура коммуниста-философа-разведчика в повести Петрова вводится для решения классической проблемы соотношения веры и знания. Биографический след такого решения явный и тоже требует анализа. Для этого сформулирую общую гипотезу: концепция социокода (разделение всей прошлой истории на лично-именной, профессионально-именной и аб-

---

щин не видел... Место, что ли, красотой не вышло?»

¹⁴Остался портрет Ленина да слова друга: «Привет, Митя, время придет, и мы напомним о себе вам, живым. Никто вас не упрекнет. Объяснят, что ломалось по незнанию, ломалось в горячке боя. Но вам придется покопаться в обломках. По кусочкам подбирать из наших мыслей то, что годится в дело, что годится для будущего, для завтрашнего дня... Никто, кроме вас, уцелевших, этого не сделает. И когда пройдет пора авторитетов, встанут перед вами задачи, непосильные для одного или десятка, когда понятие «коммунист» будет означать не только «исполняю», но и «думаю», — выпей за нас, неопознанных в общей свалке. За нас, имевших несчастье заглядывать слишком далеко. Ты не бог, Митя, и друзья твои не боги. Но именно вам в свое время разбирать обломки боя, очищать идеи от пыли имен, копать и засыпать братские могилы. Не бросайте туда навалом, не все в этих могилах братья. Я, Митя, и после смерти хочу хоть пылинку, кирпичик внести в общее дело. А оно придет, это время, придет время, когда понадобятся наши кирпичики, пылинки... Ленин — тебе на память. Люблю его такого: думающего, строгого».

страктно-понятийный типы), которой Петров оперировал в своих исследованиях, а также концепция «настоящего-будущего» (разделение будущего на мертвую зону, зону социального творчества и конечных целей) являются развитием идей, высказанных при обсуждении темы о роли критики и самокритики в жизни советского общества. Отсюда вытекает, что эта повесть является источником проблемного единства творчества М.К. Петрова. В любом случае социокод не имеет никакого отношения к ушлым ребятам и девицам, толкующим ее без учета проблем повести Петрова, применительно к обстоятельствам и собственному усердию не по разуму [См.: Филатова 2011].

-
- Васильева Л. 1993. *Кремлевские жены*. — М.: Вагриус.
- Волков В. 2002. *Силовое предпринимательство*. — М.
- Грейг О., Грейг О. 2005. *Походно-полевые жены*. — М.: «ПРЕССКОМ».
- Грушин Б.А. 2006. *Четыре жизни России в зеркале опросов общественного мнения. Очерки массового сознания россиян времен Хрущева, Брежнева, Горбачева и Ельцина в 4-х книгах. Жизнь 2-я. Эпоха Брежнева (часть 2)*. — М.: Прогресс-Традиция.
- Дубровин В.Н., Тищенко Ю.Р. 2010. Модели науки и культуры в творчестве М.К.Петрова. — *Михаил Константинович Петров*. Под ред. С.С. Неретиной. — М.: РОССПЭН.
- Зубов А.Б. (ред.). 2009. *История России: XX век: 1939-2007*. — М.: Астрель: АСТ.
- Колесников А. 2008. *Спичрайтеры. Хроника профессии, сочинявшей и изменявшей мир*. — М.: АСТ: Хранитель.
- Липкин С. 1997. *Квадрига. Повесть. Мемуары*. — М.
- Макаренко В.П. 1989. *Бюрократия и сталинизм*. — Ростов-на-Дону: Изд. Ростовского государственного университета.
- [Наш философ. дом]. 2009. *Наш философский дом. К 80-летию Института философии РАН*. — М.: Прогресс-Традиция.
- Неретина С.С. 1995. Приглашение к разговору. — Петров М.К. *Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность*. — М.: РОССПЭН.
- Олейник А. 2011. *Власть и рынок: система социально-экономического господства в России «нулевых» годов*. — М.
- Петров М.К. 1996. *Историко-философские исследования*. — М.: РОССПЭН.
- Петрова Г.Д. 2012. Письмо в редакцию. — Политическая концептология. — № 3. — С. 143-144. Доступно: <http://politconcept.sfedu.ru/2012.3/09.pdf> Проверено: 24.05.2013.
- Тищенко Ю.Р. 2003. Два эпизода из жизни М.К.Петрова. — *ЕН АРХИ*. — № 2. Философское и культурологическое осмысление: феномен восточнохристианской цивилизации. Научн. ред. Ерыгин А.Н. — Ростов-на-Дону. — С. 105-113.
- Филатова А.В. 2011. *Философский анализ социальных кодов современного бизнес-образования*. Автореф. дисс. канд. филос. наук. — М.
- Хархордин О. 2002. *Обличать и лицемерить. Генеалогия российской личности*. — СПб-М.
- Шлегель К. 2004. *Берлин, Восточный вокзал. Русская эмиграция в Германии между двумя войнами (1918-1945)* / Пер. с немецкого Л. Лисюткиной. — М.: Новое литературное обозрение.

Улыбки и гримасы современности

СЛУЖИЛАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В РОССИЙСКОМ АДМИНИСТРАТИВНОМ ОБЩЕСТВЕ

С.А. Денисов

Гуманитарный университет г. Екатеринбург

Аннотация: *Российское общество остается административным (этатизированным). Государство, как корпорация бюрократии, формирует слой служилой интеллигенции, в задачи которой входит трансляция идеологии, оправдывающей господство административного класса. Это идеология этатизма, вождизма, имперства и др. Часть служилой интеллигенции находится в оппозиции к современному государству и мечтает о построении иной модели того же типа административного государства (реформаторы). Служилая интеллигенция так же обозначает наличие в России гражданского общества, поддерживающего правящую группу.*

Ключевые слова: *административное общество и государство, служилая и гражданская интеллигенция, функции служилой интеллигенции, идеология.*

Российское общество автор относит к административному типу [Денисов 2011а]. Доминирующее положение в этом обществе занимает не класс частных собственников, а административный класс, состоящий из лиц, входящих в управленческий аппарат государства. Сегодня свое экономическое господство этот класс обеспечивает через государственную и огосударвленную (квазичастную собственность: акционерные общества «Газпром», Роснефть и т. д.) собственность на основные средства производства, распределение природной ренты, получаемой от продажи сырья (в первую очередь, нефти и газа), перераспределение общественных богатств через бюджет. Политическое господство административного класса обеспечивается за счет недемократического характера российского государства и общества. Этот класс контролирует основные каналы распространения информации в обществе (телевидение, радио, большинство газет, школы, вузы) и через них идеологически обосновывает свое господство. Здесь не общество формирует государство, а административное государство [Денисов 2010b], как корпорация управленцев, формирует удобное для своего выживания общество. Последнее не способно к самоуправлению и нуждается в опекуне в виде административного класса и его государства.

На определенном этапе своего исторического развития российское административное государство начинает формировать для своих нужд слой служилой интеллигенции. При Петре I в Россию начинают завозить образованных людей с Запада для преподавания в светских учебных заведениях. С увеличением числа образовательных учреждений формируется слой

отечественной служилой интеллигенции, которая имеет чины в соответствии с Табелем о рангах. После разрешения дворянству не служить (при Екатерине II), в России начинают формироваться элементы гражданского общества, в том числе гражданская интеллигенция. Последняя громко заявила о себе во второй половине XIX в. В начале XX в., с развитием капитализма, слой гражданской интеллигенции приобрел зримые масштабы. Служилая интеллигенция раскололась на две важные для истории страны части. Одна из них поддерживала существующее государство (которое наряду с чертами административного типа имело уже некоторые черты буржуазного государства), а другая мечтала о построении нового, не буржуазного государства. Последняя участвовала (или сочувствовала) в революционном перевороте в России и сознательно или не сознательно помогла введению и укреплению новой модификации административного типа общества и государства, которое получило название социалистического.

Гражданская интеллигенция, которую В.И. Ленин называл буржуазной, не поддержала новую советскую бюрократию и государство, которое она строила. Эта интеллигенция вынуждена была бежать за рубеж или погибла в ходе гражданской войны. Новая бюрократическая элита во главе с В.И. Лениным вырабатывает особую политику в отношении старой гражданской интеллигенции. Она сортируется на группы [Денисов 2012с: 3-4]. Техническую интеллигенцию стараются превратить в служилую интеллигенцию, которая должна работать на государственную экономику. В среде гуманитариев выделяют непримиримых, которых выдворяют из страны («философские пароходы») [Главацкий 2002] или ссылают в отдаленные районы страны. Те, кто готовы примириться с новой бюрократией, превращаются в служилую интеллигенцию. Их до 1930-х гг. используют в образовательной деятельности, а затем по большей части ликвидируют. К этому времени в стране формируется преданный новому административному государству и его элите слой служилой интеллигенции из бывших рабочих, крестьян, разночинцев. В 1934 г. газета «Правда» писала, что процесс превращения старой (гражданской) интеллигенции в новую (служилую) в СССР уже почти завершен [Правда 1934]. Гражданская интеллигенция в России исчезает. Все работают в государственных учреждениях под строгим контролем со стороны членов административного общества и институтов тоталитарного административного государства (партеобразного объединения бюрократии и ее клиентелы, молодежных организаций бюрократической клиентелы, огосударственных профсоюзов, органов политической полиции). Известный профессор Уральского университета В.Е. Грум-Гржимайло писал, что большевики уничтожили независимых от государства людей. «Все интеллигенты сделались людьми 20 числа, голодом принуждены быть послушными рабами» [История... 1999: 220]. Инакомыслящие выявляются и лишаются свободы, в 1970-е гг. высылаются из страны.

Ослабление административного государства в последние два десятилетия приводит к появлению относительно независимого от него гражданского общества и гражданской интеллигенции в современной России. Для формирования этой социальной группы возникает экономическая и организационная основа: учреждаются негосударственные образовательные учреждения, средства массовой информации, организации культуры, появились люди свободных профессий (адвокаты, писатели и др.). Современное административное государство не является тоталитарным и не осуществляет жесткого контроля за сознанием и поведением той части интеллигенции, которая остается служилой по формальным признакам, т. е. работает в государственных учреждениях. Часть этой интеллигенции не считает себя обязанным служить корпорации бюрократии и работает на благо гражданского общества, распространяя идеи свободы и демократии, критикуя административный характер российского государства. Таким образом, водораздел между гражданской и служилой интеллигенцией сегодня пролегает не в формальной сфере (кто работодатель), а в том, какие идеи транслируют эти две социальные группы. Лица, формально не работающие в государственных учреждениях, могут производить и распространять идеи выгодные административному государству и его бюро-

кратии. Такие лица должны быть отнесены к группе служилой интеллигенции в соответствии с ролью, которую они выполняют в обществе.

Рост степени авторитарности российского государства приводит к тому, что людям, работающим в государственных учреждениях, становится затруднительно иметь гражданское сознание. Руководство учреждений (автор относит его к административному классу, а не к интеллигенции) начинает требовать от своих сотрудников определенной степени лояльности бюрократическому государству и его бессменному Правителю. Сокращение числа вузовской молодежи, в связи с демографической ямой, приводит к сокращению кадров преподавателей. Оно осуществляется так же за счет увольнения нелояльных административному государству лиц. В этих условиях гражданская по духу интеллигенция в государственных учреждениях вынуждена переходить на еще не забытый эзоповский язык и обозначение своих позиций по тем или иным вопросам с помощью мимики, голосовой интонации, понятной слушателям.

На служилую интеллигенцию в первую очередь возлагается обязанность транслировать в общество идеи *этатизма*. Но здесь не всегда легко отличить позиции гражданской интеллигенции от позиции служилой. Те и другие должны исходить из факта, что современное российское общество не способно к самоуправлению. Это хорошо показали 1990-е гг., когда административное государство ослабло, и появилась свобода деятельности. Россияне не смогли создать массовые общественные объединения, партийную систему, которые могли бы выражать и защищать их интересы. Большое количество ранее государственных предприятий просто прекратило свое существование, поскольку их работники не смогли организовать коллективное производство или выделить из своего состава предпринимателей, способных использовать имевшиеся производственные мощности. Представители гражданской и служилой интеллигенции делают из этого факта совершенно противоположные выводы. Служилая интеллигенция доказывает, что россияне по своему менталитету не способны организовать капиталистическое производство в условиях свободной конкуренции и рынка. Им нужно государство, которое мобилизует достаточно количество финансовых средств и инвестирует их в организацию производства. Гражданская интеллигенция, наоборот, доказывает, что государство должно умножить усилия по созданию благоприятного климата для деятельности частных предпринимателей, позаботиться о защите частной собственности, не увеличивать налоги. Государство не должно создавать препятствий для формирования сильного гражданского общества. По этим признакам происходит раскол интеллигенции, транслирующей экономические идеи.

Большинство представителей науки и высшего образования в современной России — это работники государственных учреждений. Они объективно заинтересованы в осуществлении распределительной функции государства, в том, чтобы оно отнимало с помощью налогов доходы частных лиц и передавало их бюджетным организациям или осуществляло государственные заказы. Наиболее этатизированным является сознание представителей естественных наук, которые традиционно в России финансировались за счет государства. Передовым отрядом, поддерживающим идею восстановления сильного административного государства, является техническая интеллигенция, связанная с военно-промышленным комплексом.

Служилая интеллигенция поддерживает (или без протеста принимает) политику государства, направленную на подавление и так слабых общественных объединений (оппозиционных партий, правозащитных организаций) и восстановление объединений клиентистского характера. Часть служилой интеллигенции участвует в создании и деятельности этих клиентистских объединений политического и не политического характера. Важнейшую роль здесь играют служилые политтехнологи, эксперты и пропагандисты. Последние обычно называют себя политобозревателями или журналистами.

Важнейшим мероприятием по восстановлению мощи административного государства является объединение бюрократии и ее клиентелы в рамках партеобразного объединения, на-

зываемого «Единой Россией». Служилая интеллигенция составляет часть клиентелы бюрократии. Она участвует в выработке идеологии квазипартии, в ее пропагандистской деятельности. Видные представители интеллигенции украшают ее ряды. Своим членством в этой организации режиссеры, артисты, писатели обеспечивают ей авторитет, уважение к ней со стороны населения, которое верит своим кумирам, увиденным на сцене, телеэкране или в кино. Поскольку авторитет квазипартии падает, то правящая группа уже приготовила ей смену в лице Общероссийского народного фронта, где роль служилой интеллигенции еще большая, чем в партеобразном объединении бюрократии. Она призвана обозначать наличие широких слоев гражданского общества в этом новом продукте административного государства.

Как известно, сегодня административное государство озаботилось созданием «оппозиции Его Величества», т.е. партий, верных Правителю, но конфликтующих с его слугами из партеобразного объединения бюрократии. Часть служилой интеллигенции нашла приют в этих партиях, выполняющих функцию резиновой подсадной утки при охоте на водоплавающих.

В России полностью искоренены традиции университетского самоуправления. В начале XX в. усиление государственного контроля над высшими учебными заведениями породило протест профессуры и студенчества. В 1911 г. в ответ на ограничение университетского самоуправления в отставку подали свыше 100 профессоров МГУ, в том числе В. Вернадский, П. Лебедев, С. Чаплыгин и др. [Вертикаль... 2009: А04]. Большевицкая бюрократия с большим трудом подавляла дух свободомыслия в вузах. Сегодня, лишение самостоятельности университетов, назначение их ректоров Президентом РФ наоборот, вызвало радость в связи с надеждой на увеличение объема финансирования вузов и повышение размера жалования преподавателей. Служилой интеллигенции не нужна свобода. Лишь бы условия содержания были комфортными. Большинство преподавательского корпуса не участвует в управлении вузовскими делами даже при наличии такой возможности. Советские установки на неучастие будут еще долго жить в нашем обществе.

Проблема значительной части отечественной интеллигенции в том, что она все еще не нашла свое место в обществе, не может предложить ему полезный для него продукт за который общество готово платить хорошие деньги. Наша интеллигенция часто малоимуща и готова продаться государству «за гроши». Кроме того, она привыкла служить государству и не знает, как перестроиться для того, чтобы быть полезной обществу. С другой стороны, наше общество еще не настолько богато, что бы платить за интеллектуальную продукцию (исключением является индустрия развлечений). Большое число представителей интеллигенции служит тому, кто больше платит. Сегодня они готовы работать на представителей гражданского общества, а завтра — на государственную бюрократию. Множество людей, которые поддержали Перестройку и реформы 1980-х — 1990-х гг. легко отказались от своих установок, как только у государства опять появилось много денег и оно стало платить за идеологическую обработку населения (преподаватели, журналисты, политологи, артисты и т. д.).

Современное административное государство пытается восстановить утерянный в 1990-е гг. контроль над творческими союзами интеллигенции, а через них вернуть эту интеллигенцию в государственное тягло. Оно продвигает в руководство объединений людей, доказавших свою преданность системе и правящей группе. Так, в борьбе за руководство Союзом кинематографистов в 2008-2009 гг. государственная машина встала на сторону Н. Михалкова [Ненароков 2008: 8; Ямшанов 2009: 9]. В 2004 г. И. Кобзон озаботился тем, что творческие союзы кинематографистов, журналистов, театральных деятелей, архитекторов, писателей, художников «предоставлены сами себе», не встроены в президентскую вертикаль. Он предложил Президенту РФ устранить этот беспорядок, в обмен на финансирование, включить эти союзы в работу государственной пропагандистской машины, подчинить их ведению министерства культуры. Президент попросил Кобзона самого предложить такую схему включе-

ния союзов в государственную машину, чтобы избежать обвинений в посягательстве на их независимость и подкуп возглавляемой их бюрократии [Петрова 2004: 2]. Как и в СССР, руководство творческим союзом сегодня позволяет человеку иметь дополнительные средства для реализации своих творческих замыслов, популяризации созданных произведений, делает человека уважаемым в среде служилой интеллигенции. В зависимые от государственной бюрократии творческие союзы по-прежнему вступают тысячи бедных служилых интеллигентов, которые пытаются найти в них хоть какую-то поддержку. Эти творческие союзы устраивают конкурсы на лучшее выполнение задач, поставленных разного рода чиновниками, поощряют лучших. Для бедного служилого интеллигента приятна и грамота, полученная от начальства, которое в его глазах обладает непререкаемым авторитетом. Но времена потихоньку меняются. Например, много состоявшихся журналистов отказывается от членства в каких-либо бюрократизированных организациях. «У меня Союз журналистов ассоциируется не с профессией журналиста, а с профессией бюрократа и с затхлым советским запахом» — говорит главный редактор журнала «Секрет фирмы» [Какой...]. Испытывая давление гражданской интеллигенции, руководство некоторых творческих союзов пытается демонстрировать свою независимость от государственной бюрократии. Например, руководитель Союза журналистов в 2011 г. сделал открытое заявление о том, что Союз не будет вступать в Общероссийский народный фронт [Богданов].

Часть творческой интеллигенции ностальгирует по тем временам, когда государство монополизировало духовную сферу жизни и строго определяло, что люди могут смотреть по телевизору, в кинотеатрах, что они могут читать. Продукция, выпускаемая этой служилой интеллигенцией, тогда навязывалась всему обществу. Она чувствовала себя властителем душ. Сегодня, эта интеллигенция оказалась не у дел. Выяснилось, что в условиях конкуренции, ее произведения не находят дороги к слушателю, читателю, зрителю. Вместо того чтобы измениться самой, эта часть служилой интеллигенции требует от государства вернуть цензуру и государственную идеологию, изолировать общество от остального мира (особенно от американского Голливуда).

Подчас, в сознании служилой интеллигенции живет идея соединения власти и собственности. Она рассматривает государственные учреждения как принадлежащие Правителю и административному классу. Ранее автор работал в государственном вузе, где один из его руководителей как-то заявил: «Как ты, работая в государственном вузе, смеешь критиковать главу государства?». Это было в 2002 г. когда культ личности действующего сегодня Правителя еще только возникал.

Служилая интеллигенция может быть более верным охранителем административного государства, чем сама государственная бюрократия, которая подчас забывает о своих классовых интересах и действует только в своих личных целях: погрязла в коррупции, не заботится об имидже государства. Такое поведение бюрократии вызывает осуждение служилой интеллигенции, поскольку оно подрывает мощь государственной машины, порождает недоверие масс к административному государству.

Вождизм является второй важной для поддержания административного государства идеей, которую транслирует служилая интеллигенция. Проявлениями этого вождизма может быть агитация в поддержку Правителя (объявление его мудрым, талантливым, имеющим огромные достижения во всех сферах жизни России) [Письмо... 2007] а так же сочувствие монархической форме правления, которая постепенно была восстановлена в стране. Некоторые эмоциональные представители служилой интеллигенции объясняются в любви к Правителю (художник И. Глазунов на встрече с Путиным) [Короткое... 2012].

Традиционно на служилую интеллигенцию возлагается задача трансляции мифа «о добром царе и плохих боярах». И.К. Пантин пишет, что средние и низшие звенья бюрократического аппарата проводят свою собственную политику. «В результате решения и законы, при-

нимаемые наверху и призванные, казалось бы, улучшить жизнь большинства российского населения, нередко искажаются до неузнаваемости» [Пантин 2007: 108-109].

Служилая интеллигенция может делом помочь Правителю пожизненно удерживать захваченную власть. В 2007 г. известные представители служилой интеллигенции написали открытое письмо В.В. Путину, в котором от имени «всего художественного сообщества», «всех представителей творческих профессий в России» нижайше просили его нарушить Конституцию РФ и остаться на посту Президента РФ на третий срок [Письмо... 2007]. Правитель хоть и уменьшил частоту проведения плебисцитов в свою поддержку (не через 4, а через 6 лет), но не отказался от них полностью. В числе его доверенных лиц при проведении последнего плебисцита в 2012 г. было множество видных представителей творческой интеллигенции. В обмен на какие-то блага, часто не для себя, а для развития отечественной культуры (например, строительство зданий театров, финансирование их деятельности и т.д.), они взялись выполнять роль служилой интеллигенции. Интересно, что содержание культурной деятельности, которую они осуществляют профессионально, может подрывать устои административного общества и государства и распространять гражданскую культуру в обществе. Другие представители интеллигенции выслужили себе должности и награды. Д. Ливанов стал министром образования [Доверенные... 2012].

Правящая группа успешно мобилизует служилую интеллигенцию для организации массовых мероприятий в поддержку вождя и административного государства. Видные представители служилой интеллигенции выступают на этих публичных мероприятиях с пламенными речами [Панюшкин 2004: 1, 2], а учителя составляют значительную часть массовки [Черных 2012: 1].

Как и большинство населения России, служилая интеллигенция ищет себе «доброе хозяйство». Это выражается в поддержке идеологии патернализма.

Служилая интеллигенция инстинктивно ищет себе сильного «хозяина». Ее героями не может быть Александр II — освободитель, М.С. Горбачев, начавший Перестройку, Б.Н. Ельцин, разрушивший советское государство и давший свободу обществу.

Служилую интеллигенцию можно разделить на две группы в зависимости от того, (а) занимается ли она *апологетикой* современного административного государства и захватившей власть правящей группы или (б) *оппозиционна* им и мечтает о создании еще более сильного административного государства с более жестоким правителем. Движение за реформирование административного государства во имя его сохранения известно в России с XIX в. [Лебедев 2004: 59-78]. Служилая реформистская интеллигенция пытается провести свои мечты в жизнь обращаясь к начальству или даже к самому Правителю. Одни просят Президента РФ ввести религиозное обучение в школе, другие обращаются к нему с письмом не делать этого [Вера... 2007]. Каждая встреча служилой интеллигенции с Правителем превращается в «подачу челобитных». Они смотрят на В.В. Путина как на человека, «одно слово которого может решить любую проблему» — пишет А. Колесников [Колесников 2012: 3].

Интеллигенция с *левыми взглядами* в современной России (в отличие от стран Европы), как правило, связывает реализацию своих идей не с демократией, а с сильным государством, которое на деле, при отсутствии в стране сильного гражданского общества, неизбежно становится административным. Часть этой интеллигенции сознательно поддерживает коммунистическую идеологию возврата к советскому административному государству и не скрывает, что мечтает вернуть своего старого хозяина. Другая часть придерживается демократических (антикоммунистических) взглядов, но объективно, в условиях современной России, поддерживает идею бюрократического патерналистского государства. Она отказывается признать, что исторически демократия появлялась только в обществах частнособственнического типа (в античном мире, в Средние века или в Новое и Новейшее время). На эти «грабли» российская интеллигенция, мечтавшая построить демократию без капитализма, уже наступала в начале XX в., и она должна нести свою долю ответственности за большевистский эксперимент.

Очевидно, что наука не пошла впрок. У большей части демократически, но антибуржуазно настроенной интеллигенции есть желание «наступить на эти грабли» еще раз и попытаться привести к власти «добрую» бюрократию, которая будет справедливо распределять общественный продукт. Поэтому автор относит эту группу, распространяющую мечту о «хорошей бюрократии», к служилой, а не к гражданской интеллигенции.

Крайне левые революционеры являются заклятыми врагами демократии и свободы. Их мечта — сменить одно авторитарное государство на другое, где они будут господами. В тактических целях революционная группа служилой интеллигенции может требовать от действующего государства демократических преобразований, выступает союзником гражданской интеллигенции. Но свобода и демократия ей нужна для легализации своей борьбы за власть. В случае прихода к власти, эта служилая интеллигенция превращается в тираническую бюрократию и уничтожает, как демократические свободы, так и своих либеральных союзников.

Апологетика современного административного государства тесно связана с идеалами *консерватизма*. Служилая интеллигенция пытается сакрализировать патриархальное сознание значительной части населения, которое является залогом сохранения административного государства и общества. Это сознание обозначается такими эпитетами, как «душа России» [Бурляев 2005: 13], «чаяния народа», «духовность», «нравственно-духовные традиции» [Медведев 2005: 214-215], «национальный дух», самосознание, «духовная идентичность» [Бойко 2009: 64]. Население, верящее великому вождю, объявляется мудрым и прозорливым [Время... 2004: 13-16]. Вся эта борьба служилой интеллигенции за духовность русского народа направлена против перехода россиян к рациональному мышлению, на котором строится демократия и республиканская форма правления.

Служилой по своему духу оказывается интеллигенция, придерживающаяся *националистических* взглядов. Очевидно, что реализация националистических идей в России возможна только с помощью расширения государственного насилия и запретов. Это объективно усиливает государственную бюрократию. Националистические взгляды обычно сочетаются с вождистскими.

Объединяющей вокруг Правительства и его бюрократии является *имперская идеология*. Служилой интеллигенции без особого труда удастся эффективно распространять «бациллы» имперства и реваншизма в обществе и так предрасположенного к этой «наследственной болезни». Правительство представляется как спаситель империи, борец против однополярного мира, «поднявший Россию с колен». То, что страна паразитирует на мировой экономике за счет высоких цен на сырье (присвоение природной ренты) — умалчивается. Сегодня часть служилой интеллигенции призывает Правительство реабилитировать советский тоталитарный период и противостоять осуждению тоталитарного коммунистического режима в мире. Она ощущает себя наследником советской империи и рассматривает попытки осуждения ее как личное оскорбление [Лактионова 2009: 141-142].

Ограничить хоть в какой-то степени проникновение в российское общество идей свободы из-за рубежа позволяет распространяемая служилой интеллигенцией идеология *изоляциизма*. Она повторяет известную фразу о том, что у России нет друзей, кроме ее армии и флота. Заветной мечтой является превращение России в «осажденную крепость». Гражданская интеллигенция объявляется «пятой колонной» [Добреньков 2005: 178-179]. Даже распространение гуманистических ценностей, связанных с правами и свободами человека объявляется враждебной подрывной деятельностью, направленной на ослабление мощи России.

Идеалом служилой интеллигенции часто является *идеократическое государство*, нуждающееся в большой армии агитаторов и пропагандистов. Здесь служилая интеллигенция не останется без работы. Поэтому она требует отменить ст. 13 Конституции РФ 1993 г., запрещающую государству навязывать обществу государственную или обязательную идею.

логию. Если советская служилая интеллигенция конкурировала с духовенством, то современная готова руку об руку работать с ним в деле по формированию нужного административному государству общественного сознания. «Я не вижу причин, по которым изучение основ православия противопоказано школьному образованию» — пишет В.Н. Добренков [Время... 2004: 20]. Звучат предложения объединиться представителям всех конфессий, включая язычников для борьбы с секулярным мышлением, на котором основана республика и демократия [Модернизм и... 2008: 90-91].

Очень часто административное государство требует от служилой интеллигенции помогать ему в деле *введения населения в заблуждение*. Историю страны предлагается представить в виде ряда героических мифов, оправдывающих административное государство и его правителей (учебник по истории). М.Н. Муравьев, подавивший восстание в Польше и пытавшийся проводить политику ее русификации объявляется прогрессивным российским деятелем [Лебедев 2004: 56]. Доказывают, что Сталин — не такой уж страшный преступник, поскольку уничтожил не 100, а всего лишь 10 миллионов человек [Радзиховский 2009: 3]. Молодому поколению хотят навязать миф об общей собственности, которая якобы существовала при государственном социализме, и которую отняли у народа либералы в ходе приватизации [Кива 2007: 61-62].

Сегодня служилая интеллигенция помогает выдать строительство авторитарного государства за наведение правового порядка в обществе, скрыть ликвидацию Правителем республиканской формы правления и возвращение страны к имперскому государственному устройству (новую колонизацию страны). Используя идеи патриотизма, она постоянно путает Отечество с «Его Величеством». Патернализм административного государства выдается за строительство социального государства. Замалчивает служилая интеллигенция факт феодализации отношений внутри аппарата государственного управления (установление отношений вассалитета-сюзеренитета) и отношений между государством и предпринимателями (условная частная собственность и право на предпринимательство, раздача предприятий в качестве ленных владений на условиях службы сюзерену).

Сегодня на служилую интеллигенцию возложена задача создавать видимость наличия в России сильного гражданского общества, беззаветно поддерживающего Правителя и административное государство. Их представителей включают в разного рода общественные палаты и советы при государственных органах. Суть этих организаций хорошо выразил министр по связям с «Открытым правительством». Он заявил, что советы должны помочь министерствам общаться с гражданским обществом, «вести разъяснительную работу по новым планам правительства, объяснять нюансы», участвовать в реализации планов правительства и популяризировать итоги их реализации [Городецкая 2012: 2]. Совет при Министерстве обороны, возглавлявшийся Н. Михалковым, считал своей главной задачей осуществлять патриотическое воспитание молодежи [Козенко 2007а: 4]. Служилая интеллигенция должна нейтрализовать в этих советах влияние отдельных приглашенных представителей гражданской интеллигенции. У последней возникает проблема: поддерживать своим авторитетом эти советы и участвовать в имитации демократии в стране или выходить из них.

Как уже отмечалось, современное административное государство вновь не жалеет денег на формирования квазигражданского общества путем формирования сети клиентистских общественных объединений, возглавляемых представителями служилой интеллигенции. Например, повсеместно правозащитников-диссидентов вытесняют правозащитники, не конфликтующие с государственным аппаратом или даже его представляющие [Козенко 2007б: 4].

Как в прежние времена служилую интеллигенцию сегодня подключают к реализации политики по созданию позитивного имиджа российского административного государства и лиц, его возглавляющих за рубежом. На передовых рубежах здесь, например, находится «Институт демократии и сотрудничества» [Об «Институте...». На сотрудников этого Инсти-

туда возложена так же задача по разоблачению лицемерия демократических государств, которые только на словах демократические и защищают права человека, а на деле ни чем не лучше нашего государства.

Из сказанного следует, что служилая интеллигенция выполняет сегодня важную миссию — создание видимости демократии и республики в России.

Частью политики современного административного государства является отвлечение населения от общественной жизни путем развлечения его. Служилая интеллигенция научилась довольно эффективно выполнять эту функцию. Попытки гражданской интеллигенции просвещать общество пока в основном можно признать мало удачными. Это видно по объему аудитории телеканала «Культура».

Подчас служилая интеллигенция выполняет сторожевые (охранительные) функции. Она выявляет противников административного государства (Правителя), изобличает их, обозначает поддержку общества в их преследовании полицейскими средствами. В СССР представители служилой интеллигенции подписывали гневные письма, осуждающие разного рода уклонистов от генеральной линии партии. Сегодня есть попытки восстановить этот жанр активности служилой интеллигенции. В марте 2011 г. появилось письмо 55 общественных деятелей в защиту российской системы, одобряющее преследование М. Ходорковского и П. Лебедева [Кашин 2011: 2].

Среди служилой интеллигенции следует выделять тех, кто предан ценностям административного государства и общества, с энтузиазмом и, может быть, бескорыстно транслирует их в окружающий мир. Таких людей невозможно или трудно переубедить. Эти люди наиболее ценны для административного класса. Другие транслируют административную идеологию только при наличии каких-либо стимулов или угроз. При отсутствии их они легко переходят на позиции гражданского общества.

Сегодня гражданская интеллигенция явно уступает служилой в романтизме, пафосе, религиозности, поэтичности. Она более склонна к рационализму. Поэтому большинство российского населения, руководствующегося чувствами, верой, чаще всего идет за служилой интеллигенцией, а не за гражданской. Гражданской интеллигенции пока не по силам развеивать мифы, создаваемые (иногда талантливо) служилой интеллигенцией. «Расколдовать мир» пока не удастся. Получается, что сегодня служилая интеллигенция гораздо ближе к населению, чем гражданская, поскольку большая часть этого населения поддерживает основы административного общества: государственную собственность и редистрибуцию, недемократическое государство и его вождя. Не просвещенной массе чужды стройные научные теории. На нее больше действуют эмоциональные призывы идти «путем спасения», указанным провидцами, угрозы государству со стороны «неких темных сил», нарисованные картины «трагической участи» страны [Бурляев 2005: 13-14], выбравшей демократический путь развития. Ей более понятна брань, которую служилая интеллигенция обращает к своему противнику — гражданской интеллигенции. Близость служилой интеллигенции с массой позволяет ей говорить о своем демократизме (своей народности в духе известной формулы С. Уварова).

При изучении служилой интеллигенции необходимо обратить внимание на то, кому конкретно она служит. Это может быть (а) конкретный представитель бюрократической машины (патрон-клиентские отношения), (б) конкретная группа чиновников (входит в какую-то клику), (в) какой-то орган власти или учреждение (обслуживает чей-то ведомственный интерес), (г) конкретное государство со своим Правителем и правящей группой, (д) административное государство вообще, как идея.

Наиболее активная и преданная административному государству часть служилой интеллигенции в СССР называлась «активом». По мере того, как современное административное государство пытается восстановить свой тотальный характер, укрепить свою поддержку в обществе, этот термин вновь входит в употребление. Вхождение в состав «актива» является хорошим маркером для отнесения человека в разряд служилого «сословия».

Служилая интеллигенция является резервом, из которого пополняется административный класс. Из них формируется аппарат управления научных, образовательных учреждений и учреждений культуры, обслуживающих административное государство. Так происходит не всегда. Иногда бюрократия делегирует своих представителей для управления организациями, состоящими из служилой интеллигенции.

Гражданской интеллигенции, в условиях административного общества приходится постоянно идти на компромиссы с административным государством и его бюрократией. Государство стремится устранить независимые от него финансовые потоки (в первую очередь, из-за рубежа). Даже Московской Хельсинской группе пришлось брать деньги у российского государства, которое оно постоянно критикует. Чтобы выжить, приходится «идти на сделки с дьяволом». Авторитарное государство не отказалось от жестоких мер (убийства, лишение свободы, лишение права заниматься журналистской или преподавательской деятельностью, иные формы преследование) против тех, кто вступает в открытый и острый конфликт с его чиновниками. Отдельные представители интеллигенции оказываются «слугами двух господ».

Сегодня правящая группа навязала обществу выбор между политикой В.В. Путина и политикой Д.А. Медведева, часть гражданской интеллигенции поддержала последнего (выбор из двух бед меньшей) и таким образом оказалась встроенной в административное государство, превращенной по факту в служилую интеллигенцию.

Гражданская интеллигенция в России не только малочисленна, но и не имеет надежной социальной опоры в лице гражданского общества, которое только-только зарождается. Фактически она, а не буржуазия (как должно быть) является его самой активной частью. Ей очень трудно противостоять служилой интеллигенции в спорах о путях решения общественных проблем. Служилая интеллигенция настаивает на том, чтобы государство было главным двигателем экономического прогресса. Гражданская интеллигенция говорит о том, что нужно не мешать инициативам частного капитала. Но этот капитал объективно еще слаб и стремится утечь из России, где его на каждом шагу подстерегают опасности. Служилая интеллигенция требует легализовать цензуру на медийном пространстве. Гражданская интеллигенция обращается к журналистам, к их совести, к их гражданской ответственности и предлагает им самим самоорганизоваться и бороться с хамством, порнографией и распространением культа насилия на телевидении и в прессе. Но уровень культуры в журналистском сообществе пока не позволяет решить этой проблемы. Естественно, административное государство принимает целенаправленные действия к тому, чтобы в стране не возникло сильного гражданского общества, чтобы без бюрократии оно не смогло решить ни одного своего вопроса. Это хорошо иллюстрирует политика по отношению к общественным объединениям, нацеленная на то, чтобы создать препятствия в их работе, по мере возможности уничтожить их или превратить в свою клиентелу.

Гражданской интеллигенции приходится находиться на передовом рубеже движения России к новому состоянию общества. Занимать эту позицию гораздо труднее, чем охранять устои старого административного общества, призывать не отрываться от корней и традиций. Консерватором сегодня в России быть проще и выгодней. Консерватора поддержит и административный класс, и большинство населения.

С точки зрения материалистического подхода, перспективы развития интеллигенции (гражданской и служилой) связаны с развитием капитализма. Рост частного капитала, его независимости от государства, превращение буржуазии в класс для себя приведет к росту числа гражданской интеллигенции. Но пока экономика страны остается сырьедобывающей, а главным источником дохода остается природная рента. Административное государство, перераспределяющее эту ренту, будет производить обслуживающий его слой служилой интеллигенции. Однако, у каждого мыслящего человека сегодня есть выбор: служить пока еще мощному административному государству или помогать развиваться очень слабому гра-

жданскому обществу. Первое — часто выгодней и безопасней. Чтобы занять активную гражданскую позицию сегодня по-прежнему нужна смелость и готовность бороться за свои идеалы. Поэтому гражданская интеллигенция еще долго будет оставаться маргинальным меньшинством.

Конечно, по некоторым вопросам, между российским административным государством и гражданским обществом нет конфликта. Например, и тому и другому субъекту нужны образованные люди, способные развивать экономику страны. Возникает вопрос: к какой группе интеллигенции отнести преподавателей вузов (особенно технических), чьи студенты, могут стать как верным оплотом административного государства, так и самостоятельными (имущими, образованными, активными) членами гражданского общества, которое, если сможет усилиться, устраним административный характер нашего государства, превратит его в инструмент общества?

Посещая большое количество научных конференций, автор убедился, что в головах представителей науки часто содержится мешанина из ценностей административного и гражданского общества. И это естественное состояние сознания членов общества переходного периода. С помощью этой статьи автор хотел бы призвать российскую интеллигенцию разобраться в себе и решить: «Вы с кем?».

Анализ социальной структуры российского общества должен предполагать выявление того, какая часть интеллигенции является служилой, а какая уже стала гражданской. От этого зависят прогнозы развития нашего общества: сможет ли оно трансформироваться из административного типа в гражданский, поставить государство себе на службу. Социологические опросы, направленные на изучение слоя интеллигенции должны учитывать не только самоидентификацию опрашиваемых, но их функцию в обществе: какие идеи они транслируют.

Богданов В. П. *Мы не вправе вступать в «Народный фронт»*. — Доступно: <http://www.ruj.ru/authors/bogd/110705-1.htm> — Проверено: 23.01.2013.

Бойко П.Е. 2009. *Идея государства в духовном опыте русского народа: логико-исторический анализ*. — *Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия*. — Краснодар: «Традиция».

Бурляев Н.П. 2005. Предисловие ко 2-му изданию. — Медведев В.С., Хомяков В.Е., Белокур В.М. *Национальная идея или Чего ожидает Бог от России*. — М.: «Современные тетради».

Вера и знание (письмо в редакцию) 2007. — *Литературная газета*. — 8-14 августа.

Вертикаль на кафедре. 2009. — *Ведомости*. — 17 сентября.

Время доверия. 2004. — *Социология*. — № 1.

Главацкий М.Е. 2002. *«Философский пароход»: год 1922*. — Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та.

Городецкая Н. 2012. «Открытое правительство» займется оптимизацией вузов — *Коммерсантъ*. — 31 августа.

Денисов С.А. 2011а. *Административное общество*. — Екатеринбург: Гуманитарный университет.

Денисов С.А. 2010b. *Общая теория административного государства*. — Екатеринбург: Гуманитарный университет.

Денисов С.А. 2012с. Селективная политика управленческих элит в отношении интеллигенции — Денисов С.А. *Сборник публикаций: Роль интеллигенции в историческом процессе*. — Екатеринбург. Доступно: <http://denisov11-12.narod.ru>

Добренков В.И. 2005. Россия в условиях глобализации. — *Социология*. — № 1.

Доверенные лица Путина. 2011. — новый инструмент кремлевской пропаганды — Доступно: <http://www.km.ru/v-rossii/2012/12/11/vladimir-putin/699339-doverennye-litsa-putina-novyi-instrument-kremlevskoi-propa> — Проверено: 20.01.2013.

История России. 1917-1940. 1993. *Хрестоматия*. — Екатеринбург.

Какой еще Союз журналистов? — Доступно: <http://rupolitika.ru/statiy/kakoy-eshhe-soyuz-zhurnalistov/> — Проверено: 21.01.2013.

Кашин О. Правозащитники отстаивали свою очередь. 2011. — *Коммерсантъ*. — 11 марта.

Кива А. 2007. Какие реформаторы — такие и реформы — *Свободная мысль*. — № 2.

Козенко А. 2007а. Никита Михалков получил роль при Минобороны — *Коммерсантъ*. — 17 января.

Козенко А. 2007б. Права человека пошли в народ. — *Коммерсантъ*. — 12 декабря.

Колесников А. 2012. Фронт прорвало на просьбы. — *Коммерсантъ*. — 27 октября.

Короткое пресмыкание. 2012. — Доступно: http://raider2011.blogspot.ru/2012/02/blog-post_07.html — Проверено: 20.01.2013.

Лактионова Н. 2009. Восстановить статус страны-победительницы. — *Свободная мысль*. — № 8.

Лебедев С.В. 2004. *Охранители истинно русского начала. Идеалы, идеи и политика русских консерваторов второй половины XIX века*. — СПб.: «Нестор».

Медведев В.С., Хомяков В.Е., Белокур В.М. 2005. *Национальная идея или Чего ожидает Бог от России*. — М.: «Современные тетради».

Модернизм и традиционализм: проблема ценностного и политического баланса России. 2008. — М.: Новый эксперт.

Ненароков П. 2008. Снято. — *Российская газета*. — 23 декабря.

Об «Институте демократии и сотрудничества». — Доступно: <http://www.indemco.org/index.php?id=2&language=1> — Проверено: 23.01.2013.

Пантин И.К. 2007. Выбор России: характер перемен и дилеммы будущего. — *Полис*. — № 3.

Панюшкин В. 2004. Москве спустили митинг протеста. — *Коммерсантъ*. — 9 сентября.

Петрова М. 2004. Нужна поддержка. — *Российская газета*. — № 292.

Письмо президенту Российской Федерации В.В. Путину. 2007. — *Российская газета*. — 16 октября.

Правда, 1934. — 17 августа.

Радзиховский Л. 2009. Живой труп. — *Российская газета*. — 22 декабря.

Черных А., Козенко А. 2012. Поклонной горе подбирают массовку. — *Коммерсантъ*. — 31 января.

Ямшанов Б. 2009. В минюсте остановка. — *Российская газета*. — 3 февраля.

ЧЕЛОВЕК В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ДАНЬ ВРЕМЕНИ ИЛИ НЕОБХОДИМАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПАРАДИГМЫ?

А.М. Кузнецов

Дальневосточный федеральный университет

Аннотация: *в статье обсуждаются общие вопросы, связанные с признанием роли человека в международных отношениях. В силу специфики данного нового актора предложено развивать новую дисциплину — антропологию международных отношений. Некоторые аспекты институционализации этой дисциплины также рассмотрены автором.*

Ключевые слова: *человек, индивид, общность, антропология, антропоморфизация, международные отношения.*

В последнее время в научных исследованиях и практической деятельности в области международных отношений наблюдается рост интереса к проблеме человека. Представленная тенденция достаточно наглядно проявляется, например, и в академическом призыве к признанию значимости индивидов в международной политике, и в активности международных организаций, направленной на защиту безопасности человека¹. Новые веяния определили переоценку ряда прежних установок в том числе и в сфере безопасности в целом. Как отмечал С.В. Картунов, здесь также: «... носителем, исходным «собственником» средств и методов работы является отдельный человек как «мыслитель» и «деятель» [Картунов 2003: 42]. Неудивительно, что и в официальных документах, чаще стали появляться рекомендации такого рода: «Требуются поколения людей, которые будут больше заниматься человеческими ценностями, чем бюрократическим урегулированием и технократическими ограничениями» [Gurtov 1991: 42]. Подобные перемены, еще ранее произошедшие в других отраслях знания, получили определение как разворачивающаяся *антропологизация* современной науки [Танатова 2004]. В основе осмысления рассматриваемого процесса лежит концепция антропологического поворота в социальном и гуманитарном знании [Кузнецов 2000]. Один из ее вариантов, в частности, предлагает «...тезис о том, что в динамике сегодняшней глобальной реальности базовым, определяющим уровнем стал уровень *антропологический*. Такая концепция диктует, что современная антропология — в частности, и С[инергичная] А[нтропология] — должна быть способна явно показать и раскрыть определяющую и объясняющую роль антропологической реальности по отношению к реальности социальной...» [Хоружий 2009: 6].

---

¹Подробнее об этом см.: Баталов 2005; Кулагин, Лебедева, Мельвиль 2002; Фельдман 2008; Розенау 1996; Preiswerk 1995.

Причину, вызвавшую столь неожиданные новшества, еще ранее объяснил тот же политический психолог В. Одайник: «В процессе моих занятий мне постоянно приходилось сталкиваться с тем фактом, что любая политическая и социальная теория, любая концепция общества, формы правления и справедливости покоятся, как это в конечном счете выясняется, на *определенном понимании человеческой природы*» [Одайник 1996: 11; здесь и далее курсив мой — А.К].

Не все отрасли знания сразу приходили к признанию взаимосвязей такого рода. Очень показательной в данном отношении является ситуация в науке о международных отношениях. В соответствии с доминировавшими установками она сначала была сориентирована на исследование роли государственных деятелей как основных творцов внешней политики. В демократических условиях учитывалось также влияние общественного мнения на формирование и проведение в жизнь внешнеполитического курса [Bailey 1948]. Несмотря на достаточно рано проявившийся интерес некоторых известных специалистов к возможностям антропологии и исследованию роли человека², их начинания не получили в своей дисциплине своевременного признания. В начале 1980-х гг. попытку войти в международное поле предприняли уже сами антропологи³, но и она не имела особого успеха. Так что, компетентным европейским авторам пришлось констатировать в 1993 г.: «... вполне правомерно будет утверждать, что еще не существует антропологии международных отношений между нациями-государствами» [Eriksen, Neumann 1993: 238]. Но, как говорится, посыл был воспринят и вскоре другие авторы зафиксировали важную перемену в настроениях: «Специалисты, формировавшиеся в эпоху после окончания холодной войны, кажется, интуитивно все же ухватили [мысль] о том, что изучение международных отношений (МО) должно быть посвящено *главным образом людям*, и что те пути, по которым люди вовлекаются в эти отношения, плохо поддаются упрощению» [Hudson, Vore 1995: 209]. С наметившейся тенденцией можно связывать и разворачивающееся в 1990-е гг. обсуждение роли индивидов в международной политике [Morgan 1994; Rosenau 1990]. Уже в начале нового века российский исследователь, представляя свое видение *антропологии международных отношений*, отмечал: «В теоретико-методологическом и практическом планах такая дисциплина априорно ориентирует на гуманизацию самих этих отношений и определяемых ими сфер человеческого бытия» [Баталов 2005].

В целом же, несмотря на появление ряда работ, связанных с обсуждением роли человека в международных отношениях, нельзя утверждать, что предлагаемая дисциплина уже вполне состоялась. Точно также было бы преждевременно утверждать, что и сама проблема человека уже пользуется широким признанием в данной профессиональной сфере [Баталов 2008; Фельдман 2004/2005; Фельдман 2009; Катаев, Фельдман 2010]. Большинство публикаций подобного рода пока демонстрирует начало освоения новой отрасли знаний со всеми вытекающими отсюда последствиями. Поэтому задача обсуждения некоторых общих вопросов и перспектив интеграции антропологии как комплексной науки о человеке и исследований международных отношений сохраняет свою актуальность. С учетом масштабности поставленной задачи я должен буду ограничиться в данной работе обзором ряда теоретических и методологических их аспектов.

Вполне очевидно, что необходимость в обновлении сложившегося арсенала исследовательского инструментария и оснований для принятия практических решений, как правило, обусловлена обнаружившейся несостоятельностью ранее использовавшихся средств и подходов. В свете приведенных данных можно вполне обосновано утверждать — проблематика, связанная с отдельными индивидами, их общностями и человеком, долгое время была, фактически, отдана наукой о международных отношениях на откуп дисциплинам (той же социальнотрансакционной антропологии), очень слабо связанных с предметным полем анализа меж-

²Подробнее об этом см.: Almond 1950; Etheredge 1978; Kelman 1965; Waltz 1959.

³Подробнее об этом см.: Cohen 1982; Thomas 1982.

дународной жизни. Так что определенные лакуны в концептуальном аппарате науки о международных отношениях явно существовали. Не случайно столь неожиданное для многих завершение холодной войны вызвало критические замечания в адрес ее теоретических основ [Hudson, Vore 1995].

Но не только отмеченное обстоятельство определяет актуальность проблемы человека в данной области знаний. Ведь нельзя утверждать, что интерес к ней является исключительно достижением настоящего времени [Гуторов 2003]. Уже в течение предшествующего периода XIX-XX вв. в общественно-политической мысли и практике, казалось бы, были актуализированы все возможные варианты операционализации идеи человека. После отказа от разного рода телеологических объяснений все начиналось с общефилософской и либерально-идеалистической ориентации на универсальные ценности и общечеловеческие интересы. Затем марксизм привнес сюда свой классовый подход, а консерватизм сделал ставку на «героическую личность» — государственного человека. Героизм же в данном случае фактически означал наделенность властных субъектов качествами, в том числе моральными, недоступными простому смертному, включая и особую этику ответственности. Здесь будет уместно напомнить тираду К. Томпсона: «Политик должен одиноко идти дорогой ответственного официального лица, который при принятии решения на первое место должен поставить безопасность народа, от имени которого он выступает» [Цит. по: Гизен 1996: 41]. Однако подобные «уравнивающие», а точнее недифференцированные интерпретации допускали правомерность еще одного варианта осмысления ситуации. Поэтому произошедшее затем приписывание тем же нациям человеческих свойств, т. е. их *антропоморфизация*, представляется вполне логическим развитием практики соотнесения индивида с более значительными сущностями и отождествления политика с его страной. Подобная операция наглядно проявилась, например, в известной формуле классика реализма Г. Моргентау: «Нации ведут себя как люди» [Моргентау 1997]. Примечательно, что современный теоретик конструктивизма в международных отношениях А. Вендт также был уверен: «Государства — тоже люди» [Vendt 2003: 215]. В представленных обстоятельствах, по точному замечанию российского специалиста: «Роль Человека априорно воспринималась как основная, центральная, определяющая развитие общественной системы. Генезис этого подхода, впрочем, — не столько *научного*, сколько *мифологического характера*» [Могилевкин 1999: 71].

Не менее очевидно, что проявляющаяся научная несостоятельность часто бывает вызванной возникновением новых реалий, ставящих научное и политическое сообщества перед лицом ранее неизвестных перспектив, задач и угроз. Поскольку тенденция к переоценке роли и значения человека в международных отношениях заявила о себе в 1960-1980-е гг., то общий контекст ее возникновения, вроде бы, достаточно очевиден. Здесь и начало глобализации, и крушение системы биполярного мира, и революция прав человека, и новый этап демократического транзита и ряд других моментов. Но в немалой степени новая актуализация проблемы человека была обусловлена наряду другими обстоятельствами *постмодернистским вызовом*, поставившим в конце 60-х-70-х гг. прошлого века перед универсалистскими и объективистскими интенциями социально-гуманитарного знания свои «неудобные» вопросы. В эпоху *постмодерна* уже нельзя довольствоваться простой констатацией факта, что социум, государство, связанные с ними институты, представления и практики, создаются и поддерживаются обладающими некоей единой «природой» людьми. Теперь необходимо учитывать и понимать неизбежное привнесение ими в ту же экономику, политику, международные отношения своих ограниченно «*субъективных*» представлений [Devetak 2005]. Поэтому пресловутый «человеческий фактор» как непосредственное участие человека в различных институтах и практиках должны все же отделяться в исследовательских целях от самой более сложной социально-политической реальности государств, наций и т. д. Невыполнение данного методологического требования неизбежно сказывается на адекватном анализе подобного рода реальности. Показательно, что стремление «вывести проблему человека в международ-

ных отношениях на собственно *научные основания*», сначала выразилось в активном привлечении психологических подходов и концепций [De Rivera 1968; Psychological Models 1979; Tetlock, McGurra 1985]. Новый фокус обозрения позволял рассматривать международное взаимодействие, например, как специфический тип общения [Косолапов 1999]. Разные авторы стали также активно использовать концепты бессознательного, восприятия и другие собственно психологические категории [Jervis 1986; Voss, Dorsey 1992]. Уже первые начинания на данном поприще получили громкую оценку «революции в исследовании человеческого элемента в международных отношениях» [Mandel 1986: 251]. К сожалению, как показал Э.Я. Баталов, новая «„революция“ так и не вышла за пределы политической психологии, в которой и началась» [Баталов 2005]. Один из недостатков попытки решить все проблемы на основе психологического подхода отметил известный норвежский специалист И. Нойманн: «Изучение международной политики по критериям восприятия, систем верований, оперативных кодов, ... (образов врагов) и так далее зашло в тупик, поскольку имело тенденцию начинать и заканчивать социально не обусловленными „Я“...» [Нойманн 2004: 34]. Существует уже и объяснение, почему это происходит: «В своих основаниях данная проблема является двойственной: психологи обычно недооценивают тонкость и сложность задачи адаптации психологических концептов к мировой политике, в то время как специалисты в международных отношениях переоценивают свою способность создавать убедительные объяснения, которые основываются на психологии» [Tetlock, Goldgeier 2000: 95]. Стоит ли тогда удивляться, что «революция человека» в международных отношениях так и застряла в рамках политической психологии?

Еще одним вариантом пересмотра прежних подходов к проблеме человека, получившим распространение на данном этапе, можно считать и увлеченность разработкой всякого рода специализированных типов («моделей») человека: играющего, управляющего, экономического и т. д. [Автономов 1998]. Политическая наука, в том числе и ее международная отрасль, не осталась в стороне от новых веяний. Но они также не смогли избежать связанных с ними издержек. В результате здесь появилась свои формулы — сначала «человек политический» [Вайзе 1993; Цимбурский 1995]. Показательным примером попытки ее концептуализации явилась обстоятельная работа известного американского политолога Р. Лейна. Внимание автора в ней было сфокусировано на системах основных верований человека, в формировании которых важная роль отводилась политической социализации. В соответствии с подобными установками автор полагал, что «политическая личность может быть определена как ... организованный, динамический ответ на политические стимулы» [Lane 1972: 17-19]. Не менее примечательны современные примеры более детальной разработки уже некоторых из указанных Лейном аспектов человека политического: эмоций, конкретно страха, памяти и т.д. — и их роли в политике и международной жизни [Свенсен 2010; Урнов 2008; Marcus 2003].

Сохраняющаяся неопределенность сначала в разделении универсально- и конкретно-человеческого друг от друга, а затем еще их различении от национального (государственного) и т.д. была привнесена и в область международных отношений. Здесь в соответствии с духом времени было продекларировано появление еще одного нового человека — *международного*. Примечательно, что данный субъект разными авторами представлялся сходным образом. Для одних: «Современный человек — это поистине индивид всемирно-исторический. В его формировании активно участвуют, наряду с местной социальной средой и традицией, факторы глобального порядка, диалог культур и цивилизаций, всемирное духовное производство в виде науки, искусства и массовых коммуникаций» [Панарин 1994: 152]. У других же: «Персонификация» международных отношений — оборотная сторона процессов «интернационализации» и «глобализации» мировой экономики, отражающая возрастание роли Человека в МО и превращение индивида в субъект МО... «Человек-Интернациональный» (Homo-International) — человек, связывающий удовлетворение своих потребностей не только

со «своим» государством, но и мировым сообществом в целом» [Михеев 1999: 132]. А далее был еще представлен пространный список качеств, которыми должен обладать международный человек. При этом показательной является оговорка, что хомо интернэшнл не только человек мира, но в значительной степени — это человек будущего [Там же 161].

Учитывая же количество требований данного списка, скорее, его следует рассматривать как заявку или очередной проект универсалистского (а, фактически, космополитического) свойства. В некотором роде ему соответствуют, разве что, приверженцы новой глобальной («давосской» по С. Хантингтону) культуры. П. Бергер следующим образом представил это новшество: «В мире существует целая сеть сообществ честолюбивых молодых людей, занимающихся бизнесом и другими видами деятельности, которые появились в их странах... словно бы ниоткуда — своего рода «яппи-интернационал», члены которого бегло говорят по-английски, соответствующим образом одеваются и ведут себя, работают и развлекаются, а в какой-то степени и мыслят по-английски и надеются, что когда-нибудь и они будут участниками элитных саммитов» [Бергер 2004: 11]. Но именно *международному человеку* и была отведена значительная роль в предлагаемой новой дисциплине: как самостоятельному социальному типу. Он рассматривался в качестве основы вращивании самостоятельной ветви гуманитарного знания — антропологии мировой политики или международных отношений [Баталов 2005].

Как представляется, недооценка всей сложности рассматриваемой проблемы характерна и для ряда основополагающих международных документов, в том числе и Всеобщей декларации прав человека 1948 г., вызвавшей затем «революцию прав человека». Не случайно впоследствии ее пришлось дополнять другими идеями и постановлениями. Насколько результативной оказалась предпринятая попытка можно судить, в том числе, по вскоре последовавшим призывам к внедрению еще и «глобального гуманизма». Сторонники такого нововведения вполне обосновано мотивировали его необходимость, например, следующим образом: уже принятые права человека «... должны учитывать различные уровни, на которых возникает угроза правам человека — глобальный, государственный, индивидуальный... [и] должны включать в себя как нематериальные, так и материальные потребности человека» [Gurtov 1991: 49-50]. Примечательно также, что, когда продекларированные теоретические установки стали проводиться в жизнь, получилась противоречивая практика гуманитарных интервенций 1990-х гг., которая потребовала затем внедрения еще и принципа *безопасности человека*. К сожалению, какой именно смысл следовало вкладывать в термин человек в данном случае, так и не было уточнено. Однако нельзя забывать, что у него кроме обобщающего смысла есть и еще одно значение — *конкретный индивид*. Сегодня вполне достаточно призывов к изучению человека, его защите и даже усовершенствованию. Но очевидно, что продолжать мириться с неопределенностью применения слова, термина, концепта, человек в практике научных исследований было уже невозможно.

В целом же анализ основных подходов к проблеме человека в общественно-политической жизни и сложившихся на их основе концепций позволяет, несмотря на некоторую научную противоречивость в отношении к данному объекту исследований, констатировать наличие определенной логики в их развитии и взаимодействии. В начале были рассмотрены преимущественно общие, сугубо *абстрактные* вопросы, касавшиеся сущности человека и его бытия. Затем изучались роль и значение политических классов, социальных групп и т. д. Постепенно фокус исследований переместился на разработку различных моделей человека для определенных областей деятельности или повседневности. Параллельно практиковалось простое заимствование психологических представлений в другие отрасли социально-гуманитарного знания, включая и международные исследования. Но со временем все более явным становилось, что универсалистские претензии, ставка на «коллективные», «государственные» личности и экскурсы в психологию не оставляли в той же науке о международных отношениях места *реальным индивидам*. Как показал специально занимавшийся

этой проблемой французский исследователь М. Жерар, в течение продолжительного периода: «...вопрос об индивидах сводился, главным образом, к подходам, основанным на психологическом любопытстве или на этической озабоченности...» [Жерар 1996: 13]. Вполне естественно, что сегодня именно реальным индивидам уделяется все большее внимание в разных отраслях знания.

В сфере международных отношений современные подходы в отношении человека стали внедряться где-то с последней четверти XX в. Так, в начале 1980-х гг. британский теоретик Э. Линклейтер еще только отмечал противоречие между этическим универсализмом человека и его гражданско-социальным партикуляризмом. «Мы все являемся представителями человеческой расы (обращаю внимание на этот термин — А.К.) и чувствуем, что у нас есть обязательства друг перед другом как людьми, но мы также и граждане обособленных государств» [Linklater 1982: 7]. Представленная ситуация отчасти может объяснить возникновение дебатов о проблемах, возникших при попытках совместить права человека с правами гражданина [Venhabib 2004]. Показательно, что вскоре американский специалист Дж. Розенау и поставил вопрос о необходимости исследования роли рядовых индивидов в международной политике. Свою позицию этот автор объяснял как раз нарушением прежних норм, регулирующих эту сферу [Rosenau 1990; Розенау 1996]. Сначала такое предложение многим показалось слишком уж радикальным. Как опасался один из авторов: «Стремление политологии включить в свои модели международных отношений человеческое измерение неизбежно создает для нее серьезные интеллектуальные проблемы» [Эрман 1996: 53]. Другие исследователи высказали опасение, что «интерес к роли индивидов в международной политике почти фатально ведет к отказу от межгосударственного подхода...» [Жерар 1996: 18-19].

Кроме того, вполне очевидно признание рядовых индивидов субъектами международной политики неизбежно «приземляло» ее прежних творцов — государственных деятелей, в том числе и «профессионалов безопасности» (Д. Биго). Уже известный нам автор показал: «Ирония судьбы состоит в том, что high politics [высокая политика — А.К.] национального интереса и рассуждений о суверенитете, несмотря на их торжественный вид и нарочитую монументальность, во многом связаны самыми прочными нитями с самым ординарным поведением самых обычных индивидов» [Жерар 1996: 15]. Так что, несмотря на все опасения, идея значимости индивидов в международных отношениях должна была получить широкое признание. Теперь для многих специалистов стало само собой разумеющимся, что «...хотя они могут случайно забыть этот факт, или постараются убедить нас забыть о нем, но политические деятели все же остаются людьми и у всех у них — слишком много человеческого» [Tetlock, Goldgeier 2000: 88]. Не случайно, представляя один из первых проектов о роли индивидов в международных отношениях, его инициатор подчеркивал: «Индивиды, о которых здесь идет речь, — это по замыслу авторов, прежде всего ординарные личности, с тривиальным восприятием и поведением, не отличающиеся от других членов своего общества и своей среды» [Жерар 1996: 21].

Однако более широкое внедрение постмодернистской стратегии деконструкции заставило обратить внимание, что и «элементарный индивид/человек» не так однозначен, как могло показаться сначала, хотя бы в силу своей различной гендерной принадлежности. Поэтому появление разного рода *феминистских проектов*, в том числе и в сфере международных отношений, явилось закономерным следствием критики прежних мета-мега (т. е. универсалистских) представлений. На самом же деле, по мнению последовательниц данного направления, подобные конструкции отражали сугубо «маскулинные позиции и взгляды» [Тикнер 2006; Sylvester 1994]. Уместно будет также вспомнить об исследованиях влияния на формирование индивида различных факторов, оказавшихся вне традиционно понимаемого социально-политического поля. Сначала это была раса, а в последнее время — принадлежность к различным меньшинствам, в том числе и диаспорам. Так что, наиболее добросовестные авторы теперь полагают своим долгом предупреждать: «Индивид, которого читатель встретит в

этой работе предстает то как эмпирический субъект..., то как общепринятая аналитическая конструкция, которая, в зависимости от случаев и авторов, выступает или как идеал-типичский индивид... или же как модальный индивид, призванный точно воспроизводить наиболее часто встречающиеся характеристики данной группы индивидов» [Жерар 1996: 13].

Таким образом, признание значения человека стало не просто данью некоей моде, но явилось необходимым требованием современного этапа исследований социально-политической жизни и ее международной сферы. Однако, стремление понять роль этого субъекта в быстро меняющемся мире столкнулось с препятствием, выразившемся в сфокусированности науки на отдельных этапах ее развития на разных сторонах человека. В результате очень часто происходила неоправданная гиперболизация этих отдельных сторон в ущерб целостному восприятию самой проблемы и реальных сложностей в ее разработке. Не случайно в стремлении к «антропологизации» т. е. введению человека в исследование различных явлений и сущностей мы впадаем, как уже отмечалось, в грех «антропоморфизации». Он заключается в уподоблении предлагаемых созданий (артефактов, моделей) реальному человеку/индивиду, в том числе, и при изучении самого человека, наделяя их при этом лишь теми человеческими свойствами, которые считаются наиболее значимыми «здесь и сейчас» [Например, Hale 2008]. Дальнейшее развитие подобной методологии сопровождалось редуцированием индивидов к их психологизации, профессионализации, натурализации, и т. д. В то же время, сохранявшаяся неопределенность с различением конкретных индивидов и «идеал-типичских» конструкций человека напротив позволяла гипертрофировать индивида, подменяя им различные сообщества и объединения. К сожалению, учитывая стремление большинства авторов современных теоретических разработок в сфере международных отношений (справедливости ради все же следует добавить, как и во всем социально-гуманитарном знании) решать все антропологические проблемы с помощью концепта *идентичность*, приходится констатировать, что представленная негативная практика пока еще находит широкое применение [Например, Bloom 1993; Guillaume 2010; Vendt 2003].

Следовательно, вполне определенно можно констатировать, что признание значимости человека не только как некоей абстрактной модели, но и в качестве реального индивида в международных отношениях и науке, которая ими занимается, является даже несколько запоздалым шагом. Однако даже в свете очень схематизированного изложения современного состояния проблемы признания человека можно сделать вывод, что сама ее постановка, как и предупреждали некоторые авторы, не может не сказаться на состоянии данной отрасли науки. С одной стороны, включение индивидов в сферу международных отношений со всей определенностью выдвигают требование формирования *новых компетенций*, чтобы заниматься разработкой данного направления исследований. Не случайно, например, в свое время тот же Р. Лейн выступил с призывом: «защитить политическую науку от нее самой». Роль спасателя он по-прежнему отводил психологии, которая должна была уберечь рассматриваемую отрасль от ошибок, например, связанных с суждением о том, что столь важная категория, как интересы, являются сугубо *рациональными* и *материалистическими* [Lane 2003].

С другой стороны, вновь обозначившееся измерение сферы международных отношений отчетливо высветило остающиеся пробелы и узкие места в существующих основаниях их исследования. Одно из них отметил еще М. Жерар как своеобразную дуэль между сторонниками специфики международно-политического анализа и их противниками, рассматривающими его как часть политической науки или социальных наук [Жерар 1996: 18]. Российские специалисты констатировали в данном сообществе небрежение или полное игнорирование теории международных отношений и политической теории вообще [Барабанов, Фельдман 2009]. Результатом же подобных претензий на изначальную исключительность своего поля деятельности является недостаточная концептуальная проработанность ряда важных проблем в данной сфере, в том числе, касающихся человека. Тем не менее, сегодня уже не-

возможно уклониться от признания того факта, что международные отношения и мировая политика, в конечном счете, реализуются людьми. Следовательно, мы должны понимать, *кто* и *почему* принимает здесь конкретные решения или готовит определенные события. Однако, все дело в том, что *анализом* этих сфер политики также занимаются *люди*. Поэтому будет вполне справедливо утверждать, что точно также мы должны знать, *кто* и *почему* предлагает нам конкретные *оценки* и *выводы* о деятельности политиков. И, если «творцы» международной политики, так или иначе, становятся объектом исследований, то их «оценщики» пока еще гораздо реже попадают под контроль такого рода. Но заниматься подобными исследованиями также необходимо и это должна делать антропология международных отношений.

Более широкий взгляд на проблему человека в международной сфере, заставил также обратить внимание на существенные различия между участвующими в них современным или постмодернистским индивидом и представителем, так называемых, традиционных и вообще «других» обществ [Жерар 1996: 22-23]. Отчасти различия подобного рода стали фиксироваться через использование снова получившего популярность с подачи С. Хантингтона концепта *цивилизация*. Но ограниченный список цивилизаций явно не мог вместить в себя все многообразие существующих вариантов общностей. С этой же целью активно используется и концепт идентичность. Как известно, в течение длительного периода «традиционные общества» оставались объектом исследований преимущественно социальнокультурной антропологии. В конце 1960-х гг. ими стала также заниматься новая дисциплина — политическая антропология [Balandier 1967; Крадин 2011]. Произошедшее в результате глобализации включение этих общностей в современные международные отношения в силу их сохраняющихся особенностей является еще одним аргументом в пользу создания дисциплины — антропология международных отношений.

Вместе с тем, признав значимость человека как индивида в международных отношениях, нельзя было не замечать разные их возможности в данной сфере. Ведь полномочия глав основных ветвей власти, руководителей внешнеполитических ведомств, лидеров неправительственных организаций все же не сопоставимы с возможностями отдельного обычного гражданина. Следовательно, обсуждение проблемы о роли индивидов в формировании международной политики и связанных с нею отношений корректно может проводиться лишь с учетом характера социально-политической системы, в которой они действуют. Как отметили, в частности, российские исследователи, считать человека актором можно при условии «... включённости индивида в сферу мировой политики; относительной его обособленности от вскормивших и воспитавших общности и политики... [Катаев, Фельдман 2010]. В таком случае продолжающиеся дебаты о роли нации-государства в эпоху глобализации и проявившийся в последнее время интерес к определению основных вариантов государств, включенных в современный миропорядок, представляются более чем актуальными [Ильин 2008; Коломер 2008]. Не менее примечательной выглядит и постановка вопроса об антропологии государства [Скальник 2011]. Поэтому не следует все же смешивать *человека международного* как *теоретическую категорию* с конкретными индивидами, занимающими различные позиции по отношению к институтам, каналам и сетям реализации международных отношений.

Таким образом, признание человека в его реальном (индивидуальном) воплощении наглядно продемонстрировало серьезные недостатки в существующих теориях международных отношений. В первую очередь, это касается нестрогой определенности использовавшихся терминов человек и индивид. По этой причине стала возможной активная практика *антропоморфизации* различных акторов международных отношений, которая привела к искаженному восприятию существа проблемы о роли человека в международной сфере. Выход из создавшегося тупика заключается в строгом методологическом разграничении уровня *реальных индивидов* и *их различных объединений*, включая общественные страты, политические нации и человечество в целом, а также институтов внешней политики, международных орга-

низаций и т. д. Поэтому в свете данного требования, мы должны учитывать не только и не столько роль абстрактных индивидов в международных отношениях как таковых. Теперь следует понимать, что те же институты, объединения и общности мы обязаны анализировать, как с *позиции составляющих их людей* с реальными качествами и свойствами последних, так и с точки зрения *организации, правил, норм и функций институций* разного рода. Конечно, все это также было создано людьми, которые и продолжают обеспечивать существование институтов и общностей в соответствии с законами, правилами и требованиями времени. *Принципиальным же моментом в данной ситуации является методологическое различие характеристик реальных, т. е. живущих индивидов и достояния предыдущих поколений, представляющего собой трансформированные характеристики ранее живших людей и их окружения, доставшиеся нам уже в снятом виде и чаще всего характеризующиеся таким же мало определенным термином культура.* Поэтому проявляющийся интерес к анализу роли культуры в международных отношениях представляется очень показательным [Reeves 2004; Sampson 1987]. Понятно также что, несмотря на свою антропологическую природу, в первом и втором случае мы имеем *реальность разного рода*, которую должны исследовать в соответствии с ее особенностями. Следовательно, наряду с той же привычной психологией существует ее второй, превращенный вариант («внешняя психология» по определению известного американского антрополога К. Гирца). Теперь приходится понимать, что, *принимая значимость человека для современных международных отношений, мы берем на себя обязательство рассматривать его в наших исследованиях как определенный концептуальный континуум. На одном его полюсе находится отдельный индивид, на другом — все человечество. А между ними располагается определенное количество различных групп, общностей и объединений индивидов, включенных в различные институты, связи и взаимодействия.* Только в этом случае, несмотря на открывающуюся многомерность сферы международных отношений, мы сможем избежать прежних ошибок с определением в ней места человека.

В свете всех приведенных обстоятельств можно констатировать, что выдвинутое рядом авторов положение о человеке международном как основном объекте новой дисциплины — антропологии международных отношений, является неоправданно ограниченным. Скорее здесь речь должна идти об исследовании *человеческого измерения* международных отношений или, как писал Э.Я. Баталов, «воздействия «человека на международные отношения и мировую политику, а также международных отношений — на человека» [Баталов 2005]. Представленное измерение включает в себя уровень отдельных индивидов, в том числе непосредственно связанных с формированием международной политики и тех, кто занимается ее анализом. На другом уровне предметом изучения выступают психологические, ментальные и другие свойства и качества, присущие индивидам. Еще один уровень дисциплины связан с анализом участия индивидов в деятельности различных международных институтов, организаций и объединений. Необходимую работу по созданию требуемого представления о человеке выполняла и должна выполнять, в первую очередь, общая антропологии, т. е. область знаний как раз направленная на изучение объединений индивидов и всего человечества в их общем и конкретном многообразии проявлений и способов жизнедеятельности. В свою очередь, отбор и пополнение антропологических данных, необходимых для квалифицированного решения проблем в определенной социально-политической сфере, — это задача соответствующей отрасли антропологии, в нашем случае антропологии международных отношений. Для представляемой субдисциплины важным условием ее эффективности становится требование не терять за своими специальными задачами реальный масштаб и возможности человека. Но в то же время, новая реальность, которая подвигает некоторых специалистов определять современный мир как *постчеловеческий*, не очень обнадеживает в том отношении, что признание значимости человека для международных отношений, уже означает их гуманизацию.

- Автономов В.С. 1998. *Модель человека в экономической науке*. — СПб. — 230 с.
- Барабанов О., Фельдман Д. 2009. Фундаментальное и прикладное в международных исследованиях. — *Международные процессы*. — Т. 7. — № 2 (20). — Январь-апрель.
- Баталов Э.Я. 2005. Антропология международных отношений. — *Международные процессы*. Т. 3 № 2 (8). — Доступно: <http://www.intertrends.ru> — Проверено: 19.10.2010.
- Баталов Э.Я. 2008. *Человек, мир, политика*. — М. Научно-образовательный форум по международным отношениям. — 330 с.
- Бергер П. 2004. Введение. Культурная динамика глобализации. — *Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире*. Под ред. П. Бергера, С. Хантингтона. — М.
- Вайзе П. 1993. Homo economicus и homo politicus: монстры социальных наук. — *Thesis*. — Том 1. — № 3. — С. 115-130.
- Гизен К.Г. 1996. Между теорией принятия решений и структурализмом: слабая роль индивидуальной этики в теории международных отношений. — *Индивиды в международной политике*. / М. Жерар руководитель авторского коллектива. Перевод с французского. — М.
- Гуторов В.А. 2003. Об антропологическом измерении политики: «спор древних и новых» и некоторые его итоги на рубеже XX-XXI веков. — *Россия и Грузия: диалог и родство культур. Сборник материалов симпозиума*. Вып. 1. — СПб. — С. 75-85.
- Жерар М. 1996. Предисловие. — *Индивиды в международной политике*. М. Жерар руководитель авторского коллектива. Перевод с французского — М.
- Ильин М.В. 2008. Возможна ли универсальная типология государств? — *Политическая наука*. — № 4. — С. 8-41.
- Катаев Д.С., Фельдман Д.М. 2010. Человек в науке о мировой политике. — *Вестник МГИМО-университет*. — № 6 (15). — С. 102-107.
- Коломер Ж. 2008. Великие империи, малые нации: Неясное будущее суверенного государства. (Реферат). — *Политическая наука*. — № 4. — С. 42-67.
- Кортунов С.В. 2003. *Становление политики безопасности*. — М.
- Косолапов Н.А. 1999. Международные отношения как специфический тип общения. — *МЭ и МО*. — № 6. — С. 102-107.
- Крадин Н.Н. 2011. Перспективы политической антропологии. — *Полис*. — № 6. — С. 78-91
- Кузнецов А.М. 2000. Антропология и антропологический поворот современного социального и гуманитарного знания. — *Личность. Культура. Общество*. — М. Т. 2. — С. 49-67.
- Кулагин В.М., Лебедева М.М., Мельвиль А.Ю. 2002. Глобализация и развитие человека. — *Глобализация: человеческое измерение*. — М.
- Михеев В.В. 1999. *Хомо-Интернэшнл*. — М.
- Могилевкин И. 1999. Человеческий фактор в метастратегии. — *МЭ и МО*. — № 6.
- Моргентау Г. 1997. Политические отношения между нациями. Борьба за власть и мир. — *Социально-политический журнал*. — № 2. — С. 189-201.
- Нойманн И. 2004. *Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей*. Пер. с англ. В.Б. Литвинова и И.А. Пильщикова. — М.
- Одайник В. 1996. *Психология политики*. — СПб.
- Панарин А.С. 1994. *Философия политики*. — М.
- Розенау Д. 1996. Меняющиеся индивиды как источник глобальной турбулентности. — *Индивиды в международной политике* / М. Жерар руководитель авторского коллектива. Перевод с французского. — М. — С. 99-125.
- Свенсен Л. 2010. *Философия страха*. — М. — 288 с.

- Скальник П. 2011. Государство и антропология государства. — *Полис*. — № 6. — С. 104-108.
- Танатова Д.К. 2004. *Антропологический подход в социологии*. — М. — 259 с.
- Тикнер Дж.Э. 2006. *Мировая политика с гендерных позиций: проблемы и подходы эпохи, наступившей после «холодной войны»*. Пер. с англ. Д.Н. Польшанного. — М. — 333 с.
- Урнов М.Ю. 2008. *Эмоции в политическом поведении*. — М. — 240 с.
- Фельдман Д.М. 2004/2005. Человек в политических процессах современности. — *Космополис*. Зима. — № 4. — С. 181-192.
- Фельдман Д.М. 2008. Человек как актор мировой политики. — «Приватизация» мировой политики: локальное действие — глобальные результаты / под ред. М.М. Лебедевой. — М. — С. 209-237.
- Фельдман Д.М. 2009. Человек в мировой политике. — *Мир и политика*. — № 9. — С. 36-51.
- Хоружий С.С. 2009. От синергической антропологии к социальной философии, или диалог с Максом Вебером. — *Новые методы в решении фундаментальных проблем социальной философии: синергическая антропология*. — Казань.
- Цимбурский В. 1995. Человек политический между Ratio и ответами на стимулы (к численному когнитивных типов принятия решений). — *Полис*. — № 5. — С. 15-33.
- Эрман Ж. 1996. Индивидуализм и системный подход в анализе международной политики. — *Индивиды в международной политике*. / М. Жерар руководитель авторского коллектива. Перевод с французского. — М.
- Almond G. 1950. Anthropology, Political Behavior, and International Relations. — *World Politics*. — Vol. 2. — No 2. — P. 277-284.
- Bailey T.A. 1948. *The Man in the Street: The Impact of American Public Opinion of Foreign Policy*. — N.Y. — 324 p.
- Balandier G. 1967. *Anthropologie Politique*. — P. — 244 p.
- Benhabib S. 2004. *The Rights of Others. Aliens, Residents and Citizens*. — Cambridge. — 258 p.
- Bloom W. 1993. *Personal Identity, National Identity and International Relations*. — Cambridge. — 194 p.
- Cohen R. 1982. Anthropology and diplomacy: new wine or new bottles ? — *Anthropological Diplomacy: Case Studies in the Application of Anthropology to International Relations. Studies in the Third World societies*. Ed. by H. Sutlive, N. Altshuler, M. Zamora. Department of Anthropology. — Williamsburg. — P. 1-13.
- De Rivera J. 1968. *The Psychological Dimension of Foreign Policy*. — Columbus. — 441 p.
- Devetak R. 2005. Postmodernism. — Burchill S., Linklater A., Devetak R., Donnelly J., Paterson M., Reus-Smit Ch. and True J. *Theories of International Relations*. — Palgrave. — P. 161-187.
- Eriksen T.H., Neumann I.B. 1993. International Relations as a Cultural System. An Agenda for Research. — *Cooperation and Conflict*. — Vol. 28 (3).
- Etheredge L.A. 1978. *World of Men: The Private Sources of American Foreign Policy*. — Cambridge: MA MIT Press. — 178 p.
- Guillaume X. 2010. *International Relations and Identity*. — L.,N.Y. — 255 p.
- Gurtov M. 1991. *Global Politics in the Human Interest*. — L.
- Hale H. 2008. *The Foundations of Ethnic Politics. Separatism of States and Nations in Eurasia and the World*. — Cambridge. — 264 p.
- Hudson V.M., Vore Ch.S. 1995. Foreign Policy Analysis Yesterday, Today, and Tomorrow. — *Mershon International Studies Review*. — Vol. 39. — No. 2. Oct. — P. 209-238.
- Jervis R. 1986. Perception and Misperception in International Politics. — *Oxford Handbook on Political Psychology*. Ed. by D.O. Sears. — Boulder. — P. 13-31.

Kelman H.C. 1965. Social-Psychological Approach to the Study of International Relations: Definition of Scope. — *International Behavior: A social-psychological analysis*. Ed. by H. Kelman. — NY. — P. 3-39.

Lane R.E. 1972. *Political Man*. — N.Y.

Lane R. 2003. Psychology's Role in Rescuing Political Science from Itself. — *Oxford Handbook of Political Psychology*. Ed. By D.O. Sears, L. Huddy, and R. Jervice. — Oxford. — P. 755-793.

Linklater A. 1982. *Men and Citizen in the Theory of International Relations*. — L.

Mandel R. 1986. Psychological Approaches to International Relations. — *Political Psychology: Contemporary Problems and Issues*. Ed. by M. Hermann. — San-Francisco, L.

Marcus G.E. 2003. The Psychology of Emotion and Politics. — *Oxford Handbook of Political Psychology*. Ed. by D.O. Sears, L. Huddy, R. Jervis. — N.Y. — P. 182-221.

Morgan P.M. 1994. *Theories and Approaches to International Politics. What Are We to Think?* — New Brunswick. — 308 p.

Preiswerk R. 1995. *Could westudy international relations as if people mattered? Toward a Just World Order*. Vol. 1. ed. by R. Falk, S. Kim and S. Mendlovitz. — Boulder, San-Francisco, Oxford. — P. 175-197.

[Psychological Models]. 1979. Psychological Models in International Politics. Ed by Falkowski, Lawrence S. — Boulder. — 328 p.

Reeves J. 2004. *Culture and International Relations. Narratives, natives and tourists*. — N.Y., L. — 214 p.

Rosenau J. 1990. *Turbulence in World Politics. A Theory of Change and Continuity*. — Princeton. New Jersey. — 504 p.

Sampson M. 1987. Cultural Influences on Foreign Policy. — *New Directions in the Study of Foreign Policy*. Ed. by Ch. F. Hermann, Ch. W. Kegley, Jr., and J. N. Rosenau. — Boston. — P. 384-408.

Sylvester C. 1994. *Feminist Theory and International Relations in Postmodern Era*. — Cambridge. — 265 p.

Tetlock F.G., Goldgeier G.M. 2000. Human Nature and World Politics: Cognition, Identity, and Influence. — *International Journal of Psychology*. — Vol. 35 (2).

Tetlock Ph.E., McGurre Ch.B. 1985. Cognitive Perspectives on Foreign Policy. — *Political Behavior Annual*. Ed. by S. Long. — Boulder. — P. 87-96.

Thomas L.L. 1982. Anthropology and international relations: mutual scope and focus? — *Anthropological Diplomacy: Case Studies in the Application of Anthropology to International Relations. Studies in the Third World societies*. Ed. by H. Sutlive, N. Altshuler, M. Zamora. Department of Anthropology. — Williamsburg. — P. 107-138.

Vendt A. 2003. *Social Theory of International Relations*. — Cambridge.

Voss J., Dorsey E. 1992. Perception and International Relations: An Overview. — *Political Psychology and Foreign Policy*. Ed. by E. Singer and V. M. Hudson. — Boulder. — P. 3-30.

Waltz K. 1959. *Man, the State, and War. A Theoretical Analysis*. — N.Y. — 252 p.

НАСИЛИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ТЕРРОРИЗМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Е.М. Поляков

Воронежский государственный университет

Аннотация: В данной статье рассмотрен концепт нелегитимного насилия, осуществляемого как государством, так и негосударственными участниками политического процесса. Показано, что насилие структурирует властные отношения в обществе, особенно в условиях распада государства. Также дано объяснение причинам, по которым государство теряет монополию в сфере применения насилия в современном мире..

Ключевые слова: социальный институт, насилие, терроризм, частные армии, несостоявшиеся государства.

В данной статье речь пойдет об институте насилия и его конструирующей роли в обществе, столь незаслуженно игнорируемой многими исследователями. Прежде, чем перейти к анализу феномена насилия, способов его манифестации и функциональном назначении в обществах разных типов, определимся с основными категориями.

1. Предварительные замечания

Одним из самых часто используемых и трудно операционализируемых понятий в социологии выступает социальный институт. Существует множество определений этой категории, зависящих от того, какого научного подхода придерживается автор. Например, Н. Смелзер считает, что «институтом является совокупность ролей и статусов, предназначенная для удовлетворения определенной социальной потребности» [Смелзер 1994: 79]. Как «устойчивый комплекс формальных и неформальных правил, принципов, норм, установок, регулирующих различные сферы человеческой деятельности (здесь и далее все выделения сделаны мною, кроме оговоренных случаев — авт.) и организующих их в систему ролей и статусов, образующих социальную систему» определяет его Л. Седов [Седов 1990: 117]. В рамках ин-формационного подхода институт рассматривают как «специфическое знание, которое выработано многими поколениями людей, усвоено ныне живущим поколением и содержит рекомендуемые нормы поведения» [Корнейчук 2007: 11]. Рассмотрение институтов в функциональном ключе предполагает, что всякий социальный институт складывается как устойчивая структура, выполняющая определенные функции — социальные действия. По этому подходу социальный институт есть «объединение людей, выполняющих специфические функции по

удовлетворению общих потребностей» [Давыдов 2006: 68]. Функциональное назначение институтов заключается в «использовании ресурсов общества в *формах интеракции* ради удовлетворения той или иной социальной потребности и *стабилизации деятельности* людей, путем сведения ее к более или менее предсказуемым образцам социальных ролей» [Смелзер 1994: 81]. Это характерно для всех традиционных институтов: семьи, образования, церкви и т. д. Но в социальном устройстве общества есть еще один важный институт, который как раз обеспечивает разные формы интеракции и стабилизацию деятельности. Имя ему — насилие.

Это особенный институт, незаслуженно игнорируемый большинством социологов. Незаслуженно потому, что разные институты на протяжении истории человечества возникали и отмирали (например, разные формы брака) или меняли свое содержание (например, ответственность). И только насилие как институт, возникнув еще в архаических обществах, сохранилось в практически неизменном виде до наших дней. Игнорируемый потому, что в собственно социологических исследованиях насилие либо не рассматривается вообще, так как трактуется как патология, либо рассматривается как частный случай девиантного поведения (преступления, связанные с физическим насилием), либо рассматривается через призму конфликтологической парадигмы.

2. Типология насилия и обществ: вопрос о доступе к ресурсам

Хотя мы привыкли связывать насилие с преступлениями, терактами и войнами, в структуре насилия мы можем выделить три уровня — это «символическое» насилие, воплощенное в языке и привычных речевых формах; «субъективное» насилие, воспринимаемое нами на основе личного опыта и особенностей мышления (попутно отметим, что вообще все институты не существуют сами по себе, но сами являются во многом следствием мышления человека, особых ментальных моделей); и «системное насилие», возникающее вследствие определенной организации самого социума [Жижек 2010: 5-12].

Интересный взгляд на институционализацию насилия предлагает Д. Норт. По его мнению, «институты — это «правила игры», структура взаимодействия, которая управляет и ограничивает отношения индивидов» [North 1990: 3-4]. Институты включают в себя формальные правила, формальные социальные соглашения, неформальные нормы поведения, писанные законы, а также *убеждения о мире* и средства принуждения к исполнению этих правил и норм. Институты структурируют способ формирования у индивидов убеждений и мнений о поведении других людей. Одни и те же институты приводят к разным результатам, в зависимости от контекста. Насилие как социальный институт проявляется в разных измерениях и может быть выражено в физических действиях или угрозах совершения физических действий. И акты насилия, и принуждение являются элементами насилия. В другом измерении насилие может быть действием одного человека или действием организованных групп — от банд до армий. Основной проблемой является организованное насилие, использование насилия или угроза насилия группами. Насилие также влияет на человека, которому угрожает физическое нападение, как и на человека, который действительно ему подвергся.

Управление насилием при помощи повторяющихся личных контактов может поддерживать формирование только небольших групп людей, возможно, состоящих из 25-50 индивидов. В более крупных группах ни один индивид не обладает личным знанием обо всех членах группы или общества, и потому сами по себе личные отношения не могут быть использованы для контроля над насилием. Во всяком случае, есть исследования, свидетельствующие в пользу этого предположения [Kelly 1995: 205-232]. Для архаического общества большой размер был труднодостижим: личные контакты не могли быть скрепляющим общество элементом и для преодоления ограничения необходим был особый институт. Судя по всему, им стало насилие. Этнографические и антропологические данные позволяют предположить, что

частота применения насилия (по крайней мере, в качестве наказания) в примитивных сообществах и небольших группах довольно высока. Было отмечено, что прямое насилие часто является неприемлемым и вместо него используется изоляция, как физическая, так и социальная [Betzig, Dentan, Knauff, Otterbein 1988]. Кит Оттребейн в ходе своего кросс-культурного исследования показал, что физическое насилие в качестве высшей меры наказания применяется, если индивид обвиняется в тяжком преступлении: убийство, воровство, колдовство, изнасилование и др. [Otterbein 1986]. Важным является и то обстоятельство, что примитивные племена и вождества, прежде чем превратятся в государства, должны обзавестись идеологией. Она способствует социальной эволюции и развитию сложных социальных систем, которое невозможно без *контроля над доступом* к властным ресурсам [Albert 1989].

Этот контроль достигается следующим образом. Во-первых, в простых обществах характер насилия часто отличается от насилия в обществах, организованных по племенному принципу. Во-вторых, в эгалитарных сообществах насилие может быть ограничено, но только в отношении *своих членов*, что означает частое применение его к иноплеменникам (например, в случае нарушения ими религиозных запретов и табу). В-третьих, насилие представлено, в основном, убийствами (в том числе, ритуальными). Случаи избиений, отъема собственности или грабежей практически нет, равно как низка доля самоубийств [Knauff, Daly, Wilson, Donald at all. 1987].

Конечно, в столь простых обществах властные ресурсы связаны не с персональными характеристиками индивида, а с его принадлежностью к той или иной группе. Соответственно, определяющую роль играют половозрастные характеристики, место жительства, род занятий и кровные связи. Постепенно, в истории человечества, эти черты замещались профессионализмом, лидерскими качествами, компетентностью и т. д.

Показательно, что эти данные укладываются в теорию Д. Норта и соавторов. Для рассуждений последних характерно использование концепта *доступа*, базируясь на котором они выделяют два типа обществ (или в авторской терминологии — *социальных порядков*): ограниченного и свободного доступа. Социальные порядки характеризуются тем, как общества создают институты, поддерживающие существование специфических форм человеческой организации, *способ*, которым общество ограничивает или открывает доступ к организациям при помощи стимулов, формируемых моделью организации. Эти характеристики социальных порядков также тесно связаны с тем, как общества ограничивают и контролируют насилие [Норт 2012: 8-17].

Модель свободного доступа характеризуется политическим и экономическим развитием; экономикой, которая меньше страдает от отрицательного роста; сильным и динамичным гражданским обществом с большим числом организаций; более крупными и более децентрализованными правительствами; *распространением безличных социальных взаимоотношений*, включая верховенство права, защиту права собственности, справедливость и равенство. Модель ограниченного доступа характеризуется медленно растущими экономиками, чувствительными к потрясениям; политическим устройством, которое не основывается на общем согласии граждан; относительно небольшим числом организаций; менее крупными и более централизованными правительствами; господством личных связей и незащищенными правами собственности [North, Wallis, Waingast 2009: 11-15].

В порядке ограниченного доступа или естественном государстве, личные отношения, в особенности личные отношения между властными индивидами, — то, кто кем является, и кто кого знает, — составляют основу социальной организации и служат ареной для взаимодействия людей. Естественные государства ограничивают способность индивидов формировать организации. Идентичность, которая в естественном государстве имеет глубоко личный характер, в порядках открытого доступа начинает определяться как *набор безличных характеристик*. В порядках второго типа доступ к организациям начинает определяться как безличное право, которым обладают все граждане. Естественные государства, напротив, ограни-

чивают доступ к организациям и принуждение к исполнению соглашений со стороны третьих лиц. Большинство организаций, даже самых простых, опираются на принуждение к исполнению соглашений между членами организации или соглашений между организациями и другими акторами третьей стороной. Современные порядки открытого доступа часто ограничивают насилие при помощи институтов. Институты задают правила, которые напрямую сдерживают насилие, меняя издержки насильственного поведения, прежде всего путем установления наказаний за использование насилия. Люди более склонны подчиняться правилам, даже при значительных издержках для себя, если они считают, что другие люди будут так же соблюдать правила [Levi 1997: 213].

3. Теория «youth bulge» об источнике насилия

К сожалению, рассмотренные выше работы экономистов, антропологов и социальных философов представляют собой скорее анализ того, *что такое* насилие, но не *откуда* оно берется. Между тем феномен социального насилия по-разному проявляется не только в разные исторические эпохи, но и в обществах, стоящих на разных ступенях развития и *существующих* в одно время. Следовательно, социальная структура общества (в первую очередь, иные институты, «обрамляющие» насилие) может быть лишь достаточным фактором для манифестации насилия. Что же, в таком случае, является необходимым?

Нам представляется, что ответ на данный вопрос может дать т. н. теория «youth bulge» или «молодежного пузыря». Согласно ей, в сообществах, в структуре которых доля молодежи до 24 лет составляет не менее 20%, будут наблюдаться общая политическая нестабильность, склонность политических режимов к авторитаризму и государственные перевороты, сопровождаемые всплеском нелегитимного насилия по отношению к наиболее социально незащищенным слоям населения [Fuller 1995: 151-154].

«Пузырь» возникает не столько там, где много молодежи (как, например, в Китае) сколько там, где молодые люди вынуждены *конкурировать* между собой за получение доступа к престижным позициям и социальным статусам. Масштаб социальной системы также не имеет значения — «youth bulge» может происходить как на уровне общества в целом, так и, например, в диаспорах или общинах. Необходимо учитывать тот факт, что в небольших сообществах люди будут чаще контактировать друг с другом непосредственно, что может иметь вполне определенный психологический эффект. Д. Харт и соавторы провели исследование, которое показало, что подростки и несовершеннолетние в таких сообществах будут больше контактировать со своими сверстниками и находиться под преимущественным социализирующим воздействием с их стороны, нежели со стороны взрослых [Hart, Atkins, Markey, Youniss 2004].

Для более «мирного» участия молодежи в общественно-политической жизни стран-«пузырей» на африканском материале были выработаны несколько рекомендаций: установить контакт между молодежью и политическими лидерами общин, проводить совместные мероприятия с политическими и этническими конкурентами (в том числе, на племенном уровне), расширить участие женщин, запустить программы, обеспечивающие молодежное участие и т. п. [Shari 2010: 1-6].

Молодежные исследования, проведенные в последние годы, выявили определенную корреляцию между уровнем экономического развития и проявлением социальной напряженности в неприемлемых формах (в виде нелегитимного насилия). Эти данные перекликаются с теоретическими построениями Д. Норта о природе и назначении ренты в порядках ограниченного доступа. Систематическое создание ренты при помощи ограниченного доступа в естественном государстве — не просто средство набить карманы членов господствующей коалиции; это также важнейшее средство контроля насилия. Контроль над насилием зависит от структуры и поддержания взаимоотношений между влиятельными индивидами. Есте-

ственное государство снижает проблему повсеместного распространения насилия путем создания господствующей коалиции, члены которой обладают особыми привилегиями. Ограничивая доступ к этим привилегиям только членами господствующей коалиции, элиты создают надежные стимулы сотрудничать, а не бороться друг с другом. Поскольку элиты знают, что насилие приведет к снижению их собственных рент, они имеют стимулы к тому, чтобы прекратить борьбу [North, Wallis, Waingast 2009: 17-18]. Но в случае, если насилие нельзя сдерживать, договоренности внутри господствующей коалиции (властвующей элиты) о прекращении борьбы будут нарушены, что, в свою очередь, приведет к учащению применения насилия в обществе.

Увеличение численности молодежи здесь является спусковым крючком в механизме социальных преобразований. Ш. Фокс и К. Хельшер в своем недавнем исследовании обнаружили, что в «гибридных» режимах (то есть сочетающих авторитарные и демократические черты) риск открытого проявления насилия наиболее велик. При наличии других факторов (бедность, этническая пестрота, социальное неравенство), насилие становится почти неизбежным [Fox, Hoelscher 2011: 13]. В такой ситуации его манифестация — дело рук многочисленной молодежи. При этом насилие проявляется в самых деструктивных формах — уличных беспорядках, политически мотивированном терроре и гражданских войнах. Наличие большого числа детей и подростков не останавливает, а стимулирует национально-освободительные движения по всему миру к ведению более активных боевых действий. В ряде случаев это приводит к формированию так называемых детских армий, как это было, например, у Тамильских тигров. К концу 1990-х гг. в более чем 50 государствах мира в детских армиях служило порядка 300 000 солдат [Heinson 2006: 21].

Однако основная угроза заключается в опасности гражданской войны и городской гегерии. На данный момент, 60 из 67 крупнейших по численности наций, столкнувшихся с *youth bulge*, пережили гражданские конфликты разной степени интенсивности: от массовых беспорядков до геноцида. Причем, вопреки распространенному мифу об исламской угрозе, взаимосвязи с религиозным фактором не прослеживается: лишь около половины этих стран имели мусульманское большинство или значительное меньшинство, остальные — христианские и даже буддистские страны [Heinson 2006: 36].

Избыток молодежи и осуществляемого ею насилия является важным конституирующим обществом фактором. Как показали работы Тимоти Эрла, демографическое давление в целом ряде обществ было причиной социальных изменений и перехода от вождества к государству [Earle 1987]. Он выделил три типа стратегий, которые могли приводить к подобному переходу. Первый тип связан с властью лидера, базирующейся на контроле над средствами производства и/или распределения. Второй связан с ведением завоеваний и заключением альянсов. Третий базируется на идеологии, легитимирующей власть лидера как необходимого условия для сохранения «естественного» порядка вещей в мире. Эрл считает, что «развитие сложных политических систем основано не просто на доступе к источнику власти, но на возможности *контролировать* (выделено в оригинале) его» [Earle 1989: 86].

Говоря о причинах насилия, Генрик Урдал (сотрудник Института изучения мира, Осло, Норвегия) подчеркивает, что при возникновении больших когорт молодежи происходит «растягивание» социальных институтов (например, рынка труда), что влечет за собой усиление социальной неудовлетворенности. Вот эта неудовлетворенность, в сочетании с социальной свободой (то есть отсутствием семей и ответственности за кого-либо), и вызывает к жизни насилие в молодежной среде [Urdal 2004: 5]. В другой своей работе он описывает (в виде гипотез) условия, при которых возникает политически мотивированное насилие. Они включают в себя наличие «*youth bulge*», политическую зависимость, низкие темпы экономического роста, быстрое распространение высшего образования, авторитарный характер режима и уровень урбанизации. Чем выше каждый из этих показателей, тем больше будет насилия

[Urdal 2006]. Отметим также, что каждое последующее условие усиливает предыдущее и на нем базируется, а ключевым здесь является наличие неустроенной молодежи.

4. Переходные общества: модернизация, миграция и терроризм

Нетрудно заметить, что эти условия были характерны для стран, переживших «Арабскую весну». Эти же страны (как и Россия) придерживались политики догоняющей модернизации. Означает ли это, что догоняющая модернизация с неизбежностью влечет за собой выход насилия за институциональные рамки и порождает системный кризис?

Очевидно, что это не так. М. бен Мохаммад, бывший премьер-министр Малайзии, в своих воспоминаниях пишет, что был вынужден применять авторитарную власть для проведения модернизации полуфеодальной (на тот момент) постколониальной страны [Mahathir bin Mohamad 1998: 42]. Интересен тот факт, что случаи проявления насилия в обществе сократились, а безопасность на улицах Куала-Лумпура и других крупных городов быстро достигла европейского уровня. Более того, в уже упомянутой работе К. Оттербеина говорится, что в племенах Семай в Малайзии и Джебузи в Новой Гвинее количество убийств снизилось до 5 на 100 тыс. чел. [Otterbein 1986: 37-39]. Данные показатели характерны для современных индустриальных государств, сумевших не только обуздать уличную преступность, но и дать своим гражданам возможность общественного участия — то, что Д. Норт и называет порядком свободного доступа. Стоит обратить внимание на следующее: порядок — не есть отсутствие насилия или какой-либо из его форм (скажем, физического, в виде грабежей и убийств), но наоборот, *наличие насилия* в виде институализирующего фактора.

Еще одно важное обстоятельство, с которым сталкиваются все страны, осуществляющие переход от закрытого к открытому обществу, — миграция. Исследования Х. Вэр на материале государств Океании показали, что в странах с низкой урбанизацией (Соломоновы острова, Папуа — Новая Гвинея) и сильной эмиграцией нестабильность и насилие наблюдаются чаще, чем в странах с долей городского населения более 40% и сильной внутренней миграцией из сел в города [Ware 2004: 3-7]. Но хотя город и предоставляет больше *возможностей* и обеспечивает более высокий уровень жизни, этот уровень не растет постепенно, а резко и однократно меняется при переезде. В сочетании с отсутствием *самореализации* (то есть перехода возможностей в реальность в виде качественного образования, карьеры и т. д.), города могут превращаться в своеобразные накопители социальной агрессии и выплескивать ее в самый непредсказуемый момент в виде неконтролируемого насилия.

Интересно отметить, что в переходных обществах нелегитимное насилие часто принимает форму терроризма и в определенном смысле, похоже на насилие в примитивных племенах. Как показали выше рассмотренные работы антропологов, в архаичных обществах насилие часто носит *ритуальный* или *символический* характер. Истинным объектом насильственных действий является не тот, на кого они направлены. Чаще всего, им выступает общество. Схожая ситуация наблюдается при осуществлении терактов. Объектом воздействия является общество или его часть (например, административно-управленческий аппарат), хотя с насилием непосредственно сталкиваются либо военные, либо невинное гражданское население. В широком смысле терроризм это «незаконное использование силы или насилия против лиц или имущества для устрашения или принуждения правительства, гражданского населения или их составляющих в политических или социальных целях» [Coady 2003: 72].

Другой важный аспект, делающий терроризм эффективным, — его принципиальная *непредсказуемость* [Stolzenberg 2006: 68]. Это важное отличие от насилия вообще, поскольку оно ожидаемо и *прогнозируемо*. Конечно, эксперты могут говорить об определенных прогнозах активности *террористических организаций*, но в отношении отдельных лиц это почти невозможно.

5. Террористические организации в разных регионах мира

Известно, что в прошлом радикальные организации активно использовали насилие неизбирательного свойства и терпели крах. В конце XX века они перешли к применению дозированного, адресного насилия, как правило, осуществляемого путем террористических актов против агентов правительства и чиновников. Более того, значительная «доля насилия» (если судить по числу погибших), было перенаправлена «вовнутрь» организаций — объектом террора стало окружение адептов движения, а также те, кто не был допущен по причине недостаточной верности вождю или идеалам. Первым движением, реализовавшим на практике принцип «бей своих, чтоб чужие боялись», было Сендеро Люминосо (СЛ) или «Сияющий путь». За примерно 15 лет активной террористической деятельности (1978-1992), СЛ истребило около 66 000 человек. Лидер движения, Абимаэль Гусман Рейносо, многое заимствовал из практики Культурной революции и «красных кхмеров». Уже через несколько лет с начала борьбы, сендеристы развязали кампанию террора. За 1980-1983 гг. они провели несколько сотен терактов, в которых погибли более 1 500 человек. Другие левые движения и организации сендеристы называли ревизионистами и отступниками, против которых необходимо применять «революционное насилие». Именно слабость и разобщенность перуанских левых сделала возможным возникновение СЛ [Masterson Daniel 2010: 51-52]. Так как организация, ввиду малочисленности и подпольного характера деятельности, была не в состоянии контролировать поселки, то в них стали создаваться законспирированные ячейки. Сама структура СЛ была трехуровневой: базовые силы — местные силы — главные силы. Под «базовыми» подразумевались локализованные в деревнях боевые ячейки. Боевыми акциями и непосредственным руководством занимались командиры среднего звена; центральное руководство, находившееся в относительной безопасности благодаря децентрализованной структуре, занималось выработкой стратегии борьбы и идеологии движения [Masterson Daniel 2010: 53].

Мобилизация зачастую проводилась с помощью вооруженной силы. Колонны сендеристов входили ночью в поселки и похищали детей в возрасте до 7 лет. Детей затем обучали тактике боевых действий, использованию взрывчатки и другим аспектам партизанской войны. Инициация завершалась только после совершения убийства публичного лица: чиновника, полицейского или сельского старосты. Типичным для СЛ было вовлечение родственников, чаще всего, сыновей и отцов. Многие свидетели отмечали, что «семейный подряд» способствовал сильной сплоченности рядов движения [Masterson Daniel 1991: 201-216]. В некоторых районах страны с подачи правительства были организованы крестьянские антисендеристские патрули, так называемые «рондас» (*rondas*). В дальнейшем разгорелась фактическая гражданская война. Следует отметить, что в 80-е противостояние сендеристов и рондерос носило вялотекущий характер. Только когда правительство взяло последних под покровительство, СЛ перешло к массовому террору. Крестьяне говорили, что террористы «едят плоть и пьют кровь простых людей» [Ponciano del Pino 1995: 380].

Второй по времени возникновения была организация тамильских националистов. В середине 60-х годов националистическое правительство Цейлона лишило гражданства потомков тамильских рабочих, завезенных в свое время англичанами, и начало их депортацию в Индию. Тогда же на острове появился Объединенный фронт освобождения тамилы (ОФОТ), чей целью было создание независимого государства Тамил Илам (в переводе с тамильского «илам» значит «страна»). ОФОТ, правда, действовал мирными методами. Когда в 1972 году Цейлон стал полностью независимым и получил новое название — Республика Шри-Ланка, отношения между тамилами и сингалами резко ухудшились. В том же году из ОФОТ демонстративно вышла группа молодежи, недовольная «бездействием организации». Лидером раскольников стал 18-летний В. Прабхакаран. Он создал более радикальную структуру под названием «Тигры освобождения Тамил Илама» (ТОТИ).

Изначально ТОТИ сотрудничали с другими вооруженными тамильскими группировками, но позднее порвали с ними и начали против них борьбу. Они полагали, что борьба будет эффективнее, если остальные группы, склонные к компромиссу в конфликте, будут устранены. Следствием такой борьбы стало то, что ТОТИ заняли позицию важнейшей военной группировки, борющейся за создание тамильского государства. Структуру ТОТИ образуют два подразделения, называющиеся Военное крыло (включающее в себя Морских тигров, Воздушных тигров, Черных тигров (террористы-самоубийцы), элитный боевой отряд и подразделение разведки) и подчиненное Политическое крыло. Центральное управление обеими подразделениями осуществляет руководство во главе с основателем и верховным лидером ТОТИ В. Прабхакарном [The LTTE in brief 2008: 2]. Рекруты ТОТИ готовятся умереть за идею при необходимости и носят с собой капсулы с цианидом на случай пленения. ТОТИ используют в качестве солдат детей и подростков, что нашло подтверждение в факте сдачи правительственным войскам 25 боевиков в возрасте от 13 до 17 лет. После этого ТОТИ приняли обязательство не использовать детей, но ЮНИСЕФ и HRW уличили их в нарушении данного обещания и использовании в качестве новобранцев детей, оставшихся сиротами после цунами 2008г. Схожие сообщения были получены от многих гражданских свидетелей. ЮНИСЕФ подтвердил набор в армию 315 детей в период с апреля по декабрь 2006 г., а общее число детей-рекрутов, начиная с 2001 г. приближается к 6000 [HOFA 2010: 10].

Взаимодействие с населением ограничено пропагандой среди тамилы и терактами против сингалов. В качестве посредников для связи с миром используются многочисленные международные культурные и просветительские организации тамилы, например «Всемирное тамильское движение» (ВТД), «Тамильская Ассоциация Мира», «Тамильское Движение Мира» и др. Хотя у ТОТИ есть политическое крыло, они не стремятся стать партией. На парламентских выборах 2004 года они открыто поддерживали Тамильский национальный альянс, который получил 90% голосов в избирательном округе Джафна.

Нападения на гражданских производятся на транспорте, в мечетях и храмах, объектах инфраструктуры и сопровождаются многочисленными жертвами. По данным Jane's Information Group, с 1980 г. по 2000 г., ТОТИ осуществили 168 нападений смертников на гражданские и военные объекты, став первопроходцами в использовании подобной тактики и превысив аналогичный показатель у «Хезболлы» и «ХАМАСа», вместе взятых. Тамильские тигры ответственны за этнические чистки против сингалов и мусульман-тамилы, проживавших на контролируемых ими территориях. Например, были подвергнуты тактике «выжженной земли» сингалы на северо-востоке, а вся мусульманская община Джаффны была выселена в 1990 г [The LTTE in brief 2008: 4-6].

Идейной базой движения является тамильский национализм, «сдобренный» пропагандой социальной справедливости. Движение борется за создание независимого тамильского государства на территории Шри-Ланки (независимого тамильского государства на северо-востоке Цейлона, с центром в Джафне). При этом, для поддержки организации используются любые средства: давление на бизнес и эмигрантов с целью рэкета, пиратство, незаконные банковские операции, наркоторговля. Все это прикрывается благой целью достижения независимости [HOFA 2010: 27].

Наконец, третий регион — Ближний Восток — известен многим как источник международного терроризма. Но здесь есть и страна, террор из которой почти не «выплескивается» вовне. Это Сомали. Более 20 лет, начиная с 1991 года, территория, на протяжении 30 предшествовавших лет известная как республика Сомали находится в состоянии перманентного политического кризиса, усугубляемого фактическим распадом государства на несколько частей, наличием внутренних вооруженных конфликтов и социально-гуманитарной катастрофой.

Основной проблемой, с которой столкнулись федеральное правительство, была коррупция и отсутствие прямого доступа к официальной информации, особенно касающейся рас-

пределения финансовой и гуманитарной помощи стран Запада. Даже введение в некоторых районах упрощенного судопроизводства (по образцу военно-полевых судов) не изменило положения к лучшему. Эта ситуация усугублялась эклектичным характером правовой системы, сочетающей в себе в разных частях страны нормы традиционного права, шариата и докризисного уголовного кодекса. По этой причине преследование преступников не всегда возможно.

Второй проблемой является массовое насилие. Большая часть Сомали стала просто непроходимой из-за различных блокпостов и армейских лагерей. Тесно связана с данной проблемой и ситуация с насилием в детской и подростковой среде. Из 6,8 млн. чел. населения около 400 тыс., в основном, женщины и дети, являются внутренне перемещенными лицами, годами проживая в лагерях беженцев. Дети-сироты и беспризорники часто вовлекаются в совершение терактов, бандитских нападений и иных противоправных действий большинством кланов. Тем самым искусственно поддерживается «психология войны» в умах подрастающего поколения, что затрудняет урегулирование. К тому же, дети не подсудны, и большинство подобных преступлений остаются безнаказанными.

Чаще всего подобно тактикой пользуются экстремисты из организации Аль-Шабаб, совершающие покушения на членов региональных администраций и военнослужащих. Малолетние террористы, ищущие пропитания, попросту покупаются. Например, бросок гранаты или другого взрывчатого вещества обходится в 20 долл. США. К слову, добровольно-принудительный наем детей и подростков в военизированные формирования время от времени производится всеми тремя «государствами», притом, что система регистрации рождений в Сомали не работает и установить подлинный возраст комбатантов для наблюдателей обычно не удается. Сироты и беспризорники часто вовлекаются в совершение терактов. Тем самым искусственно поддерживается «психология войны» в умах подрастающего поколения, что затрудняет урегулирование. К тому же, дети не подсудны, и большинство подобных преступлений остаются безнаказанными. Малолетние террористы, ищущие пропитания, попросту покупаются [Bureau of Democracy 2007: 5].

Насилие радикалов направлено, в основном, против беженцев и перемещенных лиц, сотрудников местных организаций и служб правопорядка. Оно носит избирательный и характер и является не столько террором, сколько инструментом влияния на внутривнутриполитическую ситуацию в Сомали. В последние годы Сомали стала транзитной территорией для похитителей людей с целью продажи их для принудительных работ (в основном, в страны Европы и Персидского залива), на чем наживается международная мафия и полевые командиры. Но еще сложнее обстановка с пиратством, которое питается за счет получения выкупов с захваченных судов.

В последние годы Сомали стала транзитной территорией для похитителей людей с целью продажи их для принудительных работ (в основном, в страны Европы и Персидского залива), на чем наживается международная мафия и полевые командиры. Часто их жертвами становятся дети. Большинство исчезновений происходит на юге страны, особенно в Кисмайо. Слабое и коррумпированное сомалийское государство не может противостоять этой угрозе. Даже в самом Сомали по данным ЮНИСЕФ, в начале 2000-х годов работало от 29 до 36% детей в возрасте от 5 до 14 лет. Но еще сложнее обстановка с пиратством, которое «питается» за счет получения выкупов с заложников и захваченных судов.

Как видно, современные террористические организации сближает ряд аспектов: структура организации, характер мобилизации и взаимодействия с населением, характер осуществляемого насилия, реакция общества и государства, а также идеология. Незначительные отличия, наблюдаемые в лозунгах, целях и руководстве, объясняются, скорее всего, местными условиями борьбы экстремистов против государства. Наблюдается разительное сходство в способах инициации новых адептов. Главной причиной успешности насилия может быть социальный коллапс, точнее, его последствия, — неслучайно же всплеск террористической

активности мы наблюдаем в так называемых «failed states», несостоявшихся государствах, которые находятся в стадии распада и дезинтеграции. Карл Батцер в своей работе показывает, что коллапс сложных обществ осуществляется под воздействием ряда факторов, лимитирующими из которых являются экономический спад, недостаток важных ресурсов, временные рамки, а также политическая и культурная гибкость [Butzer 2012]. При этом лишь два последних фактора являются решающими, а предыдущие отвечают только за масштаб коллапса, но не за сам факт его наступления.

6. Постсоветская Россия: на пути к «failed state»?

Несостоявшиеся государства обладают следующими характеристиками:

- наличие гражданских войн или внешних вторжений;
- этническая, религиозная или языковая вражда;
- государство не контролирует полностью свою территорию и границы;
- слабые центральные институты, зависимые суды и отсутствие демократии;
- коллапс инфраструктуры и коррупция;
- резкий рост разрыва в доходах между богатыми и бедными;
- использование военной силы исполнительной властью [Rada 2007: 3].

В этой связи особо следует рассмотреть ситуацию в России. Она представляет собой уникальный феномен: государство развитого мира с переходной экономикой и социальной системой, в которой растет спрос на насилие. Эти противоречивые характеристики и задают, если так можно выразиться, институциональный фон российской повседневности.

Данные мониторинга Фонда Мира за последние годы (2006-2011 гг.), на основании которых рассчитывается Индекс несостоявшихся государств [Found for Peace], говорят, что главные трудности в распавшихся государствах вызывают наличие беженцев, разобщенность элит, низкая легитимность государства и неэффективность аппарата спецслужб. По крайней мере, именно эти показатели связаны с контролем над насилием. И они же в проблемных странах (Сомали, Афганистан, Чад и др., занимающих первые места в ежегодных рейтингах Фонда) чаще всего равняются 10,0 (теоретически возможный максимум по шкале от 0,0 до 10,0) или немного отклоняются от него (не более чем на 0,5 балла). В то же время, данные показатели по России сокращаются:

Табл. 1. Изменение базовых показателей FSI по России

Показатель/год	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Беженцы и перемещенные лица	6,0	7,2	5,9	5,4	5,9	5,4	5,1
Низкая легитимность	9,4	8,2	7,6	7,9	8,0	8,1	7,8
Неэффективность спецслужб	7,6	7,5	6,8	7,0	6,9	6,8	7,2
Фрагментация элит	9,2	9,0	8,5	8,0	8,0	7,6	7,8

Это вызывает определенное недоумение, ведь итоговая сумма по всем 12 критериям для России за тот же период более-менее *стабильна* (колеблется в пределах от 77,7 в 2011 году до 87,1 в 2006 году). Особенно это важно в отношении фрагментации элит — именно противоречия внутри правящей коалиции являются последней каплей, наполняющей чашу несостоятельности государства. Мы вполне обоснованно можем опасаться прохождения «точки икс» до 2020 года.

Объяснить эту странность способна концепция варлордизма. Варлорды (от англ. Warlord) — это правители, контролирующие определенную территорию с опорой на военную мощь. Территория, управляемая варлордом, обычно совпадает с границами расселения той группы, из которой он происходит (этнической, социальной, профессиональной, конфес-

сиональной). Он сам пользуется определенной легитимностью и подменяет или подчиняет себе функции, институты и ресурсы государства. При этом экономика нередко носит смешанный характер и сводится к той или иной нелегальной деятельности, хотя и не замыкается в рамках данной территории [Williams 2008: 9].

Здесь ключевой момент в легитимности и эффективности насилия: хотя варлорд подменяет государство, его насилие не становится нелегитимным, как в случае с террористами. Наоборот, опора на страх и физическое насилие позволяет создать и поддерживать подобие порядка (основанного на силе, а не на праве), а персональный характер власти объединяет элиту на базе шаткого консенсуса. Соответственно, подобный режим обладает определенной устойчивостью и внутренней стабильностью. На материале изучения Руанды, Ирака и Косово, Петер Рада пришел к выводу, что для изменения подобного режима нужны следующие условия: безопасность, демократические институты, устойчивость и национальное строительство, экономическое развитие [Rada 2007: 7-11]. Как показали примеры Восточного Тимора и Косово, значительную роль в этом вопросе могут сыграть международные наблюдатели и миротворцы. Их авторитет и своевременные действия способны не допустить манифестацию насилия или сократить издержки таковой [Rees 2005: 206-208]. Конечно, современной России еще далеко до состояния Руанды или Тимора, а варлорды если где и правят, так только на Северном Кавказе.

Еще в ельцинскую эпоху акад. В.С. Нерсесянц, анализируя роль права в современных условиях, отмечал, что для России «характерны такие типично феодальные явления, как девальвация роли закона, бездействие общих правовых принципов и норм, конкуренция источников права» [Нерсесянц 1995: 44]. Заметим, что аналогичного мнения придерживается Д. Норт, отмечая, что именно правовые условия функционирования собственности и правил доступа к ресурсам власти и справедливому судопроизводству создают возможность перехода от порядков ограниченного доступа к порядкам открытого доступа. Промежуточную стадию Д. Норт именуется «ублюдочный феодализм», отмечая ее «незаконнорожденный» характер с точки зрения как господствующей коалиции (элиты), так и масс [North, Wallis, Waingast 2009: 87-104].

По этой причине, для большей части России скорее подойдет *феодалная модель анализа*, сформулированная В.Э. Шляпентохом. Она предполагает, что «центральная власть должна сотрудничать с разными влиятельными силами, в том числе, региональными лидерами, а также с церковью и другими главными игроками на общественной сцене. *В обмен на легитимность*, — а это товар может обеспечить только центральная власть, — всевозможные социальные силы снабжают лидера войсками, финансами и поддержкой в избирательном процессе» [Шляпентох 2008: 48]. В этом определении ключевыми являются два аспекта. Во-первых, *договорный характер отношений* между центром (лидером) и местными элитами и другими игроками. Во-вторых, *предмет договора* — легитимность — единственное, что другие игроки не имеют. В феодальном обществе у государства нет и в помине монополии на насилие, нормотворчество или охрану правопорядка (все эти виды социальной активности доступны и другим игрокам, а государство, в лучшем случае, «первый среди равных»), и единственное, чем оно может привлечь партнеров — одобрительная санкция на любые действия от вышестоящей инстанции (центральной власти). Таким образом, государство *всегда* зависит от других игроков. Имманентная слабость центральной власти является главным элементом феодальной модели.

7. Структура насилия в современной России: общий обзор

Рассмотрим вторую характеристику подробнее. Действительно, уровень преступности в России превышает аналогичные показатели в развитых странах и приближается к уровню стран Юга, причем не самых успешных. За последние годы в России число лиц, погибших от

преступных посягательств (т.е. не только в результате убийств, но и грабежей, изнасилований, терактов и др.) составляло в среднем 34 на 100.000 жителей в год, с некоторой тенденцией к уменьшению этого числа [Росстат 2011: 302].

Табл.2. Число лиц, погибших от преступных посягательств в России*

Год/количество пострадавших	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Тыс. чел.	68,5	61,3	54,0	46,0	31,3	31,3
На 100 тыс. жителей	47,7	42,7	37,8	32,2	21,9	21,8

* Снижение числа погибших связано с общим снижением числа потерпевших

Заметим, что это уменьшение связано как с улучшением криминальной обстановки (в том числе, окончанием военных действий на Северном Кавказе), так и с изменением правил учета совершенных преступлений. Именно поэтому для понимания общей картины корректнее брать средний показатель за последние пару лет, который составляет 25 насильственных смерти в год на 100 000 человек. По общему количеству преступлений Россия сейчас имеет показатели середины 1990-х гг., например, в 2010 г. общее число зарегистрированных преступлений на 100 000 человек составило 1839, а в 1995 г. — 1857 (в ряде федеральных округов нынешний уровень соответствует концу 1990-х). С 2002 по 2006 годы в РФ наблюдался резкий и неуклонный рост фиксируемых преступлений, с 1739 до 2706 на 100 000 жителей или на 56%. Чем же вызвана подобная «криминализация» России? Мы полагаем, что она вызвана ростом показателей «фрагментарность элит» и «неэффективность спецслужб» в индексе FSI, рассчитываемом по методике Фонда Мира. Именно на середину 2000-х годов эти два показателя, столь важные для обеспечения правопорядка и законности, достигают максимума (см. выше).

Характерно, что единственный регион, где показатели середины 2000-х хотя и выше начала и конца данного десятилетия, но все же не дотягивают до показателей начала — середины 1990-х, это Северный Кавказ, и в частности, Дагестан. Здесь ситуация принципиально иная. В границах СКФО максимум был достигнут в 2000-2001 годах (1055-1080 преступлений на 100 000 жителей), и затем почти повторен в годы общероссийского максимума 2005-2007 (около 1030 преступлений). Если это еще можно объяснить активной фазой второй войны в Чечне, то в Дагестане картина еще интереснее: там максимум пришелся на начало 1990-х годов (около 650) и не был даже близко повторен в конце 2000-х годов (около 550 в год). К сожалению, отсутствие данных на начало 1990-х годов по Кабардино-Балкарии, Ингушетии и Чечне не позволяет провести анализ по всем регионам округа, но мы можем смело предполагать, что они повторяют медианную тенденцию по Северному Кавказу. Разумеется, общее количество преступлений не позволяет судить об эффективности насилия в полной мере. Для этого необходимы данные по преступным посягательствам, повлекшим за собою смерть потерпевших. К сожалению, здесь Росстат предоставляет данные только в абсолютных цифрах, то есть общее число преступлений по субъектам федерации, безотносительно к числу жителей региона. Конечно, опираясь на данные Переписи-2010, можно рассчитать и показатель на 100 000 жителей, но эти цифры будут примерными.

Итак, в 2010 году в СКФО было совершено 872 убийства и покушения на убийство (для сравнения — в соизмеримой с ним по численности населения Московской области и ДФО — 746 и 1117 соответственно). По России в целом этот показатель составил 15,5 тыс. на 142,9 млн. или 10,8 на 100.000 жителей. На Северном Кавказе же этот показатель составляет 872 на 9,4 млн. или 9,3 на 100.000 жителей, а в Дагестане — 296 на 2,914 млн. или 10,2 [Регионы России 2011: 301]. Оба показателя заметно ниже, чем в среднем по России, и это в регионе, традиционно и вполне заслуженно считающемся источником социальной нестабильности.

Аналогичная картина предстанет перед нами, если мы рассмотрим такой показатель, как «число преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении потерпевших» в соизмеримых по численности населения субъектах федерации с данными по России в целом и СКФО [Росстат 2011: 300].

Табл.3. Число преступлений, сопряженных с насильственными действиями в отношении потерпевших (2010 год).

Название региона	Всего, тыс. шт.	В среднем на 100 тыс. чел.
Россия	451,2	315,6
СКФО	10,9	115,9
Дагестан	1,725	59,2
Ставропольский край	5,917	212,5
Воронежская область	3,476	153,8
Волгоградская область	7,497	287,2
Самарская область	13,256	504,1
Красноярский край	12,297	434,5
Пермский край	11,853	369,2

Как видно из данных таблицы, наличие вялотекущего вооруженного конфликта и активного террористического подполья *если и сказывается* на преступности, то почему-то *благостным образом*, приводя к снижению этого показателя. К слову, именно те северокавказские республики, из которых СМИ передают репортажи о терактах (Карачаево-Черкесия, Ингушетия, Дагестан и Чечня) находятся в «хвосте» списка регионов по числу зарегистрированных преступлений на 100.000 жителей, занимая места с 80 по 83 соответственно [Регионы России 2011: 329]. Нам представляется, что такое положение является естественным и закономерным — применение физического насилия для институализации своей власти типично для варлордов, которые и правят российской частью Кавказа. Чрезмерное насилие, проявляемое в убийствах и терактах, «компенсируется» низким уровнем остальных типов насилия в регионе. Действительно, там, где правят варлорды, нет уличной преступности (или она сведена к минимуму), а другие нетяжкие преступления составляют меньшую долю, чем в современных обществах. Это происходит не только потому, что в условиях варлордизма палитра социальных практик заметно беднее (скажем, не имеет смысла в Сомали продавать контрафактные лекарства, а в Афганистане — подделывать кредитные карты), но и потому, что *такое насилие бессмысленно*.

В современном обществе уличная преступность и сопутствующие ей социальные практики, есть удел социально незащищенных граждан, для которых существующие каналы мобильности, санкционированные социумом, закрыты. В таких условиях «девиантные личности» могут войти в систему социальных контрактов через «частные армии» варлордов, экономическая активность которых, по крайней мере, поначалу, связана с вышеозначенными социальными практиками «преступного мира». Только теперь это не патология, а социальная норма в условиях «failed state». Наоборот, это зависит от того, насколько эффективно насилие в данных условиях для решения данных задач. Известно, что прямое физическое насилие ограничивает размер сообщества, которым с его помощью можно управлять. Выходом из этого тупика является создание ренты — то есть искусственного ограничения на доступ к ресурсам, созданного господствующей коалицией для контроля над населением [Норт 2012: 19-21].

8. Будущее насилия в России: «частные армии»

Как уже указывалось, варлорды опираются на прямое физическое насилие, осуществляемое группами их вооруженных сторонников. Эти группы, если организованы должным образом и существуют на постоянной основе и сколь-нибудь длительное время, называются «частными армиями». Этот условный термин, получивший свое распространение среди журналистов и политических обозревателей, как нельзя лучше описывает складывающуюся ситуацию. Изначально он применялся в отношении профессиональных бойцов, находящихся на службе частных военных компаний (далее — ЧВК), например, компании «Black-water», которые предлагают специализированные услуги, связанные с участием в военных конфликтах или боевых операциях, а также со сбором информации, стратегическим планированием, логистикой и консультированием.

ЧВК создавались *частным* капиталом при поддержке государства для содействия армии США или связанным с ней компаниям в вопросах обеспечения безопасности. Начало этому процессу было положено еще в 1997 году. Армиями они не являются, но значительная численность штата и резерва у лидирующих ЧВК (до нескольких десятков тысяч человек) позволила родиться журналистскому штампу. Для нас важен другой аспект — по аналогии с ЧВК, которые осуществляли *санкционированное государством легитимное насилие*, в ряде регионов мира в условиях «failed state» стали создаваться вооруженные группы вне контроля правительства, осуществляющие *нелегитимное насилие вопреки государству*. Они тоже получили название частных армий, тем более что по численности они вполне могут тягаться с правительственными войсками в своих странах, как минимум. Примерами таких «частных армий» могут быть антиталибская коалиция в Афганистане, отряды «Тамильских Тигров» на Шри-Ланке, «Армия бога» в Мьянме.

Но Россия успела отличиться и в этом вопросе. В 2007 году крупным корпорациям было позволено создавать особые структуры для охраны своей продукции, если ее потребляют стратегически важные предприятия и отрасли экономики [222-ФЗ]. Наличие частных армий говорит о том, что процесс «феодализации» современной России зашел далеко. По мнению акад. А.Я. Гуревича, для Средневековья типичны гетерогенность политического строя, многоукладный характер экономики, особая роль городов, противостоящих окружающему сельскому ландшафту и наличие фактической частной собственности на судопроизводство, взимание налогов и войско [Гуревич 1999: 196-199]. Если присмотреться к современной России, то все эти черты легко обнаружить. Многоукладный характер экономики проявляется в смешении натурального хозяйства (в ряде аграрных районов), индустриального производства (Урал и Сибирь) и постиндустриальной экономики (Центральный район). Это касается не только территориального, но и отраслевого устройства экономики. Гетерогенность политического строя ярче всего проявляется в ходе выборов, когда результаты диаметрально отличаются в т. н. «зонах управляемого голосования» и остальных регионах, а также в наличии разного типа политических режимов в разных регионах страны (от жестко авторитарных до либеральных). Крупные города в последние годы также являются «чужеродным элементом» по критерию политической активности (в том числе, антиправительственной) и качеству жизни. Особенно это видно в столицах, чье население имеет уровень потребления неизмеримый с европейским, в то время как большая часть России может похвастать лишь латиноамериканским [Социальное положение 2011: 133-138].

Политическая гетерогенность и многоукладность экономики эпохи «нового Средневековья» в России делают невозможным модернизацию страны, в виду того, что отсутствует субъект модернизации. Неофеодализм означает «распыление» институтов, в том числе, институтов права и насилия, за которые будут ответственны множество акторов, а не только государство. Этому будет способствовать и уже наблюдаемая архаизация общественно-политической жизни. Применение практик позднего «застоя» (массовые демонстрации в под-

держку власти на фоне падения ее легитимности, финансовые вливания в армию и полицию в условиях коррумпированности и неэффективности силовиков и др.) свидетельствует о постепенном снижении управляемости политическим процессом. Вкупе с растущим дисбалансом в доходах населения и макроэкономической нестабильностью мы можем прогнозировать де-факто распад государства на «институционально-автономные модули». Каждый из них будет пытаться выполнять определенную функцию (например, публичного представительства интересов посредством политических партий) в *ущерб остальным функциям* (скажем, новосозданные партии могут способствовать дальнейшей делегитимации режима) и другим модулям.

Таким образом, Россия может оказаться в состоянии социального коллапса. Общество, пережившее столь мощный кризис, характеризуется следующими чертами:

- падение авторитета центральной администрации и власти вообще, снижение военной мощи и отдельные восстания в отдаленных провинциях;
- постепенная дезинтеграция и неэффективность управления, даже если правительство располагает необходимыми рычагами влияния;
- «зонтик законности» не защищает население от «дождя беззакония», а уполномоченные лица не справляются с поддержанием правопорядка [Tainter 1988: 32-33].

Причина подобных изменений, как представляется, заключена в том, что при отсутствии транспарентных для всех социальных слоев «правил игры», соблюдать которые вынужден каждый, выигрывает тот, кто первым нарушает правила. Подобное иррациональное поведение игроков, изученное в рамках т. н. *«теории драмы»*, показало, что нарушение устоявшихся правил (получившее название творческая рациональность) способствует сохранению эффективности действий в нестабильных ситуациях (например, при распаде государства) и выработке решений, оптимальных для всех [Howard, Bennet, Bryant, Bradley 1992: 101]. Вот почему при определенных обстоятельствах незаконные действия и «инвестиции» в насилие, в том числе, со стороны властей предрекших, окупаются сторицей.

[222-ФЗ]. Федеральный закон № 222-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О поставках продукции для федеральных государственных нужд» и статью 12 Федерального закона «Об оружии» от 24 июля 2007 г.». — *Собрание Законодательства РФ*. — № 32. — Ст. 4121.

Гуревич А.Я. 1999. Начало феодализма в Европе. — *Избранные труды в 2 т.* Т. 1. — М-СПб: ЦГНИИ ИНИОН РАН.

Давыдов А.А. 2006. *Системная социология*. — М.: КомКнига.

Жижек С. 2010. *О насилии*. — М.: Издательство «Европа».

Корнейчук Б.В. 2007. *Институциональная экономика: учеб. пос. для вузов*. — М.: Гардарики.

Нерсесянц В.С. 1995. Цивилизм как концепция постсоциализма: свобода, право, собственность. — *Общественные науки и современность*. — № 5.

Норт Д. 2012. В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности [Текст]: докл. к XIII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 3–5 апр. 2012 г. / Д. Норт, Дж. Уоллис, С. Уэбб, Б. Вайнгаст; пер. с англ. М. Дондуковского и Е. Леонтьевой; под науч. ред. А. Яковлева и Л. Полищука; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

[Регионы России]. 2011. *Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011*: Стат. сб. — М.: Росстат.

- [Росстат]. 2011. *Российский статистический ежегодник. 2011*: Стат. сб. — М.: Росстат.
- Седов Л.А. 1990. Институт социальный. — *Современная западная социология*. — М.: Изд-во политической литературы.
- Смелзер Н. 1994. *Социология*: пер. с англ. — М.: Феникс.
- [Социальное положение]. 2011. *Социальное положение и уровень жизни населения России. 2011*: Стат. сб. — М.: Росстат.
- Шляпентох В.Э. 2008. *Современная Россия как феодальное общество. Новый взгляд на постсоветскую эру*. — М.: Столица-принт.
- Albert B. 1989. Yanomami "Violence": Inclusive Fitness or Ethnographer's Representation? — *Current Anthropology*. — Vol. 30. — No. 5. — P. 637-640.
- Betzig L, Dentan R.K., Knauff B.M., Otterbein K.F. 1988. On Reconsidering Violence in Simple Human Societies. — *Current Anthropology*. — Vol. 29. — No.4. — P. 624-636.
- [Bureau of Democracy]. 2007. *Bureau of Democracy, Human Rights, and Labor Year Report*. — Washington, D.C.
- Butzer K.W. 2012. Collapse, environment, and society. — *PNAS*. — Vol. 109. — No. 10. — P. 3632–3639.
- Coady C.A.J. 2003. Was ist Terrorismus? — *Terror und der Krieg gegen ihn. Uffentliche Reflexionen*. Ed. G. Meggle. — Paderborn.
- Earle T. 1987. Chiefdoms in archaeological and ethno-historical perspective. — *Annual Reviews in Anthropology*. — Vol. 16. — P. 279-308.
- Earle T. 1989. The Evolution of Chiefdoms. — *Current Anthropology*. — Vol. 30. — No. 1.
- Found for Peace. — Доступно: <http://www.fundforpeace.org/global/?q=fsi-grid>
- Fox S., Hoelscher K. 2011. *Political Order, Development and Social Violence. A cross-country study*. — London: Crisis States Research Centre, London School of Economics & Political Science.
- Fuller G. 1995. The Demographic Backdrop to Ethnic Conflict: A Geographic Overview. — *The Challenge of Ethnic Conflict to National and International Order in 1990's*. — Washington: CIA Hg.
- Hart D., Atkins R., Markey P., Youniss J. 2004. Youth Bulges in Communities: The Effects of Age Structure on Adolescent Civic Knowledge and Civic Participation. — *Psychological Science*. — Vol. 15. — No. 9. — P. 591-597.
- Heinson G. 2006. *Soehne und Weltmacht: Terror im Aufstieg und Fall der Nationen*. — Zuerich, Orell Fuessli Verlag AG.
- [HOFA]. 2010. *Humanitarian Operations Factual Analysis (July 2006 — May 2009)*. — Ministry of Defense Democratic Socialist Republic of Sri Lanka.
- Howard N., Bennet P.R., Bryant J.W., Bradley M. 1992. Manifesto for a Theory of Drama and Irrational Choice. — *Journal of Operational Research Society*. — Vol. 44.
- Kelly R.L. 1995. *The foraging spectrum: Diversity in hunter-gatherer lifeways*. — Washington, DC: Smithsonian Institution Press.
- Knauff B.M., Daly M., Wilson M., Donald L. at all. 1987. Reconsidering Violence in Simple Human Societies: Homicide among the Gebusi of New Guinea. — *Current Anthropology*. — Vol. 28. — No. 4. — P. 461-476.
- Levi M. 1997. *Consent, dissent, and patriotism*. — New York: Cambridge University Press.
- Mahathir bin Mohamad. 1998. *The Way Forward*. — London: Wiedenfeld & Nicolson.
- Masterson Daniel M. 1991. *Militarism and Politics in Latin America: Peru from Sa'nchez Cerro to Sendero Luminoso*. — Westport, CT.
- Masterson Daniel M. 2010. The Devolution of Peru's Sendero Luminoso: From Hybrid Maoists to Narco-Traffickers? — *History Compass*. — No. 8/1.

North D.C. 1990. *Institutions, institutional change, and economic performance*. — New York: Cambridge University Press.

North D.C., Wallis J.J, Waingast B.R. 2009. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. — Cambridge: Cambridge University Press.

Otterbein K.F. 1986. *The ultimate coercive sanction: A cross-cultural study of capital punishment*. — New Haven, HRAF Press.

Ponciano del Pino. 1995. Peasants at War. — Orin Starn et al. (eds.), *The Peru Reader: History, Culture and Politics*. — Durham: Duke University Press.

Rada P. 2007. *Rebuilding of Failed States*. — Budapest.

Rees E. 2005. Public Security Management and Peace Operations. Kosovo and UNMIK: Never Land. — *After Intervention: Public Security Management in Post-Conflict Societies From Intervention to Sustainable Local Ownership*. Ed. Anja H. Ebnöther, Philipp H. Fluri. — Vienna-Geneva.

Shari B. 2010. *The Youth Bulge in Africa: Opportunities for Constructive Engagement in the Political Process*. — National Democratic Institute.

Stolzenberg J. 2006. Terrorism, War and Peace. — *Proceedings of International Congress for War and Peace: Florianópolis*. — Vol. 5. — No. 1.

Tainter J.A. 1988. *The Collapse of Complex Societies*. — Cambridge: Cambridge University Press.

The LTTE in brief. 2008. The Permanent Mission of Sri Lanka to the United Nations Office at Geneva.

Urdal H. 2004. The Devil in the Demographics: The Effect of Youth Bulges on Domestic Armed Conflict, 1950-2000. — *Social Development Papers. Conflict prevention and reconstruction*. Washington: World Bank. — No.14.

Urdal H. 2006. A Clash of Generations? Youth Bulges and Political Violence. — *International Studies Quarterly*. — No. 50. — P. 611-615.

Ware H. 2004. Pacific instability and youth bulges: the devil in the demography and the economy. — *12th Biennial Conference of the Australian Population Association*. — Canberra, 15-17 September.

Williams P. 2008. *Violent non-state actors and national and international security*. — Zurich: Swiss Federal Institute of Technology.

НАШИ АВТОРЫ

Артемьева Татьяна Владимировна – доктор философских наук, профессор, директор научного проекта Коллегиума высших исследований Университета Хельсинки, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург) (tatart@mail.ru)

Кузнецов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных исследований Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета (kuznetsov.2012@mail.ru)

Кукулин Илья Владимирович – кандидат филологических наук, доцент Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики (Москва) и Московского городского педагогического университета (ikukulin@hse.ru)

Майофис Мария Львовна – кандидат филологических наук, доцент, зам. директора Центра гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва) (mmaiofis@yandex.ru)

Макаренко Виктор Павлович – доктор политических и философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, академик Национальной академии наук Украины, директор Центра политической концептологии Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем Южного федерального университета (vpmakar1985@gmail.com)

Платт Кевин М.Ф. – Ph.D., зав. программой сравнительной литературы и литературной теории в Университете Пенсильвании (Филадельфия, США) (kmfplatt@sas.upenn.edu)

Поляков Евгений Михайлович – кандидат политических наук, преподаватель кафедры социологии и политологии Воронежского государственного университета (irshakhchan@mail.ru)

Смирнов Игорь Павлович – кандидат филологических наук (от защиты готовой докторской диссертации в 1981 году отказался по политическим мотивам), профессор в отставке Университета Констанца (Германия) (ipsmirnov@yahoo.com)

Уффельманн Дирк – доктор филологических наук, Ph.D., зав. кафедрой славянских культур и литератур и вице-президент по учебной работе Университета Пассау (Германия) (dirk.uffelmann@uni-passau.de)

Ходарковский Майкл (Михаил) – профессор истории Университета Лойолы (Чикаго, США) (mkhodar@luc.edu)

Эткинд Александр Маркович – кандидат психологических наук, Ph.D., профессор русской литературы и истории культуры Кембриджского университета, член Кингс-Колледжа (Великобритания) (ae264@cam.ac.uk)

Summaries and keywords

Makarenko V.P. Pork Production and Domination over Structures

Summary: The author justifies, on the basis of analysis of the basic concepts existing in the modern Russian elite studies, the necessity of cognitive resistance to intellectual and political fashion. The present theories of Russian political elite are opposed by space-magistical approach which allows using the concepts of 'pack' and 'animals' in the analysis of elite problems.

Keywords: cognitive resistance, intellectual and political fashion, elite, clique, space-magistical approach.

Etkind A.M, Uffelmann D., Kukulin I. Internal Colonization of Russia: between Practice and Imagination

Summary: The article proves the efficiency of the use of the term “internal colonization” and the concept of internal colonization in relation to the history of Russian culture and Russian society. The author analyzes history, methodological meaning and different traditions of using the concept of internal colonization in the works of historians, economists, and cultural theorists who study the various countries and regions.

Keywords: empire, internal colonization, colonial administration, colonial type of domination, history of Russian culture, Russian history.

Uffelmann D. Hidden Rocks of Internal (De)Colonization of Russia

Summary: This article analyzes the scientific debate about Russia's internal colonization. The author delineates the concepts of “internal colonization”, “foreign colonization”, “self-colonization”. Also, he analyzes the performative nature of the speech acts of colonization. The author believes that Russian culture was formed during the burst of internal colonial violence, which explains the conflict that underlies Russian culture: on the one hand – the desire of Russian political elite to base culture on the idea of Russia as an internally colonized country; on the other hand – the denial and contestation of “conquerors” rights in the works of Russian writers, essayists, philosophers, artists, and composers.

Keywords: empire, internal colonization, colonial administration, colonial type of domination, history of Russian culture, Russian history.

Khodorkovsky M. In what Things Russia Outstrips Europe, or Russia as a Colonial Empire

Summary: The paper shows that the development of colonial controls in the Russian state outstripped the formation of colonial institutions in Western powers. In contrast to the latter which were mostly guided by commercial interests, the Russian Empire for the most part pursued the geopolitical and strategic goals. The predominance of the state interests during the expansion of the Russian Empire led to the fact that Russia has faced, before other countries, the governance issues

in relation to affiliated nations. As a consequence, Russia has been forced to develop the new technologies of government of colonies, and significantly outstripped Europe in that.

Keywords: empire, internal colonization, colonial administration, colonial type of domination, history of Russian culture, Russian history.

Smirnov I.P. Stalking as a National Identity

Summary: According to the author, a key feature of the East Slavic social culture is prone to multiple authority. The paradigmatic moment in the development of multiple authority in Russia was the creation of oprichnina by Ivan IV. The tasks of oprichnina are identified by the author via psychological and criminological concept of "stalking" as a special type of irregular arbitrary psychoterror. As shown in the article, "stalking" has become a part of the Russian national character and identity.

Keywords: empire, internal colonization, colonial administration, colonial type of domination, history of Russian culture, Russian history.

Platt K.M.F. Occupation against Colonization: How does the History of Post-Soviet Latvia Help to “Provincilize” Europe?

Summary: This article investigates the problems of geopolitical consciousness in the post-Soviet Europe on the material of inter-ethnic relations and monument culture in the modern Latvia. The author considers it necessary to revise the universalist categories of European history, showing on the example of Latvia that the debate about the applicability of the term “occupation” or “colonization” in relation to Soviet period of Baltic history turns into a political argument about belonging of this region to “European civilization”.

Keywords: empire, internal colonization, colonial administration, colonial type of domination, history of Russian culture, Russian history.

Artemyeva T. “A Peculiar Part of the World”: the Formation of National Identity in Russia XVIII Century

Summary: This article examines how the formation of national identity in Russia XVIII century is connected with the cosmological and geographical coordinates as well as with conceptualization of spatial uniqueness of the country. As shown by the author, the official ideology has created the image of Russia not only as a political but also a geopolitical body. In this case, economic and cultural expansion strategies were interpreted both as colonial conquest and as internal conversion.

Keywords: empire, internal colonization, colonial administration, colonial type of domination, history of Russian culture, Russian history.

Maiofis M. Early Reception of the Indo-European Theory in Russia

Summary: The article deals with the analysis of the interaction between the Russian Orientalism and ethnography at the end of XVIII - first half of XIX century. Disputing the E. Said's thesis that “classic” Orientalism aims to establish the differences, not the identities, the author refers to the Indo-European theory which contrary to this thesis; author shows that the Russian ethnography has purposefully appropriated the instruments of European Orientalist studies. Besides, the Orientalism was legitimized as a source and tool basis for the study of the national past.

Keywords: empire, internal colonization, colonial administration, colonial type of domination, history of Russian culture, Russian history.

Kukulin I. “Internal Post-Colonization”: the Formation of Post-Colonial Consciousness in Russian Literature 1970-2000 Years

Summary: The article provides examples of neo-colonial and post-colonial motifs in Russian literature 1970-2000-ies. Post-colonial motifs in Russian literature emerged in the Soviet period, i. e. actually in the period of the colonial empire. The development of these post-colonial motifs was determined by two types of relationship to the colonized territories. These types which were formed in the post-war USSR are acculturation and development. Development involves the colonization of space which on default is identified as “empty”, nearly unpopulated one. Acculturation is cultural interaction between Russians as politically dominant ethnic group and ethnic minorities. These two areas of social practice gave rise to different types of post-colonial imagination in Russian literature. The development of each of these areas passed at least two phases: the Soviet and post-Soviet.

Keywords: empire, internal colonization, colonial administration, colonial type of domination, history of Russian culture, Russian history.

Little-studied Aspects of M.K. Petrov’s Works: Notes by Student and Reader (Article Two)

Summary: This article analyzes, in the context of the Soviet mentality, symbols and key concepts of the M.K. Petrov's story “Exam did not take place”. There are several key figures in that story: a court philosopher, a cynic, a communist-philosopher-agent, etc. The problems of criticism and self-criticism in the life of Soviet society, the determination and understanding of science, the relationship between faith and knowledge, philosophy and practice as well as other lesser known aspects of creativity MK Petrov are discussed in the article.

Keywords: Science of Science, Petrov Studies, social criticism, philosophy, practice.

Denisov S.A. Service Intellectuals in the Russian Administrative Society

Summary: Russian society remains the administrative (etatized) one. The state, as a bureaucracy corporation, forms a layer of service intellectuals, whose mission is to broadcast the ideology that justifies the domination of the administrative class. It is an ideology of etatism, fuehrer cult, imperialism etc. Some of service intellectuals (the reformists) are opposed to the modern state, dreaming of building a different model of the same type of administrative state. Service intellectuals also indicate the presence of civil society in Russia, but such society supports the ruling group.

Keywords: administrative state and society, civil and service intellectuals, functions of service intellectuals, ideology.

Kuznetsov A.M. Man in International Relations: Keeping up with the Times or the Necessary Transformation of Paradigm?

Summary: This article discusses the general issues related to the recognition of man’s role in international relations. Due to specificity of this new actor, it is offered to develop a new discipline - anthropology of international relations. Some aspects of the institutionalization of this discipline are also examined by the author.

Keywords: man, individual, community, anthropology, anthropomorphizes, international relations.

Polyakov E.M. Violence and Political Terrorism in the Modern World

Summary: This article discusses the concept of illegitimate violence which carried out by both the state and non-state political actors. It is shown that violence structures the power relations in society, especially in the case of state collapse. Also an explanation of the reasons is given, why state loses its monopoly on violence in the world today.

Keywords: social institution, violence, terrorism, private armies, failed states, private armies, failed states.

CONTENTS

EDITOR'S WORD

Makarenko V.P.

Pork Production and Domination over Structures..... 6

INTERNAL COLONIZATION OF RUSSIA

Etkind A.M., Uffelmann D., Kukulin I.V.

Internal Colonization of Russia: between Practice and Imagination..... 31

Uffelmann D.

Hidden Rocks of Internal (De)Colonization of Russia..... 57

Khodorkovsky M.

In what Things Russia Outstrips Europe, or Russia as a Colonial Empire..... 85

Smirnov I.P.

Stalking as a National Identity..... 92

Platt K.M.F.

Occupation against Colonization: How does the History of Post-Soviet Latvia Help to
"Provincilize" Europe?..... 100

Artemyeva T.V.

"A Peculiar Part of the World": the Formation of National Identity in Russia
XVIII Century..... 114

Maiofis M.L.

Early Reception of the Indo-European Theory in Russia..... 132

Kukulin I.V.

"Internal Post-Colonization": the Formation of Post-Colonial Consciousness in Russian
Literature 1970-2000 Years..... 149

TOWARDS THE 90th ANNIVERSARY OF M.K. PETROV

Makarenko V.P.

Little-studied Aspects of M.K. Petrov's Works: Notes by Student and Reader
(Article Two)..... 186

SMILES AND GRIMACES OF MODERN TIMES

Denisov S.A.

Service Intellectuals in the Russian Administrative Society..... 206

Kuznetsov A.M.

Man in International Relations: Keeping up with the Times or the Necessary
Transformation of Paradigm?..... 218

Polyakov E.M.

Violence and Political Terrorism in the Modern World..... 230

Our authors	247
Summaries and keywords	248
Contents	252
Notes for contributors	254

К сведению авторов

Предварительно автор должен подготовить рукопись статьи в соответствии с требованиями к оформлению статей. Далее рукопись необходимо отправить на электронную почту редакции politconcept@mail.ru, konstantinov@sfedu.ru (просьба дублировать на оба адреса) с пометкой «Статья для электронного журнала „Политическая концептология“». Статьи, оформленные не надлежащим образом, не принимаются к рассмотрению. После поступления в редакцию рукопись проходит обязательное рецензирование, по результатам которого принимается решение о публикации статьи или отказе. Редакция не знакомит авторов с текстом внутренних рецензий, а только уведомляет по электронной почте о решении относительно публикации и ее условий (срока и формы публикации, необходимости доработки). В случае, если статья нуждается в авторской доработке, автору высылается отзыв рецензента. Редакция оставляет за собой право правки текстов, не наносящей вред искомым идеям автора статьи. Рукописи не возвращаются. Все статьи публикуются бесплатно вне зависимости от статуса автора.

Требования к оформлению статей

1. Статья должна быть объемом не более 1,5 п.л. – 60 тыс. знаков, набрана в формате *.doc* (*Microsoft Word* или *OpenOffice.org*).

2. В начале статьи приводится аннотация (не более 1000 символов) на русском и английском языках, а также сведения об авторе: Ф.И.О. полностью, ученые степени и звания, должность, место работы, телефоны (рабочий и домашний с кодом города), электронный адрес (обязательно).

3. Параметры текста: шрифт *Times New Roman*, 12 кегль, интервал 1, поля: сверху и снизу – 2 см, справа и слева – 2 см. Выравнивание текста: по ширине. Абзацный отступ (красная строка): 1 см. Нумерация страниц: не ведётся. Рисунки – чёрно-белые и внедрены в текст.

4. Допускается использование шрифтов *Arial* и *Courier New* для обособленных фрагментов текста. Допускается использование шрифта меньшего размера для участков текста, имеющих вспомогательное (второстепенное) значение. Размер шрифта табличного текста обычно на 2 пункта меньше размера шрифта основного текста. Рисунки можно присылать цветные, но следует иметь в виду, что журнал публикуется чёрно-белым.

5. Сноски постраничные (не концевые!) автоматические. Нумерация начинается с цифры «1». (Просим не делать нумерации вручную с круглыми или квадратными скобками!).

6. Библиографический список оформляется следующим образом:
Фамилия И.О. Год. *Название работы*. – Город: Издательство. – Количество страниц.
Фамилия И.О. Год. *Название статьи*. – *Название журнала*. – Номер. – С. ... .
Фамилия И.О. Год. *Название источника*. – Доступно: <http://URListochnika.ru/> . – Проверено:
Дата.